КОЛОНИАЛИЗМ

И НАЦИОНАЛЬНО-ОСВОБОДИТЕЛЬНОЕ ДВИЖЕНИЕ В СТРАНАХ ЮГО-ВОСТОЧНОЙ АЗИИ

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»

КОЛОНИАЛИЗМ И НАЦИОНАЛЬНО-ОСВОБОДИТЕЛЬНОЕ ДВИЖЕНИЕ В СТРАНАХ ЮГО-ВОСТОЧНОЙ АЗИИ

СБОРНИК СТАТЕЙ ПАМЯТИ АКАДЕМИКА А. А. ГУБЕРА

ГЛАВНАЯ РЕДАКЦИЯ
ВОСТОЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
МОСКВА 1972

9
К 61

Ответственный редактор
АКАДЕМИК Б. Г. ГАФУРОВ

Сборник посвящен памяти академика А. А. Губера. Он содержит статьи учеников А. А. Губера, посвященные национально-освободительной борьбе индонезийского, бирманского и филиппинского народов, идеологии антиколониальных движений, а также политике европейских держав в странах Юго-Восточной Азии.

1-11-4
7-72

ПРЕДИСЛОВИЕ

Настоящий сборник был подготовлен к 70-летию одного из самых талантливых представителей старшего поколения востоковедов, основателя советской школы изучения стран Юго-Восточной Азии, академика Александра Андреевича Губера. Он не дожил до своего юбилея — внезапная смерть прервала его напряженную творческую, общественную и педагогическую деятельность. Память об этом выдающемся ученом и замечательном человеке навсегда сохранится в сердцах всех, кто его знал. Хотелось бы, чтобы этот сборник статей, написанных учениками Александра Андреевича, явился хотя бы скромным вкладом в увековечение памяти о нем.

Авторы сборника представляют три поколения учеников А. А. Губера: старшее (А. Б. Беленький, Е. И. Гневушева, Г. И. Левинсон, А. Н. Узянов), среднее (Э. О. Берзин, В. В. Гордеев, Л. М. Демин, А. И. Ионова, М. Г. Козлова, Ю. О. Левтонова, Ю. В. Маретин, В. А. Тюрин, М. А. Чешков) и младшее (А. Р. Вяткин).

В вводной статье к сборнику дана общая характеристика работ А. А. Губера в области изучения Юго-Восточной Азии и анализ тех новых положений, которые А. А. Губер разработал при исследовании различных проблем стран региона.

Материалы сборника охватывают все страны Юго-Восточной Азии, специально исследовавшиеся А. А. Губером. В них подвергнуты анализу проблемы и процессы, начало изучению которых было положено Александром Андреевичем: национально-освободительное дви-

жение, национальный вопрос, общественная мысль, социально-экономические проблемы, международные отношения и колониальная политика европейских держав.

Сборник подготовлен группой ученых-востоковедов Москвы и Ленинграда, организованных в авторский коллектив сектором истории стран Юго-Восточной Азии Института востоковедения АН СССР. Библиография основных трудов акад. А. А. Губера составлена О. С. Ларионовой.

В составлении и редактировании сборника принимали участие А. Б. Беленький, В. А. Жаров, А. И. Ионова, М. Г. Козлова, А. Н. Узянов. Составители выражают признательность всем тем, кто своими ценными замечаниями и советами помог подготовить сборник к печати, особенно В. Ф. Васильеву, Н. Н. Мелик-Гайказовой, Н. В. Ребриковой, Р. Э. Севортяну, Л. А. Седову.

А. Б. Беленький,
Г. И. Левинсон
В. А. Тюрин

А. А. Губер — создатель советской школы изучения Юго-Восточной Азии

Александр Андреевич Губер был историком и социологом с поистине энциклопедическими знаниями и необыкновенно широким научным диапазоном. Он внес неоценимый вклад в изучение важнейших проблем истории, экономики и политики стран Востока, общетеоретических и методологических проблем исторической науки вообще. Но в первую очередь научная деятельность Александра Андреевича была связана с Юго-Восточной Азией.

Именно А. А. Губер положил начало исследованиям стран Юго-Восточной Азии в СССР, создал советскую школу изучения этих стран. Заслуга его тем больше, что в отличие от некоторых других отраслей советского востоковедения изучение стран данного региона было у нас явлением совершенно новым и не могло опираться на традиции и опыт дореволюционного русского востоковедения. Те направления в изучении Юго-Восточной Азии, которые были определены в трудах А. А. Губера как основные, продолжают разрабатываться его учениками и последователями, в совокупности составляющими губеровскую школу в советском востоковедении.

Александр Андреевич Губер родился 19 марта (1 апреля) 1902 г. в Каменке, Киевской губернии, в семье агронома. В 1925 г. он окончил Московский институт востоковедения. Свою научную деятельность А. А. Губер начал в Коммунистическом университете трудящихся Востока, где работал в течение более десяти лет (1927—1937). Именно в этот период Александр Андреевич сформировался как ученый-востоковед и ведущий специалист в нашей стране по Юго-Восточной Азии.

С 1937 г. А. А. Губер — профессор Московского государственного университета. В течение почти 35 лет он преподавал историю стран Востока и заведовал кафедрами на историческом факультете МГУ, а затем в Институте восточных языков при МГУ. В то же время Губер был профессором Академии общественных наук при ЦК КПСС с момента ее основания (1946 г.), преподавал в других институтах Москвы.

С 1938 г. А. А. Губер одновременно с плодотворной преподавательской деятельностью в различных высших учебных заведениях работал в системе Академии наук СССР. Он был одним из руководителей Тихоокеанского института, директором Института востоковедения АН СССР, заведовал отделом в Институте всеобщей истории АН СССР. С 1943 г. А. А. Губер — доктор исторических наук, в 1953 г. он избирается членом-корреспондентом АН СССР, а в 1966 г.— ее действительным членом. С 1957 г. Александр Андреевич Губер являлся заместителем академика-секретаря Отделения истории АН СССР.

А. А. Губер с честью представлял советскую науку на многочисленных международных конгрессах историков и востоковедов. С 1957 г. он возглавлял Национальный комитет историков СССР. Имя Александра Андреевича широко известно и пользуется заслуженным авторитетом далеко за пределами нашей родины. Труды Губера неоднократно издавались за рубежом, естественным признанием его выдающихся научных заслуг явилось избрание его председателем XIII Международного конгресса исторических наук (август 1970 г.) и президентом Международного комитета исторических наук.

Огромны заслуги А. А. Губера в воспитании научных кадров. Он был талантливым педагогом, заботливым наставником и старшим другом для своих многочисленных учеников. Александр Андреевич воспитал целую

плеяду специалистов по странам Востока и Латинской Америки, многие из которых уже стали видными учеными.

Обширной и многогранной была общественная деятельность А. А. Губера. Он был членом Советского комитета защиты мира и Советского комитета солидарности стран Азии и Африки, председателем Советского национального комитета Тихоокеанской научной ассоциации, председателем общества «Индонезия — СССР». Индонезийская общественность знала и чтила Александра Андреевича не только как крупнейшего ученого, но и как большого друга Индонезии, которую он неоднократно посещал.

За выдающиеся заслуги в развитии советской науки А. А. Губер был награжден двумя орденами Трудового Красного Знамени.

Александр Андреевич был не только талантливым ученым, но и обаятельным, благородным и отзывчивым человеком, пользовавшимся неизменной любовью и уважением своих учеников, друзей и коллег. К нему постоянно обращались за советом многочисленные советские ученые, историки молодых социалистических и азиатских стран. Все они черпали из кладезя его мудрости, знаний и опыта.

В трудах А. А. Губера впервые нашли освещение с позиций марксизма-ленинизма важнейшие социально-экономические и исторические процессы новой и новейшей истории Индонезии, Филиппин, Индокитая. Губер по праву считается основоположником изучения Индонезии в Советском Союзе, и все последующие советские исследователи этой страны неизменно опирались на его работы. Начав изучение Индонезии еще в конце 20-х годов и продолжая его вплоть до наших дней, Губер сумел охватить и впервые подвергнуть марксистскому анализу важнейшие проблемы ее истории, экономики, социально-экономического развития.

Диапазон индонезийских исследований Губера чрезвычайно широк: здесь и охватывающие большой круг вопросов социально-экономические очерки и исследования, и статьи по отдельным социально-экономическим проблемам страны (роль иностранного капитала, аграрный вопрос и положение крестьянства, развитие промышленности и формирование рабочего класса, зарождение и развитие национальной буржуазии и др.), и

труды по истории Индонезии от начала голландского завоевания до периода ее независимого развития, статьи об особенностях и основных этапах национально-освободительного движения индонезийского народа, о рабочем и коммунистическом движении в Индонезии.

Перу А. А. Губера принадлежат и первая советская капитальная монография по Индонезии, и первые главы по истории Индонезии в учебниках для вузов, и первые рецензии на научные труды по Индонезии зарубежных авторов.

Работы А. А. Губера основаны на чрезвычайно широком круге индонезийских, голландских и других источников, на изучении всей мировой литературы вопроса и неизменно отличаются теоретической глубиной и научной актуальностью. Именно поэтому даже первые работы Губера сохранили свою ценность для современных исследователей Индонезии.

В кратком очерке невозможно охарактеризовать все труды А. А. Губера по Индонезии — свыше сорока книг, брошюр и статей. Поэтому мы попытаемся выделить из их числа несколько работ, которые, на наш взгляд, оказали наибольшее влияние на развитие советского индонезиеведения, и проанализировать важнейшие их положения.

В 1932 г. в серии «Труды научно-исследовательской ассоциации по изучению национальных и колониальных проблем» была опубликована монография А. А. Губера «Индонезия. Социально-экономические очерки», которая вплоть до наших дней не имеет себе равных по широте охвата основных социальных, экономических и исторических проблем и глубине их анализа. В этой книге анализируются социальный строй Индонезии до голландского завоевания, колониальная политика Нидерландов и ее социально-экономические последствия, аграрные отношения и положение крестьянства, развитие капитализма и процесс зарождения национальной буржуазии, формирование и положение рабочего класса, характеризуются основные этапы национально-освободительного и рабочего движения. Последний раздел монографии посвящен мировому экономическому кризису и его влиянию на экономическую и политическую обстановку в Индонезии.

По существу, эта монография явилась краткой научной энциклопедией по Индонезии, причем в период, ког-

да советское индонезиеведение только-только зарождалось. Отсюда ясно, какое огромное значение имела книга А. А. Губера для изучения Индонезии в СССР. В то же время эта книга была первым марксистским исследованием основных проблем Индонезии в мировой литературе. Отнюдь не случаен тот факт, что через несколько лет эта монография, дополненная (при участии известного деятеля голландского и международного коммунистического движения С. Ю. Рутгерса), была издана в Нидерландах.

Характеризуя социальные отношения в Индонезии накануне появления европейцев, Губер приходит к выводу о преобладании (в особенности на Яве) феодальных отношений, причем «основной массой яванского населения являлось крестьянство, организованное в общины и стоявшее на уровне замкнутого натурального хозяйства. Вместе с тем торговый капитал, сосредоточенный в руках китайских и арабских купцов и тесно связанный с феодальными властителями Явы, был достаточно силен и связывал Яву и ряд торговых центров Внешних владений с внешними рынками» (стр. 19). Рассматривая далее основные этапы превращения Индонезии в колонию голландского империализма, Губер детально анализирует социально-экономические последствия голландской колониальной политики и империалистической эксплуатации страны. Уже в этой ранней работе, по существу, содержался вывод о почти непосредственном переходе в конце XIX в. от государственно-крепостнической системы принудительных культур к империалистическим методам эксплуатации Индонезии. В последующих работах Александра Андреевича Губера характеристика этой особенности голландской колониальной эксплуатации Индонезии и ее негативных последствий для формирования национальной буржуазии получила дальнейшее развитие.

Особое место в первой монографии Губера заняло исследование аграрной политики колонизаторов и земельных отношений в Индонезии. Базируясь на огромном статистическом материале, Губер впервые дал марксистский анализ аграрных отношений и социальной структуры деревни, показал конкретные формы развития капитализма в сельском хозяйстве (при сохранении многочисленных докапиталистических пережитков), разложение общины, дифференциацию крестьянства, зарож-

дение сельской буржуазии и пути ее дальнейшего развития.

Хотя первоначально предполагалось, что вопросам революционного движения в Индонезии будет посвящена вторая часть данной работы, которая будет опубликована позднее (см. предисловие автора к рассматриваемой книге), все же А. А. Губер дал и в своей первой книге характеристику движущих сил и основных этапов национально-освободительного движения. В книге показано, как с переходом к империалистическим методам эксплуатации Индонезии возникли социально-экономические предпосылки для зарождения общеиндонезийского буржуазно-демократического национально-освободительного движения, дан анализ классовой базы и политических программ основных организаций (Буди Утомо, Сарекат Ислам и др.). Чрезвычайно важной в методологическом отношении является, в частности, характеристика Сарекат Ислама в период его подъема как антиимпериалистического «блока между самыми различными классами и прослойками индонезийского общества», возникшего «в условиях еще недостаточного размежевания классовых сил» (стр. 293—294). В книге показана выдающаяся роль Коммунистической партии Индонезии в освободительной борьбе индонезийского народа и в то же время дан глубокий анализ ее левацких ошибок, выражавшихся в перескакивании через этап антиимпериалистической революции, недооценке роли крестьянства, «непримиримом отношении к националистическим организациям, еще могущим сыграть революционную роль в борьбе с империализмом» (стр. 313 и след.), показаны истоки этих ошибок, в частности влияние мелкобуржуазных элементов и некоторых установок голландских трибунистов.

После выхода в свет первой своей монографии по Индонезии А. А. Губер опубликовал, в 30-х годах, ряд брошюр и статей, в которых продолжил и углубил исследование рассмотренных в ней проблем, проанализировал дальнейшее развитие основных социально-экономических процессов в Индонезии и национально-освободительного движения ее народа.

В начале войны на Тихом океане была опубликована брошюра А. А. Губера «Индонезия и Индокитай» (М., 1942), содержащая краткую характеристику географического и стратегического положения Индонезии, ее при-

родных ресурсов, голландской колониальной политики и японской экспансии в стране.

Ряд брошюр и статей А. А. Губера, опубликованных после войны, посвящен характеристике основных этапов и проблем вооруженной борьбы индонезийского народа за независимость в 1945—1949 гг., внешней и внутренней политике независимой Республики Индонезии, соотношению классовых сил, классовой и политической борьбе в стране.

Большое принципиальное значение для развития советского индонезиеведения имела опубликованная в 1958 г. обобщающая статья А. А. Губера «К вопросу об особенностях формирования классов и партий в колониальной Индонезии». В этой работе, явившейся итогом тридцатилетних исследований автора, показано, как особенности формирования различных классов и партий определили их отношение к национально-освободительному движению. В статье глубоко проанализированы причины слабости индонезийской национальной буржуазии даже по сравнению с буржуазией других колониальных стран — непосредственная смена монопольно-крепостнической государственной эксплуатации господством империалистических монополий, засилье китайского и отчасти арабского капитала. В этих условиях главными выразителями буржуазно-национального движения в Индонезии, указывает Губер, явились представители средней и особенно мелкой буржуазии, что не могло не наложить своего отпечатка на характер буржуазного национализма в Индонезии. В частности, буржуазия Индонезии меньше боялась рабочего движения, чем буржуазия многих других колоний, ибо стачечная борьба охватывала почти исключительно рабочих иностранных предприятий и была даже ей выгодна. Отсутствие сколько-нибудь заметного слоя индонезийской компрадорской буржуазии ограничивало возможности использования буржуазии в качестве социальной опоры колонизаторов. Как отмечает Губер, в этих особенностях индонезийской буржуазии были заложены объективные возможности ее широкого участия в едином национальном фронте.

Исследуя своеобразие положения феодалов в Индонезии, Губер показал, что этот класс, будучи в целом опорой колонизаторов, в то же время выдвинул немало представителей революционной интеллигенции, принявших самое активное участие в национально-освободи-

тельном движении. Вскоре на смену этому первому поколению интеллигенции пришла мелкобуржуазная интеллигенция, которая политически выражала процессы складывания нации и возглавила большинство национальных организаций, выработала их программы и идеологию. Анализируя идеологию этих организаций, А. А. Губер впервые в марксистской литературе дал четкую характеристику программ возглавлявшихся Сукарно Национальной партии Индонезии и особенно Партиндо как наиболее яркого выражения народнически воспринимаего и неразрывно связанного с национально-освободительной борьбой социализма.

Характеризуя в этой статье деятельность и идеологию Сарекат Ислама, Губер впервые в советской востоковедной литературе поставил вопрос о роли религиозной общности в условиях еще не сложившейся нации как важного объединяющего фактора для неграмотных мусульманских масс в борьбе против колонизаторов-христиан.

В целом выводы, содержащиеся в этой статье А. А. Губера, чрезвычайно важны для понимания характера национально-освободительного движения в Индонезии от его зарождения до завоевания независимости, роли в нем различных классов и слоев индонезийского общества. Однако этим значение данной статьи не исчерпывается: содержащийся в ней анализ основных процессов в национальном движении колониальной Индонезии, идеологии и политики различных классов, слоев, партий и организаций служит ключом к правильному пониманию дальнейшей борьбы народа за национальное и социальное освобождение, к марксистской оценке важнейших событий истории независимой Республики Индонезии.

Многие положения, впервые выдвинутые в этой статье, Губер развил и углубил в своих последующих трудах, в частности в вводной главе к коллективной монографии «Национально-освободительное движение в Индонезии (1942—1945)». Эта глава, носящая название «Основные особенности национально-освободительного движения в Индонезии до второй мировой войны», содержит ряд совершенно новых выводов и обобщений. Особенный интерес, на наш взгляд, представляют собой положения, касающиеся роли мелкобуржуазной революционной демократии и мелкобуржуазной интеллигенции

в Индонезии. Автор указывает: «Борьба за руководство национально-освободительным движением в Индонезии не исчерпывалась основной проблемой: гегемония пролетариата или гегемония буржуазии. Для судеб Индонезии и ее народов далеко не безразлично было, в чьих руках окажется руководство национально-освободительным движением до завоевания гегемонии пролетариатом, удастся ли повести за собой массы реакционным националистическим силам или мелкобуржуазной революционной демократии. Значительно больший по сравнению с другими старыми колониями удельный вес в политической жизни и в освободительном движении... определил роль революционной демократии и ее идеологии в национально-освободительном движении уже в период между двумя мировыми войнами» (стр. 23—24). В соответствии с этим интеллигенция, роль которой в освободительной борьбе индонезийского народа всегда была очень значительной, «в своей основной массе оставалась мелкобуржуазной» (стр. 31).

Губер делит индонезийскую интеллигенцию 20—30-х годов на четыре основные части: часть, «перешедшую на позиции пролетариата», которая понесла очень серьезные потери в результате репрессий 1926—1927 гг.; «часть, выражавшую интересы буржуазно-национального капиталистического развития»; «представителей полуфеодальных, компрадорско-ростовщических и феодально-клерикальных слоев»; наконец, часть, «способную воспринять социалистические идеи в мелкобуржуазно-народническом или религиозно-реформаторском духе», причем именно эта последняя часть в конкретных условиях Индонезии была наиболее многочисленной (стр. 31—32). После разгрома КПИ влияние партий, выдвигавших идеи мелкобуржуазного социализма, на массы было очень значительным, тем более что «именно эти партии и наиболее решительно ставили задачу борьбы за независимость». К числу этих партий относятся прежде всего НПИ и Партиндо, возглавлявшиеся Сукарно и руководствовавшиеся его программой «мелкобуржуазного народнического социализма», которая в дальнейшем, сформулированная как «Панча сила», «стала официальной идеологией Индонезийской Республики» (стр. 32).

Эти выводы, как и ряд других положений данной статьи, не только помогают понять специфические осо-

бенности индонезийского общества и национального движения, не только раскрывают характер идеологии мархаэнизма и политической программы Сукарно как до, так и после завоевания независимости, но и опровергают примитивный, схематический подход к борьбе за гегемонию в национально-освободительном движении во многих странах Востока. Значение их поэтому далеко выходит за рамки Индонезии.

Большой вклад внес А. А. Губер в творческое изучение ленинского наследия в области востоковедения вообще и индонезиеведения в частности. Особое значение в этом отношении имеет его статья «В. И. Ленин и некоторые вопросы исторического развития Индонезии» в изданном к 90-летию со дня рождения В. И. Ленина сборнике «Ленин и Восток». В этой статье анализируются важнейшие проблемы новой и новейшей истории страны в свете общих теоретических положений Ленина и его прямых высказываний, относящихся к Голландии и Индонезии. Особое внимание уделяется при этом вопросам национально-освободительного и коммунистического движений.

Александр Андреевич Губер может быть с полным основанием назван основателем советской школы филиппиноведения. В дореволюционной России не появилось ни одного научного труда по Филиппинам (если не считать краткого антропологического очерка Н. Н. Миклухо-Маклая), в 20-е годы было опубликовано всего несколько статей об экономическом и политическом положении страны. Лишь работы Губера положили начало в СССР подлинно научному, глубокому изучению филиппинской истории и современности.

С 1932 г., когда появилась его первая заметка, относящаяся к Филиппинам, Губер посвятил этой стране 16 работ. Он обратился прежде всего к периоду новой истории, к эпохе национально-освободительных войн против Испании и США на рубеже XIX и XX столетий, в убеждении, что без правильного понимания событий этого бурного времени нельзя разобраться в специфике последующего развития Филиппин.

Первым подходом к этой теме была биография Хосе Рисаля[1]. Следует напомнить, что в годы, когда появилась эта книга, исследования по идеологии, по истории

---

[1] Написанная в соавторстве с О. К. Рыковской.

общественной мысли были вообще редкими среди работ советских востоковедов. Впечатляющий рассказ о яркой и трагической жизни этого замечательного просветителя, убедительный анализ социальных корней и объективного исторического значения идей Рисаля составляют сами по себе большую заслугу. Но смысл работы намного шире: сквозь призму судьбы Рисаля А. А. Губер сумел, сохраняя научно-популярный характер книги, наметить, пока еще в общем виде, сложные глубинные процессы, приведшие филиппинское общество к первой в истории Азии буржуазно-демократической, антиимпериалистической революции.

Проблемы происхождения, классового содержания и исторического места филиппинских национально-освободительных войн, поставленные Губером в биографии Рисаля и в двух статьях под названием «К вопросу об истории филиппинской революции 1896—1898 годов», были с блеском решены им спустя несколько лет в капитальной монографии «Филиппинская республика 1898 г. и американский империализм»[2]. Книга эта принадлежит, несомненно, к выдающимся достижениям отечественного востоковедения. В мировой историографии Филиппин, богатой исследованиями по тому же периоду, работа Губера занимает совершенно особое место. Не приходится говорить, что монография Губера прямо противостоит многочисленным попыткам апологетов колониализма исказить историю освободительной борьбы филиппинцев. Но и в работах американских историков либерально-демократического направления, и в работах филиппинских историков современной националистической школы даже не поставлена та задача, которую Губер сделал центральной для своего исследования,— выяснение объективного социального содержания событий 1896—1901 гг. Эта проблема решена в книге на основе обстоятельного анализа всех внутренних и международных сил, пришедших в столкновение на Филиппинах в последние годы XIX в. Губер начал с того, что сделал плодотвор-

[2] Первое издание вышло в 1948 г. В 1961 г. книга вышла вторым, исправленным и дополненным изданием. По проблематике к этой работе примыкают кроме отмеченных выше статья «Филиппинская республика 1898 г. и ее борьба за международное признание», доклад на XXIII Международном конгрессе востоковедов в 1954 г., а также разделы по Филиппинам в двух учебниках новой истории стран Востока 1940 и 1952 г.

ную попытку восстановить картину социального строя Филиппин до испанского завоевания, а затем выявил главные тенденции изменений в общественных отношениях за триста лет. Это позволило ему показать основу крестьянского движения, истоки его особых идеологических форм, происхождение двойственной политической позиции местных помещиков — касиков, роль национальной буржуазии и мелкобуржуазной интеллигенции в антиколониальной борьбе. Эффективным приемом, отражающим одну из специфических черт научного мышления Губера, явилось сопоставление развития филиппинского общества с положением в других странах Востока и в американских колониях Испании. При рассмотрении влияния международных противоречий на филиппинскую политику Испании Губеру удалось привлечь никем дотоле не использованные источники — дипломатическую переписку из Архива внешней политики России.

Известно, что филиппинская революция обладала рядом не вполне обычных черт: она произошла в колонии экономически более отсталой, чем все крупные страны Азии, но привела к провозглашению первой на Востоке республики с самой демократической для своего времени конституцией, с передовым аграрным законодательством. Исследование А. А. Губера позволило понять, как специфика сложившегося колониального режима создала на Филиппинах особую остроту революционной ситуации, предопределила высокую активность народных масс и яркий радикализм возглавившей их интеллигенции, создала интенсивное давление на умеренный либерально-помещичий лагерь.

Значительный интерес представляет выдвинутое Губером в этой книге и в основном подтвердившееся последующим ходом истории предположение о двух путях формирования нации на Филиппинах — как в направлении складывания единой нации, так и в направлении национальной консолидации ряда народностей. При этом Губер стремился показать, что освободительная борьба 1896—1901 гг. носила общефилиппинский характер.

Губер ясно указал в своей монографии на специфические особенности колониальной политики США, отмеченной сочетанием жестокого военного насилия с тактикой уступок местной имущей верхушке, более широких, чем практиковали в своих колониях другие империалистические державы. Губер показал, что это было связано

прежде всего с размахом общенародной освободительной борьбы на Филиппинах и не оставляет места для версии о «добровольном» характере уступок, завершившихся позднее, в 1946 г., провозглашением независимости Филиппин.

Концентрируя внимание на обобщениях и теоретических проблемах, Губер не пренебрег обстоятельным изложением событий изучаемого периода и попутно опроверг, с достоверными фактами в руках, искажения, которым подверглись некоторые моменты филиппинской истории в заявлениях ряда американских официальных лиц и в работах вторивших им историков (о мотивах захвата Филиппин, о нарушении американцами соглашения с Агинальдо, о реальности власти республики Малолос, о происхождении первого вооруженного столкновения между войсками США и филиппинцами — по всем этим спорным вопросам Губер занял четкую и строго обоснованную позицию).

Выводы, к которым пришел Губер в данной монографии, по своему значению далеко выходят за рамки проблематики того короткого периода в истории Филиппин, который обозначен в заглавии книги. Исследование Губера не только позволило глубже понять всю последующую историю филиппинского народа, но и имело, несомненно, большое значение для разработки общей теории национально-освободительного движения. Работа эта до сих пор полностью сохраняет научное значение. Последующие исследования советских филиппинистов, получивших возможность использовать более широкий круг источников, дополнили рядом деталей нарисованную Губером картину, по-новому осветили некоторые вопросы, но основные положения монографии остались непоколебленными.

Проблемам новейшей истории и современного политического положения Филиппин А. А. Губер посвятил немало работ. Это несколько статей и рецензий 1935—1936 гг., заключительная глава монографии о Филиппинской республике 1898 года (она содержится только в первом издании этой книги), публичная лекция 1945 г., а также соответствующие разделы в двух его общих работах по Филиппинам — в книге 1937 г. «Филиппины», представляющей собой экономико-географический и политический очерк, и в статье для первого издания Большой Советской Энциклопедии. Показательно, что

многие важные оценки, сделанные Губером в 30-х годах по горячим следам событий, выдержали испытание временем. Некоторые из этих оценок, подвергнутые сомнению в ряде позднейших работ (например, характеристика закона об автономии, политики правительства Кэсона), признаны теперь вполне обоснованными. Причина этого заключается в том, что к анализу текущего момента Губер неизменно подходил во всеоружии глубокого понимания путей исторического развития каждой конкретной страны. Эта характерная черта творческого метода Губера — рассматривать историю не как собрание фрагментарных эпизодов, а как органически единый процесс — убедительно продемонстрировала свою плодотворность в его работах как по Филиппинам, так и по другим странам, вошедшим в орбиту его исследовательских интересов.

Серьезный вклад внес А. А. Губер и в изучение истории стран Индокитая. В 1940 г. появился первый в советской литературе очерк новой истории стран Индокитая[3]. В нем Губер охарактеризовал социально-экономический строй индокитайских государств, остановился на истории французских захватов и сопротивления народов Индокитая французской агрессии, коснулся проблемы англо-французского соперничества в Сиаме и вопроса о возрождении национального движения.

В 1942 г. вышла брошюра «Индонезия и Индокитай», где Губер дал характеристику отдельных стран Индокитая, а также анализ французской колониальной политики и японской экспансии.

После окончания второй мировой войны и образования ДРВ А. А. Губер вместе с В. Я. Васильевой стал инициатором изучения истории этой страны. В конце 40-х — начале 50-х годов выходят брошюры и статьи Губера, посвященные героической борьбе вьетнамского народа за независимость после второй мировой войны, расстановке классовых и политических сил в стране, истории Вьетнама в период японской оккупации.

Значительным явлением в советской вьетнамистике стала глава по новой истории Вьетнама в университетском учебнике 1952 г.[4]. В ней рассматривалась история

---

[3] В учебнике для исторических факультетов «Новая история колониальных и зависимых стран», т. I.

[4] «Новая история стран зарубежного Востока», т. II.

Вьетнама с 1870 г. по конец первой мировой войны. Основное внимание Губер уделил здесь борьбе вьетнамского народа за независимость и характеристике колониального режима.

Большое место в трудах А. А. Губера занимают общие работы по региону Юго-Восточной Азии. Первая работа такого рода была создана им еще в 1942 г. («Германский империализм на Дальнем Востоке»), и с тех пор до последнего времени Губер много и плодотворно работал над общими проблемами Юго-Восточной Азии. Он является автором многих разделов, относящихся к Юго-Восточной Азии, в таких изданиях, как «Международные отношения на Дальнем Востоке» (1951 и 1956 г.) и «Всемирная история». Итоги послевоенного развития Юго-Восточной Азии были обобщены Губером в 1964 г. на XXIV Международном конгрессе востоковедов в Дели в докладе «Тенденции развития национально-освободительной борьбы в Юго-Восточной Азии». В нем Губер проанализировал расстановку классов и политических сил в Юго-Восточной Азии в ходе борьбы за независимость и после завоевания независимости, дал классификацию типов национально-освободительного движения.

А. А. Губер был руководителем одной из самых значительных советских работ по Юго-Восточной Азии — трехтомной публикации архивных документов о политике европейских держав и национально-освободительном движении в Юго-Восточной Азии. Это издание, охватившее период с 60-х годов XVIII в. до 1917 г., имеет выдающееся научное значение. Оно ввело в научный оборот огромное количество документов и материалов, позволило осветить многие проблемы, по-новому взглянуть на целый ряд вопросов истории Юго-Восточной Азии. Вклад А. А. Губера в эту публикацию не ограничился тем, что он был ответственным редактором издания. В предисловиях к каждому из трех томов Губер дал анализ соответствующих исторических периодов в жизни стран Юго-Восточной Азии, политики капиталистических держав, особенностей развития национально-освободительного движения. По сути дела, эти предисловия, особенно к последним двум томам, представляют мастерски написанные очерки истории стран Юго-Восточной Азии в новое время. В этих предисловиях содержится также блестящий источниковедческий ана-

лиз различных материалов по региону и характеристика места русских архивных документов среди этих материалов[5].

Из историографических работ А. А. Губера послевоенного периода, посвященных проблемам Юго-Восточной Азии, следует выделить предисловие к русскому переводу книги английского историка Д. Дж. Э. Холла «История Юго-Восточной Азии» (1958 г.). В нем Губер дает критический разбор взглядов этого крупного буржуазного историка Юго-Восточной Азии, на его примере характеризуя колониальную школу в современной западной буржуазной историографии стран Востока.

Статья о деятельности А. А. Губера как исследователя Юго-Восточной Азии была бы неполной, если не упомянуть о его огромной научно-организационной деятельности и работе по воспитанию кадров.

Трудно перечислить монографии, публикации документов, сборники статей по Юго-Восточной Азии, ответственным редактором или рецензентом которых был А. А. Губер. Во всяком случае, можно смело утверждать: вряд ли какая-нибудь значительная работа по Юго-Восточной Азии увидела свет без дружеской помощи и участия Губера.

А. А. Губеру принадлежит огромная заслуга в деле воспитания большого числа специалистов по Юго-Восточной Азии. Достаточно сказать, что сейчас именно его ученики составляют ядро научного коллектива, занимающегося изучением истории стран Юго-Восточной Азии.

Жизнь Александра Андреевича оборвалась, когда он находился в расцвете творческих сил. Внезапная смерть прервала его труд над новыми исследованиями по истории Юго-Восточной Азии, уникальные материалы к которым были собраны им в британских и других книгохранилищах. Так, буквально до последнего дня жизни, Александр Андреевич продолжал отдавать свои силы исследованию стран Юго-Восточной Азии, изучению которых в нашей стране он положил начало с первых шагов своей научной деятельности.

---

[5] На XXV Международном конгрессе востоковедов в Москве (1960 г.) был зачитан доклад А. Губера, А. Узянова, Г. Левинсона, А. Тартаковского на тему: «Колониальная политика западных держав в Юго-Восточной Азии в свете русских архивных источников (60-е годы XVIII в.— 60-е годы XIX в.)».

Ю. В. Маретин

Основные тенденции национального и этнического развития современной Индонезии

Вопрос о национальном развитии современной Индонезии является в высшей степени сложным и актуальным. Сложность его определяется рядом причин. Индонезия — страна, занимающая пятое место в мире по численности населения: по подсчетам на конец 1971 г. общая численность превысит 124 млн. человек [79]. В ней проживает не менее 150 народов, имеющих самостоятельные языки, некоторые авторы насчитывают свыше 350 этносов и этнических групп [70, 19—38]; общее же число языков и диалектов более тысячи [95, 7—21]. Это страна, чрезвычайно разнообразная по уровню социально-экономического развития своих народов: до наших дней кое-где сохранились племена первобытных собирателей, рыболовов и охотников — около 635 тыс. человек [53]; народы же наиболее развитых районов страны уже с начала века вступили на путь капиталистического развития.

Народы Индонезии наряду с некоторыми общими чертами обладают своей оригинальной культурой. В значительной степени они разобщены как из-за островного характера государства (всего в Индонезии насчитывается 13 тыс. 677 островов, из них 992 имеют население [85, 4]), так и вследствие наличия огромных труднодо-

ступных областей во внутренних районах больших островов. Наконец, это страна, народы которой имели длительную и нередко самостоятельную политическую историю [подробную этнокультурную и историческую характеристику см.: 37, 409—632; 76].

Актуальность же этой проблемы определяется тем, что тот или иной подход к ее решению может оказать существенное влияние на развитие Индонезии в настоящее время и в ближайшем будущем.

Вопрос о характере национального развития Индонезии служил и служит темой многих работ индонезийских государственных и общественных деятелей, историков, филологов. Пожалуй, трудно назвать какую-либо политическую речь, сочинение историка, работу лингвиста или литературоведа, где не было бы суждений по поводу индонезийской нации. В различных университетах страны созываются многочисленные конференции и симпозиумы по проблемам национального, экономического, культурного развития; сюжеты эти включаются во все основные программные политические документы; они входят во многие разделы практически всех краткосрочных и долгосрочных планов. Обсуждаются как проблемы общенационального, т. е. государственного, развития, так и развития отдельных районов. Растет интерес к этой теме и у зарубежных ученых, особенно американских. Большое внимание проблеме национального развития уделяют советские ученые — историки, экономисты, этнографы, филологи — в статьях и в отдельных монографиях. Достаточно назвать имена А. А. Губера, Н. А. Симонии, А. Б. Беленького, В. А. Жарова, Г. А. Андреева и др.

В целом вплоть до самого последнего времени большинство индонезийских и зарубежных авторов рассматривали национальное развитие Индонезии главным образом с точки зрения либо государственно-политической, либо экономической, либо культурной; многочисленные же этнографические и собственно этнические аспекты этой проблемы оставались недостаточно освещенными. Тем самым этническое развитие народов Индонезии и этнические аспекты становления обещиндонезийской нации подменялись в значительной степени государственно-политическим развитием [см., например, 63; 71; 92; 94; 110; 112; 114 и многие другие]. Не вдаваясь в детальное рассмотрение работ, посвященных данной теме,

ибо это может послужить предметом не только отдельной статьи, но и большой монографии, обратимся к рассмотрению самой проблемы как с национальной, так и с этнической стороны.

Современное этнокультурное состояние Индонезии явилось результатом длительного исторического развития. Через всю историю народов Индонезии, начиная с периода первых крупных государств и до настоящего времени, красной нитью проходят две тенденции. Первая — центробежная тенденция к сохранению, и даже углублению, этнического разнообразия страны, что находило свое выражение в обособленном развитии отдельных этносов. Вторая — центростремительная тенденция сближения отдельных народов страны на базе тех общих элементов культуры, которые существовали у них с глубокой древности, а также на основе общности целей в борьбе за независимость.

Развитие общеиндонезийского национально-освободительного движения с начала XX в.— наиболее полное выражение этой последней тенденции. Следует отметить, что развитие общеиндонезийского самосознания началось раньше, чем получили оформление исторические, экономические и общекультурные факторы, способствующие объединению всех народов страны в этнически единую нацию.

В последние десятилетия XIX в. в Индонезии — в основном на Яве и Суматре — начинают формироваться собственные пролетариат и буржуазия. Особенностью их развития является то, что рабочий класс начал складываться здесь на предприятиях и плантациях, основанных иностранным капиталом, т. е. до того, как начала формироваться национальная буржуазия, развитию которой ставило труднопреодолимые препятствия, с одной стороны, господство иностранного капитала, а с другой — засилье местной китайской буржуазии [11, 11—59; 12, 30 и сл.; 20, 312—333; 28, 3—16; 29, 5 и сл.]. Ввиду того что в ряды индонезийского пролетариата вливались представители разных народов Индонезии, для него характерно большее сознание чувства общеиндонезийского единства, чем для других групп населения; это чувство еще более усиливалось общностью интересов, свойственной пролетариату как классу, воспитывалось усилиями Компартии Индонезии после создания последней в 1920 г. Перед началом второй мировой войны в Индонезии было

300 тыс. рабочих, занятых в промышленности фабричного типа, и 2,5 млн.— в мелкой, т. е. кустарной и полукустарной, промышленности [39, 27]. Основные районы сосредоточения пролетариата — города Явы, плантационные районы Суматры и Калимантана и горнодобывающие предприятия на этих, а также на некоторых других островах.

Заметный подъем национальной буржуазии относится к началу XX в. Возникают первые предприятия капиталистического типа. Существенно, что процесс этот в основном шел на Яве, а также в тех районах Индонезии, которые стали центрами распространения экспортных культур: Восточная и Западная Суматра, побережье Калимантана, Юго-Западный и Северный Сулавеси и др. При этом на Яве было сосредоточено почти четыре пятых всех предприятий, принадлежавших местному капиталу, в подавляющем большинстве китайскому.

Именно в этот период начинают формироваться первые нации Индонезии. Ранее всех на путь национальной консолидации стали яванцы, минангкабау, затем сунды, аче и некоторые другие. О яванцах как о нации, складывающейся с начала XX в., А. А. Губер писал и в работе 1952 г. [19, 236], и в недавней работе, написанной совместно с Д. В. Деопиком [21, 546]. При этом яванская нация рассматривалась им как ядро формирующейся общеиндонезийской нации. Начальный этап формирования наций в Индонезии, а также последующее их развитие в связи с развитием капиталистических отношений исследовали Н. А. Симония [42] и А. Б. Беленький. Последний пишет: «Наряду с тенденцией к формированию единой нации с единым языком существовала и тенденция формирования нескольких наций на базе некоторых наиболее развитых народностей» [12, 78; см. также 42, 5—6]. Оба автора относят начало формирования общеиндонезийской нации к рубежу XIX—XX вв., показывая всю сложность процесса национального развития в стране, его незавершенность и отмечая преобладание первой тенденции.

С появлением буржуазии и пролетариата начался качественно новый этап национально-освободительной борьбы народов Индонезии. Так как тема нашей статьи — рассмотрение понятия «индонезийская нация» с точки зрения этнического содержания этого понятия, притом взятого в его развитии, мы не останавливаемся

подробно на внутриполитических и внешнеполитических аспектах индонезийского буржуазного национализма. Отметим лишь, что здесь руководящим указанием является следующее положение В. И. Ленина о двух тенденциях в национализме угнетенной нации: «*Поскольку* буржуазия нации угнетенной борется с угнетающей, *постольку* мы всегда и во всяком случае и решительней всех *за*, ибо мы самые смелые и последовательные враги угнетения. Поскольку буржуазия угнетенной нации стоит за *свой* буржуазный национализм, мы против» [2, 275; см. также 6].

Многие особенности национально-освободительной борьбы народов Индонезии на этом новом этапе в настоящее время обстоятельно изучены в советской литературе — прежде всего А. А. Губером [20], а также А. Б. Беленьким [12], Е. П. Заказниковой [29] и др., в индонезийской [83; 92; 100; 102; 110; 119 и др.], в западноевропейской и американской [71; 82; 89; 90; 91; 94; 114 и др.]. Его основными отличиями от освободительной борьбы предшествующего периода были: 1) участие буржуазии (особо активную роль играла мелкая буржуазия) и рабочего класса; 2) общеиндонезийский, а не региональный характер борьбы; 3) организованный характер движения; 4) постепенное включение борьбы индонезийских народов в общую антиколониальную борьбу угнетенных народов мира.

Выразителем национальных стремлений была интеллигенция, вышедшая из аристократических или буржуазных кругов. Создание национальной организации Буди Утомо (Высшее стремление) в мае 1908 г. явилось выражением начала организованного национального движения. Эта организация пропагандировала объединение индонезийцев всего архипелага и объявила своим языком малайский — основной язык общения между народами Нидерландской Индии,— несмотря на то что подавляющее большинство ее членов были яванцами. Именно к этому времени относится начало целенаправленной борьбы за общенациональный язык, каковым был избран именно малайский, что проходило не без осложнений: ряд видных деятелей освободительного движения, яванцев по рождению, считали яванский язык самым подходящим для этой цели. Например, известная просветительница Картини, выступившая со своей программой еще до создания Буди Утомо, отдавала предпочте-

ние в этом вопросе яванскому языку, считая малайский менее развитым [12, 82—83; 34, 182 и сл.].

В 1912 г. представители индоевропейцев, или *индо,* т. е. потомки от браков европейцев с местными женщинами, основали Индийскую партию [1], защищавшую не только интересы индо, но и всего индонезийского народа. Она стремилась к следующей цели: «Добиться процветания... индийской Родины и подготовить ее к независимому существованию»; средством для достижения этой цели было «воспитание идеи индийского национализма путем пропаганды идеи национального единства» [12, 217; 89]. Лидеры партии, таким образом, первыми в стране четко сформулировали идеи общеиндонезийского национализма, который они противопоставили региональному.

Первой подлинно массовой общенациональной организацией явился Сарекат Ислам (Исламский союз), созданный в 1912 г. на Яве. Вначале Сарекат Ислам отражал интересы яванской торговой и зарождавшейся промышленной буржуазии, выступавшей против засилья китайского капитала. Скоро, однако, союз нашел широкий отклик среди народных масс, так как лозунг «объединение всех мусульман Индонезии» воспринимался в народе как призыв к сплочению в борьбе с колонизаторами. В. И. Ленин уже в 1913 г. отметил подъем национально-освободительного движения в Индонезии в статье «Пробуждение Азии» [3, 145—146].

В мае 1914 г. социал-демократы — голландцы по рождению, проживавшие в Нидерландской Индии,— образовали Индийское социал-демократическое объединение, левое крыло которого во главе со Снеефлитом требовало освобождения Индонезии. Революционные настроения усилились и в Сарекат Исламе: в программу, принятую в 1917 г., было внесено положение о борьбе с kapitalisme djahat, т. е. с «греховным капитализмом», под которым руководители партии понимали иностранный капитализм в противоположность «негреховному», т. е. национальному.

Победа революции в России явилась новым мощным стимулом для подъема национально-освободительного

[1] Названия «Индонезия» и «индонезийцы» тогда не были распространены. Страну называли преимущественно «Нидерландской Индией» (или Ост-Индией), а ее жителей «индийцами»; отсюда и название партии.

движения в Индонезии. Растущая индонезийская буржуазия стремилась избавиться от гнета иностранного капитала, тормозившего ее развитие. Действительно, из 5197 предприятий с числом рабочих свыше шести человек, которые имелись на Яве в 1926 г., индонезийцам и арабам принадлежало 865 (16%). Остальные предприятия принадлежали: европейцам — 2816 (54%), китайцам — 1516 (30%). Из 973 плантаций, имевшихся в Индонезии, индонезийцы владели лишь семью площадью 180 *га* (т. е. менее 1%), тогда как у европейцев было 806 (83%), у китайцев, арабов и индийцев — 160 плантаций (16%) [28, 14]. В 1939 г. из общей суммы вложений 6,5 млрд. гульденов индонезийскому капиталу принадлежало 62 млн. (0,5%), местному китайскому — 494 млн. (6,9%), остальное было в руках иностранного капитала [39, 33; см. также 11, 23 и сл.]. Гнет иностранного капитала, ощущавшийся в большей или меньшей степени всеми слоями индонезийской буржуазии, действовал как мощный фактор сплочения ее рядов, а также как фактор консолидации всех антиколониальных сил [71; 72].

Боевым революционным отрядом национально-освободительной борьбы был рабочий класс страны. 23 мая 1920 г. была создана Коммунистическая партия Индонезии.

Однако руководящей силой в общенациональном движении в предвоенные годы был не рабочий класс и его партия, а мелкая буржуазия и радикальная буржуазная интеллигенция. 4 июня 1927 г. Сукарно и несколько других революционно настроенных представителей мелкобуржуазной интеллигенции основали Национальную партию Индонезии. Основой идеологии партии был национализм (общеиндонезийский) и мархаэнизм (по-индонезийски *мархаэн* — простой человек, труженик). Первый лозунг предполагал борьбу за независимость и единство Индонезии в целом, второй — борьбу за процветание ее народа. «Мархаэнизм, являясь разновидностью мелкобуржуазной идеологии, исходил из равенства всех классов индонезийского общества, поскольку все они угнетаются чужеземцами»,— пишет Е. И. Гневушева [18, 135]. На протяжении 30-х годов в Индонезии возникает ряд других буржуазных партий, основанных на националистической идеологии [46; 82; 90; 91; 94].

Развитие Индонезии после первой мировой войны

шло под знаком бурного усиления общенационального самосознания. Конгресс индонезийской молодежи, состоявшийся в 1928 г., принял известную «Клятву молодежи». В этой «Клятве» был провозглашен лозунг о единстве родины, народа и языка. Общенациональным языком был провозглашен малайский, названный отныне индонезийским [59; 97]. На этом же конгрессе особенно энергично прозвучало требование называть страну Индонезией и отбросить название «Нидерландская Ост-Индия» [историю названия «Индонезия» см.: 12, 84—88]. К 20-м годам относится зарождение современной литературы на малайском, теперь уже индонезийском, языке, связанное с именами Мараха Русли и Абдула Муиса (оба — минангкабау по рождению)[2]. Среди передовых кругов интеллигенции сознание необходимости единства индонезийцев, единства, понимаемого в первую очередь в политическом плане, а затем и в культурно-историческом (но менее всего — в этническом), становилось все сильнее; все резче звучало требование, чтобы индонезийские представители в Фолксраде[3] выступали не от лица отдельных этнических групп и не от отдельных районов страны, а от имени всей Индонезии.

Для этнических процессов, шедших в то время в Индонезии, характерно усиление смешения между отдельными этническими группами. Если начиная с 70-х годов главной причиной такого смешения было распространение иностранных плантаций и предприятий, на которых работали представители разных народов страны, то теперь добавились новые факторы. Например, молодежь из разных районов страны съезжалась на Яву, в первую очередь в Батавию и в Бандунг, с целью получить образование.

Заметный толчок процессы этнического развития получили в результате целенаправленной политики трансмиграции. Правительство стало предпринимать попытки рассредоточить хотя бы небольшую часть населения Явы по другим островам [7, 150 и сл.; 33, 66]. Впервые трансмиграция, организованная в широких масштабах, началась в 1929 г., когда правительство Нидерландской Ин-

---

[2] О становлении индонезийской литературы см. работы Н. Ф. Алиевой, В. В. Сикорского, Б. Б. Парникеля; см. также 34.

[3] Фолксрад («Народный совет») — совещательный орган, подобие бесправного парламента, созданный голландцами в Индонезии в 1918 г., где основную роль играли европейцы.

дии переселило 45 тыс. яванцев в Северо-Восточную Суматру и 30 тыс.— в Южную и Юго-Западную Суматру. Именно в дальнейшем Южная, а потом и Восточная Суматра стали основными районами яванской трансмиграции. В целом за 30 лет (1930—1961) на Суматру переселилось более 1,5 млн. человек, в том числе 1153 тыс. с Явы (и соседней крошечной Мадуры), 160 тыс.— родившиеся на Суматре и вернувшиеся на остров, около 200 тыс.— с других островов [117, 153 и сл.; см. также 75]. Следует отметить, что очень многие трансмигранты не прижились на новых местах и вернулись обратно [7].

Таким образом, эти факты свидетельствуют о начале нового этапа этнического развития в Индонезии: наряду с продолжавшейся этнической консолидацией отдельных народов начался процесс политического сближения основных ее народов друг с другом, а вместе с этим усилилось и их этническое сближение. Иначе говоря, наметился процесс действительной общенациональной консолидации (или, точнее,— его начало).

Весной 1942 г. войска милитаристской Японии оккупировали Индонезию. Три с половиной года японской оккупации были годами разрушений, голода, рабского труда. Но в политическом отношении они явились серьезной школой общеиндонезийского национализма. Японцы, стремясь завоевать симпатии индонезийцев, поощряли национализм индонезийцев в рамках развиваемого японской пропагандой представления об «азиатском национализме» и «сфере азиатского сопроцветания» под эгидой Японии. Индонезийцам были предоставлены высокие административные посты — как светские, так и духовные. Была ограничена власть местных старейшин, вождей и султанов, бывших начиная с XX в. в большинстве своем проводниками голландского влияния. Все, связанное с голландской колонизацией, изгонялось и запрещалось — голландский язык, титулы, административные установления и пр. Была создана армия из индонезийцев, солдаты которой впоследствии сыграли большую роль как в борьбе с японцами, так и в отстаивании независимости республики после изгнания японцев [25].

Таким образом, развитие национально-освободительного движения с начала XX в. явилось наиболее полным выражением центростремительной тенденции в этнона-

циональном развитии страны. Рост общеиндонезийского самосознания находился в тесной связи с подъемом национально-освободительного движения. К концу второй мировой войны идея общеиндонезийского национально-политического единства преобладала в стране. Именно эта идея явилась одним из наиболее существенных факторов, который помог народам Индонезии добиться политической свободы и провозгласить независимую республику в 1945 г. Сплачивающая сила совместной революционной борьбы оказала влияние и на этнические процессы: «Если яванский крестьянин,— пишет американский исследователь Д. Скиннер,— отождествляет себя с индонезийским государством более охотно, чем балийский, а этот последний — более охотно, чем сумбавский, то причиной этого может быть различная роль, которую они играли в революции» [101, 8].

В условиях независимой Республики Индонезии продолжающееся противоборство центростремительной и центробежной тенденций приобрело новую форму, выражающуюся в политической борьбе за определение путей дальнейшего развития народов страны. Одно из направлений этой борьбы — проблема государственного устройства Индонезии, т. е. проблема унитаризма, автономии или федерации. Другое — борьба светской и клерикальной тенденций за светскую форму правления или за теократическую. Империалистические происки в Индонезии и попытки расчленить страну привели к безусловной победе идеи унитарного государства и идеи общеиндонезийского национализма [27; 38; 41; 71]. В частности, борьба за политическое единство страны сопровождалась усиленной пропагандой идеи общеиндонезийской нации — bangsa Indonesia, понимаемой, в сущности, в государственно-политическом смысле (хотя некоторые защитники этой идеи подчеркивают и этническое содержание этого понятия). Идея унитаризма победила потому, что, во-первых, цели большинства федералистов ничего общего не имели с подлинной федерацией, отражающей этническую карту; во-вторых, эти «федералисты» представляли, как правило, реакционные силы страны; в-третьих, за их спиной стояли колонизаторы.

Прежде чем анализировать современную этнонациональную ситуацию в Индонезии, следует установить, во-первых, что нация с марксистской точки зрения — это высший в настоящее время этап развития этноса или

близких этносов[4], во-вторых, что для марксиста нацию характеризуют такие объективные факторы, как единство языка, территории, экономической жизни, комплекс историко-этнографических признаков, а также самосознание, которое в отдельных случаях приобретает особо важное значение [32, 47—50; см. также 31, 94—95]. Естественно, что все эти факторы могут быть отнесены к какому-нибудь одному народу или группе родственных народов и эти народы могут быть названы нацией только при условии достаточно высокого уровня социально-экономического развития: обычно это капиталистический уровень развития или канун капитализма (хотя в определенном, со специальными оговорками, смысле можно говорить и о феодальных нациях). В связи со сказанным мы различаем понятия «этническое развитие» и «национальное развитие». Первое связано с эволюцией этноса, как такового, и всех его атрибутов. Второе является, как уже сказано, с одной стороны, высшим этапом развития этноса в современных условиях, а с другой — касается государственно-политической стороны его существования, в многонациональных же государствах — преимущественно государственно-политической стороны существования этносов, составляющих данное государство.

В научной и политической литературе несоциалистических стран понятие «нация» обычно совпадает с понятием «государство», этнический аспект не принимается во внимание, иногда же игнорируется полностью. Всякий народ, создавший свое государство, уже тем самым считается нацией, даже если это народ, состоящий из многих самостоятельных этносов: СССР, Индия, Бирма, Индонезия, Филиппины и т. д. Западные ученые называют эти сообщества народов нациями, советские ученые — многонациональными государствами[5].

---

[4] Об этносе см. статьи Ю. В. Бромлея [14] и Л. Н. Гумилева [23], работы В. И. Козлова [32, 3—69] и Н. Н. и И. А. Чебоксаровых [47], а также материалы дискуссии «Этногенез и этносфера» [49].

[5] Несомненно, что при длительном совместном проживании в условиях территориального, экономического и, что очень важно, социально-политического единства такие общности могут приобрести отдельные типично этнические свойства,— сказанное можно отнести, например, и к такой общности, как «советский народ». Эти формирующиеся черты общности особенно отчетливо проявляются во время контактов советских людей с представителями зарубежных стран [15, 14]. Но при отсутствии указанных условий нет оснований отождествлять полиэтническую общность с единым этносом и с нацией (как стадией развития последней).

Исходя из марксистских положений, мы можем констатировать, что анализ процессов национального и этнического развития современной Индонезии сводится к ответу на следующие вопросы: 1) сложилась ли к настоящему времени индонезийская нация; 2) идет ли процесс сложения таковой; 3) идет ли параллельный процесс сложения отдельных наций в стране при одновременном их сближении в рамках общеиндонезийского единства — пока государственно-политического, но в будущем и национального; 4) происходит ли сложение ряда наций и народностей, перспектива слияния которых в единую индонезийскую нацию является проблематичной, зависящей от многих обстоятельств и, во всяком случае, весьма отдаленной; 5) или — как вариант предыдущего — на Яве складывается одна нация (она же — ядро будущей единой индонезийской нации) при одновременном процессе сложения ряда наций на Внешних островах.

Совершенно очевидно, что объективная характеристика всех сложностей процесса этнического и национального развития в Индонезии представляет не только научно-познавательный интерес, но в еще большей степени практический — прежде всего при решении проблем, связанных с национальным вопросом в этой многонациональной или, в более широком плане, полиэтнической стране. При этом тот или иной ответ на заданный вопрос имеет помимо широкого практического, политического значения для Индонезии в целом также и значение более узкое, связанное с оценкой роли каждого отдельного народа и его культуры в национально-государственном развитии страны.

Следует сразу же оговорить, что исследование проблемы на основе индонезийских материалов имеет одну специфическую и весьма серьезную трудность, а именно: многозначность соответствующих индонезийских терминов. Например, термин bangsa означает «народ», «нация», «раса»; термин kebangsaan — «нация» (и «национальный»), «национальность», «национализм» и т. п. Не однозначны и некоторые другие термины, связанные с этнонациональными подразделениями. Лишь в последнее десятилетие получили распространение европейские термины nasion и nasionalisme.

Основными теоретиками национального развития Индонезии выступили индонезийские мелкобуржуазные националисты, в первую очередь Сукарно — представи-

тель радикального крыла мелкобуржуазной интеллигенции. Идея наличия «единой индонезийской нации», более того — существования ее с незапамятных времен пронизывает все его выступления, начиная с самых ранних [44; 106; 107; 108 и др.]. Появилась весьма значительная научная и публицистическая литература, пронизанная идеей обоснования и пропаганды «единой индонезийской нации» [66; 81; 97; 99; 102; 109; 110; 112 и др.; критическую оценку см.: 26; 111]. В соответствии с учением Сукарно нация отождествлялась с государством, и, соответственно, единство государства отождествлялось с единством нации. Сама же индонезийская нация объявлялась возникшей по меньшей мере 6 тысяч лет тому назад, как об этом писал М. Ямин [119].

Правда, есть варианты трактовки этой «единой нации». Если согласно одним утверждениям она сложилась в незапамятные или исторические, но достаточно давние времена, затем была разъединена и теперь снова объединена в рамках Республики Индонезии, то, по другим утверждениям, она — результат последних десятилетий борьбы; третье мнение сводится к тому, что сейчас завершается (или еще осторожнее — происходит) процесс сложения нации. Нередко в речах одного и того же политического деятеля, в работах одного ученого звучат попеременно разные варианты, но постоянно присутствует мотив pembangunan nasional — «строительства нации».

Важно отметить, что теории мелкобуржуазных националистов по национальному вопросу получили воплощение в политике индонезийского государства. В настоящее время официальная точка зрения в самой Индонезии, прежде пламенно пропагандировавшаяся Сукарно, осталась без изменений: она по-прежнему заключается в том, что «единая индонезийская нация» уже существует. И новый президент Сухарто произносит свои речи «от имени нации» и «во имя нации» [см., например: 104; 105, 6—24].

Из этого явствует, что в подходе националистов полностью отсутствует идея историчности наций, представление о том, что процесс этнического сближения и в конечном счете сложения нации прежде всего является объективным процессом. Для них нет разницы между kesatuan Indonesia — «единством Индонезии» и bangsa (kebangsaan) Indonesia — «нацией Индонезии»,

между negara — «государством» и bangsa — «нацией» («народом» и т. п.), между kewarganegaraan — «гражданством» и kebangsaan — «национальностью», ибо все жители данного государства, вне зависимости от их этнической принадлежности, оказываются включенными в «единую нацию» [118; 119, 395—405; см. также: 63, 32 и сл.; 71; 74б; 114, 318 и сл.].

Этот националистический подход некритически был воспринят и старым руководством Коммунистической партии Индонезии. Партия провела огромную работу по сплочению народов страны в борьбе с происками внешней и внутренней реакции, выступая против сепаратизма и в то же время за учет интересов всех народов страны. В этой работе идея «единой индонезийской нации» сыграла большую положительную роль. Но с конца 50-х годов значительная часть руководства КПИ встала, в сущности, на путь полной поддержки Сукарно, в том числе в вопросах теории нации [5, 9, 12; 52, 36—44]. Орган КПИ «Хариан ракьят» в эти годы стал фактически рупором идей Сукарно, включая и безоговорочную защиту идей «единой нации» [67, 1960 — сент. 1965]. Так, руководство ЦК КПИ на пленуме ЦК в декабре 1963 г. констатировало, что коммунисты Индонезии «желают сохранить внутреннюю и внешнюю политику Индонезии, которую они в основном поддерживают», и, как пишут А. Ю. Другов и А. Б. Резников, «призвало трудящихся подчинить свои насущные интересы задачам этой политики» [67, 1.I.1964; цит. по: 26, 93]. Руководство КПИ встало на защиту идей «индонезийского социализма» и «мархаэнизма», не стремясь должным образом революционизировать эти идеи, не отстаивая свои собственные идеологические позиции. «В Индонезии...— как пишут А. Ю. Другов и А. Б. Резников,— в конечном счете эта идеология была взята на вооружение антиреволюционными силами, которым удалось выхолостить ее общедемократический характер и вложить в нее выгодное им содержание. Суть сукарновского социализма — *идея единства нации* (курсив наш.— *Ю. М.*) — стала идеологическим оформлением движения к власти и затем господства этих антиреволюционных сил» [26, 29; об ошибках руководства КПИ см.: 13; 26, 40—42, 74—79, 94—100].

Индонезийские этнографы также повторяли установки Сукарно, хотя и несколько видоизменяя их, с учетом этнического фактора, который этнографы не могли не

заметить. Правда, в их работах много нечетких определений. Так, один из видных этнографов страны, Х. В. Бахтиар, в статье, вышедшей в сборнике под редакцией другого ведущего этнографа страны, Кунчаранинграта, писал, что индонезийская нация — это «единое, крупное, гетерогенное и динамичное общество» [56, 385]. Нельзя сказать, чтобы это определение было точным с этнографической, социальной или политической точки зрения, но фактор гетерогенности здесь отмечен.

Для индонезийских теоретиков, выступающих с позиций мусульманского национализма, в понятие «индонезийская нация» входят все граждане республики, исповедующие ислам. Такой подход характерен как для сторонников теории «исламской демократии» [50; 51; 68], так и для ревнителей «мусульманского социализма» [83; 84]. Для сторонников же панисламизма (халифатизма) — в Индонезии довольно многочисленных — важна не столько проблема собственно индонезийской нации, пусть даже мусульманской, сколько идея всемирного объединения мусульман. Правда, между отдельными теоретиками халифатизма есть различия во взглядах относительно места собственно индонезийской нации в рамках «всемирного мусульманского государства» [80; 116]. Крайнее выражение халифатистское направление получило в деятельности мусульманской террористической организации «Дар уль-ислам» (Государство ислама), целью которой было провозглашение Индонезии государством, основанным на принципах ислама [подробнее о мусульманском национализме см. 30] [6].

В конечном счете все эти воззрения отражают субъективный момент в национальном развитии. Однако, претворенный в практику государственной политики, этот субъективный момент оказывает весьма существенное влияние на процессы как национального, так и собственно этнического развития в Индонезии. Субъективные факторы — прежде всего целенаправленная политика государства и его лидеров — находят выражение, например, в отношении к партиям (поощрение общеиндонезийских партий и организаций и всяческое противодействие партиям и организациям, основанным на этническом признаке), в политике в области языков, литературы, образования, искусства и т. д.

[6] Автор приносит глубокую благодарность А. И. Ионовой, любезно разрешившей ему ознакомиться с ее монографией в рукописи.

Вместе с тем воззрения индонезийских националистов всех оттенков на нацию практически нередко ведут к игнорированию объективного содержания процессов этнического и национального развития и к волюнтаристским действиям в вопросах национальной политики. Осуществление этой политики с позиций «строительства нации» нередко вело также к практическому отрицанию национальных (этнических) особенностей населяющих Индонезию народов, оказывало отрицательное воздействие на государственное развитие Индонезии. Наиболее яркое выражение такой политики — административное деление, долгое время проводившееся — в основном сознательно — без учета этнических границ, и нерешенность проблем национальной автономии [9; 74; 78].

Объективное развитие событий при таком подходе означало, что бюрократия, а также буржуазная и мелкобуржуазная интеллигенция, связанная с государственным аппаратом и в значительной степени принадлежащая к самому крупному этносу страны — яванцам, стала играть доминирующую роль. Так, в составе четырех кабинетов с 1 октября 1965 г. по 28 июля 1966 г. было 238 министров, в том числе 139 яванцев (т. е. более 58%), 22 сунда (9%), 1 мадурец, всего с Явы — около 70% министров. Кроме того, из 20 министров неустановленной этнической принадлежности — по крайней мере половина яванцы [подсчитано по данным: 61]. В армии также явное преобладание яванцев: из менее чем 60 высших офицеров (в период с 1 октября 1965 г. до 1 января 1967 г.) 40 человек — яванцы, 9 — сунды, остальные принадлежали к другим этносам страны [подсчитано по данным: 62].

Таким образом, в правительстве и армии более двух третей постов занято представителями Явы, в том числе собственно яванцами — до 60%. Несомненно, что за этими цифрами скрывается тот очевидный факт, что население Явы составляет две трети населения страны. Однако отсутствие конституционно гарантированных норм представительства для национальных меньшинств вызывает недовольство на местах. Это недовольство усиливается тем обстоятельством, что основными производящими районами являются Внешние провинции, Ява же — район преимущественно потребляющий: Ява экспортирует на международный рынок в 9 раз меньше, а импортирует в 4,5 раза больше, чем Внешние острова [33,

62, 70—71]. Отсюда непрерывные трения между провинциями и центром, т. е. между Внешними островами и Явой, которые часто принимают этническую окраску, а иногда ведут к прямому сепаратизму [71a].

Сепаратизм чрезвычайно опасен для Индонезии, ибо он ставит под угрозу само существование республики. Один из источников его — ошибки индонезийского правительства в решении национального вопроса [9, 142—143]. Подобные ошибки характерны для правительств ряда освободившихся многонациональных стран, недавно получивших независимость [43, 245—249, 261—277]. Игнорирование фактора полиэтничности Индонезии или по крайней мере отсутствие должного внимания к нему приводило к многочисленным не только политическим, но и экономическим просчетам. «Некоторые из наиболее серьезных экономических бурь, которые обрушивались на Индонезию со времени независимости,— пишут австралийские экономисты Д. Пенни и Д. Талиб,— происходили из-за различия экономических интересов между Джакартой и районами, особенно теми из Внешних островов, которые дают бо́льшую часть средств в рупиях и иностранной валюте, идущих центральному правительству» [87, 8].

Анализ внутренней и международной торговли Явы и Внешних островов показывает, что Ява имеет активный баланс торговли с другими островами и пассивный — в торговле с зарубежными странами, а Внешние острова — наоборот. Так, в 1962 г. Ява экспортировала на международный рынок товаров на 3197 млн. рупий и ввезла товаров на сумму 22 143 млн. рупий. Внешние острова тогда же вывезли за рубеж товаров на 27 478 млн. и импортировали их на 4977 млн. рупий. В то же время с Явы на Внешние острова было экспортировано товаров на сумму 51 009 млн. рупий и импортировано на сумму 22 200 млн. [60, 1966, № 3, 164 и 171; 103, 1963, 128—131, 165; ср. данные за 1963—1966 гг.: 103, 1968 г., 208—211].

Как же идет в настоящее время процесс национального развития в стране? Его нельзя назвать однолинейным. Интенсивно распространяется индонезийский язык как государственный язык — bahasa negara, по определению индонезийской конституции [120, 93], при развитии двуязычия и при разделении функций родного и государственного языков [подробнее о «бахаса Индонесиа»

см.: 8; 34; 59; см. также работы Ю. А. Шолмова, А. П. Павленко, А. С. Теселкина, Ю. Х. Сирка]. Индонезийский язык стал «языком-макропосредником» (термин В. А. Чернышева) или «языком максимальных общественных функций» (термин Ю. Д. Дешериева). Несомненно, что интенсивное, активно поощряемое государством распространение индонезийского языка при сужении функций местных языков (например, с помощью ограничений издательских возможностей) наносит ущерб национальному развитию отдельных народов. Но этническое их лицо сохраняется, ибо их языки существуют и выполняют функцию средства общения между представителями данного народа.

Слабость коммуникаций ведет к значительной разобщенности народов. В области социально-экономического развития наблюдается следующая картина: складываются региональные рынки, ориентированные нередко вовне, при отсутствии стабильного общеиндонезийского внутреннего рынка и при формировании у ряда народов своих буржуазии и пролетариата [подробнее об экономических аспектах этнонационального развития в Индонезии, в частности о значении внутреннего рынка см.: 33; 42, 93—110; 88; 96; о региональном развитии см. материалы, опубликованные в: 60, особенно за 1970 г., т. 6, № 1—3, и 1971 г., т. 7, 1—2; общую характеристику экономического положения в стране см. 11; 36, 193—207; 40, 79—124; 81а].

Между тем, как показал В. И. Ленин, создание национального государства диктуется экономической необходимостью [4, 385], основано на «общности ролей в народном хозяйстве» страны [1, 207]. Без такой общности невозможно говорить о сколько-нибудь устойчивой национальной консолидации. Экономисты Д. Пенни и М. Сингаримбун отмечают: «Невозможно сказать, разовьет ли Индонезия единую национальную экономику, но если это и случится, то несомненно, что форма экономических изменений в разных районах будет разной. Более чем в каком-либо другом национальном государстве современного мира, индонезийская экономика состоит из конгломерата субэкономик, каждая из которых в большей или меньшей степени изменяется по своим собственным законам. Не удивительно, однако, что многочисленные и различные модели экономической деятельности встречаются в стране многих [народов и] куль-

тур» [86, 56—57]. Может быть, это суждение, хотя и слишком пессимистическое, отражает объективную реальность. Значение единого национального рынка заключается в том, что, как пишет С. И. Тюльпанов, «рынок был и остается наиболее общей формой связи между всеми укладами национальной экономики, ибо он представляет собой всю совокупность экономических отношений, связанных с производством и реализацией товаров» [45, 371].

В сфере материальной и духовной культуры сохраняется этническое своеобразие при нивелировании отдельных элементов культуры, особенно в городах. Религия остается этноразделяющим фактором для народов, исповедующих разные религии, и даже внутри одного народа, если в нем есть две или более конфессиональные общины [113]. Это, в частности, проявилось во время мусульманско-христианских столкновений 1967—1969 гг. [74б]. Общеиндонезийское самосознание, укрепляемое чувством общности задач в национально-освободительной борьбе и интенсивно пропагандируемое правительством через все доступные ему каналы (образование, средства массовой коммуникации) распространяется все шире. Но в то же время растет этническое самосознание на основе социально-экономического и культурного развития отдельных народов (в последние годы особенно заметно у минангкабау, аче, сундов, амбонцев). Серьезным дезинтегрирующим фактором является разделение общества на так называемые *алираны* — «течения», под которыми подразумеваются различные социально-культурные группировки населения классового, религиозного и психологического характера и которые существуют у каждого этноса, в том числе и в рамках одной религиозной общины: например, у яванцев — *сантри,* или *путихан,* т. е. ревностные мусульмане, и *абанган,* т. е. те, кто являются лишь номинальными мусульманами, сохраняя в быту многое из доисламской жизни [64; 69].

Фактор целенаправленной государственной политики не снимает воздействия центробежных факторов, которые выражаются в усилении этнического развития отдельных народов. Точно так же фактор распространения единого индонезийского языка не является достаточным показателем формирования единой индонезийской нации [критику подобных воззрений см. 34, 214—215].

На основе анализа всех факторов национального развития Индонезии, как центростремительных, так и центробежных, закономерно сделать следующий вывод: в Индонезии происходит процесс национальной консолидации отдельных крупных народов (этносов) при одновременном усилении общеиндонезийского единства, в первую очередь государственно-политического, затем языкового и отчасти культурного, что в конечном счете может привести к формированию индонезийской нации, единой и в этническом смысле. Подобный диалектический подход к проблеме национального развития в Индонезии среди советских исследователей в общем виде был впервые сформулирован А. А. Губером в 1958 г. Он писал, что «в условиях еще не сложившейся индонезийской нации» происходил «диалектический процесс складывания, с одной стороны, индонезийской нации, а с другой — отдельных наций, на основе населявших архипелаг народностей» [20, 320].

По нашему мнению, сложению этнически единой индонезийской нации предшествуют процессы этнического развития на местах, которые в ряде случаев имеют характер национального формирования. В настоящий момент происходит усиление этнического самосознания народов страны при очевидной тенденции к сближению некоторых народов друг с другом в рамках внутрииндонезийских культурно-исторических подобластей. Мелкие этнические общности интегрируются с более крупными. В свою очередь, отдельные народности объединяются вокруг наиболее развитой народности данной группы, образуя таким образом более крупные этнические общности. При этом иногда сближение народов, населяющих соседние острова, идет быстрее, чем сближение народов, живущих в противоположных районах одного острова. Например, некоторые народы Южной Суматры имеют бо́льшие перспективы к интеграции с сундами и даже яванцами, чем с аче или батаками, населяющими Северную Суматру; минангкабау ближе по целому комплексу признаков к малайцам Восточной Суматры и побережья Калимантана, чем к соседям на севере — батакам, и т. д.

Сложность этнических процессов, а также отсутствие материалов по ряду народов страны, особенно малых, и недостаточное количество материалов в целом — все это не дает возможности с полной определенностью обрисовать на данный момент положение каждого народа

страны в процессе идущей этнической эволюции (консолидация, ассимиляция, интеграция и т. д.). Но материалы, доступные для исследования и сравнительного сопоставления, в частности, собранные в главе «Народы Индонезии» [37], позволяют, на наш взгляд, выделить основные этносы, которые уже консолидировались в нации. Это яванцы, сунды, минангкабау, аче, балийцы. Менее выражена такая консолидация у мадурцев, амбонцев, минахасов, бугов, макассаров, тоба-батаков. На пути национальной консолидации находятся другие группы батаков, банджары и некоторые иные народы. Размер статьи не позволяет привести конкретные факты этнографического, исторического, экономического и политического характера, которые послужили основой для суждения о национальной консолидации у названных народов. Отметим лишь в общем, что консолидацию именно этих народов можно рассматривать как национальную, так как они стоят на более высоком этническом и социально-экономическом уровне, чем другие этносы страны, т. е. постольку, короче говоря, поскольку у них уже присутствуют черты, характеризующие нацию в марксистском понимании этого термина. Дальнейшие исследования проблемы помогут уточнить этот список,— по-видимому, в сторону его увеличения.

Выделение из многочисленных индонезийских этносов ряда наций не всегда означает, что все представители этих наций рассматривают свой этнос как нацию. Например, крупнейший этнос страны, вступивший на путь национальной консолидации уже в начале XX в.,— яванцы, а также сунды и мадурцы склонны скорее идентифицировать себя с общеиндонезийской нацией. Но как анализ факторов национального развития на Яве и соотношение его с национальным развитием в других районах страны, так и объективная оценка подоплеки общеиндонезийских устремлений, характерных для большинства жителей Явы и Мадуры (практически Ява в настоящее время не может существовать без остальной Индонезии), убеждают нас в правоте высказанной нами точки зрения о наличии отдельных наций в Индонезии — в этническом, а не государственно-политическом смысле этого слова. Эти нации входят в более крупное, в этническом смысле наднациональное единство (которое можно назвать и национальным, но только в государственно-политическом смысле).

Несомненно, что формирование современных наций теснейшим образом связано с развитием у данного этноса собственных буржуазии и пролетариата. В целом по Индонезии после 1945 г. численность фабрично-заводского пролетариата несколько выросла: до 530—560 тыс. человек в 1954 г. при сохранении этого уровня и в последующие годы [10, 312 и сл.; 11, 244—272; 22, 119—120]. При этом размещение предприятий, использующих машины или имеющих более десяти рабочих (но без механического оборудования), крайне неравномерно: в 1964 г. на Яве и Мадуре было 72% таких предприятий, на Суматре — 21%, на Сулавеси и Калимантане — по 3, на Бали, Молукках и Малых Зондских островах — менее 1% [60, 1967, № 8, 73; 98, 63]. По оценочным данным 1969 г., в промышленности, включая кустарную, было занято всего 6,1% трудоспособного населения [93, 194]. Естественно, малочисленность пролетариата и неравномерность его размещения играют немаловажную роль в этнокультурном развитии страны.

Автору не представляется невозможным становление нации в современных условиях и при отсутствии у данного этноса сложившихся пролетариата и развитой буржуазии, но при реальных потенциальных возможностях к их развитию. При этом этническая потенция национальной консолидации становится реальностью и претворяется в национальное самосознание при достижении определенной социальной и политической зрелости народа.

Названные нации являются, таким образом, своеобразными центрами этнического притяжения для близкородственных народов, которые либо довольно быстро ассимилируются (наиболее мелкие), либо постепенно интегрируются с ними с перспективой дальнейшего растворения. Иначе говоря, эти нации выступают как ядра (или очаги, центры) национальной консолидации. Среди перечисленных в качестве наций народов имеются явно выраженные тенденции взаимного тяготения: у яванцев, сундов и мадурцев; у минангкабау и малайцев Восточной Суматры и т. д.

Наряду с крупными этносами, выступающими в качестве «национальных ядер», в Индонезии существует много небольших по численности этносов, которые могут быть отнесены к категориям народности, группы родственных племен или племени; есть даже отдельные груп-

пы, имеющие, возможно, раннеродовую организацию (кубу и близкие им по уровню развития). Некоторые же этнические группы, образующие несомненное этническое единство, не могут быть отнесены ни к одной из принятых у нас этнических категорий: например, тораджи, даяки, папуасы. Вопрос о сущности такого этнического явления, равно как и вопрос о месте таких этносов или групп этносов в этнической номенклатуре еще предстоит решить этнографам [48, 58—60, 80—81, 103—104].

Что касается перспективы развития народов, относимых — пока довольно условно — к категории народности или племени, то можно утверждать со значительной долей уверенности, что племена и группы племен не имеют перспективы самостоятельного этнического развития и рано или поздно вольются либо в состав ближайшей более крупной народности или отдельной нации, либо — если до того времени данная группа сохранит свою обособленность,— может быть, прямо в состав общеиндонезийской нации (конечно, при условии, что таковая к тому времени станет реальностью и в этническом смысле термина). Пока же они входят как сочлены в состав полиэтнической индонезийской общности.

Сложно положение евразийцев индо. В сущности, это представители коренного населения. Но в 1945—1965 гг. они подвергались большей или меньшей дискриминации со стороны части коренного населения как из-за того, что в колониальный период они пользовались бо́льшими привилегиями, чем прочее население, так и из-за того, главным образом, что многие из них сотрудничали с голландцами во время войны за независимость республики. Во всяком случае, прослойка индо (те, что остались в Индонезии и не эмигрировали в Нидерланды) рано или поздно растворится в составе окружающих массивных этносов (в основном среди яванцев).

Еще более сложна проблема местных китайцев, численность которых превышает 3 млн. и которые по-прежнему занимают ключевые позиции в экономике страны, оставаясь в своем большинстве этнически чужеродным телом [11, 39—46; 24, 234—250; 73] [7]. Поэтому многие

---

[7] Среди некоторых исследователей распространена точка зрения о том, что паранаканы, т. е. китайцы, родившиеся в Индонезии, в расовом отношении тождественны индонезийцам [115, 82]. Другие говорят о plurale samenleving — «множественном обществе» китайцев и индонезийцев [65, 233].

руководящие деятели Индонезии выступают с программами «ассимиляции», «идентификации», «интеграции» и т. п. китайцев; а среди китайцев, желающих избежать преследований и погромов, увеличивается тенденция не только к принятию индонезийского гражданства (что сейчас, согласно новому законодательству, необходимо делать всем, кто желает остаться в стране), но и к «индонезианизации», хотя бы внешней [24, 245—247; 58].

Одновременно с консолидацией отдельных народностей, наций и формированием национальных очагов в Индонезии достаточно ярко проявляется и тенденция к сближению народов страны, в том числе и к этническому, а не только к политическому. Эта тенденция имеет ряд объективных оснований исторического, этнографического, а в отдельных случаях даже экономического характера. Она всячески поощряется правительством. Правда, осознание многими гражданами Республики Индонезии себя в качестве индонезийцев происходит преимущественно в форме самосознания и имеет, так сказать, внешнюю направленность: подавляющее большинство индонезийцев называют себя «индонезийцами», разговаривая с иностранцами, но отмечают принадлежность к определенной sukubangsa — народности в разговорах друг с другом или в ответ на уточняющий вопрос со стороны иностранца. Те же индонезийцы, которые успешно усвоили националистическую школу Сукарно, упорно называют себя индонезийцами, не вдаваясь в выяснение своей этнической принадлежности.

Итак, рассмотрение фактов во всей их совокупности позволяет сделать следующие выводы. В Индонезии идут параллельно два процесса: с одной стороны, процесс естественной этнической консолидации отдельных этносов страны в народности, нации и некие сложные переходные общности, не имеющие пока адекватного терминологического определения; с другой — процесс отчасти естественного, отчасти искусственного формирования общеиндонезийского единства, имеющего суперэтнический, супернациональный характер. Иначе говоря, образуется ряд очагов национального формирвания на фоне объективной тенденции к развитию общеиндонезийского единства — либо в форме многонационального государства, либо — мононационального («единая индонезийская нация»); последнюю тенденцию всячески подталкивает государство.

Оба эти процесса, в сущности, могут быть представлены в виде единого и идущего единовременно процесса этнического развития, состоящего из двух направлений: центростремительного, ведущего к образованию единой общности (одной нации), и центробежного, ведущего к образованию многих равноправных общностей (многих наций). В этом процессе с промежуточной стадией в виде общегосударственного полиэтнического единства ярко проявляется диалектика этнического развития любой сложной, полиэтнической общности.

О соотношении скоростей этих двух процессов (или двух направлений одного параллельного процесса) — роста общеиндонезийского и роста этнического самосознания — судить трудно. Многие причины, определяющие темпы развития, скрыты не только от глаз исследователей, но и от самих индонезийских граждан, вовлеченных в эти процессы. Американский исследователь Скиннер замечает по этому поводу: «Как бы то ни было, нет гарантии, что этничность [ethnicity] не станет более важной как следствие того самого процесса модернизации, который должен лежать в основе укрепления национального чувства. Когда крестьянин... узнает больше о своей стране, он больше узнает и об отличительных чертах своей sukubangsa [народности] в общем этническом составе нации, и о существующем распределении привилегий среди различных групп... В частности, он может направить свое недовольство против других групп — не только голландцев или китайцев, но и других „сукубангса" также. Здесь скрыты опасности. И вполне может быть, что этническое чувство [ethnic loyalties] в политически оформленном... виде будет расти интенсивнее, прежде чем восторжествует чувство национальное» [101, 11; см. также: 74а].

Несомненно, что многочисленные народы Индонезии связаны в единое культурно-историческое целое в рамках не только одного государства (государственно-политический фактор), но и в рамках некоего формирующегося на наших глазах сложного этнического целого (этнический фактор). Это новое единство не нашло еще удовлетворительного выражения в научной терминологии, хотя необходимость в уточнении терминологии назрела не только в связи с Индонезией, но и с другими странами, находящимися в аналогичных условиях,— с Филиппинами, Бирмой и многими другими. Некоторые

авторы, например С. И. Брук, Н. Н. Чебоксаров, называют подобную общность «национально-политической» [17, 106—107; правда, это определение они относят прежде всего к Индии]. С. И. Бруку и Н. Н. Чебоксарову принадлежит также определение «этно-политическая общность» [16, 28; 47, 79]. Ю. В. Ганковский предлагает именовать подобные общности «региональными»[8]. Ю. В. Бромлей, отмечая большую роль социальных факторов в развитии современных, сложных по этническому составу общностей, вводит понятие «этносоциального организма» [14, 29—33][9].

Нам представляется, что этническая ситуация в Индонезии может быть определена с помощью понятия «полиэтническая общность», используемого в данной статье, или близкого ему, но отражающего несколько иную сторону (и стадию) развития термина «полинациональная общность» [35, 27—28; 77, 102—103]. Ибо, действительно, налицо территориальное единое государство, в котором представлены различные этносы, проводящее общенациональную (= общеэтническую) политику от имени всех народов и — по крайней мере теоретически — во имя своих народов, рассматриваемых идеологами государства как единое целое, как нация.

Очень сложно отнести такую общность к определенному типу исходя из социально-экономической характеристики общества — прежде всего ввиду его многоукладности. По-видимому, правы те, кто полагает, что «необходимо, помимо двух основных типов наций — буржуазной и социалистической,— выделить еще один, новый, тип для обозначения наций, которые возникают в странах, освобождающихся от колониального и национального гнета» [31, 98].

Свидетельством того, что понятие «полиэтническая общность» входит в научную литературу, может служить недавняя работа норвежского ученого Ф. Барта, который пишет о poly-ethnic social systems —«полиэтнических социальных системах» [57, 16—17]. По отношению к Ин-

---

[8] Выступление на Конференции по национальному вопросу и национальным движениям стран Востока в Институте востоковедения АН СССР, 5—6 апреля 1966 г.

[9] «В современных условиях,— пишет он,— применительно к развивающимся странам, очевидно, можно тоже говорить об ЭСО (этносоциальных организмах.— *Ю. М.*), находящихся в переходном состоянии (иногда их называют „развивающиеся нации“)» [14, 31].

донезии аналогичные понятия употребляет индонезийский ученый Я. Б. Авэ, ныне живущий и работающий в Лейдене: в 1964 г. он писал о multi-national state of Indonesia — «многонациональном индонезийском государстве» [54, 265], а в 1970 г. о multi-ethnic state — «многоэтничном государстве» [55, 111].

Эта общность, как бы мы ее ни называли, при благоприятных условиях и за определенный конкретными условиями срок может, с точки зрения этнического состояния, развиться либо в многонациональное государство, либо в единую нацию.

Таким образом, в Индонезии представлены все типы этносов, вся шкала этнического развития — от родо-племенного уровня до суперэтнического, супернационального единства. Между этими крайними точками лежит ряд разнообразных этнических образований. Все в целом они в современных условиях представляют собой чрезвычайно динамичную шкалу развития собственно этноса и одновременно развития этносоциального организма [10].

Считая тенденцию к формированию этнически единой индонезийской нации прогрессивной и в широком, всемирно-историческом масштабе неотвратимой, следует в то же время иметь в виду, что она является прогрессивной лишь при условии демократического развития страны, без национального угнетения в каких бы то ни было формах, без принудительной ассимиляции и национальной идентификации, без национально-шовинистических устремлений. Каждый народ страны должен иметь возможность достичь максимального развития своей национальной культуры, получить самоопределение в соответствии со своей волей, степенью достигнутого этнического развития и, разумеется, в интересах всей страны и народов, ее населяющих. Конечно, при определении путей развития такой сложной в этническом отношении страны, как Индонезия, нельзя забывать и о ее месте в современной мировой политике. Важно лишь, чтобы направление этнонационального развития отвечало как демократическим чаяниям народов самой Индонезии, так и интересам демократического развития во всем мире.

---

[10] Учитывая полиэтнический характер государства, мы с равным правом можем говорить и о развитии полиэтнического этносоциального организма.

Народы Индонезии, которые вели длительную героическую борьбу с голландскими и прочими захватчиками, с силами международного империализма и добились независимости, сумеют отстоять ее и на новом этапе борьбы, когда империализм выступает в форме неоколониализма. Правильный подход к решению этнонациональных проблем страны будет лишь содействовать успеху этой борьбы.

Источники и литература

1. Ленин В. И., К характеристике экономического романтизма,— т. 2.
2. Ленин В. И., О праве наций на самоопределение,— т. 25.
3. Ленин В. И., Пробуждение Азии,— т. 23.
4. Ленин В. И., Тезисы реферата по национальному вопросу,— т. 24.
5. Айдит Д. И., Индонезийское общество и индонезийская революция, М., 1958.
6. Акопян Г. С., О двух тенденциях национализма угнетенных и развивающихся наций (К постановке вопроса),— «Народы Азии и Африки», 1970, № 5.
7. Александров Ю. Г., Переселенческий вопрос в Индонезии,— «Актуальные проблемы экономики стран Азии», М., 1965.
8. Алиева Н. Ф., Некоторые аспекты развития индонезийского языка как государственного языка Республики Индонезии,— «Языки Юго-Восточной Азии», М., 1967.
9. Андреев Г. А., Развитие местной автономии в Республике Индонезии,— «Очерки из истории Юго-Восточной Азии», М., 1965.
10. Антипов В. И., Индонезия (Экономико-географические очерки), М., 1961.
11. Архипов В. Я., Экономика и экономическая политика Индонезии (1945—1968), М., 1971.
12. Беленький А. Б., Национальное пробуждение Индонезии, М., 1965.
13. Беленький А. Б., Ильичев Б. И., Некоторые уроки событий в Индонезии,— «Коммунист», 1968, № 15.
14. Бромлей Ю. В., К характеристике понятия «этнос»,— «Расы и народы», т. I, М., 1971.
15. Бромлей Ю. В., Козлов В. И., Ленинизм и основные тенденции этнических процессов в СССР,— «Советская этнография», 1970, № 1.
16. Брук С. И., Основные проблемы этнической географии, М., 1964.
17. Брук С. И., Чебоксаров Н. Н., Чеснов Я. В., Проблемы этнического развития стран зарубежной Азии,— «Вопросы истории», 1969, № 1.
18. Гневушева Е. И., Индонезия,— «Всемирная история», т. 9, М., 1960.

19. Губер А. А., Индонезия,— «Новая история стран зарубежного Востока», т. 2, М., 1952.
20. Губер А. А., К вопросу об особенностях формирования классов и партий в колониальной Индонезии,— «Вопросы новой и новейшей истории», М., 1958.
21. Губер А. А. и Деопик Д. В., Индонезия,— «Краткая всемирная история», кн. I, М., 1966.
22. Гузеватый Я. Н., Экономика современной Индонезии, М., 1960.
23. Гумилев Л. Н., Этнос и этносфера,— «Природа», 1970, № 1—2.
24. Демин Л., Над Мерапи облака (Очерки об Индонезии), М., 1971.
25. Демин Л. М., Японская оккупация Индонезии (1942—1945), М., 1963.
26. Другов А. Ю., Резников А. Б., Индонезия в период «направляемой демократии», М., 1969.
27. Жаров В. А., Индонезия на пути упрочения независимости (1949—1956), М., 1964.
28. Забозлаева О. И., Формирование рабочего класса Индонезии,— «Краткие сообщения Института востоковедения», XX, М., 1956.
29. Заказникова Е. П., Рабочий класс и национально-освободительное движение в Индонезии, М., 1971.
30. Ионова А. И., «Мусульманский национализм» в современной Индонезии, М., 1972.
31. «К итогам дискуссии по некоторым проблемам теории нации»,— «Вопросы истории», 1970, № 8.
32. Козлов В. И., Динамика численности народов, М., 1969.
33. Маретин Ю. В., Значение внутреннего рынка для Индонезии и трудности его формирования,— «„Третий мир“: стратегия развития и управления экономикой», М., 1971.
34. Маретин Ю. В., Особенности бахаса Индонесиа как государственного языка Республики Индонезии,— «Вопросы социальной лингвистики», Л., 1969.
35. Маретин Ю. В., Очаги национального формирования в Индонезии в условиях борьбы за общеиндонезийское единство,— «Тезисы конференции по истории, языкам и культуре Юго-Восточной Азии», Л., 1969.
36. Мирский Г. И., Армия и политика в странах Азии и Африки, М., 1970.
37. Народы Юго-Восточной Азии, М., 1966 («Народы мира. Этнографические очерки»).
38. Национально-освободительное движение в Индонезии (1942—1965), М., 1970.
39. Пахомова Л. Ф., Национальный капитал в экономике Индонезии, М., 1966.
40. Пахомова Л. Ф., Проблема борьбы Индонезии за экономическую самостоятельность,— «Проблемы экономической самостоятельности стран Юго-Восточной Азии», М., 1970.
41. Русев С. Р., Некоторые особенности внутриполитического положения в Индонезии в 50-х годах,— «Проблемы современной Индонезии», М., 1968.
42. Симония Н. А., Буржуазия и формирование нации в Индонезии, М., 1964.

43. Старушенко Г. Б., Нация и государство в освободившихся странах, М., 1967.
44. Сукарно, Индонезия обвиняет. Сборник статей и речей. Пер. с индонез. и англ., М., 1956.
45. Тюльпанов С. И., Очерки политической экономии (Развивающиеся страны), М., 1969.
46. Цыганов В. А., Национально-революционные партии Индонезии, М., 1969.
47. Чебоксаров Н. Н., Чебоксарова И. А., Народы, расы, культуры, М., 1971.
48. «Этническая история и современное национальное развитие народов мира. Тезисы», М., 1967.
49. «Этногенез и этносфера» (дискуссия),— «Природа», 1971, № 2.
50. Abidin A. Z., Membentuk negara islam, Djakarta, 1956.
51. Abidin A. Z., Pendidikan bangsa, Djakarta, 1952.
52. Adjitorop J., Sukarno's Concept and National Unity,— «New Age», Delhi, 1957, vol. 6, № 6.
53. «Angkatan Bersendjata», Djakarta, 25.VII.1969.
54. Avé J. B., The Dyaks of Kalimantan, an Ethno-Political Sketch,— «Contributions at the 1964 Peking Symposium», Peking, 1964.
55. Avé J. B., Suggestions for a More Practical Classification of the Ethnic Groups in the Republic of Indonesia,— «Anniversary Contributions to Anthropology», Leiden, 1970.
56. Bachtiar H. W., Negeri Taram,— Koentjaraningrat (Ed.), Villages in Indonesia, Ithaca, 1967.
57. Barth F. (Ed.), Ethnic Groups and Boundaries: The Social Organization of Culture Differences, Bergen, 1970.
58. «Basic Policy for the Solution of the Chinese Problem», Djakarta, 1967.
59. Bodenstedt A. A., Sprache und Politik in Indonesien: Entwicklung und Funktionen einer neuen Nationalsprache, München, 1966.
60. «Bulletin of Indonesian Economic Studies», Canberra.
61. «Continuity and Change: Four Indonesian Cabinets since October 1, 1965, with Scattered Data on their Members' Organization and Ethnic Affiliations, Age and Place of Birth»,— «Indonesia», Ithaca, vol. 2, October 1966.
62. «Data on the Current Military Elite»,— «Indonesia», Ithaca, vol. 1(3), April 1967.
63. Feith H., The Decline of Constitutional Democracy in Indonesia, New York, 1964.
64. Geertz Cl., Religion of Java, Glencoe, 1960.
65. Go Gien Tjwan, Eenheid in verscheidenheid in een indonesische dorp, Amsterdam, 1966.
66. Gunadi, Nasion Indonesia (sedikit tentang lahir dan haridepannja), Djakarta, 1961.
67. «Harian rakjat», Djakarta.
68. Hazairin, Indonesia — satu mesdjid, Djakarta, 1952.
69. Hindley D., Alirans and the Fall of the Old Order,— «Indonesia», Ithaca, vol. 9, April 1970.
70. Jaspan M. A., Bangsa dan sukubangsa di Indonesia,— «Situasi di daerah-daerah», Jogjakarta, 1957.
71. Kahin G. McT., Nationalism and Revolution in Indonesia, Ithaca, 1955.
71a. Krisnamurthy S., Survey of Source Material and Recent

Research: Central — Local Relations in Indonesia,— «International Studies», Delhi, 1968, vol. 9, April.
72. Kroef J. M. van der, Economic Origins of Indonesian Nationalism,— «South Asia in the World Today», ed. by P. Talbot, Chicago, 1950.
73. Kroef J. M., van der, Problems of Chinese Assimilation,— Kroef J. M. van der, Indonesia in the Modern World, pt. I, Bandung, 1954.
74. Legge J. D., Central Authority and Regional Autonomy in Indonesia: a Study in Local Administration 1950—1960, Ithaca, [1961].
74a. Liddle R. W., Ethnicity, Party, and National Integration: an Indonesian Case Study, New Haven,— London, 1970.
74б. Leimena J., The Task of Restoring Fellowship within the Church and the Indonesian Nation,— «South East Asian Journal of Theology», Singapore, 1968, № 3.
75. McNicoll G., Internal Migration in Indonesia: Descriptive Notes,— «Indonesia», Ithaca, 1968, № 5.
76. McVey R. Th. (Ed.), Indonesia, New Haven, 1963 («Survey of World Culture», 12).
77. Maretin Y. V., On the National and Ethnic Development of Indonesia Today,— «Countries and Peoples of the Pacific Basin. Summaries of Articles by Soviet Scholars», Moscow, 1971.
78. Maryanov G. S., Decentralization in Indonesia as a Political Problem, Ithaca, 1958.
79. «Merdeka», Djakarta, 25—26 Agustus 1969.
80. Moenaf H., Ensiklopedi islam «Ichtisari», Djakarta, 1958.
81. Nasution A. H., Sedjarah kebangsaan, Djakarta, 1951.
81a. Nawawi M. A., Stagnation as a Basis of Regionalism: a Lesson from Indonesia,— «Asian Survey», Berkeley, 1969, vol. 9, № 12.
82. Niel R. van, The Emergence of Modern Indonesian Elite, Chicago, 1960.
83. Notosoetardjo H. A., Kepribadian revolusi bangsa Indonesia, Djakarta, 1964.
84. Notosoetardjo H. A., Peranan agama islam dalam revolusi Indonesia, Djakarta, 1963.
85. Nugroho Notosusanto, Indonesia — Facts and Figures, Djakarta, 1968.
86. Penny D. H., Singarimbun M., Economic Activities among the Karo,— «Bulletin of Indonesian Economic Studies», Canberra, 1967, № 6.
87. Penny D. H., Thalib D., Survey of Recent Events,— «Bulletin of Indonesian Economic Studies», Canberra, 1969, № 12.
88. «Perdagangan antara pulau menurut djenis barang. April — Djuni, 1960», Djakarta, 1960.
89. Petrus Blumberger J. T., De Indo-Europeesche beweging in Nederlandsch-Indië, Haarlem, 1939.
90. Petrus Blumberger J. T., De nationalistische beweging in Nederlandsch-Indië, Haarlem, 1931.
91. Pluvier J. M., Overzicht van de ontwikkeling der nationalistische beweging in Indonesië in jaren 1930 tot 1942, 's-Gravenhage — Bandung, 1953.
92. Pringgodigdo A. K., Sedjarah pergerakan rakjat Indonesia, tjet. ke-3, Djakarta, 1950.

93. «Prospek perekonomian Indonesia tahun 1969», Djakarta, 1969.
94. Rutgers S. J., Sedjarah pergerakan nasional Indonesia, Surabaja, 1951.
95. Salzner R., Sprachenatlas der Indopazifischen Raumes, Wiesbaden, 1960.
96. Saroso Wirodihardjo, Masalah perdagangan dan politik ekonomi Indonesia, Djakarta, [1956].
97. «Satu nusa, satu bangsa, satu bahasa: Indonesia», [Djakarta, 1961].
98. «Sensus perindustrian 1964, I (Hasil pendaftaraan industri besar-sedang)», Djakarta, 1964.
99. «Sepuluh inteligensia tentang pembangunan masjarakat dan negara Republik Indonesia», [Jogja], 1950.
100. Sitorus L. M., Sedjarah pergerakan Indonesia, tjet. ke-2, Djakarta, 1951.
101. Skinner G. W. (Ed.) Local, Ethnic, and National Loyalties in Village Indonesia: a Symposium, New Haven, 1959.
102. Slametmuljana, Nasionalisme sebagai modal perdjuangan bangsa Indonesia, dj. 1—2, Djakarta, 1968.
103. «Statistical Pocketbook of Indonesia», Djakarta.
104. Suharto, Address of State Delivered by H. E. President Suharto to the Dewan Perwakilan Gotong Royong on the Eve of Independence Day 16th of August 1968, [Djakarta, 1968].
105. Suharto, The State of a Nation,— «The Indonesian Review of International Affairs», Djakarta, 1970, v. I, № 1.
106. Sukarno, An Autobiography as Told to Cindy Adams, Minneapolis, 1965.
107. [Sukarno], Manifesto Politik Republik Indonesia. 17 Augustus 1959, tjet. ke-4, Djakarta, [1961].
108. Sukarno, Tjapailah bintang[2] dilangit (Tahun Berdikari), Djakarta, 1965.
109. Supomo R., Indonesia Facing Problems of New Life and Reintegration, Djakarta, [1958].
110. Susanto Tirtoprodjo, Sedjarah pergerakan nasional Indonesia (1908—1945), Djakarta, 1962.
111. Tan T. K. (Ed.), Sukarno's Guided Indonesia, Brisbane, 1967.
112. Tobing Ph. O. L., «Bhinneka tunggal ika» dasar kepribadian Indonesia, Makassar, 1961.
113. Vredenbregt J., De Islam in het moderne Indonesië,— «Oost en West», 's-Gravenhage, 1968, d. 61, № 12.
114. Wertheim W. F., Indonesian Society in Transition: a Study of Social Change, The Hague — Bandung, 1959.
115. Willmot D., The Chinese of Semarang: a Changing Minority Community in Indonesia, Ithaca, 1960.
116. Wiranata Kusumah R., Islamietische demokratie in teorië en praktijk, Bandung, 1948.
117. Withington W. A., Migration and Economic Development: Some Recent Spatial Changes in the Population of Rural Sumatra, Indonesia,— «Tijdschrift voor economische en sociale geographië», 1967, d. 58, № 3.
118. Yamin M., Dasar Negara Republik Indonesia dalam Konstituante, dj. I, [Bandung, 1958].
119. Yamin M., 6000 tahun sang merah putih, Djakarta, 1958.
120. Yamin M., Pembahasan undang-undang dasar Republik Indonesia, [Djakarta, 1961].

Л. М. Демин

Восстание в Блитаре против японских оккупантов (февраль 1945 г.)

В годы второй мировой войны Индонезийский архипелаг был оккупирован вооруженными силами империалистической Японии. Эту агрессивную державу давно привлекали огромные природные богатства Индонезии, ее достаточно емкий рынок, возможности приложения монополистического капитала, значительные людские ресурсы страны и ее важное стратегическое положение. Это определяло и конкретные задачи японской оккупационной политики. Среди них не последнее место занимало стремление использовать 70-миллионное население Индонезии в качестве даровой рабочей силы на разного рода военно-стратегических работах в Юго-Восточной Азии, а также в качестве пушечного мяса на фронтах, в первую очередь для обороны самой Индонезии на случай возможной высадки англо-американских войск. По мере того как военно-стратегическое положение Японии ухудшалось, верховное командование императорской японской армии было вынуждено перебрасывать ряд своих частей с островов Индонезийского архипелага в районы непосредственных военных действий, ставя вопрос об их замене индонезийскими формированиями.

В ряде работ советских и зарубежных исследователей нашли довольно полное отражение общие черты японской оккупационной политики в Индонезии, в част-

ности создание японскими оккупационными властями различных воинских и военизированных формирований из индонезийцев. В 1963 г. автор настоящей статьи опубликовал монографию «Японская оккупация Индонезии (1942—1945 гг.)», в которой попытался осветить вопрос о создании индонезийских воинских формирований в вышеуказанные годы и антияпонских выступлений в их рядах. Однако с тех пор советским исследователям стали доступны новые, заслуживающие внимания источники, которые дают возможность изучить эту тему более глубоко и всесторонне. Достаточно назвать хотя бы выпущенный в Голландии ценный сборник документов о деятельности японской военной администрации в Индонезии [8]. Советский ученый Р. Э. Севортян убедительно показал в своей статье, какое место в политике японского империализма в Индонезии занимала так называемая Добровольная армия защитников родины[1] [3, 145—157]. Однако он не ставил своей задачей специально разбирать историю антияпонских выступлений в частях этой армии. Из зарубежных авторов, писавших более или менее обстоятельно о периоде японской оккупации Индонезии, можно назвать американских исследователей Элсбри, Кэйна и Бенда, а также пакистанца Азиса [7; 9; 6; 4]. К сожалению, из всех этих работ мы можем почерпнуть мало фактов, непосредственно касающихся борьбы против оккупантов в рядах индонезийских воинских формирований.

Более подробно эту борьбу, в частности восстание блитарского батальона в Восточной Яве в феврале 1945 г., освещают индонезийские авторы. Среди них можно назвать Сухуда Правироатмоджо, командовавшего ротой в блитарском батальоне. Как очевидец событий он написал книгу воспоминаний —«Вооруженная борьба против японского фашизма» [14]. Эта довольно объемистая работа, написанная в живой очерковой форме, пожалуй, и есть самый подробный рассказ о событиях в Блитаре. Другой индонезийский автор, Омар Бахсан, написал книжку об армии ПЕТА, упоминая в ней и о блитарском восстании [5]. Следует также назвать работу Сихомбинга «Индонезийская молодежь против японского фашизма» [17], где автор уделяет внимание и меро-

---

[1] Впоследствии ее стали называть «Защитниками родины», или по-индонезийски сокращенно ПЕТА («Pembela Tanah Air»).

приятиям оккупантов по созданию индонезийских воинских и военизированных формирований, и антияпонскому, преимущественно молодежному, движению в их рядах.

В № 2 за 1964 г. журнала Джакартского университета появилась статья Нугрохо Нотосусанто, в которой сообщались небезынтересные и во многом новые сведения о создании армии ПЕТА [12, 285—290]. Автор сообщает, что формированием частей ПЕТА и подготовкой командных кадров для ее батальонов непосредственно занимались специальные разведывательные службы японской оккупационной армии.

Тот же автор выступил с докладом, посвященным восстанию блитарского батальона армии ПЕТА, на IV Международной конференции по истории Азии, проходившей в августе 1968 г. в малазийской столице [13]. Выбор подобной темы индонезийским историком отнюдь не случаен. Нугрохо Нотосусанто не только профессор Джакартского государственного университета, но и представитель военного исследовательского центра, армейский полковник. В современных условиях, когда армия играет важную политическую роль в государстве, связанные с официальным режимом ученые проявляют интерес к истории вооруженных сил страны.

Особенность сравнительно небольшого доклада Нотосусанто в том, что автор опирается на материалы устных бесед с большим кругом уцелевших участников блитарского восстания, относясь критически к другим индонезийским авторам. Так, он указывает, что книга С. Правироатмоджо не основывается полностью на заслуживающем доверия фактическом материале. Этот автор не был непосредственным участником восстания. Он довольно точен, по мнению Нотосусанто, пока описывает формирование и историю батальона до начала восстания, а далее теряет грань между подлинной историей и литературным вымыслом [13, 2]. Более правдивую картину, как подчеркивает докладчик, рисует участник восстания Суйоно Рахарджо, выступивший с небольшой статьей в одном из индонезийских журналов [15, 46—57].

Следует подчеркнуть, что ко всем вышеуказанным авторам нужно относиться критически. Их работы несомненно тенденциозны. Современные авторы, подобные Нотосусанто, могут быть отнесены к идеологам «нового порядка», выполняющим определенный заказ — оправ-

дать роль вооруженных сил как политического руководителя в государстве. Среди представителей современной индонезийской военно-бюрократической верхушки немало бывших офицеров армии ПЕТА, выходцев из консервативных кругов, в свое время коллаборационистски настроенных и далеких по своим убеждениям от тех, кто вел действительную борьбу против японских оккупантов. Тщетно было бы искать в работах подобных авторов точную социальную характеристику армии ПЕТА, в первую очередь — ее офицерского состава, который подбирался по усмотрению японского командования. Наоборот, можно уловить тенденцию всячески прославлять прошлое вооруженных сил Индонезии, переоценивать размах антияпонских настроений в армии ПЕТА и драматизировать положение ее солдат и офицеров, которое не было, по-видимому, столь бедственным и материально тягостным, как положение основной массы населения в годы японской оккупации.

Напомним кратко, что армия ПЕТА была не единственным типом военизированных или военных формирований из индонезийцев. Кроме нее японские власти создавали специальные трудовые батальоны Хейхо. Они входили в состав японских вооруженных сил как вспомогательные подразделения и предназначались для обозного обслуживания армии, переноски тяжелых грузов, строительства укреплений, разгрузки транспортных судов. Положение солдат Хейхо было исключительно тяжелым — изнурительный физический труд, скудный паек. Оно почти ничем не отличалось от положения так называемых ромуся — насильственно мобилизованных для отбывания трудовой повинности крестьян и рабочих. Многие из них направлялись для строительства дорог и фортификационных сооружений за пределы страны: в Бирму, на острова Тихого океана и в другие места. Десятки тысяч ромуся гибли от каторжного труда, голода и болезней.

Создавались и молодежные организации, объединявшие городскую и сельскую молодежь и поставленные под строгий контроль японской администрации. Они проходили военное обучение и подвергались усиленной идеологической обработке в прояпонском духе, считаясь резервом воинских формирований. Впоследствии члены этих организаций должны были включаться в части ПЕТА и Хейхо [17, 77—128].

Начало создания армии ПЕТА относится к осени 1943 г. Оккупационные власти при этом устроили пропагандистский трюк, инспирировав «обращение представителей местной общественности» с «требованием» разрешить создание «собственных» индонезийских вооруженных сил, чтобы «участвовать в общей священной войне против белого империализма». С подобным обращением к японскому командованию выступил 7 сентября 1943 г. Гатот Мангкупраджа, старый соратник Сукарно по Национальной партии, сидевший вместе с ним на скамье подсудимых во времена голландского колониального господства [12, 285].

Разрешение, разумеется, последовало, поскольку японские армейские разведывательные службы, давно уже планировали формирование такой армии и даже задолго до этого начали готовить соответствующие кадры. В январе 1943 г., т. е. почти за девять месяцев до «обращения представителей индонезийской общественности», был открыт молодежный учебный центр Сейнен Доджо в Тангеранге. Первая группа учащихся состояла примерно из 50 человек. Среди них были такие лица, ставшие затем видными деятелями индонезийских вооруженных сил, как Зулкфикли Лубис (один из лидеров антиправительственного мятежа в Центральной Суматре в конце 50-х годов) и Кемаль Идрис (командующий корпусом стратегических сил во второй половине 60-х годов) [12, 287].

3 октября 1943 г. командующий 16-й японской армией, оккупировавшей Яву и Мадуру, издал приказ № 44, предписывавший формирование батальонов армии ПЕТА в этом районе. В том же месяце в Богоре были открыты краткосрочные офицерские курсы. Выпускники учебного центра в Тангеранге были привлечены в качестве инструкторов богорских курсов, где было несколько подразделений, готовивших командиров взводов (сетайтё), рот (тютантё) и батальонов (дайтансё) [12, 287—288].

Термин «армия» применительно к ПЕТА неточен. Никакого единого целого части ПЕТА не представляли. Они не имели общего командования и штаба, не сводились в полки и в соединения. Каждый батальон подчинялся местному японскому армейскому начальнику. В каждом административном округе (кабупатене) формировался обычно один батальон, а в области (резидентстве) — от двух до пяти. Кроме Явы и Мадуры баталь-

оны армии ПЕТА формировались только на Бали. На Суматре были сделаны попытки формирования индонезийских частей только к самому концу оккупации, но они практического значения уже не имели [12, 285—286].

Сперва японским властям с помощью пропаганды удалось добиться сравнительно благожелательной реакции населения на начавшееся в конце 1943 и в начале 1944 гг. формирование батальонов ПЕТА, привлечь в ее ряды некоторое число добровольцев. Но в дальнейшем картина изменилась. Оккупантам приходилось тогда прибегать к мобилизации индонезийской молодежи.

Численность армии ПЕТА была сравнительно невелика. Общее число ее батальонов к концу оккупации достигло 81, а личный состав — 37 тыс. человек. В одном батальоне было 450—500 человек [2, 42; 4, 230].

Части ПЕТА предназначались в качестве территориальных сил обороны в помощь основным японским силам на случай вторжения на острова архипелага англо-американских частей. Нотосусанто, ссылаясь на японский источник, утверждает, что оборонительные планы японцев в архипелаге строились с учетом трех эшелонов обороны. Первую линию занимали индонезийские части, которые должны были принять на себя основной удар западных союзников и тем самым избавить основные японские силы, составлявшие второй эшелон, от лишних потерь. Третий эшелон занимали отдельные японские и индонезийские отряды, которые должны были вести партизанские действия в горных районах в том случае, если бы основные прибрежные районы оказались в руках англо-американских войск [12, 289]. В начале 1945 г. представитель японского командования капитан Янагава сформировал часть армии ПЕТА специального назначения на случай возможных партизанских действий (под кодовым названием Игго Киммутай). Штаб части находился в Бандунге [12, 288].

В дальнейшем на базе сравнительно небольшой армии ПЕТА японское командование предполагало развернуть более значительный контингент для использования в качестве пушечного мяса на фронтах Юго-Восточной Азии. Но ненадежность индонезийской армии, охваченной антияпонскими настроениями, помешала осуществить этот план.

Социальный состав армии ПЕТА достаточно убедительно показал Р. Э. Севортян в своей статье [3,

147—150]. Рядовой состав комплектовался в основном за счет выходцев из крестьян, сержанты и младшие офицеры в большинстве своем были из учителей, мелких чиновников, мелкой буржуазии. Именно эта часть армии оказалась постепенно охваченной антияпонскими, патриотическими настроениями и участвовала в открытых выступлениях против оккупантов. Среди командиров батальонов и частично рот было немало выходцев из состоятельной кулацко-помещичьей, буржуазной и даже феодальной верхушки, поставленных в армии в привилегированные условия. Обычно эти консервативно настроенные люди были противниками какой-либо открытой или подпольной антияпонской деятельности в батальонах. Характерно, что от участия в восстании уклонились как сам командир блитарского батальона, так и трое из четырех ротных командиров, а также большинство офицеров штаба [13; 14].

Чтобы объяснить причины блитарского восстания, а также других антияпонских выступлений в частях ПЕТА, необходимо представить себе общую обстановку в батальонах. Все части ПЕТА находились под строгим контролем японского командования. В каждом батальоне имелись японцы-инструкторы. При командире батальона находился старший инструктор, отвечавший за боевую подготовку и моральное состояние части. В каждой роте полагалось иметь одного младшего офицера-японца и несколько японских сержантов или капралов в качестве младших инструкторов. Они фактически были хозяевами в батальоне, третируя и оскорбляя офицеров-индонезийцев, имевших обычно более высокий чин. Японские инструкторы занимались усиленной идеологической обработкой индонезийцев, стараясь разжечь ненависть к европейцам и внушая, что священный долг индонезийского народа — участвовать в войне на стороне Японии. Но в то же время японские инструкторы восстанавливали против себя индонезийцев грубостью, заносчивостью, нередко позволяя себе рукоприкладство, о чем свидетельствуют индонезийские авторы.

Умар Бахсан в своей книге о ПЕТА пишет, что вся жизнь в этой армии была пропитана жестокой муштрой, духом расовой дискриминации. Насаждалась палочная дисциплина. Японские инструкторы не заботились о бытовых нуждах и питании индонезийских военнослужащих. Подобная обстановка была не только в батальонах,

но и на офицерских курсах в Богоре, где особой жестокостью отличался руководитель курсов капитан Янагава. Курсантам приходилось пить загрязненную воду из реки, куда сбрасывались отходы расположенной неподалеку каучуковой фабрики. Однажды во время учения один взвод курсантов в порядке дисциплинарного взыскания должен был простоять на коленях с семи часов вечера до утра. За время обучения трое курсантов умерло от недоедания и физического переутомления [5, 9—10]. Подобные факты уже не могли не создавать почву для роста антияпонских настроений. Правироатмоджо более сдержанно отзывается о японцах. Но и он пишет, что противоречия между индонезийскими и японскими офицерами создавали напряженную обстановку в батальоне [14, 91].

Жизнь в батальонном лагере, окруженном колючей проволокой, напоминала жизнь в лагере для заключенных. Японское командование преднамеренно стремилось держать индонезийских военнослужащих в строгой изоляции, не допуская каких-либо контактов между отдельными батальонами и сводя до минимума контакты с местным населением. Это делалось для того, чтобы помешать налаживанию связей сил сопротивления с ПЕТА, консолидации между отдельными частями и распространению правды среди военнослужащих-индонезийцев о тяжелом положении страны и бедствиях народа под пятой оккупантов.

Нотосусанто пишет, что длительное время солдатам блитарского батальона вообще не разрешалось общаться с родными. Лишь во время военных маневров за пределами города они видели бедность народа, которая становилась все более и более вопиющей [13, 4—5]. В дальнейшем контакты с местным населением не удалось полностью исключить. В батальоны проникали сведения о бедственном положении народа, о систематических реквизициях у крестьян скота и продовольствия, о массовом голоде в стране и терроре оккупантов.

Батальоны ПЕТА стали систематически использоваться на строительстве разного рода фортификационных сооружений в прибрежных районах Явы. Здесь же трудились и ромуся, насильственно мобилизованные из соседних деревень. Индонезийские солдаты были свидетелями рабского, изнурительного труда ромуся. Вот достаточно яркое свидетельство Нотосусанто: «Ранним ут-

ром люди, похожие на скелеты, собирались, чтобы рыть бункера в твердой коралловой почве. Им приходилось рубить и таскать лес, носить камни и песок, делая это часами, без отдыха. Если они делали передышку, то рисковали подвергнуться оскорблениям и побоям» [13, 7]. Никаких лагерей для ромуся не устраивалось. Жили они под открытым небом. От недоедания, изнурительного труда и болезней, среди которых особенно распространенными были малярия и дизентерия, ромуся умирали массами. Но на место погибших прибывали новые мобилизованные, оторванные от семей и домашних очагов.

Нотосусанто пишет, что к концу 1944 г. в результате этих непрерывных мобилизаций мужское население окрестных деревень настолько сократилось, что стали мобилизовывать женщин [13, 8—9]. По свидетельству того же автора, солдаты-индонезийцы, занятые на фортификационных работах, вступались за ромуся. На этой почве между военнослужащими ПЕТА и японскими надсмотрщиками не раз вспыхивали ссоры, нередко заканчивавшиеся драками. Индонезийцам это грозило судом военного трибунала.

Все эти факторы не могли не влиять на настроение личного состава армии ПЕТА, тяготившегося суровой обстановкой. Росли антияпонские настроения, охватывавшие не только рядовых и сержантов, но и определенную часть офицерства. Индонезийцы-солдаты не хотели быть слепым орудием в руках оккупантов, мириться с тем, что их готовят проливать кровь на фронтах Азии во имя чуждых им интересов поработителей, и стихийно втягивались в национально-освободительную борьбу. Это вызывало опасение и тревогу у японского командования. Инструкторы-японцы в редких случаях рисковали давать в руки солдат ПЕТА боевое оружие. Обычно солдаты-индонезийцы получали винтовки только на время маневров, а их повседневные занятия проходили с деревяшками [14, 144].

Японскому командованию не удалось предотвратить проникновение в армию ПЕТА освободительных идей. Источники не могут подтвердить наличие широких и регулярных связей антияпонских подпольных организаций, вокруг которых концентрировались наиболее радикальные силы сопротивления, с батальонами ПЕТА. Однако прямые и косвенные указания на наличие отдельных

контактов подобного рода имеются. Так, подразделение пурвакартского батальона, дислоцированное в Ренгасденгклоге к востоку от Джакарты, имело связи с силами сопротивления в столице.

Наиболее значительным антияпонским выступлением в армии ПЕТА было восстание блитарского батальона в Восточной Яве в феврале 1945 г.

Среди солдат и младших офицеров батальона давно зрело стихийное стремление повернуть оружие против японских оккупантов. Они надеялись, что выступление будет активно поддержано другими частями ПЕТА, а также народными массами. В батальоне усиленно распространялись слухи, что армия ПЕТА готовит восстание против оккупантов с целью добиться независимости вооруженным путем.

Рост антияпонских настроений усиливался по мере осложнения военно-политического положения Японии, испытавшей в конце 1944 — начале 1945 г. серьезные военные неудачи в районе Тихого океана. Эти неудачи подогревали националистические чувства даже среди той части офицеров, которые вначале были склонны сотрудничать с японцами и были противниками открытой борьбы с ними.

В подразделениях открыто говорили о необходимости быть готовыми к такому выступлению [13, 9]. По-видимому, офицеры блитарского батальона делали попытки установить контакты с соседними частями. Японское командование проводило сборы армии ПЕТА, где представители различных батальонов имели возможность встречаться и обмениваться информацией о положении в различных районах страны, о настроениях среди военнослужащих.

По свидетельству Нотосусанто, на настроения солдат батальона серьезно повлияло участие в конце 1944 г. в строительстве фортификационных сооружений совместно с ромуся. «Они видели жизнь на самом последнем уровне страданий, — пишет он. — В своих помыслах они предавались лучезарным мечтам о будущем, в котором не будет места страданиям и бедствиям» [13, 8].

Непосредственным толчком к восстанию в Блитаре послужил приказ японского командования батальону переместиться на северо-восточное побережье Явы для очередных фортификационных работ. Этот приказ вызвал широкое недовольство. Кроме того, среди солдат

стали распространяться слухи о том, что японцы намерены отправить батальон за пределы Явы на один из действующих фронтов. Хотя японское командование использовало батальон на строительстве укреплений в течение непродолжительного времени, а затем вернуло его в Блитар, это не рассеяло опасений относительно возможной отправки на фронт.

В батальоне сложилась небольшая группа инициаторов восстания. К ним относились адъютант командира батальона Муради, командиры взводов Суприйяди и Супарьоно, командиры отделений Мангкудиджая и Сунанто. Все они были молодыми людьми в возрасте немногим более 20 лет. Эта группа, собрав еще несколько надежных товарищей, провела в середине сентября 1944 г. первое секретное совещание. Затем совещания проводились регулярно, и на них обсуждались план и перспективы восстания. Вечером 13 февраля 1945 г., накануне дня восстания, состоялось последнее совещание. На нем было принято окончательное решение о выступлении батальона. Было решено, что первым делом батальон захватит склад с оружием, перебьет всех находившихся в Блитаре японцев и далее выступит из города четырьмя колоннами в разных направлениях, с тем чтобы затем сосредоточиться на лесистом склоне горы Келуд. Здесь предполагалось разбить укрепленный лагерь и ожидать восстания в других частях ПЕТА. Лидеры восстания, обосновывая решение выступить против превосходящих сил врага, говорили о страданиях народа, ждущего избавления от поработителей. Они утверждали также, что связь с другими батальонами достаточно налажена и поэтому восстание в Блитаре послужит той искрой, которая воспламенит всю армию ПЕТА и весь народ.

Из источников неясно, был ли у восставших четкий план дальнейших действий после занятия позиций в районе горы Келуд. Скорее всего, такого плана не было. Восставшие не представляли себе достаточно ясно, как следует использовать поддержку ромуся и окрестного населения. Дальнейшие события показали, что реальных контактов с другими батальонами, на которые так рассчитывали инициаторы восстания, не получилось. Более того, как указывает Нотосусанто, японское командование использовало соседние части ПЕТА и Хейхо для подавления блитарского восстания. Трудно судить на основе его кратких свидетельств, было ли это участие прямым,

косвенным или просто символическим, которое нужно было японцам хотя бы в чисто пропагандистских целях. Но факт остается фактом. Восстание не заставило другие батальоны последовать примеру своих товарищей из Блитара.

Батальон, причем далеко не в полном составе, выступил в ночь на 14 февраля 1945 г. Восставшие захватили склад с оружием и боеприпасами и вооружились. Затем был открыт минометный и пулеметный огонь по отелю «Сакура», где проживали японские офицеры, зданиям японской военной полиции кэмпейтай и других военных учреждений. По-видимому, часть японцев была перебита. На их уничтожении настаивал один из лидеров восстания, Муради, во время последнего совещания [13, 9].

На этой операции по разгрому японских учреждений и очистке города от японцев, по существу, закончились активные действия батальона. Затем восставшие выступили из Блитара в разных направлениях четырьмя колоннами. Во главе одной из них стоял командир взвода Сунарджо, другой — командир отделения Сунанто, третьей — батальонный адъютант Муради и командиры взводов Супарьоно и Джоно и четвертой — командир взвода Дарсип и командир отделения Тармуджи. Часть офицеров и солдат батальона осталась в городе, занимая колеблющуюся или выжидательную позицию.

Узнав о восстании, японское командование бросило в район Блитара пехотный полк из Маланга, усиленный артиллерийскими и танковыми подразделениями. Были мобилизованы также некоторые подразделения местных частей ПЕТА, Хейхо и индонезийской полиции. Днем 14 февраля японские силы заняли казармы блитарского батальона, покинутые восставшими.

Японское командование считало нежелательным прибегать к военному разгрому восстания, несмотря на явный перевес сил. К оружию собирались прибегнуть лишь в самом крайнем случае, — если не удастся путем переговоров склонить восставший батальон к возвращению в в Блитар и к покорности. Для достижения этой цели японцы были готовы пойти на различные уловки и лживые обещания. Такая позиция японского командования диктовалась отнюдь не мягкостью или терпимостью, а опасением широкой антияпонской реакции со стороны других частей ПЕТА и широких масс. «По существу, уловка была для японцев единственным прямым путем

к тому, чтобы подавить восстание без риска вызвать организованное восстание по всей Яве», — справедливо замечает Нотосусанто [13, 10—11]. Далее он высказывает предположение, что, если бы в районе Блитара произошло крупное вооруженное столкновение между восставшими и японскими войсками, сведения об этих событиях распространились бы по всей стране. Своими уловками японцы добились того, что другие батальоны узнали о восстании блитарского батальона сравнительно поздно [13, 11].

Японские военные руководители опасались цепной реакции, которая могла бы привести к краху всей затеи с созданием армии ПЕТА. Дальнейшее ухудшение положения Японии на фронтах Юго-Восточной Азии из-за высадки американских войск на Лусоне и на некоторых островах восточной части Индонезийского архипелага, а также воздушных налетов на Сурабаю заставило японцев перебросить некоторые части 16-й армии с Явы в район непосредственных военных действий. Поэтому приходилось дорожить даже такой ненадежной силой, как армия ПЕТА. Командующий 16-й армией направил в район Блитара для принятия срочных мер своего начальника штаба генерал-майора Ямамота. Брошенная сюда группа японских войск должна была блокировать расположение восставшего батальона и, избегая вооруженного столкновения, но угрожая силой оружия, склонить его к сдаче или к возвращению в гарнизон.

Если сопоставить версию Правироатмоджо и, по-видимому, более достоверную версию Нотосусанто, можно представить дальнейшую судьбу восставших следующим образом. Первая группа во главе с Сунарджо, двигавшаяся в северном направлении, провела ночь в деревне, в районе древнего храма Пенатаран, а наутро обнаружила, что окружена противником. В рядах противника оказались солдаты ПЕТА и индонезийские полицейские под командованием японца. Это вызвало замешательство в рядах восставших, не решившихся стрелять в своих соотечественников. Сунарджо решил бежать из окружения, переодевшись в гражданское платье. Часть его людей была схвачена в тот же день. Другие пытались рассеяться по окрестным деревням, но были схвачены позже.

Группа Сунанто, двигавшаяся в восточном направлении, в первый же день восстания была настигнута про-

тивником. Японское командование поручило следовавшим вместе с ними офицерам ПЕТА вступить в переговоры с восставшими и убедить их сложить оружие. Отряд Сунанто согласился сдаться и вернуться в Блитар, где всех его людей немедленно арестовали. Такая же судьба постигла на второй день отряд Дарсипа и Тармуджи, двигавшийся на юг. Он вернулся в Блитар, поддавшись уговорам самого командира батальона, и разделил судьбу своих товарищей.

Группа Муради, двигавшаяся в северо-западном направлении, принимала более активное участие в уничтожении японцев в Блитаре. Ей удалось сосредоточиться в лесистой местности на западном склоне горы Келуд. Здесь была сделана попытка организовать опорный пункт. Этот отряд продержался двое суток, в то время как превосходящие силы японцев окружали его позиции. В то же время японское командование направило в лагерь повстанцев парламентеров с предложением начать переговоры.

Лидеры восставших убедились в том, что надежды на одновременное выступление других батальонов ПЕТА не оправдались. Слабо вооруженный, лишенный припасов отряд был блокирован превосходящими силами противника, располагавшими всеми видами боевой техники. Поэтому Муради от имени восставших принял предложение начать переговоры. В результате лидер повстанцев согласился на возвращение батальона в Блитар, но на определенных условиях: отряд не будет разоружен, по возвращении в город повстанцы не будут преданы суду, японское командование не позволит больше своим военнослужащим дурно обращаться с индонезийцами, офицеры ПЕТА будут рассматриваться как равные японским офицерам соответствующих рангов.

Представитель японской стороны полковник Катагири согласился принять все эти условия, с тем чтобы вскоре вероломно нарушить данное слово и жестоко расправиться с восставшими. А пока японцы разыгрывали церемонию примирения. Катагири преподнес Муради в качестве подарка свой клинок. Прежде чем направиться со своим отрядом обратно в Блитар, лидер восставших объяснил своим людям условия соглашения и предложил желающим отделиться от отряда и поступить по своему усмотрению. Некоторые пытались скрыться, но были схвачены японцами в последующие дни.

Как и следовало ожидать, японские власти не замедлили начать расправу с восставшими. В Блитар из Джакарты была направлена группа офицеров японской военной полиции кэмпейтай, напоминавшей по своим методам гитлеровскую службу гестапо. После окончания расследования большая группа офицеров, сержантов и солдат батальона была направлена под конвоем в Джакарту. Там в штабе кэмпейтай продолжалось расследование с применением пыток. Наконец более 50 активных участников восстания предстало перед судом военного трибунала. 16 апреля 1945 г. суд вынес приговор. Восемь организаторов восстания, в том числе Муради, Супарьоно и Сунанто, были приговорены к смертной казни, остальные — к различным срокам тюремного заключения. Некоторые умерли в тюрьме из-за невыносимо тяжелых условий. Оставшиеся в живых были освобождены уже после провозглашения Республики Индонезии. Из видных руководителей восстания только одному Суприйяди удалось бежать. Дальнейшая его судьба неизвестна.

Неудача блитарского восстания объяснялась рядом объективных и субъективных причин. Восстание носило локальный характер, оно не имело надежных связей ни с другими частями ПЕТА, ни с антияпонскими силами сопротивления, ни с местным населением. Руководители восстания были молоды и не имели достаточного военно-политического опыта. Они не смогли выработать наступательный тактический план восстания, рассчитанный на широкую поддержку местного населения. Они не учитывали возможностей превратить батальон в ядро широкого антияпонского вооруженного движения. Как показал опыт борьбы с интервентами в 1945—1949 гг., Ява достаточно большой остров для того, чтобы здесь могли использоваться благоприятные возможности для длительных партизанских действий против хорошо вооруженного противника. Для налаживания связей между армией ПЕТА и запуганным окрестным населением требовалась кропотливая и серьезная организационная работа. Лидеры блитарского восстания не смогли сделать этого. Часть офицеров батальона во главе с батальонным командиром не приняла участия в выступлении, а затем, по существу, оказала помощь японскому командованию в маневрах, направленных на то, чтобы склонить восставших к прекращению сопротивления

и сдаче. Не исключено, что среди этих офицеров были люди, на которых японцы в начале 1945 г. все еще могли положиться как на своих вольных или невольных агентов. Да и некоторые из руководителей восстания повели себя нерешительно и, столкнувшись с первыми же трудностями, предпочли выполнить требования японского командования. Загадочным остается исчезновение Суприйяди. В Индонезии распространена версия о его гибели во время последующих облав, причем труп убитого мог быть не опознан. Официальная армейская печать пишет о нем как о национальном герое. Так, газета «Ангкатан берсенджата» в день годовщины блитарского восстания посвятила ему специальную статью [14.II.1970].

Все же не следует недооценивать значения блитарского восстания. Оно показало, что армия ПЕТА постепенно революционизировалась, пропитывалась антияпонскими настроениями, становилась важным резервом сил сопротивления, который в критический для японского империализма момент выступит с оружием в руках в борьбе за независимость родины.

Сихомбинг в своей книге, посвященной борьбе индонезийской молодежи против японских оккупантов, пишет: «Японцы смогли подавить восстание ПЕТА в Блитаре, но невозможно было погасить решимость молодежи разрушить все оковы. связывающие родину» [17, 206]. Оценивая значение блитарского восстания, Правироатмоджо говорит: «С военной точки зрения восстание не было значительным, но с точки зрения борьбы за свободу страны и народа его значение было очень велико» [14, 174]. В правительственном издании, посвященном провинции Восточная Ява, мы также находим упоминание о блитарских событиях: «Это военное восстание было разгромлено на полпути и в результате этого десятки молодых людей из ПЕТА были преданы пыткам, а некоторых из них ждал смертный приговор. Маска с японцев была сорвана, народ начал осознавать свою силу» [16, 6].

Стихийные антияпонские выступления происходили и в других батальонах армии ПЕТА. К сожалению, мы почти никаких подробностей не знаем. Источники обычно ограничиваются лишь упоминанием самого факта таких выступлений. Генерал Насутион в своей книге «Национальная армия Индонезии» упоминает о выступ-

лении группы индонезийских военнослужащих в районе Аче, на крайнем севере Суматры [10, 29].

Как ни пытались японские власти скрыть от населения, в особенности от солдат ПЕТА, правду о том, что произошло в Блитаре, слухи об этом постепенно распространились по всей Яве. Они усилили антияпонские настроения среди индонезийских солдат и офицеров. В числе батальонов, оказавшихся под непосредственным влиянием блитарских событий, можно, в частности, назвать пурвакартский батальон в провинции Западная Ява.

Здесь также давно зрели антияпонские настроения. В одной из рот, расположенной в Ренгасденгклоге, была создана подпольная организация «Сапу мас» («Золотая метла»). Название это символизировало готовность членов организации выметать чужеземных захватчиков с родной земли. Вскоре к этой организации примкнули люди из других рот. В начале лета 1945 г. была установлена связь с антияпонскими подпольными группами. Эти контакты помогли избежать тех ошибок и просчетов, которые были допущены руководителями блитарского восстания. К середине августа 1945 г. гарнизон в Ренгасденгклоге был уже достаточно подготовлен, чтобы выполнять роль вооруженной опоры столичных антияпонских подпольных организаций. Когда после капитуляции империалистической Японии индонезийские силы сопротивления в Джакарте готовились к провозглашению независимой республики и к возможной открытой борьбе с оккупантами, гарнизон Ренгасденгклога был базой этих сил.

В первые же дни после провозглашения независимости японское командование объявило о разоружении и роспуске армии ПЕТА. Во многих случаях индонезийские солдаты и офицеры уклонялись от сдачи оружия, уносили домой или прятали винтовки, пистолеты, гранаты. Во многих местах деморализованные японские части столкнулись с народными отрядами, которые брали инициативу в свои руки и разоружали японцев. В руки индонезийцев попало боевое оружие. Солдаты и офицеры бывшей армии ПЕТА вскоре стали вливаться во вновь формируемые боевые силы республики, на базе которых позднее была создана регулярная индонезийская армия.

Источники и литература

1. Демин Л. М., Японская оккупация Индонезии (1942—1945 гг.), М., 1963.
2. «Национально-освободительное движение в Индонезии (1942—1965 гг.)», М., 1970.
3. Севортян Р. Э., «Армия защитников отечества»: цели и результаты политики японского империализма в Индонезии (1943—1945),— «Из истории стран Юго-Восточной Азии», М., 1968.
4. Azis M. A., Japan's Colonialism and Indonesia, The Hague, 1955.
5. Bahsan O., Tjatatan ringkas tentang: PETA («Pembela Tanah Air») dan peristiwa Rengasdengklok, Bandung, 1955.
6. Benda H., The Crescent and the Rising Sun. Indonesian Islam under the Japanese Occupation 1942—1945, The Hague — Bandung, 1958.
7. Elsbree W. H., Japan's Role in Southeast Asian Nationalist Movements 1940 to 1945, Cambridge (Mass.), 1953.
8. «Japanese Military Administration in Indonesia: Selected Documents», New Haven (Conn.), 1965.
9. Kahin G. Mc. T., Nationalism and Revolution in Indonesia, New York, 1952.
10. Nasution A. H., TNI, Tentara Nasional Indonesia, dj. I, Djakarta, 1956.
11. «Nederlandsch Indie onder Japanese bezetting gegevens en documenten over de jaren 1942—1945», [б. м.], 1960.
12. Notosusanto N., Instansi jang melaksanakan pembentukan Tentara PETA,— «Madjalah ilmu² sastra Indonesia», 1964, dj. II, № 2.
13. Notosusato N., The Revolt of a PETA-battalion in Blitar, February 14, 1945,— «International Conference on Asian History, 5th—10th August 1968», Kuala Lumpur, 1968.
14. Prawiroatmodjo S., Perlawanan bersendjata terhadap fasisme Djepang, Djakarta, 1953.
15. Rahardjo S., Kisah singkat pemberontakan PETA Blitar,— «Madjalah PHB», 1959, Tahun IV, № 2/3.
16. «Republik Indonesia. Propinsi Djawa Timur», Djakarta, 1953.
17. Sihombing O. D. P., Pemuda Indonesia menentang fasisme Djepang, Djakarta, 1962.

А. И. Ионова

Проблема антиколониальной борьбы в общественно-политических взглядах Агуса Салима

Эпоха национального пробуждения, начало которой условно датируется для Индонезии 1908 г., выдвинула немало теоретиков, в центре внимания которых стояло идейное обоснование антиколониальной борьбы. Среди них на первых порах заметно выделялась фигура Агуса Салима.

До сих пор в исторической науке освещалась преимущественно политическая сторона деятельности Агуса Салима. Он, как известно, входил в плеяду лидеров Сарекат Ислама, первой индонезийской массовой организации, внесшей значительный вклад в развитие национально-освободительного движения в стране. Однако и в индонезийской, и в зарубежной историографии образ Агуса Салима-политика неизменно заслонял образ его как теоретика [1]. Между тем с именем Агуса Салима связано становление одной из форм идеологии национально-

[1] Одной из первых работ на русском языке, где затрагивались отдельные моменты истории Сарекат Ислама, была статья Н. Францевича [8], затем последовали специальные разделы в монографии А. А. Губера [4], в работе Е. П. Заказниковой [6]. Из зарубежных исследований см.: [9; 10; 13; 14; 17; 18; 21; 22; 23]. Для изучения идейных воззрений Агуса Салима наибольший интерес представляет монография А. Б. Беленького [1], в которой освещен начальный этап формирования «мусульманского национализма» в Индонезии.

освободительного движения в стране — индонезийской разновидности «мусульманского национализма».

Духовное воздействие этого теоретика испытали на себе многие мусульманские лидеры современной Индонезии, в первую очередь из партии Машуми: Картосувирьо и Хамка, Юсуф Вибисоно и Абу Ханифа. Некоторые идеи Агуса Салима и поныне присутствуют в трудах его последователей, иногда — в первозданном, но чаще в модифицированном виде.

Агус Салим (1884—1954) — выходец из знатной и состоятельной минангкабауской семьи (Западная Суматра). Ему приходился дядей один из первых и весьма влиятельных реформаторов ислама в стране, Ахмад Хатиб, мусульманский богослов и наставник, пользовавшийся большой известностью на рубеже XIX—XX вв. Тем не менее влияние религиозной среды на юного Агуса Салима было меньше, чем можно было ожидать. Положение отца, занимавшего по тем временам высокий для «туземца» пост судьи на о-ве Риау, позволило Агусу Салиму поступить в школу для детей европейцев. Там он подружился с Р. А. Хусейном Джайядинингратом. Этот представитель аристократической сунданской фамилии был в то время протеже Х. Снука Хюргронье. Как известно, последний пользовался славой не только выдающегося голландского исламоведа, но также имел репутацию весьма дальновидного, искушенного в своем деле чиновника колониальной администрации тогдашней Нидерландской Индии. Именно ему, в частности, принадлежала идея «духовной ассимиляции» индонезийцев с голландцами во имя воспитания колонизуемых в духе преданности колонизаторам [1, 56—57, 202—206].

Часть выходцев из среды индонезийской знати, в том числе Р. А. Хусейн Джайядининграт и молодой Агус Салим, поддались влиянию этой идеи «ассимиляции», рассчитывая, что приобретение европейских знаний приобщит их отечество к современному развитию. Так или иначе, но некоторые авторы (например, Г. Ф. Пейпер, Нотосутарджо) отмечали впоследствии, что на Агусе Салиме лежит печать духовного воздействия Снука Хюргронье [15, 23; 18, 20].

В школьные годы Агус Салим получил представление и о социалистических идеях. По его собственному признанию, это произошло при посредстве учителя, голландского социал-демократа [19, 31].

Свои первые самостоятельные шаги в трудовой жизни Агус Салим сделал на службе у колонизаторов. В 1906—1911 гг. он работал переводчиком в голландском консульстве в городе Джедда, через который шел основной поток индонезийских паломников в Мекку. По мнению ряда исследователей, в том числе Р. ван Нила, Солихина Салама, именно тогда у Агуса Салима зародился интерес к мусульманскому учению, особенно к его модернистско-реформаторским течениям, возглавлявшимся М. Абдо [14, 118; 19, 22].

Возвратившись на родину, Агус Салим работал сначала в голландской нотариальной конторе в Батавии (Джакарте). Затем он возвратился на Западную Суматру, где открыл частную среднюю школу. По существовавшим в те времена предписаниям колониальных властей, чтобы иметь право на преподавание, «туземцы» должны были сдавать специальный экзамен на учителя. И вот, чтобы сдать такой экзамен, Агус Салим в 1915 г. отправился на Яву. Здесь произошло событие, которое круто изменило всю его жизнь.

Все началось с того, что комиссар батавской полиции, с которым Агус Салим был знаком, попросил его разузнать, насколько оправданны слухи о подготовке Сарекат Исламом вооруженного мятежа. Когда сей добровольный соглядатай явился к Чокроаминото, известному лидеру этой организации, тот, по-видимому, знал о связях Агуса Салима с полицией. Однако при встрече Чокроаминото ничем не выдал то, что ему известен этот факт, более того — пригласил Агуса Салима принять участие в нескольких митингах Сарекат Ислама. Ознакомившись ближе с деятельностью Чокроаминото, Агус Салим, по его собственному признанию, был увлечен кипучей энергией, личным обаянием этого популярного народного лидера [14, 118—119; 19, 85—87]. В конце концов он вступил в члены Сарекат Ислама, и вскоре его имя все чаще стало упоминаться рядом с именами ведущих деятелей национально-освободительного движения тех лет.

На протяжении 20—30-х годов Агус Салим редактировал немало различных изданий, в первую очередь сарекатисламовских. В 1917 г. он вместе с Абдулом Муисом, другим соратником Чокроаминото, издавал газету «Нерача» («Весы»), в 1920 г. был редактором периодического издания «Бурух бергерак» («Рабочий

в борьбе»), в 1922 г. входил в редколлегию органа профсоюза служащих ломбардов — «Суара буми путра» («Голос сына отечества»), в 1922—1923 гг. издавал газету «Дуниа ислам» («Мир ислама»), в 1924 г.— «Индиа бару» («Новая Индия»), в 1927—1930 гг. вместе с Чокроаминото редактировал газету «Фаджар Асиа» («Заря Азии»), в 1931—1932 гг.— газету «Мустика» («Бриллиант»), а в 1936 г. был редактором журнала «Пергеракан» («Движение») [19, 109—110].

Период работы Агуса Салима в Сарекат Исламе знаменовался его растущим интересом к событиям, развертывавшимся в мусульманском мире и на всем Востоке. Особое внимание этого лидера привлекли, в частности, бурное развитие Японии и национально-освободительное движение в Индии, Китае, Турции. Недаром во многих своих статьях и книгах Агус Салим ссылался на опыт этих стран, приводя успехи революций и прогресса в жизни азиатских народов как одно из обоснований собственной концепции «мусульманского национализма» [20, 31—32, 147].

Вовлечение Агуса Салима в ряды Сарекат Ислама совпало со временем, когда тон в этой организации задавали мелкобуржуазные националисты во главе с Чокроаминото. Заботясь о своей массовой опоре, они активно поддерживали антиколониальные и антифеодальные выступления крестьян, прилагали немало усилий для организации рабочих в профсоюзы. Агус Салим не остался в стороне от этого рода деятельности. Впоследствии причастность к профсоюзной деятельности Сарекат Ислама дала повод голландскому профсоюзу служащих, действовавшему при нидерландской Социал-демократической рабочей партии (СДАП), пригласить Агуса Салима на должность советника при Международном бюро труда в Женеве. Кстати говоря, СДАП была одной из наиболее оппортунистически настроенных партий II Интернационала [2].

Пребывание в Европе при хорошем знании английского, голландского, французского, немецкого языков способствовало расширению кругозора Агуса Салима, помогло ему приобщиться к западноевропейской цивилизации. Однако все вновь увиденное и вновь полученное из западных источников осмысливалось им под углом

[2] О связях Агуса Салима с правой социал-демократией см. [14, 135; 16, 537—538].

зрения той части индонезийской интеллигенции, которая, по замечанию А. А. Губера, выражала интересы «буржуазно-националистического развития Индонезии» [5, 31]. В итоге влияние западной мысли на Агуса Салима было двояким. С одной стороны, из работ первых буржуазных просветителей и идеологов нидерландской, английской, французской и американской революций он черпал аргументы для идейного обоснования борьбы за национальное освобождение. С другой стороны, солидаризируясь с авторами буржуазно-либерального толка, он не шел дальше проповеди буржуазной демократии. В итоге антиколониальная борьба ограничивалась Агусом Салимом рамками утверждения национального государства, развивающегося на капиталистической основе. Обрушиваясь на всех тех, кто вслед за национальным освобождением ставил задачу всеобщего социального равенства, он охотно присоединялся к некоторым антикоммунистическим выпадам западноевропейской правосоциалистической пропаганды.

Идейное влияние Запада затронуло также и сферу религиозных воззрений Агуса Салима. Будучи хорошо знаком с трудами многих западноевропейских исламоведов, в первую очередь с работами X. Снука Хюргронье, он пытался сообразовывать выводы и заключения западного востоковедения с собственными исследованиями в области изучения мусульманской мысли прошлого и настоящего. Все это создало Агусу Салиму и на Западе, и у него на родине репутацию богослова-«интеллектуала».

Его теоретическое наследие насчитывает свыше двух десятков книг и брошюр, а также множество статей, речей и выступлений. Среди наиболее значительных работ Агуса Салима — книги «Обязанности и права» (1917 г.), «Право на собрание и объединение» (1919 г.), «Адат против ислама» (1934 г.), «Адат и право» (1935 г.), «Исповедание единобожия» (1936 г.), «Лекции об исламе» (1935 г.), «Мохаммед до и после хиджры» (1935 г.), «Последний посланник бога» (1937 г.), «Политическое движение в Индонезии» (1938 г.), «Индия на собственных ногах» (1937 г.), «Пятая обязанность в исламе» (1941 г.), «Как следует понимать предопределение, упование на волю бога и единобожие» (1948 г.), «Философское толкование единобожия, предопределения и упования на волю бога» (1953 г.).

Уже беглый просмотр литературного наследия Агуса Салима говорит о многом — о постепенном перемещении центра интересов автора с социально-политической тематики на богословскую, о перемене читателя, к которому были адресованы эти труды. Так, первые произведения Агуса Салима написаны на общедоступном для широких слоев местного населения индонезийском языке. Работы же 30-х годов изложены на голландском языке, которым владели лишь образованные, а в силу дороговизны образования — состоятельные круги соотечественников. Одновременно менялись манера и стиль письма. Первые теоретические выступления Агуса Салима пронизаны духом борьбы, бескомпромиссным и решительным. Публицистическая заостренность была свойственна выступлениям автора даже, казалось бы, на сугубо богословские темы. Да и сама религия не была самоцелью. За каждой строкой, за каждой мыслью светилась та цель, к которой тогда упорно стремился Агус Салим: освобождение от оков колониализма и связанного с ним старого общественного порядка. Последние же работы этого автора написаны в спокойно-умиротворенной манере. А если в них и вспыхивает искра полемики, то лишь для доказательства ненужности революционных перемен в условиях национальной независимости, поскольку ислам должен стать единственной неколебимой основой общественного и государственного устройства, путеводителем в личной жизни.

Подобная трансформация не случайна: то был закономерный итог постепенного сползания Агуса Салима с позиций буржуазного демократа на позиции умеренного либерала и далее — к консервативному образу мышления и действий. Условным водоразделом между первым и вторым этапом являлся 1920 год — год раскола Сарекат Ислама и изгнания из рядов этой организации по инициативе буржуазных националистов коммунистически настроенных членов. Между вторым и третьим этапом таким разделителем был 1945 год — год провозглашения независимой Республики Индонезии.

Для начального периода теоретической деятельности Агуса Салима характерно стремление обратить мысли соотечественников-единоверцев к земным делам, к активному участию в общественной жизни. Его высказывания на самые разнообразные темы, включая богословские, пронизывал дух оптимизма, а повествование велось та-

ким образом, чтобы пробудить в индонезийцах самых различных сословий всеохватывающее чувство гражданственности и ответственности за судьбы родины, чтобы даже самые забитые массы осознали свои человеческие и национальные права. При этом Агус Салим не исключал возможности революционных методов борьбы против колониального ига. Он утверждал, что народ имеет право на революцию, «если правительство узурпирует власть» [20, 104—107].

В статье «Развитие через действия», опубликованной в газете «Нерача» 15 сентября 1917 г., говорилось: «Народ, который хочет добиться независимости, хочет стать самостоятельным, опираясь на собственные силы и умение, не должен протягивать руку за подачкой, напротив, он должен пустить в ход свою силу... Прежде чем мы осознаем, что сильны и сами можем выполнить свой долг, нам нечего и думать о том, чтобы занять положение свободной нации». Не случайно эпиграфом к этой статье стоял гордый призыв древних римлян «Сквозь тернии — к звездам!» [20, 18].

Ссылаясь на пример европейских стран в эпоху буржуазных революций, Агус Салим отвергал распространявшуюся голландской официальной пропагандой идею относительно того, что индонезийцы сначала должны стать богатой нацией, а потом уже требовать независимости. «Свобода и права, затем — власть, а уже потом — накопление средств»,— таков был отклик на эту пропаганду со стороны Агуса Салима. Этой мыслью пронизана его статья, опубликованная в газете «Нерача» 11 октября 1917 г. под заголовком «Экономический прогресс» [20, 21].

Каковы же были те права, за которые ратовал тогда Агус Салим? Прежде всего, он требовал права собраний и объединений, права избирать и быть избранным в исполнительные и законодательные органы. Не последнее место отводилось гарантии свободы личности и ее прав, в первую очередь — имущественных, а также свободы слова и печати, свободы вероисповедания, но главное требование было — гражданское и юридическое равноправие всех жителей Нидерландской Индии [20, 104—107].

Обращает на себя внимание то, что на первых порах все эти высказывания Агуса Салима во многом перекликались с требованиями Чокроаминото. Однако уже тогда

проступали отдельные различия в их воззрениях, хотя над доктринами обоих в равной мере довлела идея национального освобождения. У Чокроаминото эта идея тесно переплеталась с мыслью о грядущем социальном освобождении и дополнялась признанием необходимости экономического «уравнения» в будущем [24, 27—32]. У Агуса Салима социальная тема, по существу, сводилась к типично буржуазной проповеди гражданского равноправия. Все, что не укладывалось в эти рамки, отвергалось.

Впервые борьба Агуса Салима с эгалитаристскими настроениями масс проявилась в его ожесточенных выступлениях против бытовавших в крестьянской прослойке Сарекат Ислама представлений о «Рату Адил» — справедливом государе. При всей своей утопичности эти представления отражали стихийно уравнительские мечтания масс, их надежды на конечное торжество добра и социального равенства при «справедливом» правлении. Агус Салим требовал покончить с подобного рода мессианством в Сарекат Исламе, объявив, что оно несовместимо с духом «истинного» мусульманского вероучения. Но, как верно подметил голландский исследователь Роберт ван Нил, главной причиной такого противоборства было то, что за представлениями о «Рату Адил» Агус Салим увидел силу, «не поддающуюся контролю», а потому счел их весьма «опасными» [14, 119].

С самого начала в выступлениях этого лидера Сарекат Ислама проскальзывала боязнь, что буржуазная интеллигенция и выходцы из состоятельных мусульманских кругов могут быть оттеснены от руководства национально-освободительным движением. Поэтому, в частности, в отличие от Чокроаминото, ратовавшего за просвещение широких масс народа, Агус Салим настаивал главным образом на требовании расширить для индонезийцев доступ в высшие учебные заведения. Лишь в молодежи с высшим образованием, а в условиях колониальной Индонезии это были в основном отпрыски богатых семей, Агус Салим видел будущих вождей антиколониальной борьбы. Он, кстати, немало сделал, чтобы их подготовить. В 1925 г. по инициативе Агуса Салима был создан Исламский союз молодых (Йонг исламиетен бонд), объединявший учащуюся молодежь. Впоследствии многие члены этого союза стали видными государственными деятелями и руководителями мусульманских буржуаз-

ных объединений, в первую очередь — Машуми. В их числе были Бурхануддин Харахап, Мохаммед Натсир, Мохаммад Дальоно, Абдуллах Сиддик, Касман Сингодимеджо.

Кроме того, в отличие от Чокроаминото Агус Салим был менее критически настроен в отношении современной ему «западной цивилизации». Хотя он и отмечал наличие «противоречий между рабочими и капиталистами», тем не менее восторженно писал о «демократических странах Европы», где правительство якобы «выражает волю народа» [20, 107, 110]. Агусу Салиму было не чуждо стремление воссоздать вокруг буржуазно-демократических идеалов иллюзию подлинного народовластия. Однако он понимал, что в условиях, когда антиколониальная борьба в его стране нарастает в тесной связи с ширящимся демократическим движением, открытая проповедь таких идеалов, ассоциировавшихся в индонезийском народе с колониальным порабощением, будет обречена. Именно поэтому на исходе второго — в начале третьего десятилетия XX в. Агус Салим прибег к «социалистической» окраске принципов «мусульманского национализма» [3]. Между тем эти принципы, как отмечала Л. Р. Гордон-Полонская, уже сами по себе были «глубоко враждебны передовой пролетарской идеологии и рассматривались эксплуататорскими классами как заслон против распространения среди трудящихся-мусульман социалистических идей» [2, 10—11].

С самого начала «мусульманский социализм» Агуса Салима был пронизан воинствующим антикоммунизмом. Извращенно толкуя коммунистическое учение, этот теоретик пытался отвратить от него мусульманские массы. Так, принцип пролетарского интернационализма он пытался представить как «интернационализм пролетариев, не признающих отечества». Агус Салим всемерно стремился бросить тень на солидарность международного рабочего движения с антиколониальной борьбой угнетенных народов. Между тем такая позиция несколько расходилась с одновременными изысканиями Чокроаминото в области выявления «параллелей» между исламом и социализмом. Противопоставляя свой «мусульманский социализм» коммунистическому учению, Чокроаминото,

---

[3] Об истории появления в Индонезии идей «мусульманского социализма» [подробнее см.: 1, 286—287].

как известно, не исключал апелляции к международному рабочему движению, призывал к сотрудничеству с ним во имя успеха национально-освободительной борьбы [24, 101].

Как справедливо отмечал А. Б. Беленький, «теории „мусульманского социализма" были выдвинуты мусульманской буржуазией ряда стран в ответ на рост в них рабочего движения и распространение идей научного социализма. Эти теории призваны были опровергнуть „материалистический и безбожный" марксизм, внушить трудящимся мусульманам сознание общности их интересов с интересами мусульманской буржуазии, обеспечить „классовый мир" на базе ислама» [1, 286]. Учение Агуса Салима не составляло исключения в ряду подобных «социалистических» теорий. В октябре 1921 г. он вел диспут с Семауном, лидером коммунистически настроенного крыла Сарекат Ислама, противопоставляя «социализм ислама» «социализму Маркса» [9, 25]. А вслед за этим Агус Салим выступил инициатором изгнания из Сарекат Ислама коммунистов.

Любопытен такой факт: и до раскола, и спустя некоторое время после него Агус Салим настоятельно подчеркивал «антикапиталистический» характер проповедуемого им «мусульманского социализма». Подобно Чокроаминото, он обличал «греховную природу» иностранного капитала, что подкреплялось толкованием исламского предписания о запрете ссудного процента (риба) в духе осуждения капиталистической прибыли [17, 82]. По сути дела, подобная трактовка не распространялась на национальное предпринимательство, поскольку собственность правоверных объявлялась находящейся под защитой Аллаха, а потому не имеющей «греховной природы». «Антикапитализм» Агуса Салима не выходил, таким образом, за пределы антиимпериализма и антиколониализма.

Со времени раскола Сарекат Ислама в выступлениях этого теоретика элементы буржуазного демократизма все сильнее стали заглушаться умеренно-либеральными. Одновременно все большее место отводилось богословской тематике. При этом тема антиколониальной борьбы неизменно обосновывалась ссылками на Коран и тесно переплеталась с проповедью классового сотрудничества внутри индонезийского общества.

В статье «Обязанность бороться», опубликованной

12 января 1923 г. в газете «Дуниа ислам», Агус Салим выдвигал идею равенства всех верующих, заявляя, что «все они — сыны Адама». А раз так,— говорилось далее,— то «мы не должны считать себя маленькими людьми, людьми низшего порядка, не должны быть слабыми и безвольными. И если нужно кому-то покоряться, то одному лишь Аллаху» [20, 9]. Тем самым от идеи «религиозного» равенства он переходит к обоснованию национального равноправия.

Агус Салим настойчиво уверял своих соотечественников-единоверцев, что «путеводителем в сем мире является только ислам», но что земная жизнь — жизнь общественная. Изложение этих мыслей в статье «Мусульманский союз», написанной в марте 1923 г., завершалось призывом к единению всех правоверных под эгидой мусульманского братства [20, 5—6].

В книге «Последний посланник бога» (1937 г.) Агус Салим по-прежнему трактует догмат о предопределении как отрицание «слепого фанатизма». Но теперь он уже сурово порицает «легкомысленное дерзание», а перечисляя основные заповеди ислама, делает особый упор на «покорности закону» [20, 255, 267]. Примечательна данная в той же книге интерпретация понятий о добре и зле: Добро от бога. Зло же не есть его особое творение, хотя бог всемогущ. В облике сатаны зло получает силу лишь тогда, когда слаб, а потому покорен ему человек [20, 269].

Судя по ряду других выступлений Агуса Салима, вышеприведенное рассуждение отнюдь не распространялось исключительно на область теоретико-богословскую. Оно самым непосредственным образом перекликалось с тем, как этот теоретик подходил к решению практических задач политической борьбы. И здесь позиции Агуса Салима были далеко не однозначны: сказывалась двойственность буржуазного националиста, жаждавшего национального освобождения, но опасавшегося «зла», а в данном случае — всего того, что могло подорвать основы буржуазной государственности и правопорядка на пути к независимости. Так, в своей статье «Потребность в религии» (1926 г.), опубликованной, между прочим, на голландском языке, Агус Салим осуждал ту группу лиц, «которая господствует и правит от имени бога, претендуя на роль его земных представителей, и видит основное средство подчинения широких масс

и удержания их в послушании в том, что сулит им вознаграждение на том свете за горькую участь на земле. Девиз этой группы — никаких прав народу». В условиях тех лет такое осуждение имело антиколониальный и антифеодальный подтекст, поскольку и колонизаторы, и феодалы не упускали случая обосновать свою власть религиозной аргументацией. Но одновременно Агус Салим объявлял «крайностью» выступления тех людей, которые, «страдая от угнетения и будучи задавленными тяжелым трудом и постоянной борьбой за существование, безоговорочно и абсолютно осуждают роскошь и богатство и видят свой всеобъемлющий идеал в равенстве» [20, 161].

Вместе с тем не без влияния опыта общественно-политической борьбы тех лет Агус Салим пришел к выводу, что идет процесс возрастания роли народных масс в истории и одновременно трансформация тех идеалов, к которым стремятся эти массы. «Во времена средневековья,— писал он в своей книге „Политическое движение в Индонезии" в 1938 г.,— вожди становились зонтом-знаменем для своих сторонников, их покровителями и благодетелями, а в случае победы сулили им почести и должности». Цель же современного движения — не просто захват власти, но освобождение народа, что требует его духовного развития и организации, а в области экономики — перераспределения доходов [20, 130—131].

Приспосабливаясь к духу времени, Агус Салим выдвинул лозунг работы в гуще народа, с народом и во имя народа. Однако далее шла оговорка, типичная для буржуазно-националистического лидера: утверждалось, что «массовые действия» не должны выходить за рамки «порядка, спокойствия и мира» [20, 137]. Призывая низы неукоснительно следовать предписаниям ислама, Агус Салим толковал мусульманское вероучение так, чтобы сковать инициативу трудящихся. Характерно, что лозунг «перераспределение доходов», таивший в себе известную опасность для буржуа при такой инициативе, свелся у него к проповеди филантропии и благотворительности, к тому, что будет выплачиваться в пользу бедняков религиозный налог — закат и распределяться среди них милостыня. При этом предписание о закате изображалось как проявление «социальной заботы» [20, 286].

Той же цели — защите интересов индонезийской буржуазии — в 30-х годах были подчинены выступления Агуса Салима против адата, т. е. против обычного права, унаследованного от родо-племенного и феодального строя. Оговорив, что всякий адат мог быть хорошим для времени своего возникновения, он заявил затем, что в современных условиях адат малопригоден и к тому же противоречит мусульманскому праву — шариату. По мнению Агуса Салима, наибольшего порицания заслуживает то, что адат не признает личности и личных прав, в первую очередь — имущественных, что адат поощряет местную ограниченность, отдает предпочтение семейным, родо-племенным, узкорегиональным интересам и препятствует тем самым «всяким связям, усиливающим стремление к единению нации». Отмечалось также, что в Индонезии адат «подвержен влиянию голландских властей и связан с ними» [20, 182—183].

Полемика Агуса Салима со сторонниками адата не была новым явлением в индонезийской общественной мысли. По сути дела, она продолжала традиции первых западносуматранских и других местных реформаторов ислама [4]. Подобно своим предшественникам, Агус Салим и в жизни не раз бросал вызов адату. Так, в нарушение матриархальных обычаев, бытовавших в среде его сородичей-минангкабау, он носил как фамилию имя отца — Салим. Попранием адата была и его женитьба на яванке [23, 73].

Вместе с тем в выпадах Агуса Салима, направленных против обычного права, в 30-х годах не было той бескомпромиссности, которая ранее была так свойственна «каум муда». Например, он призывал «открыть дверь» сторонникам адата, вставшим на путь изменений в «духе современности» [20, 189].

Чем объясняется такой призыв? Прежде всего, Агус Салим довольно верно уловил суть трансформации сто-

---

[4] Характеризуя выступления этих реформаторов, которых называли тогда «каум муда» (молодое поколение), Ю. В. Маретин справедливо отмечает, что за антагонизмом шариата и адата, во-первых, «скрывалась борьба растущего класса буржуазии против общинно-родовых и феодальных традиций, сковывающих ее развитие. Во-вторых, растущая минангкабауская буржуазия использовала ислам как знамя, с которым она выступала уже не только против общинно-родовых и феодальных элементов, но и против голландского господства, пропагандируя идеи мусульманского национализма» [7, 39].

ронников адата в 30-х годах XX в. Часть его приверженцев к тому времени обуржуазилась, что и сказалось на усилении националистических моментов в их политических, а религиозно-модернизаторских — в теологических представлениях. Прежде же сторонники адата неизменно входили в лагерь «каум туа» (старшее поколение), противостоящий политическому и религиозному модернизму «каум муда».

Обращение Агуса Салима к ранее враждовавшим «каум муда» и «каум туа» с призывом осознать «общность уз судьбы» и «взаимные интересы» имело в те годы как бы два подтекста. Смысл первого — попытка добиться сплочения всех соотечественников во имя успеха национально-освободительного движения. Смысл второго — добиться сплочения имущих слоев индонезийского общества ради охраны их привилегий от посягательств низов в настоящем и в будущем.

Аналогичная двойственность пронизывала отношение Агуса Салима к панисламизму. Примечательно, что его симпатии к панисламистскому движению заметно возросли именно после раскола Сарекат Ислама. Опасаясь коммунистического влияния на мусульманские низы, Агус Салим большие надежды возлагал на солидарность мусульманских верхов в странах Востока. Эту же солидарность он рассчитывал противопоставить колониальной и империалистической экспансии. Недаром Агус Салим проповедовал мысль о «синтезе принципа всемусульманской общности со стремлением мусульман к национальному строительству» [12, 133].

Начало и, особенно, середина 40-х годов XX в. были временем некоторого затишья в теоретической деятельности Агуса Салима. В наиболее значительной работе того периода — книге «Пять предписаний ислама» (1941 г.) — он растолковывал основы шариата и звал к новому примирению своих соотечественников-единоверцев. На этот раз Агус Салим обращался к мусульманской интеллигенции, получившей западное образование, и к богословам, упорствовавшим в отрицании значения современной науки. И тем и другим предлагалось найти общий язык на началах взаимопонимания и компромисса [20, 229].

В первые годы независимости Агус Салим был одним из видных государственных деятелей Индонезии — являлся членом правительства, вел большую диплома-

тическую работу. В 1947 г., например, он возглавлял индонезийскую делегацию, посетившую многие страны Востока, с тем чтобы добиться официального признания там молодой Республики Индонезии. В том же году Агус Салим был заместителем председателя делегации своей страны на конференции азиатских государств в Дели. С 1953 г. в его жизни все большее место стала занимать преподавательская деятельность: он читал лекции в Корнелльском университете в США, затем в Высшем исламском педагогическом училище в Джокьякарте и т. п.

Лишь в начале 50-х годов из-под пера Агуса Салима вновь выходят довольно большие по объему труды. Однако его новые выступления не находили сколько-нибудь значительного резонанса в общественной жизни страны. И дело здесь не только в том, что занятость другими делами и пошатнувшееся здоровье мешали Агусу Салиму поддерживать прежний накал творческой мысли, былой интерес к разработке теоретических проблем. Завоевание независимости сразу же сузило тематику его выступлений: антиимпериализм и антиколониализм почти сошли на нет, а в освещении социальной проблематики возобладали консервативные тона.

В статье «Религия и культура» (1953 г.) Агус Салим пессимистически сетовал на то, что в душах его соотечественников учение Корана находит все меньший отклик. Чтобы как-то выправить такое положение, он пускался в рассуждения о том, что ислам ратует за «равенство прав и обязанностей всего человечества». Но при этом трактовка равенства, как и прежде, не выходила за рамки превознесения равноправия всех верующих в их религиозном рвении. Тем не менее Агус Салим пытался утверждать, что именно за исламом сохраняется приоритет в идее равенства, выдвинутой затем в ходе американской и французской революции, а также революции в России [20, 318].

Зачем понадобилась подобная фальсификация исторической действительности путем приписывания мусульманскому вероучению чуждых ему идей? Ответ на этот вопрос дал сам Агус Салим. Опираясь на явно извращенное толкование понятия равенства, он утверждал, что путь к социальной справедливости лежит «не через восстание угнетенного народа, не через кровопролитие и непрестанную вражду одних группировок с други-

ми, а напротив — через исполнение велений бога» [20, 318].

Основным содержанием работ этого мусульманского теоретика в годы независимости стало превознесение ислама как учения, якобы способного укрепить национальное единство, трансформировать общество и государство на началах социального мира. Трудящимся он советовал «возлагать надежды на щедрость и силу Аллаха» и «терпеливо нести груз всех тягот и болезней, которые встретятся на пути» [20, 350].

Обоснованию «объективного» существования бога Агус Салим посвятил особый труд — книгу «Философское толкование единобожия, предопределения и упования на волю бога» (1953 г.), где центральное место занимают рассуждения о «человеческой душе» и ее подчиненном отношении к всевышнему. Не отрицая определенной свободы воли у человека, Агус Салим заявлял, что эта воля относительна, что усилия людей будут более плодотворными при уповании на бога [20, 348—349]. Отвращая от «слепого фатализма», он вместе с тем писал: «вопросы божественной справедливости и совершенства выше нашего понимания», а потому «истинный путь» следует искать исключительно на стезе выполнения предписаний мусульманской религии [20, 355—356].

Так пожелания и идеалы пришедшей к власти индонезийской мусульманской буржуазии получили религиозное оформление.

Анализ идейной эволюции Агуса Салима свидетельствует о своеобразной взаимосвязи между антиколониальной и социальной проблематикой идеологов национальной буржуазии. Чем большим препятствием для последней являются барьеры, возводимые чужеземным угнетением, тем более она заинтересована в поддержке низов, тем больше обещаний она им дает. Но чем выше в стране накал демократических выступлений, тем умереннее становятся антиколониальные взгляды буржуазных теоретиков, тем более консервативными становятся их социальные проекты. В данном случае индонезийская ситуация вообще, анализ воззрений Агуса Салима в частности, являются лишь подтверждением общей закономерности.

Источники и литература

1. Беленький А. Б., Национальное пробуждение Индонезии, М., 1964.
2. Гордон-Полонская Л. Р., Мусульманские течения в общественно-политической мысли Индии и Пакистана (критика «мусульманского национализма»), М., 1963.
3. Григорян С. Н., Некоторые особенности современной идеологической борьбы в освободившихся странах Востока,— «Современные идеологические проблемы стран Азии и Африки», М., 1970.
4. Губер А. А., Индонезия. Социально-экономические очерки, М., 1932.
5. Губер А. А., Основные особенности национально-освободительного движения в Индонезии до второй мировой войны,— «Национально-освободительное движение в Индонезии (1942—1965)», М., 1970.
6. Заказникова Е. П., Рабочий класс и национально-освободительное движение в Индонезии, М., 1971.
7. Маретин Ю. В., Адат, ислам и политическая борьба у минангкабау в первой половине XX в.— «Советская этнография», М., 1964, № 6.
8. Францевич Н., Сарекат ислам,— «Революционный Восток», М., 1928, № 4—5.
9. Abdoelgani R., Sosialisme Indonesia, Djakarta, 1961.
10. Amir M., Sampai dimana «kemadjuan» kita,— «Poedjangga baroe», Batavia, 1939, № 9.
11. Djambek M. Zain, Hadji Agus Salim sebagai pemimpin agama,— «Harian abadi», 5.XI.1959.
12. Hallencreutz C. F., Kraemer towards Tambaran. A Study in Hendrik Kraemer Missionary Approach, Uppsala, 1966.
13. Koch D. M. A., Batig slot. Figuren uit het oude Indië, Amsterdam, 1960.
14. Niel R. van, The Emergence of the Modern Indonesian Elite, The Hague, 1960.
15. Notosutardjo, Peranan agama islam dalam revolusi Indonesia, Djakarta, 1963.
16. «Overzicht van inlandsche en maleish-chinese pers», Batavia, 1936, № 34.
17. Petrus Blumberger Y. T., De nationalistische beweging in Nederlandsch Indie, Haarlem, 1931.
18. Pijper G. F., Islam and the Netherlands, Leiden, 1957.
19. Salam S., Hadji Agus Salim — pahlawan nasional, Djakarta, 1965.
20. Salim H. Agus, Djedjak langkah Hadji Agus Salim, Pilihan karangan utjapan den pendapat beliau dari dulu sampai sekarang, Djakarta, 1954.
21. Sastrawiria T., Wirasutisna H., Ensiklopedi politik, Djakarta, 1955.
22. Soerowijono S., Hadji Agus Salim sebagai pemimpin politik,— «Harian abadi», 9.X.1959.
23. Tjiptoning, Apa dan siapa, Djakarta, 1951.
24. Tjokroaminoto H. O. S., Islam dan sosialisme, Djakarta, 1954.

В. В. Гордеев

О некоторых особенностях национально-освободительного движения в Малайе (1900—1957)

В феврале 1971 г. парламент Малайзии утвердил Закон о поправках к Конституции, дающий ему право вводить законодательные ограничения на некоторые основные демократические свободы. Запрещается всякое публичное обсуждение — в том числе и в парламенте — любых вопросов, касающихся предоставления гражданства жителям страны, использования малайского и других языков в официальной переписке и для преподавания в школе, особого — закрепленного Конституцией — положения жителей малайской национальности, прерогатив султанов, концентрирующих в своих руках законодательную власть в штатах Малайзийского государства. Поправки наделяют верховного правителя (главу государства) Малайзии правом резервировать по своему усмотрению некоторое число мест в любых учебных заведениях выше уровня средней школы за жителями малайской национальности и аборигенами Борнео. Они запрещают также внесение в парламенте предложений об изменении статей Конституции, имеющих отношение к национальному вопросу, если на это не дает предварительного согласия совещание султанов всех штатов.

В мае 1971 г. в стране был создан новый государственный орган — Совет национального единства, призванный рассматривать вопросы отношений между национальными группами страны и давать правительству ре-

комендации о мерах по сохранению единства между этими группами.

Эти необычные акции выглядят как прямое следствие межнациональных столкновений в Малайзии, происшедших сразу же после окончания там парламентских выборов в мае 1969 г. Глубинной же их причиной служит «коммунализм» — социальное явление, присущее ряду многонациональных по своему составу капиталистических и развивающихся стран. Коммунализм подразумевает противоречия между основными национальными группами внутри одного государства. В его основе лежат исторические и социальные причины, которые, как показывает опыт десятков стран, в условиях эксплуататорского общества ликвидированы быть не могут. Ниже будут разобраны причины возникновения коммунализма в Малайзии и его влияние на национально-освободительное движение.

Существующее в настоящее время государство Малайзия было создано в 1963 г. из независимой Малайской федерации, «самоуправлявшейся» английской территории Сингапур и колоний Саравак и Сабах (Северное Борнео). Затем в 1965 г. Сингапур вышел из Малайзии и стал самостоятельным государством. В момент провозглашения Малайской федерации независимым государством в 1957 г. она включала в себя девять малайских султанатов (которые называют также княжествами, а в официальных документах — государствами), три поселения у проливов (Стрэйтс-Сетлментс) — Малакку, о-ва Пенанг [1] и Сингапур [2].

В колониальной Малайе султанаты формально управлялись не одинаково. Султаны княжеств Перак, Селангор, Паханг и Негри-Сембилан, объединенных в 1896 г. английской администрацией в федерированные княжества, имели при своих дворах английских резидентов, которые подчинялись генеральному резиденту и фактически осуществляли управление княжествами. Участие султанов и иной феодальной знати в управлении огра-

---

[1] К Пенангу обычно относится также расположенный на материке напротив острова небольшой район — провинция Уэлсли.

[2] Сингапур входил в состав Малайи до 1946 г., когда он был выделен в особую «коронную колонию». Но и после этого он сохранял традиционно тесные связи с Малайской Федерацией вплоть до 1959 г., когда Англия предоставила ему самоуправление в рамках Содружества. В 1963 г. Сингапур был включен в состав Малайзии.

ничивалось вопросами религии и местных обычаев, т. е. было сведено почти к нулю.

Нефедерированные княжества (Кедах, Перлис, Келантан, Тренггану и Джохор) имели статус протекторатов, и англичане назначали в них не резидентов, а советников при султанах, что, однако, дела не меняло. По существу, все княжества были обычными колониями. Важно другое: англичане оставили в Малайе нетронутой сложившуюся в течение многих десятков лет систему местной малайской администрации (старосты, начальники мукимов — волостей, министры при дворах султанов и др.) и сами стали выплачивать всем этим чиновникам жалованье.

Собственность на землю, за небольшим исключением (султанские земли в нефедерированных княжествах), перешла в руки англичан. Типичные для феодализма производственные отношения между феодалами и крестьянами были разрушены, так как теперь доходы от землевладения попадали в руки англичан. Внешние же атрибуты султанской власти (пышный двор, церемонии, специальные регалии, обилие слуг и т. п.) остались нетронутыми. Такая система, получившая название «косвенного управления», сохранилась в Малайе вплоть до второй мировой войны.

В 30-х годах XIX в. все население малайских султанатов и Стрэйтс-Сетлментс составляло около 200 тыс., а число проживавших главным образом в Стрэйтс-Сетлментс китайцев не превышало 40 тыс., включая особую этническую группу китайцев «баба́», ассимилировавшуюся с местным населением и говорившую на особом наречии малайского языка.

В 1941 г. население составило уже 5511 тыс., из них 2279 тыс. малайцев (41%), 2379 тыс. китайцев (43%), 744 тыс. индийцев (14%). Остальное население (арабы, европейцы, евразийцы) не превышало 109 тыс. (2%) [23, 296—297]. Таким образом, население страны сформировалось из трех больших этнических групп: малайцев, китайцев и индийцев.

Быстрый рост населения Малайи явился результатом иммиграции в страну начиная с конца XIX в. жителей из Китая, Индии, а также Индонезии. Причины миграции в разные периоды времени и для разных национальных групп были различными [подробнее см.: 11, 18—20]. В 20-е годы численность китайцев и индийцев

в Малайе составляла уже около половины населения страны. В дальнейшем такое соотношение сохранилось (с отклонениями в различные периоды в ту или иную сторону) вплоть до настоящего времени. Потоки иммигрантов, направлявшихся в Малайю на протяжении многих десятков лет, оказали решающее воздействие на формирование социально-экономической и политической структуры страны.

Китайские эмигранты, прибывавшие в Малайю в XIX в., превращались в основном в мелких предпринимателей. Оседая сначала в прибрежных городах малайских султанов, они занимались торговлей, ремеслом, огородничеством. Из этой же среды возник слой средней, а затем и крупной буржуазии, которая с начала XX в. стала быстро наращивать свои капиталы в сфере добычи и сбыта олова, а также посреднических торговых операций. Часть китайцев занималась производством экспортных сельскохозяйственных культур: сахарного тростника, индиго, перца, гамбира[3] на участках, которые они осваивали, пробираясь вверх вдоль устьев рек. На освоение земли они получали специальное разрешение вначале от малайских султанов, а после захвата Малайи англичанами — непосредственно у английских властей. В период последующего интенсивного развития колонизаторами плантационного каучукового хозяйства (примерно с 1910 г.) некоторые ставшие уже зажиточными китайцы сумели расширить свои земельные владения и превратить их в плантации, пополнив слой средней и крупной буржуазии. Повсюду вдоль западного побережья китайцы выступали в роли перекупщиков как риса, так и экспортной продукции сельского хозяйства и вместе с индийцами-четтьярами занимались ростовщичеством, что сплошь и рядом превращало их в фактических владельцев мелких земельных участков крестьян-малайцев. К 40-м годам сложился уже довольно широкий слой китайской сельской буржуазии, включавшей в себя различные категории землевладельцев. Многие из них стали владельцами каучуковых и иных плантаций размером в сотни гектаров, другие — крупными субарендаторами.

Известный сингапурский экономист Дж. Путучери указывает, что в наиболее прогрессивном типе аграрного

[3] Гамбир — тропическое растение, применяемое для обработки кож, изготовления лекарств и как удобрение.

хозяйства Малайи — плантационном — китайская буржуазия занимает второе место после европейских колонизаторов (европейцы — 30,8%, а китайцы — 5,2% общей обрабатываемой площади). Ей принадлежит главенствующая роль и в средних хозяйствах, ведущихся также на капиталистической основе (китайцы — 6,8% общей обрабатываемой площади, индийцы — 2,5, европейцы — 0,6, а малайцы — только 0,2%). Значительна роль китайцев и в «мелких» хозяйствах[4] (малайцы в этом типе хозяйств имеют 35,6% общей обрабатываемой площади, китайцы — 15,4, индийцы — 1,9%), причем и здесь они владеют участками под каучуком и товарными садово-огородными культурами [25, XVII]. Одной из целей земельной политики англичан было не допустить массового оседания иммигрантов на земле и превращения их в мелких земельных собственников, а не в источник дешевых рабочих рук для английских плантаций и рудников. На это были направлены законы о «резервных малайских землях», постепенно введенные во всех малайских султанатах с 1913 г. Однако китайские и индийские предприниматели, располагавшие средствами, находили возможность обойти эти законы, и получалось так, что они действовали неукоснительно только в отношении неимущих слоев китайской и индийской иммиграции.

Еще в начале XIX в. отдельные группы китайских иммигрантов занимались добычей олова. Они были пионерами разработки первых оловянных месторождений и создания таких центров оловодобычи, как Ипо, Тайпинг, Куала-Лумпур. Потреблявшая в большом количестве олово консервная промышленность стала развиваться бурными темпами (особенно в США) с 60-х годов прошлого века. Китайские торговцы и оловодобытчики в связи с этим начали ввозить в Малайю рабочую силу из Китая, так как сельское хозяйство Малайи, находившееся тогда на отсталой феодальной стадии развития, не могло дать свободных рабочих рук. В 1870 г. только в княжестве Перак насчитывалось около 40 тыс. китайцев, занятых добычей олова [31, 188—189]. В 1920 г. китайские рудники давали 64% всего производившегося

[4] Условно принятое малайской официальной статистикой деление на типы хозяйств относит к плантациям применяющие наемную силу хозяйства с площадью 100 и более акров (1 акр=0,4 *га*), к средним — хозяйства размером 25—100 акров и к мелким — хозяйства менее 25 акров.

в Малайе олова. Но в последующие два десятилетия китайцы были оттеснены англичанами на второе место благодаря применению последними дражного метода добычи (первая драга была привезена в Малайю в 1913 г.), который был не под силу китайцам из-за его капиталоемкости и относительно большой технической сложности. В 1930 г. они дали лишь 37% общей добычи олова [11, 97; 31, 189]. Вытесненные с большинства высокодоходных рудников, одни китайские предприниматели стали разрабатывать мелкие оловянные залежи; другие нанимались к англичанам в качестве подрядчиков и субподрядчиков; некоторые занялись предпринимательством в обрабатывающей промышленности и торговле. Таким образом, большинство их пополнило ряды средней буржуазии.

Торговая буржуазия китайского происхождения свои операции в Малайе начала задолго до прихода англичан, и к началу второй мировой войны держала в своих руках почти всю розничную торговлю в стране, а также занимала сильные позиции во внешней и оптовой внутренней торговле. Кроме нее в городах западного побережья Малайи немалую роль играла торговая индийская буржуазия, главным образом выходцы из Гуджарата и Махараштры. В некоторых районах Малайи индийцы наряду с китайцами имели средних размеров земельные владения и занимались ростовщичеством.

Первостепенную роль в развитии колониальной экономики Малайи сыграли рабочие — иммигранты из Китая и Индии, массами доставлявшиеся в эту страну, особенно на протяжении первой половины XX в. С начала английского колониального господства в Малайе и до 1947 г. туда иммигрировало около 17 млн. китайцев. Но в 1947 г. их насчитывалось там лишь около 2,5 млн. [30, 60]. Большинство эмигрантов вернулись на родину или умерли, не оставив потомства, так как бóльшую часть их составляли мужчины, с местным же населением контактов они не имели. В XIX в. мало оседали в Малайе и ввозимые туда для работы на плантациях индийцы, главным образом тамилы. Набранные по системе «кангани» или же другими методами[5], они работали в Ма-

[5] Кангани — индийцы-вербовщики рабочей силы, получавшие деньги у плантаторов для выдачи завербованным рабочим ссуды на проезд до места работы. Рабочие позже возвращали эти ссуды из своей зарплаты.

лайе лишь в течение трех-пяти лет, после чего возвращались на родину.

В журнале «Малайзия» так описывается положение индийцев: «Население плантации живет своей особой, изолированной жизнью, со своими заботами и радостями, со своей социальной структурой, причем тесные связи с Южной Индией усиливают эту изоляцию и делают ее длительной» [18, 24]. Эту характеристику можно отнести и к жизни китайцев-рабочих в период 20—50-х годов. Контакты между крупными контингентами иностранных рабочих были почти исключены. В своих странах они были беднейшими или разорившимися крестьянами и ремесленниками, не имевшими постоянных связей между собой. Но и став рабочими оловянных копей или плантаций экспортных культур, они не имели ни возможностей, ни стремления к общению, так как каждый был ориентирован на свою страну. Лидеры отдельных национальных групп не имели общих интересов в Малайе, считая себя временными жителями этой страны. Руководство китайской иммигрантской общиной, например, находилось в руках родившихся в Китае и получивших китайское воспитание выходцев из предпринимательско-торговых кругов, заинтересованных главным образом в развитии бизнеса и получении прибылей [32, 81]. Серьезной помехой для общения и последующего объединения между собой трудящихся-иммигрантов различных национальностей и малайцев было отсутствие общего языка. Препятствовали контактам и английские колониальные власти.

«В Малайе,— отмечает малайзийский буржуазный политический деятель Махатир,— англичане действовали как буфер между малайцами и китайскими и индийскими иммигрантами. Контакты между этими двумя национальными группами и малайцами сводились к минимуму как в административном, так и в социальном смысле. Наличие в Малайе китайских „протекторатов", подчинявшихся англичанам, и индийских агентов по контролю над рабочей силой означало, что дела иммигрантских общин исключались из сферы малайских властей. Сегрегация и языково-культурная разобщенность не давали возможностей для социальных контактов» [16, 120].

Поток иммигрантов из Индии и Китая в известной мере регулировался в законодательном порядке. В 1928—1933 гг. англичане ввели несколько законов об ограни-

чении иммиграции, устанавливавших, в частности, ежемесячную квоту на въезд в страну «иностранных палубных пассажиров». На практике эти меры касались главным образом китайцев-мужчин [26, 7—8]. Аналогичные меры проводились и по отношению к индийским иммигрантам-рабочим. Однако главным регулятором иммиграционных процессов были экономические факторы. Самый большой отлив рабочей силы из Малайи произошел в результате мирового экономического кризиса 1929—1933 гг. и последующего резкого падения спроса на каучук и олово на мировом рынке. Неблагоприятная социально-экономическая обстановка в Китае как следствие японского вторжения в Северо-Восточный Китай в 1931 г., а затем в Северный — в 1937 г. привела к тому, что китайцы (не только предприниматели, но и пролетариат) стали в большом числе оседать в Малайе. В Индии в 1938 г. решением правительства была запрещена миграция рабочей силы в Малайю [30, 10], прекратился и обратный выезд индийцев на родину. Вторая мировая война и японская оккупация Малайи еще больше застопорили миграционные процессы.

Можно утверждать, что лишь после второй мировой войны в Малайе сложился постоянный состав населения. Сюда входили: малайское крестьянство; малайская наследственная земельная аристократия, сливавшаяся с местной малайской администрацией (начиная от старост пенгхулу и кончая ментри — министрами султанатов); пролетариат, состоявший из китайских, индийских и малайских рабочих; национальная буржуазия китайского и индийского происхождения. В нарождавшейся в стране малайской интеллигенции различались два слоя: выходцы из аристократии, получившие английское образование, и пользовавшиеся большим влиянием на население местные малайские учителя. Китайская интеллигенция (врачи, инженеры, учителя) появилась в Малайе позже других групп и продолжала прибывать сюда даже после второй мировой войны.

Собственно малайская национальная буржуазия как класс в колониальный период здесь не сложилась. Она была в самом начале развития капитализма оттеснена более предприимчивой, энергичной и быстро богатевшей китайской буржуазией. Способствовала этому и политика английских колониальных властей. «Англичане поощряли китайскую иммиграцию, и китайцы разруша-

ли позиции собственно малайцев в ремесле и торговле, в результате чего малайцы были почти полностью вытеснены из этих сфер деятельности» [16, 26, 39].

Вместе с тем к концу второй мировой войны здесь сложился довольно крупный по численности многонациональный рабочий класс. В 1955 г. он составлял 32% самодеятельного населения Малайской Федерации. Число рабочих равнялось 680 тыс., из которых 38% приходилось на китайцев, 35% — на индийцев и 25% — на малайцев [4, 73, 75]. Малайский национальный (неиммигрантский) пролетариат начал формироваться лишь в самый канун войны (в 1937 г. он составлял всего 3% рабочего класса) [5, 58], и для него было характерно сохранение связей с деревней. Наиболее организованным был пролетариат Сингапура, насчитывавший 120 тыс. человек.

При рассмотрении национального состава населения колониальной Малайи нельзя пройти мимо той ее части, которую статистика обычно относит к графе «прочие». Европейцы, среди которых в указанный период англичане составляли 87%, были незначительной (около 19 тыс.), но самой богатой и влиятельной прослойкой малайского общества. О монопольных экономических позициях англичан в ведущих отраслях экономики страны (плантационное хозяйство, оловодобыча, внешняя торговля, банковское дело) хорошо известно. Англичане занимали также ведущие посты в центральных органах системы административного управления, экономического и социального развития страны. Официальный правительственный источник приводит следующие данные на 1954 г. о распределении высших должностей (так называемая группа I) между англичанами и малайцами в некоторых департаментах и отделах колониальной администрации в Куала-Лумпуре [27, 120—121]:

	англичане	малайцы
Полиция	546	114
Управление тюрем	11	1
Сельскохозяйственное управление	68	5
Медицинская служба	231	194
Отдел профсоюзов (министерство труда)	2	2

На местах же, осуществляя фактически всю власть, английская колониальная администрация находилась

в тени, и формальными представителями власти, как говорилось выше, выступали малайцы. В. А. Тюрин отмечает, что сохранение англичанами разветвленной системы косвенного управления, при которой за малайской аристократией и чиновниками сохранялись административные посты, создавало у крестьян иллюзию, будто действительную власть имеют султан и малайские старшины [12, 179]. Это чрезвычайно задерживало пробуждение политического самосознания крестьян и появление у них антиколониальных, антианглийских настроений.

Английские колониальные чиновники и бизнесмены отличались, как правило, реакционными взглядами, среди них не было носителей передовых, революционных идей Европы, как это имело место, например, в соседней Голландской Индии (Индонезии), где соединению научного социализма с рабочим движением в огромной степени способствовали голландские левые социал-демократы.

Такая социальная структура малайского общества первых десятилетий XX в. наложила свой отпечаток на развитие национально-освободительного движения в Малайе.

Антиколониальное революционное движение в масштабах всей страны началось здесь лишь после второй мировой войны, т. е. позднее, чем в других странах Юго-Восточной Азии. Крестьянские антианглийские восстания в конце XIX — начале XX в. происходили неоднократно: в 1875—1876 гг. в княжествах Селангор и Перак, в 1891—1895 гг.— в княжестве Кедах, в 1915 и 1928 гг.— в княжествах Келантан и Тренгану. В 1923 г. вспыхнуло антисиамское движение малайских феодалов. Однако ни по времени, ни территориально эти движения не были связаны между собой. Они отражали, как правило, локальное недовольство отдельными действиями английских колониальных властей и носили стихийный характер.

Идеи малайского буржуазного национализма до второй мировой войны наиболее заметны в группе молодых интеллигентов, именуемой обычно в исторической литературе kaum muda («молодые») в противовес традиционным лидерам малайского общества — земельной аристократии, называемым kaum tua («старики»). В группу «молодых» входили религиозные просветители, находившиеся под влиянием реформаторских течений в исламе.

Они испытывали недовольство консерватизмом и самоуспокоенностью высших феодальных кругов малайского общества и группировавшимися вокруг них представителями местной малайской администрации, в особенности в связи со все усиливавшейся активностью китайских иммигрантов-предпринимателей на малайской почве. Выразители настроений «молодых» (Саед Шейкх аль-Хадджи, Мохаммед Юнус) занимались выпуском, естественно, на весьма примитивной базе, печатных изданий на малайском языке и распространением их главным образом среди учителей малайских школ (к 1920 г. таких школ насчитывалось в стране около 600). В 1926 г. эти деятели объединились в «Союз сингапурских малайцев» (ССМ) [31, 182—184].

Во введении к книге «Национально-освободительное движение в Индонезии» акад. А. А. Губер, характеризуя деятельность индонезийских просветителей начала XX в., замечает, что в освободительном движении всех колониальных стран можно проследить своеобразный «дворянский» период, ибо именно выходцы из феодальных классов знакомятся с просветительскими и либерально-буржуазными идеями. Здесь же А. А. Губер указывает, что на первых порах такие группы неизменно рассчитывают на реформы колониальных властей [8, 24—25]. Эти замечания полностью применимы к Малайе в том, что касается деятельности группы «молодых» и затем союза ССМ.

Лидеры ССМ по своей сути были носителями тенденции буржуазного антиимпериалистического развития, но в связи с усилением в Малайе влияния китайских иммигрантов-предпринимателей выступили против «подавления иностранными элементами» малайской культуры и против «дегенерации малайцев и превращения их в наемных слуг лиц других национальностей» [29, 13]. Под иностранными элементами при этом имелись в виду не англичане, а китайцы. Реакция английских властей на создание ССМ была весьма симптоматичной. Они не только «отнеслись к этой организации в целом благосклонно» [15, 16], но и поощряли распространение ее деятельности на другие сеттльменты и княжества Малайи, за пределами Сингапура.

По-иному восприняли англичане появление десятью годами позже другой националистической организации — «Союза молодых малайцев» (СММ). Он объединял кру-

ги радикально настроенной интеллигенции (преимущественно учителей), которая выступала с критикой малайской аристократии и буржуазии за их сотрудничество с англичанами и уже в тот период ставила вопрос о предоставлении Малайе независимости. Среди лидеров СММ были Ибрагим бин Якоб, Исхак бин Хаджи Мохаммед, д-р Бурхануддин, а также А. Бустаман, находившийся под влиянием революционных идей индонезийских эмигрантов, бежавших в Малайю после разгрома антиголландского восстания 1926—1927 гг. Как в организационном, так и в идеологическом отношении эта группа была весьма слабой, не пользовалась поддержкой народных масс. Показательно, что знаток этого периода истории Малайи проф. У. Р. Рофф характеризует СММ как «небольшую псевдополитическую партию», «отпугнувшую большинство малайцев своими радикальными взглядами» [28, 256]. Англичане сочли необходимым в 1938 г., вскоре после образования этой группы, арестовать и посадить в тюрьму ее руководителей, после чего она прекратила свое существование [6].

Средняя и мелкая китайская буржуазия (торговцы, ремесленники, владельцы небольших плантаций экспортных культур и др.) объединялась в малайские отделения гоминьдана, созданные на базе филиалов организации «Тунмынхой», которые появились здесь еще в 1906 г. и развернули активную деятельность в 1908—1910 гг., когда в Сингапуре и Пенанге жил и работал в эмиграции великий китайский революционный демократ Сунь Ят-сен. По идеологической направленности это были буржуазные демократические организации, ориентировавшиеся в своей деятельности на Китай. Большую роль в жизни китайских иммигрантов всегда играли тайные общества. И хотя в Малайе с начала XX в. они уступили эту роль политическим организациям, отдельные китайские буржуазные деятели используют иногда эти общества в своих политических целях даже в наши дни.

Созданная в Малайе в середине 30-х годов представителями индийской торговой буржуазии Центральная индийская ассоциация была тесно связана с Индийским национальным конгрессом, а не с малайскими организациями.

---

[6] Позже, в 1945 г., лидеры СММ создали Малайскую национальную партию.

Как указывалось выше, еще на рубеже XIX и XX вв. в Малайе стал формироваться на базе ввезенной рабочей силы пролетариат, толчком чему послужило начало добычи олова в промышленных масштабах и невиданное развитие плантационного каучукового хозяйства в связи с организацией массового производства шин для автомобилей. Дата создания здесь первого профсоюза — Ассоциации сборщиков ананасов Сингапура — относится к 1908 г.[7]. Однако впервые голос организованного рабочего класса — в форме стачки обувщиков Сингапура — прозвучал лишь в 1928 г.

Массовые же выступления пролетариата последовали по прошествии еще нескольких лет — после мирового экономического кризиса 1929—1933 гг. Причину отсутствия крупных выступлений рабочего класса следует искать в таких факторах, как благоприятная экономическая конъюнктура в Малайе, постоянная текучесть и национальная разобщенность рабочего класса, а также в расколе рабочих организаций вследствие предательства Чан Кай-ши и его разрыва в 1927 г. с Коммунистической партией Китая, что ослабило действовавшие в Малайе Революционный комитет гоминьдана и компартию Наньяна[8]. В мае 1934 г. вспыхнула стачка рабочих железнодорожных мастерских Куала-Лумпура, быстро переросшая в первую всеобщую забастовку рабочих Малайи. После этого волна стачечного движения нарастала — с небольшими перерывами — вплоть до начала мировой войны и японской оккупации. Руководила рабочим движением Коммунистическая партия Малайи, созданная в 1930 г. Движение развивалось под лозунгами экономического характера, политических требований рабочие на том этапе не выставляли. Но важно отметить другое: в первой всеобщей забастовке, в некоторых других акциях городского пролетариата китайские, индийские и пока еще немногочисленные малайские рабочие выступали совместно, на межнациональной основе.

---

[7] Он был вскоре запрещен англичанами под предлогом того, что не удовлетворял регламентации об объединении по профессиональному признаку.

[8] Компартия Наньяна (компартия Южных морей) создана в 1928 г. в результате объединения нескольких групп революционно настроенных китайцев Сингапура, которые вышли из отделений гоминьдана после выхода из континентального гоминьдана компартии Китая.

Непосредственной предпосылкой к развертыванию общенационального антиколониального движения в 1945—1948 гг. в Малайе послужила антияпонская борьба. Специфической чертой ее была активная роль китайского рабочего класса и компартии Малайи, в которой все руководство и подавляющее большинство членов были китайцы.

Антияпонские настроения были живы среди китайского населения еще со времен захвата японской военщиной о-вов Тайвань и Пенхуледао в 1894—1895 гг. Они обострились после вторжения японцев в Китай в 1931 г. и продолжения их агрессии в 1937 г. После образования оси Берлин — Рим — Токио и начала военных операций в Европе англичане разрешили китайцам в Малайе широкую деятельность, имевшую антияпонскую направленность.

Возможности для легальной работы были предоставлены и коммунистам. Это было непосредственно связано с тем, что в сентябре 1940 г. КПМ прекратила антианглийские выступления, переменив принятую несколько ранее программу национального антиимпериалистического фронта с задачами освобождения от британского господства [6, 180] и одновременной борьбы против агрессии японского империализма на программу борьбы против японских оккупантов вместе с Англией и «проведения антиимпериалистической политики лишь в том случае, если она не подогревала антианглийские настроения» [20, 150].

До начала прямых военных акций японцев в Малайе деятельность коммунистов вместе с китайцами — членами гоминьдана сводилась к сбору средств в пользу союзнических сил, подготовке к обороне страны от японцев и т. п. Когда же японцы высадились на севере Малайи (в Котабару, 7 декабря 1941 г.) и стали стремительно продвигаться на юг (15 февраля 1942 г. они уже взяли Сингапур), англичанам пришлось принять предложение руководства компартии в лице ее генерального секретаря Лай-тека — выпустить коммунистов из тюрем и выдать им оружие для обороны Малайи. Из местных жителей (около 170 человек), срочно подготовленных англичанами для ведения партизанской войны в тылу японцев [31, 285], большинство составляли китайцы. Рабочие-коммунисты показали себя как умелые бойцы еще в период защиты Малайи от наступавших с се-

вера японцев. Даже английские буржуазные авторы отмечают, что воинские подразделения, куда входили коммунисты, «оказывали длительное и мужественное сопротивление японцам в болотах о-ва Сингапура», что «на последних этапах обороны Малайи заметную роль играли коммунисты» [23, 246, 249]. Тактика сотрудничества англичан с компартией была вынужденной и объяснялась тем, что английских войск в Малайе было недостаточно, а коммунисты могли поднять на вооруженное сопротивление японцам наиболее организованную и боеспособную часть населения — рабочий класс.

Борьба против японской оккупации приняла в Малайе форму партизанской борьбы вооруженных отрядов, укрывавшихся в джунглях и проводивших небольшие операции в разных районах страны. Партизан поддерживало сильное движение сопротивления, насчитывавшее в период наибольшего подъема, по оценкам буржуазных авторов, более 300 тыс. человек [15, 24]. Огромная заслуга этого движения состояла в том, что оно стремилось к объединению трех основных национальных групп населения Малайи. Показательно, что незадолго до окончания войны антияпонское движение в Малайе приняло название «Движение трех звезд» в качестве символа единства этих групп. Движением сопротивления руководила компартия. Его далеко идущие цели были отражены в «Антияпонской программе» партии, принятой в 1943 г.,— в пунктах об установлении Малайской республики после изгнания японцев, об осуществлении суверенитета народа, о создании выбранного всеобщим голосованием национального органа для управления всей страной и т. п.

Антияпонское движение охватывало не все слои малайского общества. Главным его компонентом был рабочий класс и мелкая, а также часть средней китайской буржуазии. Это можно понять, если учесть сильные общие антияпонские настроения китайцев, о чем говорилось выше, а также демонстративно жестокое отношение японских оккупантов к китайцам. После взятия Сингапура они, например, публично расстреляли большую группу китайских рабочих, взятых в плен, а от верхушки китайской общины генерал Ямасита потребовал уплаты дани китайским населением, которая выражалась огромной суммой — 50 млн. мал. долл. [23, 252]. Роль именно китайских рабочих в сопротивлении объясняется

тем, что они были наиболее крупной классово сознательной частью городского пролетариата [9].

Незаменимую помощь партизанам оказывала та часть китайского (в весьма незначительной мере — индийского) населения, которая в результате закрытия плантаций и шахт или отсутствия работы в городе превратилась после кризиса 1929—1933 гг. и во время войны в скваттеров и по своему социальному положению пополнила ряды мелкой буржуазии. Число скваттеров к концу войны превысило полмиллиона. Разбросанные по всем княжествам западного побережья скваттерские поселения служили базами, резервом бойцов и источниками получения продовольствия (а также информации) для партизанских отрядов. Указанные две группы и составляли основную массу участников движения сопротивления. Относительно роли других слоев населения можно сказать следующее.

Малайская земельная аристократия во главе с султанами согласилась сотрудничать с японцами, поскольку они в тактических соображениях оставили номинально власть в руках этой местной верхушки. По тому же пути пошли и все малайские чиновники. На отдельных представителей малайской элиты, проявлявших открыто проанглийские настроения, японцы оказывали прямое давление, как это было в случае с наследным принцем Перлиса, которого они просто лишили права наследовать трон специальным указом военной администрации [13, 76].

Об активности собственно малайской буржуазии в тот период вообще говорить нельзя, настолько она была слаба и политически и экономически.

Китайская крупная и средняя буржуазия раскололась на несколько групп. Среди буржуазии индийского происхождения преобладало стремление поддержать антианглийское движение в самой Индии. Индийская часть населения в целом, включая многочисленных плантационных рабочих, находилась под определяющим воздействием националистических, антианглийских идей М. К. Ганди и от движения в самой Малайе была изолирована. Этим можно объяснить массовое вступление живших в Малайе индийцев — плантационных рабочих

---

[9] Накануне войны китайцы составляли 75% рабочих добывающей и обрабатывающей промышленности Малайи [22, 26].

и трудящихся других категорий — в армию Субхаса Чандра Боса[10], штаб которого находился в Сингапуре.

Особо следует сказать о роли малайского крестьянства, составлявшего огромное большинство населения малайской национальности. В массе своей они оставались пассивными и, следуя за деревенскими старостами, мусульманским духовенством и в конечном итоге за султанами, не проявляли антияпонских настроений. Недовольство антияпонскими оккупантами со стороны крестьян-малайцев в ряде княжеств проявилось только в конце японской оккупации, причем главным образом по причине того, что японцы максимально усилили налоговое обложение крестьян.

Участие крестьян в вооруженной борьбе в районах Северного Перака и Кедаха, где в 1943 г. было создано несколько малайских подразделений под названием «Ашкар Мелаю Сетиа» («Армия верных малайцев»), имело важное значение. Однако массового характера оно не приняло. Характерно, что малайские подразделения находились под руководством не коммунистов, а местных религиозных деятелей и офицеров-англичан, заброшенных в Малайю на парашютах [23, 258].

В ходе антияпонской борьбы в 1943 г. было создано единое командование партизанскими отрядами и группами и провозглашено рождение Антияпонской армии народов Малайи. В ее составе, по разным данным, насчитывалось от 7 до 10 тыс. вооруженных бойцов. По национальному составу это была в основном китайская армия, включавшая в себя также несколько малайских подразделений и незначительное число индийцев и англичан. В социальном отношении ее костяк составляли рабочие и мелкая буржуазия. В конце войны она располагала такой реальной силой, что сумела разоружить еще до прихода английских войск японские войска в Малайе после капитуляции Японии.

Компартия и руководимые ею вооруженные отряды

---

[10] Субхас Чандра Бос — член руководства Индийского национального конгресса, видевший задачу этой партии в период второй мировой войны в освобождении Индии от английского господства с помощью любых внешних сил. Набранная из проживающих в разных странах Азии индийцев армия Боса в составе нескольких дивизий воевала на стороне японцев, которые пытались овладеть Индией. По окончании войны Бос был отдан англичанами под суд за сотрудничество с японцами. В качестве защитника Боса на суде выступал Дж. Неру.

попытались осуществить заложенные в «Антияпонской программе» идеи в период между капитуляцией японской армии и приходом английской военной администрации в Малайю, т. е. в августе — декабре 1945 г. Тогда в ряде городов и населенных пунктов страны были созданы народные комитеты, которые взяли на себя функции исполнительной власти. Ни малайзийские, ни западные буржуазные источники не дают хотя бы мало-мальски ясной картины деятельности этих комитетов. Тем не менее ясно, что это была попытка коммунистов перевести антияпонскую борьбу в борьбу антиколониальную, антианглийскую.

Однако к такой борьбе ни один из классов малайского общества, за исключением китайской части рабочего класса, не был готов. Рабочие же китайского происхождения не превратились еще в интегральную часть малайского общества. Поэтому их решительные действия в ряде районов напугали местную малайскую администрацию и не были поняты малайскими крестьянами. Положение ухудшили в ряде мест действия партизан, сводивших счеты с малайским населением, которое не оказывало им поддержки в период японской оккупации. В княжествах Негри-Сембилан, Перак, Джохор произошли кровопролитные стычки между партизанами и малайским населением [23, 268—269; 31, 286]. Обеспокоенные решительными действиями вооруженных коммунистов и стремясь не утратить своего влияния на крестьянские массы, малайские феодалы и мусульманское духовенство изображали эти кровавые инциденты, а также создание народных комитетов как действия китайцев, направленные на захват страны и подчинение себе малайцев. Подобной пропаганде легко верили неграмотные и отсталые массы малайских крестьян. Прибывшая вскоре в Малайю английская военная администрация приняла срочные меры к разоружению партизан, не сделав при этом ничего для ослабления локальных межнациональных противоречий. Делу межнационального объединения трудящихся, начатому компартией Малайи, был нанесен сильный удар.

К тому же выдвинутые коммунистами лозунги: «конфисковать собственность немецких, итальянских и японских фашистов и предателей» (пункт 7 программы), «проявлять особую заботу о солдатах антияпонского сопротивления» (пункт 5), «ввести автономию тарифов»

(пункт 8), «объединиться с Россией и Китаем и помочь борьбе за независимость угнетенных народов Дальнего Востока» (пункт 9) — были малодоступны для основных слоев малайского населения. Отсутствие при этом в программе требований, которые могли бы быть привлекательными для крестьян, плантационных рабочих, китайской и индийской средней буржуазии и т. п., делали ее несколько оторванной от реальных потребностей малайского общества. Движение антияпонского сопротивления, по сути дела, так и не вышло за рамки движения китайского пролетариата и китайской мелкой буржуазии на малайской почве.

В этой связи уместно вспомнить, что, говоря о задачах коммунистов в угнетенных странах, В. И. Ленин указывал на необходимость «пробудить революционную активность к самодеятельности и организации трудящихся масс, независимо от того, на каком уровне они стоят, перевести истинное коммунистическое учение, которое предназначено для коммунистов более передовых стран, на язык каждого народа, осуществлять практические задачи, которые нужно осуществить немедленно, и слиться в общей борьбе с пролетариями других стран» [2, 330].

Выявившиеся в период японской оккупации особенности освободительного движения Малайи (решающая роль пролетариата и мелкой буржуазии китайского происхождения, пассивность масс малайского крестьянства, неучастие в борьбе феодалов, ориентация на Индию трудящихся и буржуазии индийского происхождения) сказались на национально-освободительном движении и последующего периода.

Антианглийское движение 1946—1948 гг. началось как непосредственная реакция на опубликование и последующее утверждение в качестве закона (в апреле 1946 г.) конституционной английской реформы, восстанавливавшей в Малайе режим колониального правления, но в новой, централизованной и прямой, форме. Движение сразу приняло бурный характер. В нем впервые в малайской истории слились голоса различных слоев населения. Годы японской оккупации, а затем легальное существование и активная деятельность компартии и отрядов Освободительной армии, жесткий режим английской военной администрации изменили привычные представления значительной части населения, вызвали интерес к политике.

Активизировались профсоюзы, молодежь, интеллигенция. Поэтому реакцией на бесцеремонно предложенный англичанами возврат к колониальному правлению был стихийный, вначале неорганизованный протест различных городских слоев населения и одновременно феодально-бюрократических кругов во главе с султанами, которых прибывший в Малайю специальный английский представитель Гарольд Макмайкл заставил письменно дать согласие на колониальный статус.

Выразителями недовольства городской китайской и малайской буржуазии стали созданные вскоре Демократический союз Малайи (ДСМ) и Малайская национальная партия (МНП). Вместе с компартией и сорока другими организациями, включавшими Ассоциацию ветеранов Антияпонской армии, Лигу новодемократической молодежи и Всемалайскую федерацию профсоюзов, они вошли во Всемалайский совет объединенных действий (ВСОД). На защиту феодально-бюрократических кругов выступила организованная в марте 1946 г. Объединенная малайская национальная организация (ОМНО). Стали оформляться политические программы партий и организаций. Если ВСОД и его члены требовали суверенитета страны, введения прямых выборов в законодательную ассамблею при равном праве голоса для всего населения Малайи и недопущения дискриминационных законов посредством создания специального Совета национальностей [26, 150], то платформа ОМНО была совершенно иной. Первоначально главным требованием ОМНО было просто сохранение статус-кво, т. е. прерогатив султанов в том объеме, в каком они существовали до японской оккупации, и введения новой английской системы правления. О демократии, самоуправлении, суверенитете в программе партии ОМНО не говорилось ни слова. Султаны заботились о сохранении, пусть номинальном, своего верховенствующего положения в отдельных княжествах, малайские чиновники стремились не допустить китайцев к получению прав на землю и усилению их влияния в сельской местности. Выражая интересы малайских имущих кругов, ОМНО старалась не подпускать буржуазию китайского происхождения к политической власти и поэтому выступала против английской реформы 1946 г., дававшей китайцам гражданские права [подробнее см.: 3, 51—53].

Будучи создана для защиты интересов малайской

земельной аристократии и чиновничества, ОМНО объективно стала выражать интересы национальной малайской буржуазии, хотя в тот период малайская буржуазия только зарождалась. Буржуазия китайского происхождения не давала отечественной буржуазии стать на ноги, и поэтому в качестве представителей интересов последней в Малайе выступили земельная аристократия и чиновничество как располагающие наибольшим богатством и влиянием в обществе. Радикальная малайская интеллигенция ориентировалась на Индонезию и была недостаточно сильна, остальные же поднявшиеся к политической жизни слои общества были немалайскими по национальному признаку. Аристократические и чиновничьи круги были заинтересованы в сохранении своих привилегий и хотели сохранения традиционных связей с английским колониализмом, особенно в связи с усилением позиций китайской буржуазии в экономике. В идейно-политическом плане малайский буржуазный национализм оказался под влиянием указанных реакционных тенденций. ОМНО стала партией феодально-буржуазных малайских кругов и чиновничества.

Реакция на английскую конституционную реформу 1946 г. впервые показала наличие внутренних противоречий между двумя группами имущих классов Малайи — китайской буржуазией и малайской феодально-буржуазной верхушкой. Предоставление прав гражданства китайцам, как это было предусмотрено англичанами, означало бы юридически уравнение китайской буржуазии и малайцев, но на практике давало бы преимущества китайской буржуазии, а поэтому для малайской верхушки было неприемлемо. Англичане же опирались на эту верхушку в своей политике. Поэтому, боясь потерять опору, они сами стали искать новые способы сохранения колониального господства в Малайе.

Против реформы 1946 г. выступали и ВСОД и ОМНО. Однако никакого единства между ними не было — они требовали отмены реформы с разных позиций. ОМНО, по существу, требовала возвращения назад, к английскому колониальному господству, ВСОД усматривала в реформе не что иное, как сохранение английского колониального правления. Англичане отказались от своих предложений 1946 г., с одной стороны, под напором широкого демократического антианглийского и вначале общенационального движения, а с другой — найдя воз-

можность заключения политической сделки с партией ОМНО.

Сделка была оформлена английским губернатором Э. Гентом и лидерами ОМНО. Англия согласилась восстановить номинальный суверенитет султанов и внести изменения в положение о едином гражданстве в сторону сужения возможностей его получения немалайцами [3, 62—63]. ОМНО — вкупе с султанами — согласилась на создание имеющего большую власть центрального колониального правительства. Лидеры ОМНО, султаны и представители Англии образовали после этого «Объединенный конституционный комитет», который разработал проект конституции новой колониальной федерации. Английская королева и малайские султаны подписали соглашение, и конституция вступила в силу 1 февраля 1948 г.

Выгоды от этого получила ОМНО и малайские феодально-буржуазные круги. Трудящимся — ни малайцам, ни китайцам — конституция ничего не дала. Осуществляя схему английских колонизаторов, ОМНО расколола антиколониальное движение и сумела привлечь на свою сторону часть малайского крестьянства, ловко оперируя лозунгом необходимости сохранения «особого положения малайцев» перед лицом политической активности китайской буржуазии. Указанная сделка была первой в длинной цепи политических ходов ОМНО, в которых она умело прикрывала классовые противоречия малайского общества более заметными на поверхности национальными противоречиями в интересах эксплуататорских групп страны, сотрудничавших с английскими колонизаторами.

В факте сделки ОМНО и английских колонизаторов можно видеть подтверждение мысли В. И. Ленина, высказанной им в 1920 г. в докладе Комиссии по национальному и колониальному вопросам II конгрессу Коминтерна: «Между буржуазией эксплуатирующих и колониальных стран произошло известное сближение, так что очень часто — пожалуй, даже в большинстве случаев — буржуазия угнетенных стран, хотя она и поддерживает национальные движения, в то же время в согласии с империалистической буржуазией, т. е. вместе с нею, борется против всех революционных движений и революционных классов» [1, 243].

Антиимпериалистическое, демократическое движение 1946—1948 гг. возглавила компартия, ведшая за собой

китайский пролетариат, а также мелкую и даже часть средней китайской буржуазии, которая была заинтересована в ослаблении гнета английских колонизаторов. Китайская буржуазия стремилась к общей демократизации, которая могла бы дать ей гражданские права в стране, и, следовательно, какую-то политическую власть. После предоставления англичанами некоторых гражданских прав немалайцам по конституции 1948 г., с одной стороны, а с другой — после запрещения демократических организаций в период резкого обострения борьбы и перехода ее в вооруженную стадию в том же году, эта группа раскололась. Одна ее часть отошла от движения, другая перешла на позиции сотрудничества с коммунистами.

Крестьяне-малайцы оставались, как и раньше, в стороне от развернувшейся политической борьбы; они следовали за малайской земельной аристократией, в большинстве своем слепо веря старостам, духовенству, местной феодальной знати. Выдвигавшиеся партией МНП лозунги равенства всех национальностей и поддержки борьбы Индонезии были доступны лишь небольшой части крестьян. В качестве единственного врага крестьяне видели китайца-посредника и ростовщика, который во многих случаях являлся фактически также хозяином крестьянского надела (иногда место китайца занимал индиец-четтьяр). Султан же олицетворял для них не только высшую государственную, но и религиозную власть. Поголовная неграмотность крестьянства, определенная направленность пропаганды английской администрации и служивших ей местных чиновников, религиозные проповеди исламских учителей делали в глазах крестьянских масс источником зла не конкретного китайца-ростовщика, а китайцев вообще. Наконец, нельзя не сказать об антикитайских настроениях крестьян в ряде районов страны, вызванных несдержанным поведением партизан-китайцев в отношении малайских крестьян, о чем говорилось выше.

Именно поэтому недовольство крестьян было обращено против китайцев, и в Малайе не развернулась антифеодальная крестьянская борьба, массы крестьянства не стали частью общедемократического стихийно сложившегося, но все же сильного антиимпериалистического движения, которое приняло организационную форму Всемалайского совета объединенных действий. От-

дельные выступления крестьян не меняют общей картины их политической пассивности.

На начальном этапе борьбы против реформы 1946 г. демократические партии и организации выступали на межнациональной и неклассовой основе, делали упор на общедемократические, антиимпериалистические требования. В известной мере это напоминает ранний этап национального движения в соседней Индонезии, который акад. А. А. Губер характеризует как период недифференцированного антиимпериалистического движения [8, 27].

Появление ОМНО знаменовало рождение партии, претендовавшей, как всякая буржуазная партия, на защиту интересов всей малайской национальной группы, но фактически представлявшей интересы эксплуататорских слоев малайской части населения. Процесс развития антиколониальной борьбы, выработки конкретных позиций партий и группировок привел к поляризации участвовавших в ней различных сил. Поскольку для отсталых в политическом отношении масс населения Малайи классовые категории были еще недоступны, поляризация пошла по национально-общинному признаку. Стоявшие вначале на межнациональных позициях ДСМ и МНП в ходе борьбы за привлечение сторонников превратились в коммуналистские партии. Обычный для других колониальных стран процесс классово-социальной дифференциации в Малайе оказался сильно завуалированным дифференциацией общества по национально-общинному признаку. Так родилось явление, называемое в буржуазной литературе «коммунализмом».

В открытой политической борьбе (до 1948 г.) коммунистам и руководству ВСОД удавалось проводить линию союза между пролетариатом, мелкой, средней и даже крупной буржуазией разных национальностей путем взаимных уступок и компромиссов, которые нашли выражение, в частности, в проекте Народной конституции для Малайи. Этот проект был представлен в конце 1947 г. коалицией ВСОД на рассмотрение английского правительства и включал признание малайцев коренными жителями страны, закрепление за ними 55% мест в Законодательной ассамблее, объявление малайского языка официальным языком государства и т. п. [26, 150—151]. Такой подход делал ВСОД сильнее ОМНО и сулил коалиции хорошие перспективы.

Не исключено, что в условиях продолжения открытой политической борьбы межнациональная платформа демократических сил ВСОД одержала бы победу. Однако истории не суждено было проверить это, поскольку введение в действие Конституции 1948 г. вызвало такое усиление политической борьбы и изменение политической обстановки в неблагоприятную для колонизаторов сторону, что они решили прибегнуть к репрессиям, начав с арестов и облав, а потом запретив основные составные части коалиции ВСОД.

12 июня была запрещена Всемалайская федерация профсоюзов, 18 июня — введено чрезвычайное положение, 28 июля — поставлены вне закона компартия, Ассоциация ветеранов антияпонской армии, Лига новодемократической молодежи и другие прогрессивные организации. Проявилось то, о чем Идрис Кокс, исследователь проблем английской внешней политики, писал: «Колониальная стратегия английских правящих классов заключалась в том, чтобы оказывать сопротивление силам национального освобождения, где это только возможно, и идти на уступки там, где они (английские правящие круги.— *В. Г.*) недостаточно сильны. Это две стороны одной и той же политики, каждую из которых английские империалисты используют в точном соответствии со сложившейся обстановкой» [цит. по: 7, 148]. Коммунисты были вынуждены уйти в подполье и стали создавать партизанские отряды.

Партия ОМНО могла теперь идти только по пути углубления сотрудничества с англичанами. При этом, чтобы привлечь на свою сторону народные массы,— а в сложившейся обстановке она могла рассчитывать только на поддержку малайского крестьянства — партия продолжала выступать под доступными для крестьян-малайцев шовинистическими лозунгами защиты малайцев от китайцев. ОМНО, как пишет малайский политический деятель Махатир, обязана своим существованием страху малайцев «проиграть» китайцам [16, 10]. Достаточно отметить, что осенью 1948 г. председатель партии Дато Онн бин Джафар совершил поездку в Лондон, где договорился о предоставлении политической и материальной поддержки для малайской части населения [26, 147].

Сотрудничая политически с малайской элитой, колонизаторы не могли не видеть одновременно необходимо-

сти поисков соглашения и с китайской буржуазией. Они опасались, что ввиду их одностороннего сближения с малайской буржуазно-феодальной верхушкой китайская буржуазия пойдет на укрепление союза с демократическими кругами, где главную силу представляли коммунисты. Ведь был же Тан Ченг-лок [11] председателем коалиции ВСОД в 1946—1948 гг. В соответствии с идеей английского генерального комиссара для Юго-Восточной Азии Малколма Макдональда в 1948 г. из представителей верхушки разных национальностей и английской администрации был создан «Комитет по общинным связям» («Communities Liaison Committee») [26, 84]. Главным результатом работы Комитета было появление на свет Китайской ассоциации Малайи (КАМ) [12], ставшей представителем интересов крупной и средней буржуазии китайского происхождения. Ее возглавил в качестве председателя Тан Ченг-лок.

Создание КАМ следует рассматривать как новое проявление политики «разделяй и властвуй», как весьма тонкий ход английских колонизаторов, использовавших стремление китайской буржуазии оформиться организационно и приобрести средство выражения своих взглядов в противовес имущим малайским кругам. Англичане получали отныне возможность упорядоченного сотрудничества с китайской буржуазией и, конечно, направления ее политики в нужном им плане, приобрели средство воздействия на имущих китайцев и на китайское население в целом. Английский верховный комиссар в Малайе Г. Гэрни без обиняков заявил, что он выступал за создание КАМ, чтобы сделать ее «сильнее Малайской коммунистической партии» и дать китайцам «какую-то альтернативу коммунизму» [26, 153].

Малайской верхушке, боявшейся усиления антиимпериалистического движения и объединения в нем трудящихся разных национальностей, не удалось одержать верх над коалицией ВСОД в открытой политической борьбе в 1945—1948 гг. Английские колонизаторы, дейст-

---

[11] Тан Ченг-лок — крупный китайский предприниматель, один из пионеров разведения каучуконосов, владелец крупных каучуковых плантаций, член Законодательного и Исполнительного советов Стрэйтс-Сетлментс [13, 102, 112].

[12] Это название принято в советской печати. Более правильным переводом английского названия «Malayan Chinese Association» было бы «Ассоциация малайских китайцев».

вовавшие не без согласия малайских феодально-буржуазных лидеров, не могли победить руководимых компартией партизан с помощью только вооруженной силы, хотя англичане и развернули в Малайе настоящую войну, которая вошла как одна из наиболее позорных страниц в историю британского колониализма. По официальным данным самих англичан, только их сухопутные вооруженные силы в Малайе состояли из 40 тыс. регулярных войск, 20 тыс. регулярной полиции, 37 тыс. специальных констеблей, 250 тыс. солдат войск внутренней охраны. На каждого бойца Освободительной армии приходилось 65 английских солдат. В удушении партизанского движения приняли участие австралийские и новозеландские войска, а также непальские гуркхи [24, 93]. Соединенные Штаты дали Англии на ведение войны в Малайе безвозмездно 10 тыс. карабинов, 10 вертолетов, оборудование для строительства стратегических дорог на 100 тыс. ам. долл. и другое имущество [10, 27].

Все это, однако, не дало колонизаторам желаемого результата, пока параллельно с военными действиями они не осуществили ряд мероприятий, направленных на разобщение отдельных отрядов рабочего класса, углубление раскола между мелкой буржуазией китайского и малайского происхождения и др. Среди таких мер можно отметить принудительно «отредъюнионивание» малайских профсоюзов с помощью специально и неоднократно направлявшихся из Англии советников по вопросам профдвижения, которые в конечном итоге сумели подчинить профсоюзы правительственной политике[13]. Следует упомянуть созданный в 1950 г. по инициативе англичан так называемый Орган сельского и индустриального развития (РИДА), который призван был представить английские власти как защитников малайского крестьянства и одновременно усилить вражду между малайцами и китайцами, проживающими в сельских районах. «Сделав жест в сторону малайцев, англичане продолжали вершить все экономические дела, не допуская к ним малайцев»,— пишет Махатир [16, 39—40].

Англичанам удалось существенно ослабить партизанское движение, когда с согласия малайской правящей

---

[13] Лидеры боевых профсоюзов, в том числе председатель Всемалайской федерации профсоюзов Ганапати и его заместитель Вирасенан, были физически уничтожены англичанами в 1949 г.

верхушки и в сочетании с использованием огромной военной мощи они применили план сгона огромной массы китайских скваттеров (650 тыс.) в 550 «стратегических деревнях». Тем самым постепенно, в 1951—1954 гг., они лишили партизан резерва бойцов, основной продовольственной базы, а также источника информации и моральной поддержки.

В ходе политического развития малайского общества продолжали выкристаллизовываться позиции отдельных классов и социальных групп. КАМ удалось собрать вокруг себя значительное число китайцев, которые рассматривали победы китайской революции и образование КНР в 1949 г. как указание на то, что им необходимо идентифицировать себя с Малайей. Вместе с тем разработанная коммунистами программа Освободительного движения малайского народа [14], предусматривающая создание Народной Республики Малайи, власть в которой будет осуществляться Объединенным народным фронтом под руководством рабочего класса [17, 1955, № 4], настораживала большинство мелкой и средней китайской буржуазии.

Стремясь уменьшить число китайцев из мелкой и средней буржуазии, сочувствующих коммунистам и партизанской борьбе, англичане стали уговаривать малайскую верхушку пойти на некоторое расширение прав этой политически неустойчивой части населения и издали новый, сравнительно выгодный для немалайцев закон о гражданстве. «К 1952 г. удалось убедить султанов и лидеров ОМНО, — отмечает Дж. Галлик, — что некоторое расширение избирательных прав для немалайцев — та цена, которую следует уплатить за поддержку китайцами кампании против террористов» [15] [14, 116].

С той же целью — привлечь на свою сторону как можно более широкие круги мелкобуржуазного китайского и индийского населения — английские власти разрешают создание ряда рабочих партий в отдельных кня-

---

[14] Эта программа была принята на заседании ЦК КПМ в декабре 1948 г., затем несколько раз пересматривалась и была в новой редакции опубликована после Совещания рабочих и коммунистических партий сферы Британского содружества в Лондоне в апреле 1954 г.

[15] Под террористами имелись в виду партизанские отряды, руководимые коммунистами.

жествах, которые в 1952 г. объединяются во Всемалайскую рабочую (лейбористскую) партию. Показательно, что программа партии провозглашает цель построения «демократического социализма», но без общественного владения средствами производства. Тремя годами позже они разрешают создание аналогичной мелкобуржуазной Народной партии, но состоящей целиком из малайцев [10, 31].

В малайских буржуазно-феодальных кругах долго господствовали консервативные взгляды, отрицавшие возможность сотрудничества с китайцами. Когда председатель ОМНО Дато Онн в 1949 г. предложил — в интересах усиления позиций имущих кругов основных национальностей Малайи — при обсуждении с англичанами вопроса о независимости разрешить доступ в партию немалайцев, он встретил такой отпор со стороны приверженцев традиционной линии, что вынужден был уйти с поста председателя партии [26, 147].

Однако политические интересы заставили и ОМНО изменить свои ортодоксально националистические взгляды и пойти, на классовой основе, на временное предвыборное соглашение с политическим центром китайской буржуазии — Китайской ассоциацией Малайи. Такое соглашение было заключено в 1952 г., накануне первых в истории страны разрешенных англичанами выборов в столичный муниципальный совет (тогда ОМНО и КАМ получили 9 мест из 10), за ним последовали аналогичные соглашения на время выборов в муниципальные советы других городов. Сближению партий предшествовали периоды длительных переговоров и политических торгов, за которыми внимательно следили англичане. Они опасались делать серьезные политические уступки малайской верхушке до тех пор, пока не убедятся в том, что эти уступки не будут использованы сторонниками союза с коммунистами. «Законность и порядок, — заявил в конце 1951 г. министр колоний Англии, — должны быть восстановлены прежде, чем будет сделан шаг к дальнейшему политическому прогрессу» [цит. по: 3, 69]. Под «законностью и порядком» английский министр имел в виду создание надежных гарантий, которые исключали бы всякую возможность усиления демократических сил и их допущение к политической власти. Слова о «политическом прогрессе» не были случайными, если учесть, что еще в 1949 г. глава ОМНО Дато Онн и лидер китай-

ской буржуазии Тан Ченг-лок выступили с требованием предоставления Малайе статуса доминиона в рамках Британского содружества [10, 26].

В 1953 г. к союзу ОМНО и КАМ присоединилась партия Индийский конгресс Малайи (ИКМ), та самая, которая после создания в 1946 г. входила в демократическую коалицию ВСОД. Но теперь она представляла уже не индийскую национальную группу в целом, а интересы в основном крупной индийской буржуазии. Присоединение ИКМ к ОМНО — КАМ означало, что сформировался блок феодально-буржуазной малайской верхушки и чиновничества с буржуазией китайского и индийского происхождения. Этот блок получил название Союзной партии (The Alliance).

Объективный процесс развития классовой борьбы и дифференциации в ее ходе социальной структуры общества привел к тому, что вслед за этапом поляризации по национальному признаку вскоре началась классовая поляризация. Некоторое время в Малайе в силу политической неразвитости общества размежевание отдельных групп и слоев происходило по национальному признаку, коммуналистские интересы доминировали над классовыми. Но в конечном итоге в каждой из трех национальных общин страны начала выкристаллизовываться классовая структура, политические партии не могли больше апеллировать к национальным группам в целом. Выделились классы эксплуататоров и эксплуатируемых. Соответственно этому партии приобрели классовый характер. Каждая партия стала представлять интересы определенной социальной группы или нескольких групп общества.

Однако все партии, выражавшие интересы эксплуататорских кругов, т. е. в первую очередь буржуазии, представляли и национально-общинные интересы. Это объясняется тем, что в условиях развивающегося капитализма неизбежны противоречия и борьба за власть между отдельными национальными группами буржуазии. Одновременно обостряются классовые противоречия между буржуазией и пролетариатом, и чем более развито капиталистическое производство, тем меньше пролетариат разделен национальными барьерами. Отсюда стремление буржуазии к объединению между собой на классовой основе. В Малайе оно воплотилось в создании Союзной партии. Вместе с тем буржуазия каждой нацио-

нальной группы заинтересована в привлечении к себе эксплуатируемых слоев населения по национальному признаку под лозунгами «национального единства» якобы ради блага всей национальной группы. «Чем больше привилегий у данной национальной группы, тем больше их у каждого члена этой группы», — утверждает представитель интересов малайской буржуазии Махатир [16, 175].

Только партии рабочего класса, вооруженные идеологией пролетарского интернационализма и марксистско-ленинской теорией, могут успешно сочетать выступления против подобного классового обмана со стороны буржуазии с поддержкой национального единства самых широких слоев общества в интересах борьбы против империалистического господства.

Коммунистическая партия Малайи к моменту провозглашения независимости страны потеряла возможность возглавить антиимпериалистическую борьбу, так как постепенно была лишена связи (или же сама утратила ее) со всеми классами малайского общества, продолжая вести только вооруженную партизанскую борьбу в джунглях. Партия лишилась своей главной опоры — на китайскую часть пролетариата, когда полностью ушла из городов в деревню. Она не могла приобрести позиций среди малайских крестьян по указанным выше объективным и субъективным причинам, а после переселения скваттеров в «стратегические деревни» вообще утратила базу для действий в сельской местности. Сказались как специфика структуры малайского общества и состав самой компартии, так и приверженность руководства партии к методам борьбы, подсказанным из Пекина и не подходящим к конкретным условиям Малайи.

Согласившись в 1955 г. на переговоры с представителями малайских правящих кругов, руководство компартии не использовало возможности переговоров для такого временного отступления и компромисса, который мог бы спасти ее от полной изоляции и угрозы уничтожения.

Между тем на выборах в 1955 г. в Законодательный совет, специально разрешенных англичанами, чтобы «выпустить пар» из котла антиколониальной борьбы, Союзная партия сумела получить 51 из 52 избираемых мест [16], чему способствовало включение партией в свою

[16] Этот совет состоял из 98 членов, но 32 члена назначались англичанами, а 14 входили в него по должности.

предвыборную программу обещаний бороться за самоуправление и независимость. Имея большинство в совете, Союзная партия получила формальное право сформировать правительство, в которое она включила девять министров — граждан Малайи и четырех англичан. Главным министром стал председатель Союзной партии Абдул Рахман, но все министры несли ответственность перед верховным английским комиссаром, так как Малайя сохраняла статус колонии [14, 118]. Под давлением антиимпериалистических настроений в других партиях и у части членов самой ОМНО, учитывая продолжавшееся партизанское движение, руководство ОМНО вынуждено было выступить с требованием немедленного предоставления Малайе полной независимости [3, 73].

Англичане могли к этому времени убедиться, что блок буржуазии и феодалов трех национальных групп располагает реальной силой в стране. Вместе с тем они видели, что сам факт колониальной власти Англии в Малайе держит антиколониальные, антиимпериалистические настроения на таком высоком уровне, что сохраняется потенциальная опасность перевеса демократических сил и насильственного изгнания колонизаторов. В этой обстановке они приняли решение пойти на замену классического колониализма неоколониализмом.

Условия «ухода» из Малайи были особо оговорены на совещании в Лондоне в январе—феврале 1956 г. между делегацией А. Рахмана и делегацией министерства колоний Англии. Они включали, в частности, обязательства правительства Рахмана подписать с Англией договор об обороне и взаимной помощи и оставить независимую Малайю в рамках Британского содружества. Торжественная церемония «ухода» состоялась в Куала-Лумпуре 17 августа 1957 г. На карте мира появилось новое независимое государство — Малайская Федерация.

«Искусство английских империалистов в том и состоит, — подчеркивает видный деятель компартии Великобритании, специалист по колониальным проблемам Палм Датт, — что они умеют предвидеть наступление краха и вовремя принять необходимые меры, обеспечивающие передачу политического суверенитета вновь создаваемому государству под их контролем и в избранных ими формах» [9, 11].

Особенности социальной структуры Малайи, обусловленные массовой иммиграцией в эту английскую коло-

нию населения из других стран, оказали решающее воздействие на характер национально-освободительного движения с самого его зарождения. Они продолжают ощущаться и поныне. Национальной разобщенностью и формированием политических организаций по коммуналистскому признаку сумели воспользоваться в своих классовых интересах английские колонизаторы, а затем эксплуататорские группы трех национальных общин. Основное содержание внутренних политических процессов колониальной Малайи и нынешней независимой Малайзии составляет классовая борьба. Однако здесь она завуалирована межнациональными противоречиями. Такие противоречия, проявляющиеся иногда в форме открытых столкновений, по своей природе свойственны разнонациональным группам буржуазии. Но буржуазии удается подчас вовлекать в русло этих противоречий и трудящиеся массы, прежде всего отсталое крестьянство, а иногда и пролетариат, интернационалистский по своей классовой сути.

В распространении предрассудков коммунализма на трудящиеся массы состоит одна из причин устойчивости блока правящих кругов Малайзии в форме Союзной партии, открыто сотрудничающего с колонизаторами. Именно это дало возможность буржуазно-помещичьим кругам Малайзии изолировать партизанское движение, запугать массы мнимой опасностью коммунизма и в конечном итоге прервать развитие национально-освободительного движения в стране, не дав ему перерасти в действительно антиимпериалистическую и антифеодальную борьбу. Такое положение вряд ли может продолжаться неопределенно долгое время в условиях современного международного развития. Исторический процесс повсеместного усиления роли общенациональных демократических движений не может не затронуть и Малайзию.

Источники и литература

1. Ленин В. И., II Конгресс Коммунистического Интернационала 19 июля — 7 августа 1920 г.,— т. 41.
2. Ленин В. И., Доклад на II Всероссийском съезде коммунистических организаций народов Востока, 22 ноября 1919 г.,— т. 39.

3. Герасимов С. А., Федерация Малайзии,— «Наукова думка», Киев, 1969.
4. Жеребилов В. А., Рабочий класс Малайи, М., 1962.
5. «Классы и классовая борьба в развивающихся странах», т. I, М., 1967.
6. «Коминтерн и Восток. Борьба за ленинскую стратегию и тактику в национально-освободительном движении», М., 1969.
7. «На новом пути (Национально-освободительное движение в Азии и Африке)», М., 1968.
8. «Национально-освободительное движение в Индонезии (1942—1965)», М., 1970.
9. Палм Датт Р., Некоторые аспекты английского неоколониализма,— «Проблемы мира и социализма», 1962, № 4.
10. Руднев В. С., Малайя (1945—1963), М., 1963.
11. Симония Н. А., Население китайской национальности в странах Юго-Восточной Азии, М., 1959.
12. Тюрин В. А., Завоевание Малайи Англией, М., 1962.
13. Allen R., Malaysia. Prospect and Retrospect, London, 1968.
14. Gullick J. M., Malaya, London, 1964.
15. Kroef J. M. van der, Communism in Malaysia and Singapore, The Hague, 1967.
16. Mahathir M., The Malay Dilemma, Singapore, 1970.
17. «Malayan Monitor», London.
18. «Malaysia», London, November, 1970.
19. «Malaysia 1966 Official Year Book», Kuala Lumpur.
20. «Malaysia, a Survey», ed by Wang Gungwu, Singapore, 1964.
21. «Malaysian Digest», Kuala Lumpur, 17.XII.1970.
22. Nanjundan S., Indians in Malayan Economy, Delhi, 1950.
23. Purcell V., The Chinese in Malaya, London, 1967.
24. Purcell V., Malaya: Communist or Free, London, 1953.
25. Puthuchery J. J., Ownership and Control in the Malayan Economy, Singapore, 1960.
26. Rathnam K. J., Communalism and the Political Process in Malaysia, Kuala Lumpur, 1965.
27. «Report of the Committee on the Malayanisation of the Government Service», Kuala Lumpur, 1954.
28. Roff W. R., The Origins of Malay Nationalism, New Haven — London, 1967.
29. Silcock T. H. and Aziz U., Nationalism in Malaya (Institute of Pacific Relations, Paper № 8), New York, 1950.
30. Silcock T. H. and Fisk E. K., The Political Economy of Independent Malaya, Singapore, 1967.
31. Tregonning K. G., A History of Modern Malaya, Singapore, 1964.
32. Yong Ching Fatt, Pattern and Traditions of Society in Chinese Community of Singapore, 1900—1941,— «The New Zealand Journal of History», Auckland, 1970, vol. 4, № 1.

Ю. О. Левтонова

Антиколониальные народные движения на Филиппинах после аннексии архипелага США

В начале XX в. филиппинский народ, едва освободившийся в результате национальной антиколониальной революции 1896—1898 гг. от трехвекового господства испанских колонизаторов, оказался порабощенным американским империализмом. Проблемы, связанные с характером политики США на Филиппинах, реакцией филиппинского общества на поражение революции, особенностями развития национально-освободительного движения в новых исторических условиях, получили глубокое освещение в советской востоковедческой науке [1; 2].

В нашей статье ставится узкая задача дать анализ отдельных народных антиколониальных движений, которые представляли вооруженную форму сопротивления распространению нового колониального режима в первые годы после аннексии и были органически связаны с предшествующим этапом революции и филиппино-американской войны 1899—1901 гг. С точки зрения социальной, основную массу участников вооруженных выступлений составляли представители демократических слоев (крестьянство, городская мелкая буржуазия, разночинная интеллигенция, бывшие солдаты и офицеры революционной армии, священники-филиппинцы), в свое время наиболее решительно и последовательно боровшиеся за

национальное освобождение и сохранившие верность идеалам и принципам революции и независимости.

В обширной американской филиппиноведческой литературе, посвященной рассматриваемому периоду, вопросам антиамериканской освободительной борьбы в начале XX в. отведено самое незначительное место. В большинстве трудов американских авторов дается тенденциозное, искаженное освещение событий в духе политики правящих империалистических кругов и официальной американской печати того времени [1], выступавшей с пропагандой «цивилизаторской» миссии США на Филиппинах, якобы утверждавших на островах принципы «свободы, демократии и гуманизма» [7; 8; 9; 10]. В американских исследованиях по истории Филиппин начала XX в. намеренно преуменьшаются масштабы народного сопротивления. Партизанское движение и многочисленные крестьянские восстания 1902—1916 гг. изображаются в виде действий разбойничьих шаек, оцениваются как явление бандитизма (bandolerismo), возникшего как результат послереволюционной экономической и политической разрухи.

История вооруженной борьбы филиппинцев в первые годы после аннексии принадлежит к числу наименее разработанных и в филиппинской национальной историографии. В трудах представителей старой проколониалистской исторической школы (М. и Т. Калау, Сайде, Бенитес и др.) эти вопросы либо не разбираются вовсе, либо о них говорится мимоходом в плане общих оценок, содержащихся в работах американских авторов.

Критический и научно-объективный подход к изучению всего комплекса филиппино-американских отношений на рубеже XIX—XX столетий наметился лишь в последнее десятилетие, с развитием националистических и демократических тенденций в современной филиппинской исторической науке. Филиппинские историки и социологи националистической ориентации (Т. Агонсильо, Ц. Махул, А. Абад, А. Молина) считают, что проблема народных антиколониальных движений начала XX в.

[1] В первую очередь это касается книг, авторами которых являлись представители американской военной и гражданской администрации на Филиппинах (мемуары Т. Рузвельта, Мак-Артура, адмирала Дьюи), и работ американских филиппинистов — представителей колониалистской буржуазной историографии (Форбс, Уорчестер, Хайден, Формен и др.).

подвергалась наибольшим искажениям и замалчиванию в американской и отечественной проколониалистской историографии, и ставят вопрос о ее специальном изучении [подробнее см. 4]. Дается принципиально новая оценка характера народных движений этого периода как антиамериканских, антиимпериалистических выступлений, представлявших собой примеры «неравной и героической» борьбы в условиях очевидного военно-экономического превосходства противника. Однако до сих пор вопросы антиколониальной борьбы в первом десятилетии XX в. не разработаны подробно, что в значительной степени объясняется недостатком документальных материалов.

В настоящей статье использованы американские официальные документы и пресса (ежегодные отчеты Филиппинской комиссии[2] за 1907—1915 гг. и издававшаяся в Маниле американскими властями «Филиппинская официальная газета»), дающие при крайней скудости фактических материалов и общей их официозной направленности известное представление об обстановке на архипелаге. Значительно больший интерес представляют секретные (прилагавшиеся к отчетам Филиппинской комиссии) рапорты и доклады генерального прокурора Филиппин за 1903—1908 гг. [14] и начальника констабулярии (местных, созданных американцами из коллаборационистских элементов военно-полицейских сил) за 1909—1912 гг. [11], содержащие сведения иного характера. Эти сведения противоречат выводам и заявлениям официальной прессы о мирном установлении американского гражданского управления на Филиппинах, дружелюбии и готовности сотрудничать с новыми колониальными властями со стороны местных жителей. Секретные рапорты посвящены именно тем трудностям, с которыми сталкивались американцы при распространении своей власти на архипелаге и которые замалчивались официальными органами.

В отчете генерального прокурора только за шесть лет (1903—1908) зафиксировано 50 крупных восстаний, 528 случаев более мелких вооруженных выступлений и 388 антиамериканских заговоров и тайных обществ [14, 40]. В докладе начальника констабулярии отмеча-

[2] Филиппинская комиссия из представителей гражданской и военной американской администрации была высшим органом колониального управления в первые годы после оккупации Филиппин.

ются случаи «бандолерисмо» почти во всех провинциях Лусона и Висайских островов.

Указанные материалы представляют интерес и с точки зрения описания карательных методов, применявшихся американцами в отношении местного населения, сведения о которых крайне редко просачивались в официальную печать и американскую литературу того периода.

Ценные материалы, проливающие дополнительный свет на события первых лет после оккупации Филиппин Соединенными Штатами, содержатся в русских документах [5, 425—510], представляющих собой донесения русских дипломатов и военных деятелей, основанные на свидетельствах очевидцев и личных наблюдениях авторов. Они представляют интерес и как уникальные источники, содержащие описания отдельных эпизодов антиколониальной борьбы филиппинцев, и как материалы, которые опровергают американские концепции, маскирующие мотивы и характер политики США на Филиппинах. Русские дипломаты и военные наблюдатели, далекие от каких-либо симпатий к антиколониальной борьбе филиппинцев, тем не менее значительно более объективно оценивали происходившие события, указывая на неизбежность сопротивления американским колонизаторам со стороны филиппинского населения, говоря в противоположность американской пропаганде не о случайных действиях разбойничьего характера, а о народном возмущении. В ряде документов о восстаниях на Лусоне и Висайских островах в 1901—1902 гг. воссоздана картина действительно широкого антиколониального народного движения. Так, в рапорте от 22 октября 1901 г. (т. е. после формальной капитуляции Филиппинской республики) русский военный агент в США В. Н. Шебеко, отмечая непрекращающуюся активность филиппинских партизан повсеместно на архипелаге, делает вывод об очевидных трудностях подчинения страны новым колониальным властям: «В общем, на Филиппинских островах картина представляется невеселою для правительства Соединенных Штатов. После 2 лет и 9 месяцев борьбы с восстанием (имеется в виду филиппино-американская война 1899—1901 гг. — *Ю. Л.*) приходится признать, что достигнуто весьма немного положительных результатов: на всем архипелаге едва ли найдется не только остров, но даже провинция, где бы не относились явно или скрыто враждебно к господству американцев» [5, 494].

По своему характеру народные антиколониальные движения рассматриваемого периода могут быть разделены на два типа: 1) действия партизанских отрядов и восстания, которые возглавлялись тайными обществами и организациями, созданными по типу Катипунана [3]; 2) стихийные крестьянские движения, сочетавшие традиционные идеологические формы борьбы с антиамериканской, антиимпериалистической направленностью.

В движениях первого типа отчетливо прослеживается связь с революционным наследием предшествующего десятилетия. Поражение революции и крушение независимой республики оказали глубокое воздействие на общественное сознание филиппинцев, вызвали сильную, хотя и различную, реакцию у представителей разных классов и социальных групп. Представители значительной части левых революционно-демократических сил, отказываясь примириться с поражением революции, пытались поднять народные массы на борьбу против новых колониальных хозяев, за достижение национальной независимости. Это были радикальные мелкобуржуазные деятели, патриоты и антиимпериалисты, в том числе отказавшиеся сложить оружие, бывшие командиры революционной армии, которые в новых условиях выступили за продолжение и активизацию партизанской войны.

Среди партизанских руководителей наибольшей известностью и популярностью пользовались революционные генералы Сан-Мигель, Мальвар и Макарио Сакай. Их идейные и политические позиции определялись принадлежностью к «плебейской фракции» в революционном лагере. Они действовали как идейные наследники основателей Катипунана (Андреса Бонифасио и Эмилио Хасинто) и революционных идеологов типа Аполинарио Мабини, сторонников полной независимости. Во всех источниках отмечается особое внимание, которое уделялось пропаганде идеалов революции среди партизан, популярность имен Рисаля, Бонифасио, Мабини, объявлявшихся национальными вождями и героями. Борьба против американских колонизаторов рассматривалась как продолжение и развитие национальной революции

---

[3] Катипунан (тагальск.— Верховный и досточтимый союз сыновей народа) — тайная революционная организация, возглавившая восстание 1896 г., которое послужило началом революции; главный политический и идеологический центр революционного движения на первом этапе революции (1896—1897).

1896—1898 гг. Конечной целью считалось достижение национальной независимости и образование демократической республики, иными словами, восстановление того, что было достигнуто в ходе борьбы с испанскими колонизаторами и отнято в результате вмешательства американских империалистов.

В 1901—1903 гг. крупным очагом партизанской войны были провинции Центрального Лусона — Тайабас и Булакан, где действовали отряды под командованием генерала Лусиана Сан-Мигеля. Ядро его войск состояло из отряда, который он вывел в горы из-под Манилы весной 1901 г. — сразу же после официального прекращения военных действий и капитуляции президента республики Эмилио Агинальдо [4]. Сан-Мигель выдвинулся в качестве революционного военного лидера на втором этапе революции (1898 г.) и в годы филиппино-американской войны. Он был тесно связан с радикальными политическими и военными деятелями: генералом Луна, Аполинарио Мабини, Рикарте и др. В прокламациях и материалах, написанных Сан-Мигелем, содержится прямое обращение к идеям и лозунгам недавнего героического революционного прошлого. Осенью 1902 г. Сан-Мигель попытался возродить Катипунан как политический и идеологический центр движения, создав так называемый Новый Катипунан, который возглавлял борьбу партизанских отрядов. Войска Сан-Мигеля вели вооруженную борьбу до 1903 г. и были разгромлены американскими войсками лишь после того, как он сам был убит в одном из сражений [14, 48—49].

В то же время (1901—1903 гг.) провинции Лусона, Батангас, Лагуна, Тайабас и о-в Миндоро стали ареной действий отрядов генерала Мальвара. Согласно официальным американским данным, почти все население этих районов поддерживало Мальвара, и даже местные филиппинские власти, формально подчинившиеся американской администрации, тайно оказывали помощь партизанам [10, 24—26]. Число солдат в партизанских отрядах Мальвара достигало (по американским источникам)

---

[4] Эмилио Агинальдо — президент Филиппинской республики, принадлежавший к числу правых буржуазно-помещичьих лидеров, был взят в плен американцами в марте 1901 г. и вскоре издал манифест о прекращении военных действий, рассматривавшийся представителями левых патриотических сил как предательство национальных интересов и капитуляция перед американским империализмом.

8—10 тыс. [14, 50]. В донесении В. Н. Шебеко отмечаются «угрожающие размеры» операций отрядов Мальвара. Он же пишет о «сознательном и серьезном отношении инсургентов к войне» и, что особенно важно, сообщает некоторые сведения о программе и организации движения. Излагается содержание воззваний Мальвара, которые распространялись среди населения, расклеивались на стенах домов и церквей. Они агитировали за присоединение к восстанию, за вооружение для борьбы с оккупантами. В них назначалась дата всеобщего «движения за свободу и независимость», намеченного на январь 1902 г. Мальвар объявил себя капитан-генералом, считая, однако, свое назначение временным — до периода освобождения страны от колонизаторов [5, 493]. Планы общего вооруженного восстания не были осуществлены, отдельные отряды Мальвара действовали до начала 1903 г., затем большая часть его армии (после ряда крупных поражений) присоединилась к войскам революционного генерала Макарио Сакая.

Мы располагаем значительно большими сведениями об этом последнем, нежели о Сан-Мигеле или Мальваре, главным образом благодаря опубликованной в 1955 г. книге современного филиппинского историка и журналиста Антонио Абада «Генерал Макарио Сакай, разбойник или патриот?» [6], само название которой указывает на полемический характер этого исследования. Книга посвящена одной из драматических страниц истории вооруженной борьбы филиппинского народа в первые годы после захвата архипелага. Автор не претендует на всестороннее освещение антиколониальной борьбы филиппинцев. В книге лишь рассказана история партизанского движения в 1902—1907 гг. в центральных провинциях Лусона, возглавленного генералом Сакаем. В ней опровергаются оценки деятельности и личности Сакая, содержащиеся в работах американских авторов. Абад характеризует Сакая как патриота и антиимпериалиста, последователя Бонифасио и Мабини, сторонника полной независимости Филиппин, отказавшегося сложить оружие после захвата островов Соединенными Штатами. Книга написана на обширном документальном материале, в ней использованы воззвания, листовки, приказы Сакая и его помощников, свидетельства современников, очевидцев и участников движения.

Макарио Сакай прошел жизненный путь, типичный

для многих филиппинских «плебейских лидеров», выходцев из народных и мелкобуржуазных слоев, воспитанных на идеях Катипунана, бескромпромиссно боровшихся за национальную независимость. Сакай родился в 1870 г. в Тондо—беднейшем районе Манилы, окончил начальную школу, работал сначала портным, затем подмастерьем в мастерской по изготовлению испанских карет. Накануне революции, в 1894 г., он вступил в Катипунан и вскоре был назначен председателем одной из его крупных секций (в Дапитане). Во время революции и войны с американцами он выдвинулся как талантливый военачальник, стал генералом революционной армии. Вскоре после капитуляции Агинальдо Сакай был провозглашен солдатами и офицерами «Верховным президентом Республики Тагальских островов». Он увел свои отряды в горы Моронг (пров. Тайабас), превратившиеся в центр партизанского движения. В документах, приводимых в книге Абада, подчеркивается организованный характер этого движения, наличие строгой военной дисциплины, структура войск по типу регулярной армии. Партизаны Сакая действовали и в провинциях Лагуна, Булакан, Пампанга, Кавите, Батангас.

Основную массу партизан составляли крестьяне — бывшие солдаты революционной республиканской армии и местные жители тех провинций, где действовали отряды, присоединившиеся к армии Сакая. Генералы и офицеры принадлежали, как правило, к выходцам из народа и мелкобуржуазных слоев. Ближайший помощник Сакая — Леон Вильяфуэрте, командующий в провинциях Булакан и Пампанга, происходил из семьи мелких торговцев. Генерал Франсиско Корреон был сыном военного фельдшера из пограничных южных районов. Генерал Хулиан Монталан, главнокомандующий в Кавите, был неграмотным филиппинским крестьянином [1, 20—25]. Основные цели и лозунги движения достаточно ясно отражены в манифестах — обращениях к филиппинцам, написанных Сакаем, и так называемой Конституции Республики Тагальских островов. Основная цель движения определена в этих документах как борьба за полную независимость и демократическую республику с национальным филиппинским правительством. По существу, эти лозунги повторяли программу левых, антиимпериалистических, патриотических сил, выдвинутых в годы филиппино-американской войны (1899—1901).

В своих манифестах Макарио Сакай разъяснял, что вооруженная борьба, которую ведут его отряды, продиктована патриотическими мотивами. В апреле 1905 г. он писал в одной из прокламаций: «Мы действительные революционеры по своим мыслям и действиям, а не разбойники (тулисаны), как называет нас правительство Соединенных Штатов... Мы сражаемся ради освобождения нашей земли, и мы придерживаемся законов разума и справедливости в войне с врагами нашей родины» [1, 11—12].

Отряды Сакая действовали в течение шести лет (1902—1907). Лишь после организованной американцами акции по предательскому пленению Сакая и его ближайших помощников движение было значительно ослаблено и затем постепенно разгромлено.

Выступления отрядов Сан-Мигеля, Мальвара, Сакая были наиболее крупными и известными эпизодами антиамериканской борьбы.

После разгрома армии Сакая в течение пяти-шести лет повсеместно на архипелаге вспыхивали небольшие восстания, образовывались тайные общества и катипунаны, руководившие этими стихийными народными выступлениями.

Последняя попытка крупного вооруженного восстания была предпринята в 1914—1915 гг. «рикартистами» — сторонниками и последователями филиппинского революционера Артемио Рикарте. В истории филиппинского национально-освободительного движения Рикарте занимает значительное место. Как политический деятель и революционный руководитель он стал известен и популярен на втором этапе революции и в годы филиппино-американской войны. Рикарте происходил из местной интеллигенции, был хорошо образован, проявил себя как способный квалифицированный военачальник (Рикарте был генералом революционной армии). По своим идейным убеждениям он принадлежал к радикальным антиимпериалистическим кругам. Его близким другом и единомышленником был Аполинарио Мабини — наиболее крупный и серьезный идеолог революционно-демократического направления на Филиппинах [о нем подробнее см. 3].

Рикарте, как и Мабини, принадлежал к числу «непримиримых» (intransigentes) антиимпериалистов и патриотов, выступавших за продолжение вооруженной борь-

бы с целью завоевания полной независимости Филиппин. Как и Мабини, он был занесен американским командованием в списки наиболее «опасных и активных» противников нового режима. По своим личным качествам Рикарте отличался беспримерной храбростью, склонностью к рискованным, смелым действиям. Он был арестован в июле 1900 г. в Маниле, занятой американскими войсками, где во время организованных американцами торжеств по поводу объявленной ими амнистии пытался поднять вооруженное восстание. В январе 1901 г. он вместе с Мабини и 55 «непримиримыми» революционерами, отказавшимися принести присягу верности США, был выслан американскими властями на о-в Гуам. В ссылке он еще более сблизился с Мабини. К концу 1902 г., когда большинство высланных, подписав присягу верности, вернулись на родину, Рикарте и Мабини оказались на острове в одиночестве. В феврале 1903 г. тяжелобольному Мабини было разрешено вернуться на родину. Рикарте остался единственным из высланных филиппинских революционеров, отказавшимся подписать присягу. Тогда ему разрешили уехать в Гонконг, где он основал среди филиппинских эмигрантов Новую Гонконгскую хунту, объявив о своем полном разрыве с Агинальдо. К гуамскому, а затем гонконгскому периоду относится увлечение Рикарте западноевропейскими анархистскими идеями. В издаваемой Гонконгской хунтой газете «Голос народа» он, в частности, призывал к борьбе за «Универсальную демократическую Филиппинскую республику», проповедуя стихийную революцию, военные путчи и восстания [12]. В 1903 г. экземпляры «Голоса народа» деятели хунты стали переправлять в Манилу. В 1904 г. Рикарте нелегально вернулся на острова с целью организовать вооруженную борьбу. Рикарте был связан с некоторыми катипунанами, известны его контакты с генералом Сан-Мигелем.

В 1909—1910 гг. Рикарте основал тайное общество «Надежда родины», которое должно было возглавить вооруженное антиамериканское восстание под лозунгом «Универсальной демократической республики» [13]. Секции этой организации в июле 1913 г. восстали в провинции Самбалес, но были быстро разгромлены американскими войсками. Рикарте, который, несмотря на склонность к анархистским теориям, не отрицал института государства, составил в 1914 г. проект конституции «Ост-

ровов Рисаля», в котором возвращался к буржуазно-демократическим принципам революции 1896—1898 гг. [13]. «Рикартисты» наиболее активно действовали в провинциях Рисаль, Тарлак, Булакан, Нуэва, Эсиха, Илоило, но действовали разобщенно, так и не сумев подготовить общее выступление. Большинство руководителей рикартистских организаций было арестовано. Восстание, поднятое Рикарте в августе 1914 г. в провинции Булакан, потерпело поражение. То же произошло с рядом мелких выступлений «рикартистов» в Маниле в декабре 1914 г. [5].

Движение, организованное Рикарте, близкое по своим политическим целям и антиимпериалистической направленности к выступлениям партизанских вождей—Сакая, Мальвара и Сан-Мигеля, имело и существенные отличия. Прежде всего, это касалось социального состава его участников. Рикарте и его единомышленники апеллировали преимущественно к мелкобуржуазной и буржуазной националистически настроенной интеллигенции. Представители этих общественных слоев были основными участниками рикартистских организаций, слабо связанных, либо вовсе не имевших связей с широкими массами. Представления «рикартистов» о методах и тактике антиимпериалистической борьбы ограничивались созданием тайных обществ, организацией заговоров, выступлений путчистского характера. В их идеологической программе получили отражение националистические и демократические идеи предшествующего десятилетия и взгляды анархистского толка.

В целом рассмотренные выше вооруженные выступления против американского колониального режима отражали реакцию тех слоев филиппинского общества, которые наиболее остро переживали горечь поражения и не могли примириться с крушением идеалов революции и независимости. В новых исторических условиях, сложившихся на Филиппинах, обращение к старым лозунгам и идеалам времен Катипунана и Филиппинской республики 1898 г. было обречено на поражение. Говоря о разгроме этих движений, следует отметить и такие способствовавшие ему факторы, как общее военно-техниче-

---

[5] Артемио Рикарте удалось уехать в Гонконг, затем в Японию, где он продолжительное время занимался поддержкой и организацией филиппинской политической эмиграции.

ское превосходство США, создание местных военно-полицейских сил (констабулярии), жестокий террор, применявшийся американскими колонизаторами при подавлении восстаний.

* * *

Первое десятилетие после аннексии архипелага было временем активизации крестьянских движений.

В основе крестьянских выступлений рассматриваемого периода лежало общее ухудшение экономического положения филиппинского крестьянства. Оно было вызвано прежде всего нерешенностью аграрного вопроса, возвращением на земли, занятые крестьянами в ходе революции, прежних хозяев — местных помещиков-касиков — и представителей испанских католических корпораций — в прошлом главных и наиболее крупных земельных собственников и эксплуататоров крестьянских масс. И прежде они были основным объектом крестьянского недовольства, которое традиционно, в течение всего испанского периода выливалось в антимонашеские выступления [6].

Крестьянские движения начала XX в. происходили в форме вооруженных бунтов, сохраняя черты, характерные для предшествующих, более ранних периодов: стихийность, локальность, преобладание религиозно-мистической идеологии, включавшей также уравнительные идеи, и отражавшие стремление к социальной справедливости требования христианского равенства. Как известно, на Филиппинах, где подавляющее большинство населения исповедовало религию, внедренную колонизаторами, крестьянские движения происходили в формах, сходных со средневековыми христианскими ересями. Сочетание в сознании филиппинских крестьян искренней набожности и антиклерикализма, порождавшегося эксплуататорской ролью католической церкви во всех сферах жизни филиппинского общества, приводило к поискам своей, «народной» религии, протесту в форме ересей и религиозного сектантства под лозунгами «защиты

---

[6] В 1903—1905 гг. американское правительство, в значительной степени под воздействием крестьянских движений, выкупило большую часть орденских земель, но крестьяне-арендаторы не получили обрабатываемых ими участков, так как бывшие имения испанских церковников были распроданы по высоким, недоступным для крестьян ценам [2, 12].

истинной веры» и «очищения» христианского вероучения. Влияние крестьянской идеологии прослеживается и в программе Катипунана (организации по преимуществу «плебейской»), включавшей требования христианского равенства и справедливости. Масонские формы организации и идеология Катипунана с приверженностью к тайным ритуалам, мистическим обрядам, масонской символике оказались наиболее доступны и понятны крестьянским массам. Секции Катипунана, где преобладали народные элементы, превращались, по существу, в тайные религиозные сектантские общества.

В первые годы после установления американской власти наблюдалось широкое распространение религиозного сектантства. Согласно отчетам Филиппинской комиссии, в 1907—1915 гг. действовало более десятка религиозных сект. В основном это были мелкие секты, быстро возникавшие и столь же быстро распадавшиеся. Наиболее крупными были секты Пулаханос, Санта Иглесиа и Колорум. Географически деятельность основных сект распространялась следующим образом: острова из группы Висайских (Самар, Лейте, Панай, Негрос) были центром Пулаханос; провинции Лусона — Тайабас, Лагуна, Батангас, Кавите, о-ва Бохоль, Себу, Негрос — арена деятельности Колорума, провинции Булакан, Пампанга, Нуэва Эсиха, Тарлак (на Лусоне) — сфера влияния секты Санта Иглесиа [13]. Общими чертами идеологии этих движений было стремление в той или иной форме «очистить» официальную христианскую доктрину; смешение элементов христианского вероучения с древними языческими верованиями и культами, мессианскими и монархистскими идеями.

Движение развертывалось в районах концентрации крупного монашеского землевладения. Основную массу участников крестьянских сект составляли беднейшие слои филиппинского крестьянства: арендаторы-издольщики, обезземеленные крестьяне, бывшие мелкие земельные собственники [13]. Руководители крестьянских восстаний, объявлявшие себя пророками, апостолами, папами, были либо представителями крестьян, либо, значительно реже, выходцами из местных касиков. Нередко во главе восстаний становились местные священники или бывшие командиры и солдаты революционной армии. Среди руководителей крестьянских движений наиболее известны несколько вождей крупных сект: Фелипе Саль-

вадор (или, по-тагальски, Апонг Ипе — Старый Фелипе), «духовный вождь» Санта Иглесиа. Он не участвовал в вооруженных рейдах, возглавлявшихся «боевыми вождями», из которых наиболее опытным был Мануэль Гарсиа, бывший капитан революционной армии. Подобная же система разделения на «духовных» и «боевых» вождей существовала и в секте Пулаханос. Сегундо Исидро и «Папа Ондой» были организаторами секты Колорум на о-ве Бохоль. Эстебан Десео и Риос возглавляли секту Колорум в центральных провинциях Лусона. «Папа Отой» был знаменитым вожаком Пулаханос на Самаре и соседних Висайских островах [14, 48—49].

За религиозно-мистической оболочкой этих движений скрывались чисто крестьянские требования, направленные против усиления экономической эксплуатации. «Папы» секты Пулаханос в своих проповедях заявляли, что главной причиной тяжелой жизни филиппинских крестьян были высокие налоги, и требовали отмены всей налоговой системы [14, 49]. Эстебан Десео, глава Колорум в Тайабасе, проповедовал уравнительные идеи, призывал к равному распределению земель среди крестьян и отмене налогов [13]. Сходные идеи пропагандировали руководители секты Санта Иглесиа.

Отличительной чертой крестьянских религиозно-сектантских движений была их антиколониальная, антиамериканская направленность. В отчетах Филиппинской комиссии указывается на широкое распространение антиамериканских настроений среди крестьян — участников сектантских движений. Известно, что многие солдаты и командиры партизанских отрядов становились активными участниками и руководителями сект, крестьяне сражались в партизанских войсках, затем участвовали в восстаниях, организованных религиозными сектами. Примером сочетания сектантских движений с партизанской войной были народные восстания на о-вах Самар и Лейте. Эти восстания в общей сложности продолжались около шести лет (с 1901 по 1906 г.), сохраняя ясно выраженную антиамериканскую направленность. Во многих сектах крестьяне верили в «независимость», одной из главных целей движений считалась борьба против иноземцев, за полное национальное освобождение. В некоторых сектах (например, у Колорумов, Санта Иглесиа) существовал культ национальных героев и патриотов. Колорумы верили в воскресение Хосе Рисаля

и установление с его воцарением общества благоденствия и справедливости.

Характерно, что в американских официальных документах и литературе крестьянские волнения не выделяются как чисто аграрные беспорядки или движения религиозно-сектантского характера. Вместе с действиями партизан и тайных обществ (катипунанов) они оцениваются как явления «бандитизма», направленные против установления американского гражданского управления. В донесениях русских дипломатов и военных наблюдателей крестьянское движение рассматривается с точки зрения его антиамериканской, антиимпериалистической направленности, как часть общего народного возмущения. В отличие от американских источников, подчеркивающих случайный, стихийный характер вспышек крестьянского недовольства, инспирируемого отдельными «инсургентами» и «заговорщиками», в русских документах показаны более реальные масштабы крестьянских движений, отмечается поддержка крестьянских вождей и идеологов со стороны местного населения, особо активный и упорный характер борьбы крестьянских масс.

Используя военные преимущества американской армии, привлекая на свою сторону местные помещичье-буржуазные элементы, которые были напуганы размахом народной борьбы, в особенности антипомещичьей направленностью крестьянских выступлений, американскому правительству к 1914—1916 гг. удалось подавить последние очаги крестьянских восстаний [7]. При подавлении народных движений американские власти прибегли к жестоким мерам — к массовому физическому истреблению населения мятежных городов и деревень, созданию «режима концентраций» (концентрационных лагерей), уничтожению военнопленных и т. д. [5, 422—423]. Подобные факты редко попадали в американскую печать того времени, настойчиво выступавшую с версией о мирном процессе установления американского режима на Филиппинах. По этому поводу русский дипломат Кассана, упоминая о жестоком обращении с филиппинскими военнопленными, писал из Вашингтона: «Если бы подобные ужасы произошли в какой-либо другой стране, то англо-

[7] В 1910—1913 гг. была разгромлена секта Санта Иглесиа; дольше продержались отряды секты колорумов и пулаханос, которые были окончательно разгромлены только в 1914—1916 гг. [14, 48—50].

американская пресса не нашла бы достаточно сильных выражений, дабы высказать свое порицание. В данном случае она, однако, ограничилась простым констатированием фактов и, не будучи в состоянии, конечно, оправдать образ действий американских офицеров, воздержалась от какой-либо критики со своей стороны» [5, 495]. В американской литературе мемуарного характера встречаются описания «неоправданной жестокости» при проведении «кампаний по истреблению инсургентов» [7; 10]. В отчете Филиппинской комиссии в 1903 г. упоминается о «бесчеловечном и недостойном» поведении американских солдат [12]. В русских архивных материалах дана достаточно полная картина карательных операций американцев. Использование террора вполне обоснованно выдвигается как один из главных факторов, способствовавших подавлению сопротивления народа и установлению власти США.

* * *

Вооруженные выступления филиппинского народа в первое десятилетие после аннексии страны США представляли собой стихийную реакцию демократических слоев филиппинского общества на поражение революции, вмешательство американского империализма в освободительную борьбу филиппинцев и предательство национальных интересов местной буржуазно-помещичьей элитой. Память о недавнем героическом прошлом сохранилась в сознании филиппинского народа, пробуждала стремление к борьбе за сохранение завоеванной независимости и республики. Для всех движений этого периода было характерно обращение к лозунгам, идеалам и традициям революции и республики. В многочисленных крестьянских восстаниях, представлявших движение наиболее отсталых элементов филиппинского общества, тем не менее прослеживается антиколониальная направленность — прямая связь извечных крестьянских представлений о социальном равенстве, справедливости и благоденствии с необходимостью борьбы против американцев, за восстановление национальной независимости.

В условиях быстрой колонизации Филиппин новейшими империалистическими методами там происходили серьезные социальные сдвиги, возникали новые классовые и общественные силы, зарождались более зрелые

и современные формы национально-освободительного и антиимпериалистического движения. Рассмотренные выше народные движения оставались вне этого поступательного развития общества, идейно, политически и психологически они были связаны с периодом революции и республики, в новой исторической обстановке они неизбежно изживали себя как форма антиколониального протеста. Но именно обреченность придавала особый драматизм этим последним отголоскам предшествующего бурного десятилетия. Несомненно и то обстоятельство, что стихийное народное возмущение, приобретшее столь значительный размах в рассматриваемый период, оказывало известное влияние на политику США на Филиппинах. Соединенные Штаты были заинтересованы в быстрейшем замирении архипелага, опасаясь (они не забыли опыт революции 1896—1898 гг. и филиппино-американской войны 1899—1901 гг.) роста народного протеста и потому стремясь сочетать методы прямого военного подчинения с уступками местным буржуазно-помещичьим слоям — потенциальной опоре колониального режима. Не случайно и так называемый Органический закон 1902 г., привлекавший к управлению страной и значительно расширявший права местных имущих классов, и мероприятия по выкупу орденских земель, принесшие наибольшую выгоду филиппинскому помещичьему классу, и, наконец, Закон Джонса 1916 г., в котором впервые было обещано предоставить политическую независимость, появились непосредственно после наиболее активных вспышек стихийных народных антиколониальных движений.

Источники и литература

1. Губер А. А., Филиппинская революция 1898 г. и американский империализм, М., 1962.
2. Левинсон Г. И., Филиппины между первой и второй мировыми войнами, М., 1958.
3. Левтонова Ю. О., Мабини — национальный герой Филиппин, М., 1970.
4. Левтонова Ю. О., Современные филиппинские историки о национально-освободительном движении на Филиппинах во второй половине XIX — начале XX в.,— «Источниковедение и историография стран Юго-Восточной Азии», М., 1971.

5. «Политика капиталистических держав и национально-освободительное движение в Юго-Восточной Азии. Документы и материалы», ч I, М., 1965.
6. Abad A. K., General Macario L. Sakay, Was He a Bandit or a Patriot?, Manila, 1955.
7. Blount J. H., The American Occupation of the Philippines, 1898—1912, New York, 1913.
8. Crow C., America and the Philippines, New York, 1914.
9. Devins J., An Observer in the Philippines, New York, 1905.
10. Elliot Ch. B., The Philippines to the End of the Commission Government, New York, 1917.
11. «Philippine Islands. Philippine Constabulary, Annual Reports», Washington, 1909—1912.
12. «The Philippine Official Gazette», Manila.
13. «Report of the Philippine Commission», Washington, 1907—1915.
14. Villamor I., Criminality in the Philippine Islands, 1903—1908 («Special Report of the Attorney General of the Criminality in Philippine Islands»), Manila, 1909.

А. Н. Узянов

Антиколониальное движение и ассоциация «Наша Бирма» в 30-х годах XX в.

Тридцатые годы занимают особое место в истории национально-освободительного движения бирманского народа. За десятилетие до второй мировой войны произошли большие изменения в характере антиколониальной борьбы бирманского народа и ее целях. Расширилась социальная база освободительного движения, в борьбу включились новые, более радикальные силы. Значительно ослабло влияние либерально-буржуазного реформизма на патриотические круги. Национально-освободительная борьба поднялась на новую ступень и окрепла организационно, политически и идейно. В 1938—1939 гг. все громче стали раздаваться голоса против капитализма как системы, за социальные преобразования в интересах широких масс. Эти качественные изменения в характере и целях национально-освободительного движения нашли наиболее яркое отражение в действиях и документах общенациональной организации патриотов «Добама асиайон» — Ассоциации «Наша Бирма» [1] — в последние годы предвоенного десятилетия.

Бирма вступила в 30-е годы XX в. как далекая провинция Британской Индии, охваченная огнем мощного

[1] Для удобства читателя в дальнейшем вместо названия Ассоциация «Наша Бирма» всюду употребляется «Добама».

крестьянского восстания. Мировые экономические кризисы 30-х годов основательно подорвали бирманское хозяйство. В то же время они значительно ускорили социальные процессы в бирманском обществе. От аграрного кризиса в начале 30-х годов больше всего пострадали бедные слои крестьянства, составлявшие основную массу бирманской деревни, где проживало тогда более двух третей всего населения страны. Резкое снижение цен на рис на мировом капиталистическом рынке разорило не только малоземельных, но и среднюю прослойку крестьян. Пагубные последствия кризиса не миновали и зажиточные хозяйства, и хозяйства мелких помещиков. На трагедии миллионов крестьян нажилась лишь ничтожно малая социальная прослойка, представленная крупными землевладельцами-абсентеистами. Если в 1930/31 г. помещикам и ростовщикам Нижней Бирмы принадлежало 32,5% пахотных земель, то в 1932/33 г. они уже стали хозяевами 41,5% обрабатываемой площади [7, 135—136]. В годы аграрного кризиса особенно нажились индийские четтьяры — самые крупные землевладельцы и ростовщики в Бирме. За указанный период они расширили размеры своих владений на 140% [3, 136]. Процесс обезземеливания крестьян и концентрации хозяйственных земель в руках крупных землевладельцев в 30-е годы особенно далеко зашел в главных рисопроизводящих районах Нижней Бирмы — основного поставщика риса на мировой рынок. По подсчетам бирманской исследовательницы До Мья Тин, в тринадцати главных рисопроизводящих округах Нижней Бирмы [2] крупным землевладельцам в 1930 г. принадлежала треть пахотных земель, а в 1940 г. они уже владели почти половиной обрабатываемой площади. За тот же период четтьярское землевладение в этих районах расширилось в 2,5 раза, в 1940 г. оно составляло четвертую часть всех хозяйственных земель, или половину того, что принадлежало землевладельцам в этих 13 округах [10, 92]. В несколько меньших масштабах такая картина наблюдалась и в других районах страны [4, 14—16].

В результате аграрных кризисов 30-х годов произошли существенные изменения в социальной структуре

---

[2] В округах Пегу, Таравади, Хантавади, Инсейн, Пром, Бассейн, Хензада, Мьяунгмья, Маубин, Пьяпон, Татон, Амхерст и Таунгу.

бирманской деревни. Огромная масса малоземельных крестьян лишилась своих участков и была вынуждена или пополнять ряды сельскохозяйственых рабочих, и так составлявших в начале 30-х годов около 35% самодеятельного населения бирманской деревни [22, 129—130], или арендовать участки у крупных землевладельцев на кабальных условиях. По подсчетам исследователя Н. И. Лазарева, в 1939 г. около половины всех хозяйственных земель собственно Бирмы обрабатывались мелкими арендаторами на условиях предоставления 25—50% урожая в пользу землевладельца [8, 167]. О безысходном положении бирманского мелкого арендатора говорит и преобладание краткосрочной аренды сроком на один-два года. В 1938 г. в Нижней Бирме такая форма аренды составляла более 40% обрабатываемых арендаторами земель [4, 6].

В периоды аграрных кризисов 30-х годов разорилась и значительная часть мелких помещиков, не говоря уже о зажиточных крестьянах, которые перешли в разряд маломощных [5]. В результате всего этого изменился и характер классовой борьбы в деревне. Она ослабла внутри крестьянской общины, но резко обострилась между огромными массами деревни и крупными землевладельцами, представленными в основном четтьярами и местными феодалами. Острие этой борьбы направлялось как против колониализма, так и против его внутренней опоры — феодалов, против существующей социально-политической стурктуры и за улучшение положения широких масс.

В бирманской деревне накопилось много «горючего материала» огромной силы с радикальным зарядом. В 1930—1931 гг. все центральные районы страны были охвачены крестьянским движением. Возглавленное Сая Саном, это антиколониальное и антифеодальное вооруженное восстание бирманского крестьянства было жестоко подавлено властями. Но оно оставило глубокий след в истории национально-освободительного движения. Как отмечалось в манифесте «Добама» (1940 г.), восстание Сая Сана явилось последним «стихийным крестьянским восстанием» (1, 275). Важнейшим политическим уроком поражения крестьянского восстания была необходимость сплочения всех отрядов национально-освободительного движения под общим знаменем борьбы, руководимой из единого центра [12, 125]. Задача патрио-

тических политических сил состояла в том, чтобы объединить антиколониальное движение деревни с движением города. Старое реформистское руководство Генерального совета бирманских ассоциаций (ГСБА), как и сам ГСБА в целом, оказались не способны решить эту задачу. За ее решение взялись революционные «такины», составлявшие радикальное крыло «Добама».

Мировые экономические кризисы 30-х годов больно ударили по бирманскому городу, причем больше всего пострадали бирманские рабочие, составлявшие основную прослойку неквалифицированной части промышленного пролетариата, местные мелкие предприниматели, ремесленники. За 1929—1939 гг. численность рабочих в цензовой промышленности сократилась на 14% и накануне второй мировой войны составила всего лишь 86 тыс. [9, 77]. И это в стране с населением более 16 млн. [3]. Только за 1929—1933 гг. закрылись 34 промышленных предприятия и были выброшены на улицу 8 тыс. рабочих, что составляло 8% рабочих, занятых в цензовой промышленности в те годы [3, 137; 9, 75].

Общеизвестно, что в колониальной Бирме крупная буржуазия в современном смысле была крайне малочисленна и представлена в основном англичанами и индийцами. Только единицам из собственно бирманцев удавалось вырваться в ряды предпринимателей средней руки. Накануне второй мировой войны на предприятиях, принадлежавших бирманскому капиталу, было занято вдвое меньше рабочих, чем на предприятиях английского капитала, на треть меньше числа рабочих на предприятиях индийской буржуазии в Бирме и всего на 2,2 тыс. больше, чем число работавших на предприятиях китайского капитала [9, 79]. По подсчетам С. М. Макаровой, в 1940 г. среднее число рабочих на каждом цензовом предприятии, принадлежавшем англичанам, составляло 280, принадлежавшем индийцам — 72, китайцам — 64, а бирманцам — всего 40 [9, 60].

В начале 30-х годов около 80% всех занятых в промышленности проживало не в городах, а в сельской местности. По данным переписи 1931 г., из 786,5 тыс. че-

---

[3] В 1939/40 г. во всех отраслях промышленного производства Бирмы насчитывалось 142,8 тыс. рабочих, занятых на 1628 предприятиях всех типов — от крупных английских со средним числом рабочих свыше 400 до мелких собственно бирманских с числом рабочих 20 и меньше [17, 82—84].

ловек, связанных с промышленным производством, для 122 тыс. это занятие было лишь подсобным, дополнительным к основному занятию — земледелию [9, 94]. В кризисные, 30-е годы мелкое промышленное производство в сельской местности не только не сократилось, а намного расширилось [9, 77].

Существенные изменения произошли в 30-е годы и в структуре бирманской интеллигенции. Резко возросла в ней доля разночинцев, выходцев из городской мелкой буржуазии, обедневших помещиков и зажиточных слоев деревни. В радикализации бирманской интеллигенции большую роль сыграл Рангунский университет, открытый в конце 1920 г.

Открывая университет, колониальные власти преследовали больше политические цели, чем просветительские. Университет призван был подготовить местные кадры для низшего и среднего звена колониальной администрации и тем самым упрочить позиции колониалистов в Бирме. С противоположных позиций подходили к этому вопросу бирманские патриоты. Будущий университет, по их мнению, должен был быть сугубо национальным и независимым от колониальной администрации. Но власти отвергли эти требования. В ответ на это патриоты объявили бойкот, вошедший в историю под названием первого университетского бойкота [3, 79—82]. Как ни старались колониальные власти превратить Рангунский университет в свое высшее учебное заведение, в 30-х годах он стал центром революционной молодежи. Здесь учились многие будущие революционеры. Если в первом десятилетии существования университета число студентов удвоилось и перевалило за 1 тыс. [10], то в следующем десятилетии оно возросло почти в 7 раз [25].

Немаловажное значение в сплочении студенческого коллектива имело объединение колледжей университета под одной крышей университетского городка в 1927 г. и открытие университетской библиотеки в 1929 г. Перелом в жизни университета произошел в середине 30-х годов, когда ряды студенчества начали пополняться выпускниками национальных школ, созданных по инициативе ветерана национально-освободительного движения, великого бирманского просветителя и писателя Такин Кодо Хмаина и силами его учеников, окончивших Рангунский университет в начале 30-х годов. В 1935 г. воспитанники национальных школ победили на выборах в

студенческий совет университета, а в 1936 г. при самом активном их участии произошел второй университетский бойкот, в ходе которого был создан Всебирманский союз студентов [7, 184; 18, 206]. С этого времени руководство студенческим движением прочно перешло в руки революционных демократов, а само движение влилось в левый фланг общенационального движения. Со второй половины 30-х годов радикальное крыло «Добама» начало пополняться революционными лидерами студенчества. К концу же десятилетия они уже стали играть руководящую роль в «Добама» в целом.

В истории «Добама» довоенных лет, как в зеркале, отражается вся политическая жизнь Бирмы тех лет, развитие общественной мысли и позиции отдельных классов. Напомним лишь наиболее яркие страницы ее истории, без которых невозможно понять революционно-демократический характер программных документов «Добама» начала 40-х годов.

Движение такинов [4] началось под лозунгами: «Бирма — наша страна, бирманский язык — наш язык, любите Бирму, уважайте бирманский язык»; «Покупай бирманское и возрождай бирманское» [1, 61—62]. В начале 30-х годов революционно-демократические силы, представленные в основном радикально настроенной молодежью — вчерашними выпускниками Рангунского университета и его сегодняшними студентами, — стали включать слово «такин» в обращение бирманцев друг к другу. Тем самым бросался открытый вызов колониализму, так как под этой формой обращения подразумевалось то, что подлинными хозяевами страны и господами своей судьбы являются сами бирманцы. Это уже было признаком начала нового этапа национально-освободительного движения, свидетельствующим о кризисе старого, реформистского, буржуазно-либерального руководства движением — Генерального совета бирманских ассоциаций [3, 108—110, 139—142].

В статье «Такины в Бирме» Аун Сан писал в 1940 г., что движение такинов возникло под действием внешних и внутренних факторов, т. е. в связи с резким ухудшением экономического положения в стране в результате

---

[4] Бирманское слово «такин» значит «господин», «хозяин». Раньше, до 30-х годов, оно обычно употреблялось бирманцами в обращении к англичанам. Этим как бы подчеркивалось подчиненное и униженное состояние бирманцев.

мирового экономического кризиса начала 30-х годов, под влиянием подъема национально-освободительного движения в соседней Индии и крестьянского восстания в начале 30-х годов в самой Бирме. Там же он указывал, что «в ранней стадии оно было движением бирманской молодежи» и «явилось прямым вызовом прежнему политическому руководству», т. е. руководству ГСБА [1, 60—65].

В первый период деятельности «Добама» — до середины 30-х годов — в ее руководстве тон задавали реформистские политические деятели, руководители ГСБА — Тейн Маун, Такин Ба Тун, Такин Ба Сейн и др. Тем не менее в «Добама» все больше усиливалось влияние ее идейного вождя Такин Кодо Хмаина и его учеников, составлявших радикальное крыло организации.

В середине 30-х годов в жизни и деятельности «Добама» наступили существенные перемены. Революционно-демократическая молодежь, в основном воспитанники Рангунского университета, начала вытеснять из руководства консервативных и реформистских «стариков». Полевению национально-освободительного движения и его радикализации во второй половине 30-х годов способствовали как объективные, так и субъективные факторы. К первым следует отнести обострение кризиса английского колониального господства во всей Британской Индии, частью которой была тогда Бирма. На развитие национально-освободительного движения в Бирме оказывали также влияние успехи СССР в строительстве социализма, особенно в ранее отсталых национальных окраинах, и миролюбивая внешняя политика СССР, политика защиты национальных интересов колониальных и зависимых народов. Это влияние нашло наиболее яркое отражение в Манифесте «Добама» 1940 г. [1, 271—286].

Прямое и непосредственное влияние на развитие национально-освободительной борьбы бирманского народа в середине 30-х годов оказывала Индия, где наметился новый подъем антиколониального движения. В самом Индийском национальном конгрессе складывалось радикальное крыло во главе с Джавахарлалом Неру, взявшее на себя руководство массовым движением. Предоставления Индии полной независимости потребовала и Конференция конгресс-социалистов, объявившая своей целью построение социализма в стране [15, 311—357]. Революционно-демократические силы начали проявлять боль-

шую активность и в Бирме, в «Добама». В этих условиях Лондон был вынужден маневрировать, чтобы сохранить свое господство и в Индии, и в Бирме. Так, в 1935 г. появились одновременно законы «Об управлении Индией» и «Об управлении Бирмой», предусматривавшие отделение Бирмы от Индии и создание видимости двоевластия: фактическая власть английской колониальной администрации во главе с генерал-губернатором, с одной стороны, фиктивная власть так называемого национального правительства и местного парламента — с другой.

Однако этими политическими маневрами англичанам так и не удалось обмануть общественность Индии и Бирмы и предотвратить кризис своего господства. «Закон 35-го года» был осужден, разоблачен и отвергнут патриотами Индии и Бирмы. В Индии устами Дж. Неру он был квалифицирован как закон, лишающий индийцев «малейшей возможности воздействовать на находящийся под английским контролем государственный аппарат» [14, 394]. Манифест «Добама» назвал его «рабским законом», призванным лишь укрепить позиции английского империализма в Бирме руками самих бирманцев при помощи «собственного бирманского» правительства и парламента [1, 277—281]. С иных позиций критиковали «Закон 35-го года» правые бирманские лидеры. Они ратовали за отделение и заявляли, что хотя этот закон «и не является полностью удовлетворительным, все же представляет собой шаг в направлении демократии» [1, 280]. Дальше статуса доминиона не шли и правые противники отделения Бирмы от Индии во главе с Чи Хлайном.

«Закон 35-го года» обострил борьбу в «Добама». Победу одержали революционные такины, которые нашли полную поддержку со стороны трудящихся масс, особенно рабочего класса, ставшего к тому времени более организованным: к середине 30-х годов в стране насчитывалось свыше 30 зарегистрированных профсоюзов [6, 68]. В 1934 г. лишь в одном Енанджауне около 4 тыс. рабочих-нефтяников объединились в один «Рабочий союз», а в 1935 г. была создана Ассоциация служащих нефтяных промыслов.

Позиция левых сил в «Добама» заметно упрочилась с присоединением к ней в 1935 г. Всебирманской лиги молодежи. Уже очередная конференция «Добама» в Минджане в том же году продемонстрировала превос-

ходство революционно-демократических сил в руководящих звеньях организации. Президентом «Добама» был избран Такин Ле Маун, один из лидеров студенческого движения, бывший генеральный секретарь Всебирманской лиги молодежи, а позднее — один из организаторов забастовки нефтяников в 1937 г. и рабочих Рангуна в 1938 г., один из основателей и руководителей Всебирманского конгресса профсоюзов [27, 91].

В то время как революционно-демократические силы сплачивали патриотов под знаменем «Добама» для решительной борьбы за подлинную национальную независимость, правые политические деятели Бирмы развернули, не без успеха, кампанию за места в будущем колониальном правительстве в соответствии с конституцией 1935 г. Со вступлением «Закона 35-го года» в силу в апреле 1937 г. они заняли высокие посты в «национальном правительстве» при английском генерал-губернаторе. Однако это ничуть не ослабило политический кризис колониального правления. Напротив, борьба между правыми и левыми силами в «Добама» и вне ее еще больше обострилась. И, как никогда раньше, в руководстве национально-освободительным движением четко обозначился водораздел между реформистским и революционно-демократическим крылом.

На выборах в парламент, проведенных под контролем генерал-губернатора в 1936 г., абсолютное большинство мест получили правые политические деятели. Из их же среды назначались губернатором и члены сената, состоявшего из 36 человек. Первым премьером «национального правительства» стал доктор Ба Мо, правый лидер «Добама», адвокат с кембриджским образованием, бывший член Законодательного совета и министр просвещения колониального правительства.

Однако колониальным властям не удалось упрочить этими мерами свое положение в стране и ослабить национально-освободительное движение. На маневры колониалистов революционно-демократическое крыло «Добама» ответило усилением организационной работы в массах, сплочением патриотических сил для предстоящей борьбы за подлинную национальную независимость. 1937 год явился в этом отношении переломным. Начался процесс превращения «Добама» в массовую политическую организацию, в центр притяжения революционно-демократических и патриотических сил страны. Всюду

начали возникать ее филиалы и отделения, расширялось и укреплялось ее левое революционное крыло. На второй конференции Всебирманского союза студентов, состоявшейся в том же году в Мандалае при участии Джавахарлала Неру, президентом Союза был избран революционер Аун Сан. Позднее Дж. Неру вспоминал, что он был восхищен «молодым народом Бирмы», полным решимости добиться независимости [13, 63]. И действительно, в первых рядах такинов шла молодежь в возрасте 20—30 лет. Именно она жадно читала социалистическую литературу, знакомилась с марксизмом, стремилась установить и расширить связи бирманских борцов против колониализма с национально-освободительными силами других стран.

В распространении идей социализма, в том числе и научного, большую роль сыграл книжный клуб «Красный дракон» («Нагани»), основанный молодыми такинами в 1937 г. в Рангуне. Тогда же стали возникать кружки по изучению марксизма. Активное участие в работе клуба приняли будущие лидеры компартии Бирмы (такины Так Тун, Со, Тейн Пе) и будущие лидеры Социалистической партии Бирмы (У Ба Све, Чжо Ней и др.), а также беспартийные (У Ну и др.). Этот клуб положил начало и распространению марксистской литературы в Бирме. Бирманские революционеры устанавливали прямые живые связи с прогрессивными деятелями соседней Индии, в Бирму начали поступать и распространяться там издания компартий Англии и Индии [20, 458—473]. Душой клуба был 22-летний Аун Сан, уже тогда известный лидер революционного студенчества, президент Всебирманского союза студентов, где насчитывалось уже 35 отделений на местах. Вспоминая свою деятельность в рядах студенчества в те времена, Аун Сан писал, как его пыталась тогда перетянуть на свою сторону колониальная администрация Рангунского университета. Но он решительно отказался служить англичанам и заявил, что «будет бороться всю жизнь против английского капитализма» [2]. И он сдержал слово. Тогда же он начал читать революционную литературу, в том числе труды В. И. Ленина и издания ВКП(б) на английском языке [21].

Стремясь к упрочению своего руководящего положения в «Добама», ее революционно-демократическое крыло многого добилось в 1938 г. Конференция «Добама»,

состоявшаяся в марте 1938 г. в г. Пьи, решительно осудила правых раскольников во главе с Такин Ба Сейном и продемонстрировала превосходство левых сил во всей организации. Вскоре из состава исполнительного комитета «Добама» были выведены крайне правые такины: Ба Сейн, Ньи, Аун Тан, Кха, Тин (из Шведауна), Тун Ок и др. Начали очищаться от крайне правых и местные отделения «Добама». Из «Добама» был исключен весь состав исполкома ее отделений в Таравади и Моулмейне. В целом «Добама» сумела преодолеть внутренний кризис, вызванный действиями правых и репрессиями властей, стала более гибкой и мобильной политической силой, поддерживаемой широкими массами трудящихся города и деревни. Росли авторитет и влияние местных отделений «Добама», освободившихся от правых реформистов. Создавались новые отделения в районах национальных меньшинств, в частности в Мьичине, Бамо, Аракане и Шанских княжествах, а также в Магве, Тавое и других местах, охваченных национально-освободительным движением. Массовыми становились отделения «Добама» в таких крупнейших центрах, как Рангун, Амхерст, Мьяунмья, Мандалай, Таравади. Усилиями левых такинов удалось предотвратить раскол в ряде местных отделений, вызванный сторонниками Ба Сейна [1, 52].

Бурному 1938 году положила начало забастовочная борьба рабочих-нефтяников Центральной Бирмы. То был наиболее организованный и передовой отряд промышленного пролетариата Бирмы [3, 8]. Нефтяники первыми поддержали движение такинов и их организацию «Добама». В Чау, Енанджауне и соседних с ними районах нефтедобычи и нефтепереработки зародилось профсоюзное движение Бирмы.

Забастовку начали нефтяники Чау по решению массового митинга рабочих, на котором присутствовал президент «Добама» Ле Маун. На другой же день, 9 января 1938 г., решили бастовать рабочие Енанджауна. В требованиях нефтяников, которые принимались на массовых митингах рабочих и служащих в присутствии лидеров «Добама», главными были требования политические и социальные, вплоть до национализации английских нефтяных компаний, существующих в стране 50 лет, и установления рабочего контроля над наймом и увольнением рабочей силы [3, 190—191].

Забастовочное движение 1938 г. с самого начала но-

сило ярко выраженный антиколониальный и народно-освободительный характер. Оно выделялось своей массовостью, целенаправленностью, организованностью, длительностью и упорством его участников. В нем приняло участие свыше девяти десятых рабочих, занятых на нефтепромыслах Центральной Бирмы [7, 189—193; 17, 84].

Забастовочное движение, начатое нефтяниками, быстро нашло поддержку среди рабочих других отраслей и, более того, широких слоев крестьянства, студенчества и большинства городской мелкой буржуазии. Параллельно с движением городских низов крестьянство развернуло кампанию «неуплаты налогов» и «снижения арендной платы». В походе крестьян Нижней Бирмы в Рангун приняло участие свыше 20 тыс. человек. Антиимпериалистическое движение рабочего класса начало сливаться с антиколониальным и антифеодальным движением крестьянства. Такого еще не знала история колониальной Бирмы, и в этом немалая заслуга «Добама». И не удивительно, что власти обрушились с репрессиями на забастовщиков и активистов «Добама». Были арестованы ее руководящие деятели, конфисковано имущество местных отделений. В 1938 г. в тюремные застенки властями было упрятано левых такинов и других активных участников национально-освободительного движения намного больше, чем за несколько предыдущих лет.

Но одними репрессиями уже было невозможно остановить забастовочную борьбу рабочих, влившуюся в общенациональное антиколониальное движение трудящихся города и деревни. В равной мере никакая сила не могла искоренить влияния «Добама» на массы. Наоборот, в ходе неравной борьбы ее влияние расширилось и углубилось. Уже в 1939 г. она насчитывала в своих рядах около 20 тыс. человек [1, 50].

Завершающим этапом рабочего движения 1938 г. явился «голодный поход» нефтяников в Рангун. Они прибыли туда в начале 1939 г. вместе с многотысячной толпой крестьян, во главе с революционными такинами — деятелями «Добама», чтобы вручить высшим колониальным властям свои законные требования, отвергнутые владельцами нефтяных компаний и их местными покровителями. Однако и правительство Ба Мо осталось глухим к справедливым требованиям рабочих и крестьян и ответило репрессиями.

Но рабочее и крестьянское движение не переросло в общенациональную вооруженную борьбу. Не пострадали существенно и экономические позиции английского империализма. Однако движением 1938 г. были серьезно подорваны политические устои колониализма в Бирме. Оно укрепило у трудовых и наиболее жестоко эксплуатируемых слоев веру в свои силы и раскрыло слабые места как противника, так и самого национально-освободительного движения.

Суровым, но весьма поучительным был урок 1938 г. для «Добама». Жестокость колониальных властей в подавлении освободительного движения сильно подорвала идею мирной борьбы как основного средства достижения независимости. «Добама» была вынуждена создавать свои добровольческие дружины для самоохраны и предотвращения вооруженных столкновений с властями во время политических митингов и манифестаций. Даже эти оборонительные меры «Добама» вызвали немалую тревогу у властей, которые в то же время смотрели сквозь пальцы на то, как правые экстремисты и буржуазные националисты спешно создают свои частные вооруженные отряды. Так, например, с молчаливого согласия колониальных властей политический интриган и авантюрист, глава реакционной партии «Мьочи» (Патриот) У Со открыто создал свою «карманную» армию и вскоре добился министерского поста, а в 1940 г. стал даже премьер-министром колониального правительства [5]. Имели в своем личном распоряжении вооруженные отряды и такие правые деятели, как колониальный премьер Ба Мо и председатель сената У Маун Джи [3, 209].

В ходе подавления освободительного движения в 1938 г. колониальные власти направили главный огонь на «Добама». Многие ее левые деятели были арестованы, и была развернута кампания травли «Добама» как организации «незаконной» и чуть ли не уголовной [1, 55]. Однако в этой неравной борьбе «Добама» не капитулировала, а еще шире развернула свою деятельность среди рабочих и крестьян. Этому в значительной мере способ-

---

[5] В 1941 г. за связи с японскими милитаристами он был устранен с поста премьера, арестован и сослан в Уганду. После освобождения Бирмы от японских оккупантов английские власти в 1946 г. снова призвали его в Бирму и включили в состав Исполнительного совета как самого своего надежного союзника. В июле 1947 г. У Со организовал убийство Аун Сана и его ближайших соратников [11].

ствовало обновление руководства «Добама» в конце 1938 г., приток свежих революционных сил в ее ряды в ходе забастовочного движения пролетариата. В октябре 1938 г. генеральным секретарем «Добама» был избран 23-летний профессиональный революционер Аун Сан [см. 19, 17—46]. Левое крыло становилось руководящей силой в «Добама». Его позиции окрепли с уходом из организации крайне правых во главе с Такин Ба Сейном [3, 214—215]. С этого времени «Добама» стала больше ориентироваться на широкие трудящиеся слои, продемонстрировавшие в революционном 1938 году свою решимость не только свергнуть колониальное иго, но и идти дальше, чтобы в корне изменить существующую социальную структуру.

События 1938 г. показали, что слабым местом национально-освободительного движения является отсутствие единства патриотических сил, недостаточная организованность крестьянских масс и рабочего класса в целом, невысокое их классовое самосознание и политическая выдержка. Ликвидировать эти недостатки быстро было невозможно. Нужна была длительная, кропотливая организационная и политическая работа в массах. За это дело взялось левое, революционное крыло «Добама» с первых дней 1939 г.

9 января, в день годовщины начала забастовки нефтяников, в Рангуне состоялись многотысячные антиколониальные митинги рабочих и крестьян. На пятитысячном митинге рабочих, проходившем под председательством Такин Ле Мауна, был принят манифест, аналогичный манифесту рабочих-нефтяников 1938 г., и учрежден подготовительный комитет по созданию Всебирманского конгресса профсоюзов (ВКП) [18]. В тот же день на массовом митинге крестьян — участников «голодного похода» с нефтяниками и участников самостоятельных походов крестьян против налоговой системы колониальной власти и за снижение арендной платы было принято решение о создании Всебирманской крестьянской организации (ВКО) и обращение ко всем крестьянам с призывом не прекращать борьбу за национальную независимость, за ликвидацию феодальных методов эксплуатации и за «власть рабочих и крестьян» [3, 206]. Президентом ВКО был избран Такин Мья, бывший лидер студенческого движения в 20-х годах, один из руководящих деятелей «Добама» со второй половины 30-х годов, ближай-

ший соратник Аун Сана (впоследствии убит вместе с ним в июле 1947 г.). Генеральным секретарем ВКО стал будущий лидер Коммунистической партии Бирмы Такин Тан Тун.

В марте 1939 г. представители рабочего класса Бирмы впервые собрались на конференцию, созванную «Добама» и подготовительным комитетом по созданию Всебирманского конгресса профсоюзов. Конференция полностью одобрила идею создания ВКП как единого центра революционных профсоюзов страны. Она возложила на подготовительный комитет обязанности Исполнительного комитета ВКП до его официального учреждения. Был расширен состав комитета: в него вошли будущие руководящие деятели компартии (Такин Со) и Социалистической партии (У Чжо Нейн).

Вопрос о рабочем движении был основным на конференции «Добама», специально созванной для его обсуждения в начале апреля 1939 г. Конференция полностью одобрила деятельность подготовительного комитета и решения недавно прошедшей конференции рабочих. Конференция «Добама» высоко оценила роль нефтяников в развитии рабочего движения в стране, которые год назад «устроили забастовку, борясь за свои права» [18]. В связи с этой конференцией ветеран профсоюзного движения Такин Лвин пришел к выводу, что «Добама» была первой политической организацией в Бирме, которая по-настоящему занималась рабочим движением.

Усилиями «Добама» были установлены живые связи рабочего движения Бирмы с рабочим движением Индии. При помощи левых конгрессистов во главе с Неру, в частности проф. Ранга, посетившего Бирму в июле 1939 г., «Добама» удалось добиться ослабления напряженности в отношениях между бирманскими и индийскими рабочими в стране. Это имело немаловажное значение для развития национально-освободительного движения в целом, так как индийские рабочие составляли тогда около 75% рабочего класса Бирмы [18]. В этой связи уместно подчеркнуть безразличное и недружественное отношение официального профсоюзного центра метрополии — Британского конгресса к рабочему движению Бирмы. Показателен в этом отношении приезд Стаффорда Криппса в Бирму в феврале 1939 г. В беседах с руководителями «Бирмы» и подготовительного комитета ВКП он щедро обещал им всяческую помощь в их спра-

ведливой борьбе за независимость и против фашизма. На самом же деле, как пишет Такин Лвин, никакой помощи от Британского конгресса профсоюзов не поступало [18].

Знаменательной датой в истории рабочего движения Бирмы является 31 января 1940 г. В этот день на совместном заседании «Добама», подготовительного комитета, полномочных представителей от рабочих — индийцев, китайцев и бирманцев — было принято окончательное решение об учреждении Всебирманского конгресса профсоюзов и избран его Центральный исполнительный комитет под председательством Такин Ле Мауна. В состав ЦИК ВКП вошли также Такин Со, Такин Тан Тун. Отныне ВКП и юридически стал центром революционных профсоюзов Бирмы. К тому времени в стране насчитывалось уже около 80 профсоюзов в промышленных и культурных центрах страны [18].

Создание ВКО и ВКП имело большое политическое и организационное значение в развитии бирманского национально-освободительного движения. Стали более четко выявляться его классовое содержание и основные движущие силы. Сама «Добама» как политический центр борьбы за независимость все более становилась организацией трудящихся, в которой преобладали представители городской мелкой буржуазии и особенно разночинной демократической интеллигенции, выступавшей против колониализма с радикальных позиций.

Несмотря на драконовские меры властей, национально-освободительное движение не прекратилось. Внешне оно приняло более мирный и спокойный характер, чем летом и осенью 1938 г. На самом же деле его развитие пошло вглубь, что привело к перегруппировке классовых и политических сил для решающей схватки с колониализмом. Левые такины «Добама» стали уделять больше внимания пропаганде революционных идей среди трудящихся, с помощью ВКО и ВКП поднимать классовое самосознание рабочих и крестьян. Активизировали свою деятельность тайные кружки по изучению марксизма-ленинизма и разрозненные группы, принявшие на идейное вооружение теорию научного социализма. 15 августа 1939 г. на подпольном собрании левых лидеров национально-освободительного движения в Рангуне было принято решение объединить все эти кружки и группы в одну политическую партию — Коммунистическую партию

Бирмы (КПБ). На этом собрании присутствовали генсек «Добама» Аун Сан, президент Всебирманского союза студентов Ба Хейн, Такин Со (от ВКП), один из лидеров студенческого движения Бо Ле Я, молодой марксист Ба Тин (Гошал) и его земляк из Бенгалии доктор Наг (он же Тун Маунг, У Хла). Тогда же было создано Политбюро ЦК КПБ в составе Ба Хейна (председатель), Ба Тина, Такин Со, Бо Ле Я. Генеральным секретарем был избран Аун Сан [6].

Первый съезд КПБ, на котором присутствовало всего девять человек, официально состоялся только в январе 1943 г. Тем не менее решение от 15 августа 1939 г. о создании коммунистической партии было выдающимся политическим событием в истории бирманской национально-освободительной революции и коммунистического движения в стране. Оно свидетельствовало о растущем влиянии марксизма на передовые, революционные силы Бирмы, о радикализации самого национально-освободительного движения. Немаловажное значение имело и то, что заявление о создании КПБ было сделано видными в то время политическими лидерами национального движения, руководителями самых боевых и передовых его отрядов.

На этом же собрании были приняты тезисы о ближайших задачах и целях создаваемой КПБ. В них указывалось, что после свержения колониального господства Бирма должна пойти по пути социализма и построить социалистическое общество [3, 216]. Компартия Бирмы призывала национально-освободительные силы к решительной борьбе за свержение колониального ига, чтобы в независимой Бирме построить социалистическое общество. Рабочему классу отводилось руководящее место в борьбе народа за превращение национально-освободительной революции в социалистическую. Создаваемая

[6] Аун Сан отошел от партии в 1940 г. и вскоре вовсе порвал с ней. Такин Со в 1946 г. вышел из КПБ и создал особую партию под названием «Компартия „Красный флаг“»; уйдя в подполье, он начал вооруженную борьбу против правительства во главе «Красного флага». В ноябре 1970 г. сдался в руки Революционного правительства Бирмы [23]. Председатель политбюро Ба Хейн умер в 1946 г. Бо Ле Я порвал с КПБ в 1940 г. С приходом к власти Революционного Совета в 1962 г. он перешел в лагерь крайне правой реакции и эмигрировал в Таиланд. Ба Тин и доктор Наг были убиты как «ревизионисты» в конце 60-х годов в ходе «культурной революции» в КПБ [16, 156; 28].

компартия должна была занять ведущее положение в «Добама» и представлять в ней организованные силы пролетариата и трудового крестьянства.

Однако выполнять эту задачу компартии было чрезвычайно трудно в условиях глубокого подполья и при ее малочисленности и неопытности. Немалые трудности возникли и в связи с недостаточным теоретическим уровнем самих основателей партии. Тем не менее бирманские коммунисты с первых дней своей деятельности заняли правильную позицию в отношении начавшейся второй мировой войны. Они выступали на стороне антифашистских сил и призывали к дружбе с Советским Союзом, популяризировали его внешнюю и внутреннюю политику. Первыми в Бирме они публично разоблачали фашизм и его империалистических покровителей. Следует особо подчеркнуть роль генерального секретаря КПБ Аун Сана в широкой пропаганде идей партии на собраниях «Добама» и на страницах периодической печати. Этому благоприятствовало то, что генсек подпольной компартии был одновременно генсеком «Добама».

Первое программное выступление Аун Сана произошло на конференции «Добама», состоявшейся в Моулмейне в октябре 1939 г. То был отчетный доклад Исполнительного комитета «Добама» по организационным вопросам за 1938—1939 гг. [1, 49—59]. Не приходится сомневаться в том, что доклад Аун Сана на этой конференции отражал и точку зрения руководства КПБ. В этом докладе излагались мнения революционного крыла «Добама» и коммунистов по коренным политическим, организационным и идеологическим вопросам национально-освободительного движения на данном этапе. Основные положения были развиты и конкретизированы в работах Аун Сана, появившихся в бирманской и индийской печати в первой половине 1940 г.: «Такины в Бирме», «Мировая война и Бирма» [1, 60—64, 65—69]. Тактика и стратегия, идеология и политика «Добама» более четко и лаконично были изложены им в манифесте «Добама», составленном весной 1940 г., когда он был еще генсеком КПБ [24, 65—66]. Характерной чертой этих работ является ярко выраженный антиимпериализм и антиколониализм, искреннее желание свергнуть чужеземное иго и увидеть свою страну независимой, идущей по пути социального прогресса. В них внимательный читатель найдет и следы влияния мирового коммунистиче-

ского движения и идейных концепций Индийского национального конгресса. Эти работы — свидетельство того, что бирманские революционеры были тогда еще недостаточно подготовлены к творческому применению марксизма-ленинизма. В то же время нельзя не заметить искреннее стремление бирманских революционеров овладеть марксистской революционной теорией.

В своем отчетном докладе Аун Сан подробно проанализировал успехи и промахи «Добама» за 1938—1939 гг. и призывал к организационному ее укреплению. В докладе указывалось на необходимость развития критики и самокритики сверху донизу и внедрения принципа демократического централизма, как в Коммунистической партии Советского Союза, «примеру которой нужно следовать, чтобы расширить и укрепить организацию» [1, 57]. Докладчик призывал к усилению дисциплины во всех звеньях «Добама» и выработке гибкой тактики на ближайшее время с учетом вступления Англии и Бирмы во вторую мировую войну.

Моулмейнская конференция официально подтвердила уход из организации ее правой фракции во главе с такинами Тейн Мауном и Ба Сейном, который покинул «Добама» еще в конце 1938 г. При этом подчеркивалось, что уход правых — следствие мощного подъема национально-освободительного движения в 1938 г. под руководством революционно-демократических сил [1, 49]. Там же указывалось, что «разногласия и раскол возникли в организации не без участия иностранных политических сил» [1, 55]. Речь шла об английском империализме, который использовал в своих интересах как крайне правых националистов, так и левых авантюристов. Если первые старались подорвать организацию путем раскола ее, то экстремистские действия вторых давали властям повод к жестоким репрессиям против «Добама» в целом. Однако в тот период революционно-демократическому ядру «Добама» удавалось отбивать атаки и внутренних и внешних врагов, слева и справа, очищаться от явных сторонников Такин Ба Сейна — лидера крайне правых раскольников, укреплять своими сторонниками руководство организации в центре и на местах [1, 51].

К своей Моулмейнской конференции «Добама» пришла более монолитной, чем когда-либо, причем при явном превосходстве последовательно революционного крыла организации. На конференции подчеркивалось, что

главным на данном этапе является не численный рост, а усовершенствование организации, т. е. усиление ее боевитости и революционной последовательности. «Врагами „Добама асиайон" являются не только буржуазия, правительство и чиновничий аппарат, — говорилось в докладе Аун Сана, — но и различные политические группировки, находящиеся по другую сторону от нас» [1, 55].

Как видно из отчетного доклада Исполкома 1939 г., «Добама» уже объединяла как антиколониальные, так и антикапиталистические силы, преследующие весьма радикальные цели на пути социального прогресса. Это и позволило левым лидерам «Добама» пропагандировать с трибуны ее общенациональной конференции организационные принципы Коммунистической партии Советской России, «которая создала первое в мире новое общество» [1, 57]. Отношение «Добама» ко второй мировой войне было более четко определено ее руководством на очередном третьем пленуме, состоявшемся в Мандалае в конце декабря 1939 г. В резолюции пленума подчеркивалось, что Англия и Франция вступили в войну против фашистской Германии как державы империалистические и в целях защиты своих имперских интересов, а не «защиты демократии и свободы малых народов», как об этом заявлялось официально [1, 275—276]. «Добама» выступила против участия Бирмы в войне. В резолюции декабрьского пленума указывалось: «Для нас ни на минуту не встанет вопрос об участии в нынешней империалистической войне и защите свободы других стран (имелись в виду Англия, Франция, Польша. — *А. У.*) до тех пор, пока мы сами остаемся рабами и лишены права свободно определять свою позицию в этом вопросе» [1, 277]. С трибуны этого пленума революционное руководство «Добама» популяризировало внешнюю политику СССР, направленную на защиту угнетенных мира и демократии [1, 277]. Касаясь внутренних проблем, пленум полностью отверг существующую конституцию и призывал к выработке принципиально новой конституции, отвечающей интересам самой Бирмы, а не колонизаторов, и признающей право бирманского народа «на самоопределение» [1, 278]. Особое внимание пленум уделил вопросу достижения единства в антиимпериалистических действиях всех легальных и нелегальных партий и организаций Бирмы. Тогда же было принято решение о создании единого антиимпериалистического фронта

под общим руководством «Блока свободы», генеральным секретарем которого был избран также Аун Сан.

Следует отметить, что «Блок свободы», объединивший формально «Добама» с партией «Синьята» (лидер — Ба Мо) и националистами из партии «Пять цветков» [подробнее см.: 3, 219—223], так и не сумел объединить все национальные политические силы. Слишком противоположными оказались цели «Добама» и ее попутчиков из правых реакционных консервативных партий и организаций, входивших в «Блок свободы».

К тому времени «Добама» насчитывала в своих рядах свыше 50 тыс. человек и имела военизированную добровольческую дружину в 10 тыс. человек [1, 272]. «От имени трудящихся масс мы заявляем, — говорилось в манифесте 1940 г., — что будем сами выбирать пути и направления для самих себя. Вот почему мы независимо от наших империалистических господ вырабатываем собственную внутреннюю и международную политику» [1, 278—279]. При этом подчеркивался принципиально отличный от оценки империалистических политиков подход «Добама» к существующему международному положению. Манифест подтвердил решение декабрьской (1939 г.) сессии Исполкома «Добама», определявшее ее односторонне негативное отношение к войне как империалистической и со стороны Англии и Франции, и со стороны Германии. Манифест обвинял английское правительство в двуличии, ибо оно на словах призывало к войне с фашистской Германией ради «защиты демократии», а на деле продолжало держать в угнетении народы «Индии, Бирмы и других колониальных стран». Манифест разоблачал и политику французского правительства, которое вопреки «высокопарным уверениям в своей верности демократическим принципам самым чудовищным образом нарушило их, запретив Коммунистическую партию Франции и продолжая цепляться за свои колониальные владения» [1, 276].

В то же время манифест горячо одобрял внешнюю политику Советского Союза и указывал, что СССР не на словах, а на деле «сразу по установлении революционной власти в 1917 г. действительно признал независимость всех территорий, находившихся под игом царской России... всегда оказывал активную помощь борьбе за свободу различных стран, например Китая и Испании... освободил от феодальной зависимости крестьян

Западной Украины и Западной Белоруссии» [1, 276]. «Снова возвращаясь к Советскому Союзу, — говорилось в манифесте,— мы заявляем, что не можем не помнить о той позиции и тех практических шагах, которые он предпринял по отношению к колониальным странам сразу же после своего появления на карте мира» [1, 279]. Манифест подчеркивал, что «Советский Союз является постоянным и последовательным сторонником свободы человечества» [1, 277].

Манифест 1940 г. призывал Бирму «выработать собственную внешнюю политику», отличную от английской. «Мы не хотим иметь ничего общего с любой идеологией, — подчеркивалось в манифесте, — которая посягает на свободу и интересы других народов» [1, 277].

Еще сильнее прозвучали антикапиталистические и антифеодальные мотивы манифеста в разделах, посвященных анализу внутреннего положения страны и определяющих тактику и стратегию «Добама». Манифест вкладывал новый смысл в самое понятие «национальная независимость». В манифесте разъяснялось, что такая независимость нужна прежде всего для «полного освобождения всех трудящихся масс Бирмы от всех видов политического, экономического и социального гнета». Далее шел призыв к тому, чтобы с достижением политической независимости разрушить существующий государственный аппарат угнетения и эксплуатации и создать «свободную, независимую народно-демократическую республику», где со временем власть перейдет в руки «демократической диктатуры пролетариата и крестьянства» [1, 272—273]. Первейшей задачей этой народно-демократической республики провозглашалось утверждение «полной независимости» от империализма, ликвидация «феодальной автократии» в Шанских княжествах и в других районах проживания национальных меньшинств. В целях достижения экономической независимости манифест предлагал создать в народно-демократической республике «государственные промышленные предприятия» и установить рабочий контроль над производством, национализировать все земли, леса, все виды транспорта, шахты, банки и крупные промышленные предприятия; проводить радикальную аграрную политику, предусматривающую ликвидацию крупного землевладения и «справедливое распределение земли между середняками и бедняками с последующей нацио-

нализацией всей земли и введением механизации» [1, 273].

В ходе проведеня этих радикальных мероприятий манифест требовал ликвидировать все долги колониальной Бирмы империалистам, с одной стороны, и личные долги рабочих и крестьян — с другой, а также отменить прямые и косвенные налоги и ввести прогрессивный подоходный налог. Манифест выступил за равенство всех перед законом и равноправие женщин с мужчинами во всех областях жизни, за культурную автономию всех национальных меньшинств и свободу вероисповедания. Большое внимание уделялось рабочему вопросу. Манифест потребовал введения «максимального восьмичасового рабочего дня при средней интенсивности труда для всех, работающих в земледелии, на фабриках, заводах, в мастерских, магазинах, учреждениях, учебных заведениях, шахтах и т. д.» [1, 273]. Трудно переоценить значение этого требования манифеста, имеющего прямое отношение к самым широким слоям города и деревни колониальной Бирмы. Он ратовал за элементарные демократические свободы сразу после свержения иностранного господства, в том числе за свободу слова, печати, собраний, демонстраций и т. д.

В манифесте 1940 г. «Добама» впервые подчеркивала авангардную роль рабочего класса страны в национально-освободительной борьбе бирманского народа, его высокую организованность и способность повести за собой другие слои трудящихся. Манифест призывал бирманский народ ни в коем случае не поддаваться обещаниям империалистов и уговорам бирманских чиновников, обслуживающих колониальное правительство. В нем говорилось: «У нас нет никаких иллюзий относительно того, что империализм добровольно уступит свою власть; это произойдет только тогда, когда логика истории вынудит его к этому. Логика истории проложит себе путь не благодаря борьбе маленькой кучки высокопоставленных интеллектуалов в лобби и конференц-залах наших фиктивных, изобретенных империализмом законодательных органов, а *благодаря жертвам, борьбе и усилиям трудящихся масс во главе с организованным пролетариатом»* [1, 274] (Курсив наш. — *А. У.*).

Развивая этот тезис, манифест напомнил читателям некоторые моменты из истории рабочего движения в стране. «На протяжении многих лет наши рабочие неуст-

рашимо противостояли тирании своих работодателей — иностранных капиталистов. Бесчисленное множество раз они выступали на борьбу и устраивали забастовки. Они терпели страдания и поражения и все-таки снова поднимались на борьбу, чтобы дать угнетающим их тиранам еще более решительное сражение. Из забастовочной борьбы они выходили более закаленными и уверенными в правоте своего дела, своих целей. Они ни разу не склонили своего знамени, ни разу не отступили. Они вовсе не беспомощны, и, хотя рабочий класс еще не организован в масштабах всей страны, он находится на пути к этой стадии. Рабочий класс достиг своей зрелости», — говорилось в манифесте [1, 274—275].

Вдохновляюще действовал манифест на крестьянство, которое, по словам манифеста, «все шире вовлекается в мощно растущую Всебирманскую крестьянскую организацию» и «уже не является беспомощной жертвой» колонизаторов и местных феодалов. «Крестьянское движение вышло из рамок случайных и стихийных крестьянских восстаний, вписанных славной страницей в историю этого движения, увенчанную таким событием, как восстание 1930—1931 гг. в Таравади», — указывалось в манифесте.

В национально-освободительной борьбе большое место отводил манифест революционному студенчеству и подчеркнул его организованность, опыт и закалку, приобретенные в «общенациональных революционных боях» [1, 275]. Одновременно манифест развенчал антикоммунистическую пропаганду империалистов и реакционных сил самой Бирмы. Он подчеркнул, что «Добама» «в отличие от реакционеров и капиталистов» не обеспокоена «призраком коммунизма». Более того, она готова принять в свои ряды «всех — социалистов, коммунистов, националистов, если только они приемлют политику антиимпериалистической борьбы за свободу и проводят в жизнь эту политику» [1, 285—286].

Появление такого радикального революционного документа во многом обусловливалось ситуацией, сложившейся в стране в первой половине 1940 г. Приближалась решительная битва с английским империализмом, положение которого резко ухудшалось в связи с войной. К тому времени «Добама» стала влиятельной политической организацией, руководимой революционными демократами и способной повести за собой массы на борьбу

как против колониализма, так и против капитализма, на борьбу не только за общенациональные интересы, но и за интересы трудовых слоев города и деревни. При этом «Добама» определенные надежды возлагала на то, что в итоге второй мировой войны значительно ослабнут силы английского империализма и еще больше обострится кризис его колониальной системы. «Итак, — говорилось в манифесте, — все мы, трудящиеся, стоим на пороге великой революционной эпохи, наполненной разнообразными возможностями, которые открылись перед всем миром в результате неизбежного взрыва второй в истории человечества империалистической войны» [1, 275].

Послевоенная история Бирмы показала, насколько дальновидными были Аун Сан и другие авторы манифеста. Английский империализм вышел из войны ослабленным и не сумел восстановить свое былое колониальное господство. В январе 1948 г. Бирма стала независимой. С приходом к власти Революционного Совета в марте 1962 г. независимая Бирма осуществляет программу, изложенную в манифесте «Добама» 1940 г. Бирманская национально-освободительная революция вступила в новый этап своего развития — этап антикапиталистический.

Источники и литература

1. Аун Сан, Бирма бросает вызов. Статьи и речи, М., 1965.
2. Аун Сан, Путь Бирмы к независимости,— «Бама кхит», 1.VIII.1943 (на бирман. яз.).
3. Васильев В. Ф., Очерки истории Бирмы 1885—1947, М., 1962.
4. До Мья Тин, К вопросу о землевладении в Бирме, М., 1961.
5. Жабреев А. Ф., Аграрные проблемы независимой Бирмы, М., 1971.
6. Кауфман А. С., Рабочий класс и национально-освободительное движение в Бирме, М., 1961.
7. Климко Г. Н., Аграрные проблемы независимой Бирмы, М., 1964.
8. Лазарев Н. И., Аграрное законодательство и земельная реформа в независимой Бирме,— «Бирманский Союз», М., 1958.
9. Макарова С. М., Бирма: развитие капитализма в промышленности, М., 1968.
10. Можейко И. В., Просвещение в колониальной Бирме,— «Из истории стран Юго-Восточной Азии», М., 1968.

11. Можейко И. В., Аун Сан, М., 1965.
12. Не Вин, Речь на семинаре крестьян в Рангуне 2 марта 1965 г.,— Не Вин, Бирма на новом пути, М., 1965.
13. Неру Дж., Автобиография, М., 1955.
14. Неру Дж., Открытие Индии, М., 1955.
15. «Новейшая история Индии», М., 1959.
16. «Последние дни Такин Тан Туна», Рангун, 1969 (на бирман. яз.).
17. Такин Кодо Хмаин, Путь Бирмы,— «Новое время», 1956, № 2.
18. Такин Лвин, История рабочего движения Бирмы, Рангун, 1968 (на бирман. яз.).
19. Узянов А. Н., Аун Сан,— Аун Сан, Бирма бросает вызов, Статьи и речи, М., 1965.
20. Узянов А. Н., Воздействие ленинских идей на антиколониальное революционно-демократическое движение в Бирме,— «Ленин и национально-освободительное движение в странах Востока», М., 1970.
21. Узянов А. Н., Аун Сан читал Ленина,— «Азия и Африка сегодня», М., 1969, № 7.
22. «Census of India, 1931», Calcutta, vol. XI, pt I—II.
23. «Guardian», Rangoon, 15.XI.1970.
24. Maung Maung, Burma and General Ne Win, London, 1969.
25. «New Burma Weekly Bulletin», Rangoon, 2.VIII.1958.
26. «Rangoon. A Pocket Guide», Rangoon, 1952.
27. «Who's Who in Burma 1961», Rangoon, 1962.
28. «Working Peoples Daily», Rangoon, 14.XI.1968.

М. Г. Козлова

Установление границ колониальной Бирмы и обострение международных противоречий в Юго-Восточной Азии

Английский захват всей Бирмы в 1885 г. оказал значительное влияние на отношения в районе Юго-Восточной Азии между колониальными державами — Англией и Францией, а также отразился на взаимоотношениях Великобритании с крупнейшими полуколониальными государствами Дальнего Востока и Юго-Восточной Азии — Китаем и Сиамом.

Аннексия Бирмы и включение ее в Британскую Индию привело к сближению границ колониальных владений — Англии и Франции (в Индокитае) и вызвало обострение противоречий двух великих держав в районе северо-восточной и восточной границы бывшего бирманского государства Конбаунов. В основном эту территорию занимали многочисленные шанские княжества, расположенные по правому и левому берегу р. Салуин, которые ранее признавали суверенитет Бирмы или же были данниками Китая и Сиама. Притязания Китая и Сиама на пограничные бирманские территории создавали напряженность в этом районе.

Из международных противоречий, усиленных аннексией Бирмы, которая ранее служила буфером между владениями Англии, Франции, Китая и Сиама, наиболее сложными оказались англо-китайские. Это объяснялось прежде всего стремлением Англии к проникновению

через Бирму в юго-западные провинции Китая, борьба за раздел которого обострилась именно в этот период. Существовали и другие причины: огромная протяженность и неопределенность бирмано-китайской границы, претензии Маньчжурской империи на сюзеренитет в отношении Бирмы, широкое партизанское движение народов Бирмы, развернувшееся на пограничных территориях в ответ на колониальное порабощение страны.

Английское правительство еще накануне третьей войны с Бирмой было обеспокоено позицией Китая. 26 октября 1885 г. вице-король Индии Дафферин телеграфировал английскому послу О'Коннору в Пекин: «Вследствие последних осложнений в Верхней Бирме бирманскому правительству предъявлены определенные условия, отклонение которых приведет к походу английских войск на Мандалай и к возможной аннексии Бирмы. Как вы полагаете, будет ли это иметь отклик в Китае?» [26, 247]. Главной причиной настороженности кабинета Солсбери было опасение, что Китай, считающий пограничные государства своими вассалами, может официально или неофициально вмешаться в англо-бирманский конфликт и в Бирме повторится ситуация, подобная вьетнамской, где Франции пришлось столкнуться не только с местным сопротивлением, но и с китайскими добровольческими, а затем и правительственными войсками.

Русский посол в Англии Е. Е. Стааль писал в декабре 1885 г., что в случае аннексии Бирмы английское правительство, возможно, «встретится... с определенными притязаниями, если не требованиями со стороны Китая, который считает себя сюзереном всего Индокитая» [7, 47, док. № 14].

Однако китайское правительство не собиралось осложнять отношения с Англией: только что закончилось неудачное для Китая столкновение с Францией из-за Вьетнама. Но оно решило использовать английские опасения, чтобы поднять свой пошатнувшийся престиж в глазах своих подданных и соседних стран, а также попытаться противодействовать намерениям английских колонизаторов проникнуть в Тибет.

Уже в конце октября 1885 г. китайские представители в Лондоне заявили о якобы существующей вассальной зависимости Бирмы от Китая и на этом основании предложили свои услуги в деле урегулирования англо-бирманского конфликта. В начале ноября подобные же

заявления были сделаны китайским министром иностранных дел [26, 248—249]. Цинское правительство не преследовало цели бороться за независимость Бирмы. Уже через три дня после того как английские войска пересекли бирманскую границу, т. е. 15 ноября, оно через английского советника на китайской службе Р. Харта предложило Англии соглашение, по которому одобряло все действия английских властей в Бирме при условии посылки последними дани в Пекин [26, 253].

Английское правительство, подготавливая аннексию Бирмы, в свою очередь, не хотело обострять отношения с Китаем. Оно опасалось, что Китай окажет помощь бирманскому движению сопротивления, которое с конца ноября 1885 г. начало угрожать установлению английского колониального господства в стране [подробнее см.: 4, 5]. Поэтому Солсбери, выигрывая время, в ноябре — декабре 1885 г. неоднократно заверял китайского посла в Лондоне, что вопрос о будущем Бирмы не будет решаться без участия Китая. Наконец, 29 декабря 1885 г. Солсбери через О'Коннора уведомил китайское правительство, что с 1 января 1886 г. Бирма становится английской колонией [26, 255—256]. Немного позже, чтобы подсластить пилюлю, английское правительство объявило о проведении переговоров с Китаем по вопросам вассальной зависимости Бирмы и демаркации границы в верхнем течении Иравади.

Именно в этот период и развернулась бурная дискуссия о существовании вассальных отношений Бирмы к Китаю, поднятая китайской стороной. Английские правительственные круги разыскали документы в архивах Бирмы, Индии и Китая, чтобы доказать противное: обмен миссиями и подарками между конбаунскими правителями Бирмы и китайскими императорами существовал лишь как результат мирного договора, подписанного в Каунтоне в 1769 г., а не как следствие отношений вассала и сюзерена. Тем более, что китайско-бирманские войны в XVIII в. закончились победой Бирмы! Цинское правительство тем не менее пыталось настаивать, что в Каунтонском договоре есть указание на даннический характер обмена миссиями, однако отказалось представить подлинник договора. Оно пыталось также подтвердить свою версию ссылкой на последнее бирманское посольство в Пекин в 1875 г., которое привезло императрице Цыси письмо от правителя Бирмы Миндона. В китай-

ской правительственной газете был опубликован неточный перевод этого письма, где Миндон именовал себя якобы «вассалом» императрицы. Однако бирманские правители всегда именовали китайских императоров «царственными друзьями», в то время как последние обращались к бирманским монархам только как «старшие братья» к «младшим».

В этих долгих переговорах китайские претензии на вмешательство в дела Бирмы под предлогом ее вассальной зависимости потерпели крах, тем более что в данном случае правота была на английской стороне: Бирма не была данником Китая с середины XV в. [20; 21].

Тем не менее статья I англо-китайской конвенции о Бирме и Тибете, подписанной 24 июля 1886 г. в Пекине, формально удовлетворяла претензии Китая: «Так как Бирма практиковала обычай посылать раз в десять лет миссии для поднесения местных продуктов [1], то Англия соглашается, чтобы высшая власть в Бирме посылала обычные десятигодичные миссии...» [текст см. 2, 91—92]. Естественно, что ни о каком вассальном характере этих посольств не говорилось. Со своей стороны, китайское правительство (согласно ст. II) признавало права и власть Англии в Бирме.

Англия сделала уступку Китаю в отношении миссий из Бирмы в надежде предотвратить активную помощь китайских властей бирманским повстанцам. Русский посланник в Китае С. И. Попов писал о намерении английского правительства признать «права» Китая на Бирму, которое не хочет жертвовать содержанием ради формы [1а, д. 988, папка 38]. Действительно, уступка эта носила чисто формальный характер: никаких миссий из Бирмы в Китай английские власти никогда не отправляли. Гораздо большее значение имел отказ Китая от всякого вмешательства в бирманские дела, т. е. в тех условиях — отказ от действенной помощи партизанскому движению в пограничных районах. Поскольку в тот момент английские колонизаторы были больше всего заинтересованы в окончательном покорении Бирмы, они даже отложили на время планы проникновения в Тибет и предусматривавшуюся по Чифусской конвенции миссию в Лхассу.

Уступки английских властей в значительной мере разрядили напряженность в англо-китайских отношениях

---

[1] Китайская сторона настаивала на слове «дары».

после аннексии Бирмы. Ибо китайской стороне пришлось отказаться от своих территориальных притязаний на район севернее Бамо, о чем они заявили сразу же после захвата англичанами Верхней Бирмы, после чего даже сосредоточили войска вблизи границы. По конвенции 1886 г. они согласились на демаркацию границы совместной комиссией (ст. III).

Основное место в англо-китайских противоречиях в Бирме после заключения конвенции 1886 г. заняли вопросы установления границы, которые были тесно связаны с проблемой национально-освободительного движения народов Бирмы против английских захватчиков. Хотя китайское правительство открыто не оказывало помощи повстанцам, все же Китай принимал косвенное участие в бирманских делах.

В связи с этим мы хотим привести почти полностью интересное донесение русского посланника в Китае А. М. Кумани своему министру иностранных дел 29 декабря 1886 г.: «Заключение в июле с. г. между Англией и Китаем конвенции, установившей в самых неясных, впрочем, чертах основы будущих сношений Бирмы с империей богдоханов, не устранило, как того англичане, конечно, ожидали, возникших для них затруднений и не отняло у возмутившихся жителей королевства ни надежд на возможное освобождение, ни, по-видимому, тайного доброжелательства Китая относительно последних.

Уже в августе месяце с. г. здесь распространился слух о том, что на юньнаньской границе сосредоточены корпус китайских войск силою в 20 000 человек и что дезертиры и разные бродячие люди, коих в южных провинциях Китая много, переходят в Бамо и присоединяются к отрядам, противящимся войскам королевы. Вскоре после того в шанхайских газетах появился перевод секретного доклада Цзэна, генерал-губернатора Юньнаньской и Гуйчжоуской провинций, излагавший несколько подробнее обстоятельства, о коих до того времени приходилось лишь догадываться. Как видно из этого доклада, осенью минувшего года, желая обеспечить спокойствие границы, Цзэн прежде всего послал в Бирму двух старших офицеров для наблюдения за событиями... Цзэн между тем послал все бывшие в распоряжении войска на границу и отправил эмиссаров к шанским племенам, оставшимся независимыми, предлагая им протекторат Китая. Несколько китайских офицеров

было также командировано внутрь Бирмы для наблюдения и для сообщения сведений.

Зная крайнюю сдержанность китайцев в письменных документах и все возрастающую чувствительность сановников к принадлежащим их правительству правам и главенству, а также общее направление политики Китая в бирманском вопросе, из упомянутых сведений можно усмотреть, что внимание их не перестает все настойчивее сосредоточиваться на событиях в соседнем королевстве; поэтому возможно, что они при удобных обстоятельствах захотят энергичнее заявить о столь неожиданно предоставленных им англичанами правах. Едва ли также можно сомневаться, что по примеру командиров императорских войск, стоявших на рубеже Тонкина, и начальники Юньнаньского корпуса, преследуя личные денежные выгоды, не препятствуют солдатам сходить в долину Иравади на добычу.

Как некоторое, непосредственно исходящее от высшего правительства подтверждение намеченного выше положения, принятого пекинскими сановниками, может служить на днях полученное мною, так же как и другими представителями, сообщение министров, в коем они предупреждают, что ввиду неспокойствия, существующего на юньнаньской границе, они просят европейских путешественников туда не отправляться.

Случаи таких путешествий крайне редки, и следует предположить, что в этом случае имелись в виду лишь англичане, которые могли бы проникнуть в Юньнань из Бирмы» [7, 52—53, № 17].

Китайские добровольческие отряды и, видимо, отряды регулярных войск, расквартированных в Юньнани, принимали участие в действиях против англичан в районе Бамо и Могауна. Качинские племена, которые оказывали сопротивление англичанам, получали в Юньнани оружие и помощь от своих соплеменников. Главное же беспокойство английским колониальным властям причиняло то обстоятельство, что территория Китая служила убежищем бирманским принцам и качинским вождям и предводителям партизанских отрядов, которые боролись против установления английского господства. Кроме того, тревогу колонизаторам внушали циркулировавшие среди бирманского населения слухи о помощи со стороны Китая.

Английский советник на китайской службе, позднее

политический агент в Бамо, Уэрри в своих донесениях о положении дел на бирмано-китайской границе писал, что население этого района не верит в заключение англо-китайской конвенции и ждет скорого вмешательства Китая в дела Верхней Бирмы [26, 277].

Уже после подписания конвенции 1886 г. английские войска в упорной борьбе с бирманскими, качинскими и шанскими повстанцами устанавливали свою власть в северных и северо-восточных районах Бирмы, в том числе и в тех, которые были объектом китайских притязаний. К тому времени, когда начались англо-китайские пограничные переговоры (сентябрь 1892 г.), английские колониальные власти установили контроль над шанскими княжествами, включая Кенгхунг (Чиенгхонг) и Монглем, которые ранее признавали двойной суверенитет — Бирмы и Китая, и над качинскими районами к северу от Бамо. Это расширение экспансии, предпринятое колониальной администрацией Индии и Бирмы — наиболее агрессивно настроенной частью английских правительственных кругов, вызвало недовольство Китая. Тогда министерство иностранных дел Великобритании потребовало от индийских колониальных властей быстрейшей подготовки к работе пограничной комиссии.

2 сентября 1892 г. в Лондоне состоялось первое заседание конференции по вопросу установления бирмано-китайской границы. Представитель китайской стороны Х. Макартни предъявил претензии на бирманскую территорию к востоку от Иравади, лежащую севернее 25°35′ с. ш., на том основании, что вожди живших здесь качинских племен время от времени поддерживали связи с властями Юньнани. Английская сторона, опираясь на военную силу и собранные ею документы, отвергла китайские претензии на качинские районы Бирмы, не без оснований заметив, что «Китай в течение последнего столетия не распространял свою власть и юрисдикцию на долину Иравади» и что нет никаких свидетельств о «китайском сюзеренитете над качинскими племенами между Юньнанью и Бамо» [цит. по: 26, 286].

Естественно, что англичане в данном случае руководствовались не соображениями защиты прав Бирмы, а преследовали собственные цели — упрочения господства в верховьях Иравади. Отвергли они и китайское предложение о разделе спорных качинских территорий. К началу 1889 г. переговоры зашли в тупик и были прерваны.

Русский посланник в Китае А. П. Кассини сообщал в этот период: «Несмотря, однако же, на 8 лет, протекших со времени подписания этого договора (конвенции 1886 г.— *М. К.*)... вопрос о разграничении между английскими владениями в Бирме и Китайскою империею до сих пор продолжает служить предметом переговоров между великобританским правительством и китайским посланником в Лондоне и ни на шаг не подвинулся вперед. Англо-китайская комиссия, которая должна была производить это разграничение, до сих пор даже еще не назначена и, по-видимому, самый вопрос о разграничении представляет немало затруднений для обоих правительств благодаря различным мелким племенам, живущим между собственно Английской Бирмой и китайскими владениями и все еще мало расположенным подчиниться великобританскому владычеству» [7, 59, № 23].

Когда весной 1893 г. англо-китайские переговоры в Лондоне возобновились, английская сторона уступила Китаю Кенгхунг и Монглем — шанские княжества за Салуином. Вопрос же о принадлежности территорий к северу от Мьичины вызвал безрезультатные споры, которые продолжались до февраля 1894 г., когда конференция закончила свою работу.

Итогом конференции была новая англо-китайская конвенция, подписанная 1 марта 1894 г. Первые три статьи ее определяли бирмано-китайскую границу к югу от 25°35′ с. ш. В IV статье говорилось, что демаркация границы к северу от 25°35′ с. ш. будет произведена впоследствии, когда местность будет лучше изучена. По ст. V Англия отказывалась в пользу Китая от шанских княжеств Кенгхунг, Монглем без права передачи их третьей стороне. Предусматривалось также создание смешанной англо-китайской комиссии, которая должна была провести на месте демаркацию границы и закончить работу не позднее чем через три года (ст. VI). Специальной статьей (VII) налагалась на обе стороны «ответственность за поддержание порядка и спокойствия среди племен», населяющих пограничные территории, и запрещалось строительство укреплений ближе чем на 10 миль от границы, «кроме таких постов, которые необходимы для поддержания мира и порядка в пограничных районах». Остальные статьи конвенции касались вопросов торговли, установления телеграфной связи между Бирмой и Юньнанью, обмена консулами и пр.

4 февраля 1897 г. Англия, ссылаясь на нарушение Китаем конвенции 1894 г., запрещавшей передавать уступленные территории третьей державе[2], вынудила Китай подписать соглашение, которое изменяло в ее пользу некоторые условия конвенции 1894 г. Согласно новой конвенции, которой определялись пограничные отношения обеих сторон вплоть до 1941 г., важный стратегический пункт Сима, переданный ранее Китаю, опять отошел к английским владениям в Бирме (ст. I). Статья II, подтверждая, что район Намван — Намкхан между реками Тапинг и Шуэли является владением Китая, одновременно определяла, что он будет находиться под управлением английских властей «на правах вечной аренды». Статья III исправляла в пользу Англии границу Северного Схенви (Китай возвращал ранее полученный район Коканг, населенный племенем ва). Китайскую сторону вынудили дать согласие содействовать строительству железной дороги из Бирмы в Юньнань, принять английских консулов не только в Момейне, как это было предусмотрено конвенцией 1894 г., но и в других пограничных пунктах [текст см.: 8а, 241—245].

Более жесткие для Китая условия соглашения 1897 г. объяснялись не только наступлением империалистических держав на Китай в этот период, но также и тем, что к этому времени английским колонизаторам удалось подавить основные очаги сопротивления в северных районах Бирмы.

Совместная англо-китайская пограничная комиссия, создание которой предусматривалось по статье IV конвенции 1894 г., начала демаркационную работу в ноябре 1897 г. и продолжала ее до мая 1900 г. Несмотря на резкие расхождения сторон по вопросам принадлежности той или иной местности Китаю или Бирме и множество мелких затруднений (неаутентичность китайского и английского текстов конвенции, различия в интерпретации этих текстов, трудность в установлении точных названий населенных пунктов, так как многие имели четырехъязычные наименования — на бирманском, китайском, качинском и шанском языках и пр.), комиссия сумела демаркировать бо́льшую часть границы.

Одной из территорий нерешенной принадлежности остался район расселения племени ва. Ва упорно про-

[2] Китай передал Франции часть Кенгхунга в 1895 г.

должали сопротивляться установлению английской власти и работе демаркационной комиссии. В начале 1900 г. в одной из деревень ва были убиты два представителя совместной англо-китайской комиссии. Вслед за этим ва осадили китайский отряд близ Монгтума [18, 275—277]. Англо-китайские войска под командованием глав комиссии Скотта и генерала Лю жестоко расправились с непокорным племенем. Было сожжено двенадцать деревень, разрушено около 2 тыс. домов, убито и ранено свыше 200 человек [22, 295].

В конечном счете комиссия произвела демаркацию границы и в этом спорном районе, однако линии разграничения, предложенные Скоттом и Лю, сильно различались. На протяжении всего периода английского владычества в Бирме 180-мильная граница, проходившая по территории расселения племени ва, служила предметом разногласий между Англией и Китаем и постоянных пограничных стычек, особенно после того как в конце 20-х годов XX в. было подтверждено наличие здесь крупных месторождений цветных металлов.

Еще более напряженное положение создалось к северу от 25°35′ с. ш., где граница не была определена англо-китайскими соглашениями 1894 и 1897 гг. даже приблизительно. Китай предъявлял претензии на территорию к востоку от водораздела рек Маликха и Нмайкха, тогда как английские власти считали, что граница проходит значительно восточнее — по водоразделу рек Нмайкха и Салуин.

Опираясь на свои базы в Мьичине и Садоне, англичане постепенно продвигались на север и устанавливали контроль над ранее неподвластными Бирме качинскими племенами, занимавшими эту спорную территорию. Одновременно губернатор соседней Юньнани также посылал отряды в те же качинские районы для упрочения здесь китайского влияния. В феврале 1900 г. в долине р. Нгочанг близ деревни Пхаре произошло столкновение между китайским отрядом и английской экспедицией, возглавляемой разведчиком Хертцем. В результате успешной английской атаки китайцы потеряли около 70 человек и покинули Пхаре. В мае 1902 г. в этом районе произошел еще один инцидент: китайский отряд пересек установленную англичанами границу и сжег несколько качинских деревень [26, 486].

Подавление антиимпериалистического движения ихэ-

туаней и новое наступление держав на Китай повлияли на англо-китайские отношения. Английская сторона заняла более жесткую и неуступчивую позицию в отношении разграничения в Бирме. Она отвергла китайское предложение о создании смешанной комиссии для определения границы к северу от Мьичины, настаивая на предварительном признании Китаем границы по водоразделу Нмайкха и Салуина, установленной английскими властями. В 1906—1908 гг. планировалась даже оккупация спорной территории английскими войсками.

В ноябре 1910 г. английский отряд занял важный стратегический пункт Пхимо (Пяньма) в долине р. Нгочанг и находился там до весны следующего года. Несмотря на многочисленные протесты китайского правительства, англичане не только не отвели войска, но вскоре построили здесь форт, а к 1914 г. поставили под свой контроль долину р. Нгочанг [26, 501—502].

Однако китайское правительство не было склонно примириться с демаркационной линией, предложенной англичанами. Оно усиливало свои гарнизоны на границе, возбуждало против английского господства шанских и качинских князей [1б, д. 203, л. 131 и об.]. Генерал Н. С. Ермолов, русский военный агент в Англии, побывал в этот период в Бирме; он писал в своем отчете: «Китайские эмиссары стали похваляться и сильно интриговать против англичан при дворах разных мелких шанских князьков, территории коих расположены между китайской границей и течением реки Иравади» [10, ф. 2000, оп. 1, д. 3712, л. 27 об.].

Одновременно с занятием Пхимо английскими войсками китайцы поставили свой гарнизон в пункте Рима, расположенном к северо-востоку от стыка границ Ассама, Бирмы и Тибета. Англичане выслали на границу войска, а в Бирму был направлен главнокомандующий индийской армией для выяснения обстоятельств на месте [1в, д. 136, лл. 31—32].

Таким образом, с 10-х годов XX в. к прежним пограничным противоречиям прибавились новые. Усиление китайского влияния в Тибете (зафиксированное Лхасской конвенцией 1906 г.), куда стремились проникнуть английские колонизаторы, привело к осложнениям на северной бирмано-китайской границе — стыке с Индией и Тибетом. Чтобы занять Риму, китайские войска пере-

шли границу Ассама, что вызвало большую тревогу правительства Великобритании.

Судя по донесениям русских дипломатов в этот период, ожидалось крупное военное столкновение между Англией и Китаем. Русский генеральный консул в Калькутте Б. К. Арсеньев писал: «В донесениях моих... я уже имел честь докладывать об агрессивной деятельности, с некоторых пор проявляемой китайцами близ северного рубежа Бирмы, вдоль той неопределенной, обозначенной на английских картах пунктиром, черты, которую до сих пор здесь принято было считать бирмано-китайской границей. Судя по всем данным, правительство богдохана, ободренное своими прошлогодними успехами в Тибете, задалось целью распространить свою власть также и в другом направлении — в сторону верховьев реки Иравади, спорного, никогда не подвергавшегося разграничению, никогда, ни одним европейцем сколько-нибудь основательно не исследованного края...

Этот новый поворот китайской политики, никем, несмотря на всю свою логичность и естественность, здесь не ожидавшийся, серьезно беспокоит индийское правительство, отдающее себе отчет в том, насколько затруднительным явилось бы для него отражение вражеского наступления на севере Бирмы, лишенном удовлетворительных путей сообщения, отрезанном как от Бирмы Центральной, так и от Ассама труднопроходимыми горными хребтами и девственными лесами...

В настоящее время у означенной границы сосредоточено до 15 000 китайских войск, в состав коих входит несколько батарей, вооруженных орудиями (вероятно, горными) Максима и Круппа...

Китайские отряды разделены на две колонны: одна из них находится близ города Рима, другая — на юго-восток от него, невдалеке от пункта, где 26 параллель пересекает границу Юньнаня и Бирмы.

Навстречу китайским колоннам выслан английский отряд в составе приблизительно одного батальона и нескольких сотен туземной конной полиции (всего от 1500 до 2000 человек), пока держащийся вблизи от крайней северной станции бирманской рельсовой сети города Мииткиина» [3] [7, 60—61, № 24].

Генерал Н. С. Ермолов в декабре 1911 г. писал: «От-

---

[3] Имеется в виду Мьичина.

ношения англичан к Китаю в конце 1910 г. настолько обострились, что едва не привели к вооруженному столкновению. Причиной этого является, как известно, неопределенность пограничной линии между владениями англичан в Восточной Бирме и Китайской территорией. При этом китайцы, оттягивавшие разрешение спорного вопроса, стремятся всякими путями проникнуть в Бирму, и эта колонизация приняла, наконец, такой характер, что англичане стали опасаться за судьбу этой своей провинции. Появление же китайских патрулей у с. Рима и в горном проходе из Юньнаня в долину реки Майхэ принудило англо-индийское правительство принять более энергичные меры противодействия, выразившиеся в отправлении навстречу этим патрулям небольших отрядов.

Хотя до вооруженного столкновения дело не дошло, но спорный вопрос о границе и до сих пор остается в той же неопределенности, и положение, создавшееся на северо-восточной границе Индии, очень беспокоит англичан» [10, ф. 2000, оп. 1, д. 3712, лл. 13 и 14 об.].

Английские власти в 1911—1913 гг. провели ряд разведывательных и военных экспедиций в этот отдаленный горный район в Гималаях. Их целью было не только заполнение белых пятен на географических картах, но и подчинение шанских (кхамти, лису, нуны) и некоторых качинских племен, проживавших на этой доселе неисследованной территории. Англичане понимали, что китайские демарши на границе не могут не оказать влияния на местное население. И действительно, английскому проникновению в этот район было оказано сопротивление, в некоторых случаях инспирированное китайцами. Например, лису и нуны, подстрекаемые китайцами, выступили против английской экспедиции 1913 г. [26, 510].

В результате по всей территории района были построены военные укрепления и племенам пришлось признать английскую власть. Тем не менее граница здесь с Китаем не была демаркирована в течение всего периода колониального господства. На конференции в Симле, которая открылась в октябре 1913 г. для разрешения англо-тибето-китайских пограничных конфликтов, представитель Великобритании Мак-Магон предложил такую линию разграничения между Бирмой и Тибетом, чтобы важный горный проход между Ассамом и Бирмой — Талок был включен в Британскую Бирму. Однако ввиду

тибето-китайских противоречий конвенция в Симле не была подписана.

Спорные территории на бирмано-китайской границе, о которых шла речь, получила в наследство от колониального периода независимая Бирма: только в 1960 г. был заключен договор между Бирманским Союзом и Китайской Народной Республикой, урегулировавший пограничные взаимоотношения сторон.

Параллельно с англо-китайскими разногласиями завоевание Бирмы Англией привело к возникновению на ее границах еще одного узла противоречий — англо-французского, осложненного сиамскими и китайскими интересами в этом районе.

Англо-французские противоречия из-за Бирмы имеют большую предысторию. В 70-е годы XIX в. камнем преткновения для двух держав стала Юньнань как возможный трамплин для проникновения на китайский рынок, куда англичане рвались из Бирмы, а французы из Тонкина. Уже в 80-е годы XIX в. возникли разногласия между Англией и Францией по разграничению их колониальных владений на водоразделе Салуина и Меконга. 16 июля 1884 г. в Париже была подписана англо-французская декларация, согласно которой Англия признавала шанские государства на Верхнем Меконге сферой влияния Франции [12, 55—56]. Однако английская агрессия в Бирме в 1885 г., закончившаяся превращением всей страны в колонию, фактически аннулировала пограничное соглашение. На повестку дня снова стал вопрос о границах двух колониальных империй, ибо сразу же после установления английского господства в Бирме Франция активизировала свою колониальную политику в Западном Индокитае: предъявила претензии на княжество Луанг-Прабанг, находившееся в вассальной зависимости от Сиама, и в 1886 г. добилась учреждения здесь французского консульства. Опасаясь расширения французского влияния в бассейне Меконга, английская дипломатия поддерживала националистические настроения сиамской аристократии, выступившей в этот период с идеей объединения всех тайских народов в Сиамском королевстве [12, 62].

Когда же англичане приступили к покорению шанских княжеств и Каренни, вопрос о восточных границах новых владений встал совершенно конкретно. Среди части английских колониальных администраторов и воен-

ных (особенно последних) существовало мнение, что английским войскам не следует пересекать Салуин — удобный естественный рубеж, пригодный для обороны новой колонии. Это позволило бы также избежать непосредственного соприкосновения с французскими владениями в Индокитае. Территория между Салуином и Меконгом, по мнению сторонников восточной границы Бирмы вдоль Салуина, была бы своего рода буфером между колониальными владениями соперничающих держав.

Но в 1889 г. победила точка зрения чиновников колониальной администрации Бирмы. Она заключалась в том, что Англии следует распространить свою власть на все территории, которые входили в состав конбаунской Бирмы или признавались ею вассальными, в том числе и на шанские княжества, расположенные между Салуином и Меконгом: Кенгтунг, Кенгченг, Кенгхунг и Монглем.

Главный комиссар Британской Бирмы писал 8 февраля 1889 г. вице-королю Индии: «...единственная политика, которую можно проводить с надеждой на успех, состоит в предъявлении неоспоримых прав правительства на эти княжества и в повторении уже посланного им предложения признать себя британскими подданными... Как видно из документов, приложенных к моему донесению от 2 февраля 1889 г., эмиссары[4] прибыли в Тонкин через Чайнгтон (Кенгтунг.— *М. К.*), чтобы подготовить появление принца в этом княжестве, и они должны получить помощь и содействие со стороны французов, которые, вне всякого сомнения, прекрасно осведомлены о цели миссии. Меконг отделен от ближайших французских постов в Тонкине обширной горной областью. Поэтому у французов уйдет много времени на установление здесь своей власти. Однако ничто не остановит их от установления протектората над Чайнгтоном, если такое распоряжение будет отдано. Их намерение заключается в распространении своих границ до Меконга, что видно из условий секретного французско-бирманского договора 1884 г., предусматривавшего передачу Кенгхунга Франции[5]. Наши теперешние колебания могут,

---

[4] Имеется в виду сын Миндона принц Мьингун, попавший в руки французов, которые пытались с его помощью интриговать против англичан.

[5] Официальный договор, заключенный между Бирмой и Францией в 1885 г., не содержал такой статьи, но переговоры, которые

таким образом, привести к перенесению французской границы на берега Салуина вместо берегов Меконга» [цит. по: 22, 220—221].

Английская сторона отказалась принять французский проект пограничного соглашения, предложенный в апреле 1889 г. французским послом в Лондоне У. Ваддингтоном: Франция не должна продвигаться севернее левого притока Меконга Нам У (21° с. ш.), а Англия — за Салуин, т. е. между колониальными владениями Франции и Англии, на территории по водоразделу этих двух рек, предполагалось создание буферного государства.

Англичане начали покорение шанских княжеств с Кенгтунга (Чайнгтона), самого крупного княжества, расположенного на левом берегу Салуина. Собва этого княжества отказывался признать английское господство, играя на противоречиях Англии с Сиамом и Китаем, которые также претендовали на Кенгтунг. Только после карательной экспедиции во главе с Дж. Скоттом, «урока Скотта», как цинично назвал ее верховный комиссар Бирмы Ч. Кростуэйт [15, 233], Кенгтунг был вынужден признать английское господство, т. е. платить дань, отказаться от собственных внешних сношений и принять английского резидента [18, 150—151].

Основные территориальные споры между Англией и Сиамом разыгрались в этот период из-за территорий Каренни и шанских княжеств Монгпан и Мокмай, лежавших за Салуином.

Каренни из Кантаравади в 40—50-х годах XIX в. колонизовали Пилу — территорию по восточному берегу Салуина, богатую тиковыми лесами. Когда англичанам нужно было содействие Сиама в борьбе с вождем Кантаравади Солопо[6], они в 1888 г. признали права Сиама на Пилу, и вскоре сиамские войска оккупировали эту территорию. После поражения Солопо и захвата Каренни Англией Э. Гулд, бывший английский консул в Чиенгмае, который в свое время и пообещал сиамцам Пилу, ставший теперь посланником в Бангкоке, потребовал вывода сиамских войск из Пилу. При этом он отри-

---

вело бирманское правительство с французскими агентами, вероятно, касались уступки Кенгхунга [26, 297].

[6] Солопо — известный руководитель сопротивления англичанам в Восточном Каренни в конце 80-х годов XIX в.; предпочел покинуть свое княжество, но не признал английскую власть [15, 190—203].

цал данное им обещание вознаградить Сиам за помощь против Солопо.

Летом 1889 г. правительства Англии и Сиама согласились создать пограничную комиссию, чтобы разрешить назревающий конфликт. Но вследствие того, что обе стороны не смогли договориться о месте предварительной встречи, английская и сиамская комиссии стали работать порознь [23, 306].

Английская комиссия прибыла в Пилу (декабрь 1889 г.). Благодаря внушительному военному сопровождению все попытки сиамских властей не допустить англичан на эту территорию потерпели крах [22, 227]. Затем комиссия направилась к северу, в шанское княжество Мокмай, два владения которого, находящиеся на восточном берегу Салуина, Монгмау и Мехсакун, подпали под влияние вассала Сиама — шанского княжества Механгсон во время борьбы с Солопо. Поскольку в части Мокмая за Салуином в отличие от Пилу не было сильных сиамских укреплений, английская комиссия действовала здесь откровеннее: при ее содействии и военной помощи собва Мокмая собрал войска и вытеснил сиамцев из спорной области [22, 229].

Наконец, в марте 1890 г. комиссия прибыла в княжество Монгпан, четыре владения которого — Монгтон, Монгханг, Монгчьят и Монгта, находившиеся за Салуином, также были захвачены Сиамом (в период борьбы англичан в 1885—1887 гг. с лигой Лимбина — конфедерацией шанских князей). Обнаружив в Монгпане, как, впрочем, и в Мокмае, сиамскую пограничную комиссию, англичане не стали вступать с ее членами ни в какую дискуссию, а просто провозгласили в одностороннем порядке районы Монгпана за Салуином британской территорией и потребовали, чтобы сиамская комиссия удалилась через 3 часа (по другим данным, через 28 часов) [18, 137].

Уже после вывода сиамских войск из Монгпана англо-сиамская комиссия начала совместную работу и провела окончательную демаркацию бирмано-сиамской границы в начале 1893 г.: Каренни, Мокмай и Монгпан были признаны английскими владениями [22, 234—235]. В октябре 1894 г. король Сиама Чулалонгкорн и английский посланник в Бангкоке обменялись картами, на которых была указана граница между Британской Бирмой и Сиамом.

Таким образом, Англия без особых затруднений разрешила пограничные споры с Сиамом. Слабость Сиама и стремление его правительства в первой половине 90-х годов XIX в. найти поддержку у Англии в борьбе с французской экспансией, угрожавшей независимости сиамского королевства, позволили английским колонизаторам установить бирмано-сиамскую границу в соответствии со своими интересами.

Наиболее острой пограничной проблемой для Англии стало разрешение конфликта в тех княжествах за Салуином, на которые непосредственно претендовала Франция. Это был Кенгченг, который включал территории по обоим берегам Меконга, причем наиболее спорной частью являлось его владение Монгсинг, находившееся на восточном берегу реки. Кенгченг был сравнительно небольшим шанским княжеством, которое, подобно многим другим княжествам на границе Бирмы, было полусамостоятельным: оно признавало вассальную зависимость от Бирмы и не отказывалось от даннических отношений с другим сильным соседом — Сиамом. После оккупации Бирмы англичанами статус Кенгченга оставался некоторое время неопределенным; но поскольку в 1888 г. на Монгсинг предъявил претензии Сиам, потребовав от его собвы Мом Сири знаков вассальной зависимости, туда была послана английская экспедиция. В начале 1891 г. глава экспедиции Скотт потребовал от Мом Сири признать английский суверенитет [26, 305]. Однако в конечном счете Англия отказалась от Кенгченга: по англо-сиамскому пограничному соглашению 1893 г. она уступила Кенгченг Сиаму в обмен на богатый тиковыми лесами Каренни (за Салуином) при условии, что Сиам не передаст его третьей державе.

Естественно, что в данном случае подразумевалась Франция. Кроме того, передавая Кенгченг Сиаму, английские власти предполагали начать создание здесь буфера между своими колониальными владениями и французскими. В это буферное государство должны были быть включены и шанские княжества на верхнем Меконге, на которые претендовал Китай.

Русский посланник в Китае А. П. Кассини писал министру иностранных дел Н. К. Гирсу 17 декабря 1893 г.: «Но потерпев неудачу в попытке склонить Китай к открытому объявлению своего протектората над Сиамом и своей готовности защищать его от посягательств Фран-

ции, лондонский кабинет со свойственною ему настойчивостью не отказался от принятого им плана и на этот раз успел заинтересовать китайское правительство в вопросе о создании особого „владения — буфера“, которое служило бы преградою опасному сближению английских и французских владений в тех местностях» [7, 125, № 56].

В результате англо-китайского соглашения 1894 г., по которому Кенгхунг был передан Китаю также без права уступки третьей державе, буферная территория расширилась.

Франция тоже была заинтересована в том, чтобы не создавать общей границы с владениями Англии. Однако ее колониальная экспансия в Сиаме с начала 90-х годов значительно усилилась. Весной 1893 г. французское правительство выступило с требованием признать Меконг западной границей ее владений в Индокитае. В июле 1893 г. Франция предъявила Сиаму ультиматум: в нем в числе прочих пунктов содержалось и это требование. Франко-вьетнамские войска заняли весь левый берег Меконга, в том числе и часть Кенгченга на этом берегу — Монгсинг. Сиам, которому Англия не оказала обещанной поддержки, был вынужден принять французские требования. Франко-сиамский договор от 3 октября 1893 г., признав левобережье Меконга французской территорией, тем самым создал границу между колониальными владениями Англии и Франции в верхнем течении Меконга [8, 223—226].

Однако французам это нравилось так же мало, как и англичанам. Поэтому они предложили Англии использовать для создания буфера правобережную часть Кенгченга, которая была тогда владением Сиама.

В начале 1894 г. переговоры между Англией и Францией о буферном государстве привели к образованию англо-французской комиссии, которая должна была определить границы этой нейтральной территории на верхнем Меконге. Как писал русский генеральный консул в Сингапуре 25 февраля 1894 г., задача этой комиссии «состоит в том, чтоб определить точнее эту нейтральную полосу, через которую должна направляться торговля из Юннана в английские либо во французские фактории, и оба государства обменялись уверениями в том, что каждая не будет искать для себя особых выгод, какие не могли быть предоставлены другой держа-

ве. Китаю же предполагается предоставить контроль над исполнением достигнутых комиссиею условий, на том-де основании, что Китай заинтересован правильным сбытом своих произведений через эту территорию, а равно и для того, чтобы показать, что наступательное движение к северу не равносильно желанию обеих держав, или одной из них, создать Китаю новое соседство беспокойного характера» [7, 126, № 57].

Но вскоре английские власти начали саботировать переговоры и предъявили свои «права» на Кенгченг: предложили считать его английской долей в предполагаемой буферной территории. Весной 1894 г. в Кенгченге появилась английская экспедиция, официальной задачей которой было «утверждение британских прав» на Кенгченг. В марте глава экспедиции, помощник суперинтенданта шанских княжеств Дж. Стирлинг получил распоряжение направиться в Монгсинг и объявить собве, что весь Кенгченг становится британской территорией, поскольку Сиам нарушил условия соглашения 1893 г. и передал Монгсинг Франции. Однако собва Мом Сири отказался признать себя британским подданным и заявил Стирлингу, что в свое время английские власти отказались принять под свой контроль его княжество до захвата Бирмы ее вассалом и передали его Сиаму, во владениях которого оно теперь и находится [22, 248].

Одновременно французский агент в соседнем княжестве уведомил Мом Сири, что согласно франко-сиамскому договору 1893 г. Монгсинг является французским владением. Сильно встревоженный собва направил в Ченгкхонг следующее письмо: «Тридцать девять писем [7] прибыли от британского правительства в каждый округ, но не по просьбе Кенгченга. Теперь прибыло новое письмо, в котором сообщается, что мы должны послать золотые и серебряные цветы [8] и прибыть в Кенгтунг. Мы опасаемся, что если мы не выполним этот приказ, то рассердим британское правительство. Но если мы выполним этот приказ, мы можем рассердить французов... Я, собва, пишу это письмо, чтобы оба государства уладили вопрос между собой и княжество Кенгченг могло жить в мире» [26, 309].

---

[7] Речь идет о прокламации английских властей, уведомляющих население Кенгченга о том, что княжество объявляется английским владением.

[8] Обычный знак вассальной зависимости в странах Индокитая.

Совместная англо-французская комиссия появилась в Монгсинге в конце 1894 — начале 1895 г.: в ноябре первыми прибыли англичане во главе со Скоттом, а в январе следующего года — французы во главе с инициатором нападения на Сиам О. Пави. Английская часть комиссии увидела над домом собвы французский флаг. По грозному требованию Скотта флаг был снят. Сам собва, опасаясь англичан, бежал из столицы. При появлении французов здесь уже развевался английский флаг. Как пишет Холл, инцидент в Монгсинге «чуть было не превратился в крупное международное событие» [9, 474].

Переговоры по вопросу создания буферной территории скоро зашли в тупик. Английская сторона предлагала включить в состав этой территории весь Кенгтунг и часть Кенгченга за Меконгом, которую она рассматривала как британскую территорию. Французский же вклад, по ее мнению, должен был состоять из Маунгнана. Пави и его заместитель Лефевр Понталис настаивали на том, что левобережные территории Кенгтунга и Кенгченга (Монгсинг) являются французскими владениями, а, следовательно, англичане должны передать буферному государству правобережные районы Кенгченга [22, 253].

2 апреля 1895 г. обе стороны решили прекратить встречи и передать вопрос для разрешения в Лондон и Париж, а пока не вмешиваться в дела Монгсинга. Однако, несмотря на джентльменское соглашение Скотта и Пави, английский министр колоний лорд Кимберли отдал распоряжение немедленно направить войска в Монгсинг. В телеграмме вице-королю Индии говорилось: «Лорд Кимберли узнал из телеграммы Скотта от 24 февраля, что французы создают укрепленные позиции в Ченгкхонге и что переговоры о буферном государстве, вероятно, ничем не кончатся; французские сторонники в Кенгченге объявили, что французы вскоре займут все княжество. Лорд Кимберли хочет, чтобы вы немедленно назначили политического агента с достаточным эскортом для посылки в Кенгченг с тем, чтобы не оставалось сомнений в британском суверенитете над этим княжеством» [цит. по: 26, 311].

2 мая 1895 г. Дж. Стирлинг с отрядом появился в Монгсинге. К этому времени собва Мом Сири окончательно отдал свои симпатии французам, которые действовали в данном случае тоньше, чем англичане. Мом Сири бежал при приближении отряда Стирлинга. Но

все распоряжения Стирлинга встречали отпор со стороны помещиков собвы, которые обосновывали это тем, что Стирлинг не вручил им письменного уведомления о переходе Кенгченга под британский протекторат [26, 312].

В конце августа Стирлинг решил собрать налоги в Монгсинге, чтобы продемонстрировать власть Англии в княжестве. Министры в соответствии с распоряжениями продолжавшего укрываться во французских владениях собвы всячески препятствовали этому. В ноябре Стирлинг арестовал продолжавших упорствовать министров, часть которых после этого согласилась помочь англичанам в сборе налогов.

Сам Мом Сири обратился к населению с призывом не подчиняться английским властям и не платить налогов. Старосты деревень поддержали своего князя, поэтому, несмотря на репрессии, Стирлинг смог собрать лишь незначительную сумму [22, 256—258]. Таким образом, английская власть в Монгсинге вследствие сопротивления оставалась в значительной мере формальной.

В такой обстановке идея создания буферного государства на верхнем Меконге отпала. Русский поверенный в делах в Англии А. Н. Крупенский доносил из Лондона в начале сентября 1895 г.: «В Сиаме несогласие обоих правительств также принимает все большие размеры. Идея нейтральной полосы (état tampon) уже давно не признается применимой за отсутствием достаточно сильного государства, которое могло бы разделить английские и французские владения. Г-н Керзон, который всегда был противником политики несоприкосновения, не воскресит ее теперь, несмотря на все оговорки и всю осторожность, с которой он отнесся к этому вопросу в парламенте. Англия и Франция станут, таким образом, непосредственными соседями в Восточной Азии, и поводы к распре только могут этим увеличиться. Англо-французское соглашение в Сиаме еще более затруднено поражением, нанесенным Японией Китаю» [7, 128—129, № 58].

20 июня 1895 г. Франция и Китай подписали конвенцию [текст см. 8а, 14—18], по которой Китай передал Франции за ее посредничество в возвращении ему Ляодунского полуострова, захваченного Японией, расположенное на левом берегу Меконга княжество Кенгхунг (переданное Англией Китаю по конвенции 1894 г.). Включение этих районов во французские владения

вызвало огромное неудовольствие в Лондоне и окончательно похоронило идею буферного государства.

В начале 1896 г. пограничные вопросы между английскими и французскими владениями на Индокитайском полуострове были, наконец, урегулированы — 15 января Франция и Англия подписали декларацию о разделе сфер влияния [текст см.: 8а, 94—97] в Индокитае. Это соглашение было продиктовано стремлением Англии преодолеть внешнеполитическую изоляцию. С этой целью она искала сближения с Францией в колониальных вопросах. И Лондонская конвенция 1896 г., разделившая Сиам и бассейн Нигера на сферы влияния, стала одним из первых шагов к англо-французскому сближению.

Оценивая соглашение, посол России в Англии Е. Е. Стааль писал в январе 1896 г.: «Центр страны, созданный бассейном Менама и включающий столицу, образует и независимое королевство Сиам, отделяя французский Индокитай от английских поселений в районе Бенгальского залива. Это государство будет объявлено, так сказать, нейтральным, и обеим соседним державам запрещается всякое военное вторжение в него. Зона, расположенная на восток от Сиама, остается зоной французского влияния, а территория на запад от королевства, включая полуостров Малакку, становится зоной английского влияния» [7, 137, № 59].

Англия, позиции которой в Сиаме были сильнее, пошла на уступку Франции и признала Меконг пограничной рекой. Русский посол во Франции А. П. Моренгейм так оценивал эту часть соглашения: «Что касается Верхнего Меконга, территория которого до сего времени была объектом очень оживленных споров между Англией и Францией, то первоначальная идея создания буферного государства между их владениями, долгое время поддерживавшаяся первой из этих держав, была ею оставлена. Эта уступка тем более чувствительная, что она включает оставление этой державой некоторых пунктов на левом берегу Меконга (Муонг-Синг), на которые притязала Франция и которые она же, произвольно предвосхищая исход спора, оккупировала уже военным путем. Русло этой реки создает, таким образом, их общую границу, начиная от Китая до того места, где эта важная магистраль проходит по древним государствам Сиама. Этот результат очень ценен для Франции, так как он удачно дополняет соглашение о границах, недавно за-

ключенное ею с Китаем, и открывает ей новое направление для вторжения в Юньнань» [7, 140, № 60].

Монгсинг отошел к Франции. 10 мая 1896 г. состоялась церемония передачи власти в княжестве командующему французскими войсками в Верхнем Лаосе. Вслед за тем Стирлинг вывел английские войска из Монгсинга [22, 259—260]. Правобережную часть Кенгченга английские власти Бирмы присоединили к Кенгтунгу.

Англо-французское соглашение 1896 г. окончательно установило границу между английской Бирмой и французским Лаосом по Меконгу и ликвидировало очаг напряженности, создавшийся в 90-х годах XIX в. на этой границе. В 1904 г. создание Антанты ликвидировало франко-английский спор из-за Сиама и предоставило возможность обеим сторонам договариваться с Бангкоком независимо друг от друга. В результате заключенная в 1904 г. франко-сиамская конвенция, а в 1907 г.— англо-сиамская урегулировали пограничные взаимоотношения сторон [текст см.: 8а, 710—720].

Источники и литература

1. Архив внешней политики России. а) ф. Среднеазиатский стол; б) ф. Генеральное консульство в Калькутте; в) ф. Посольство в Лондоне.
2. Гримм Э. Д., Сборник договоров и других документов по истории международных отношений на Дальнем Востоке (1842—1925), М., 1927.
3. Дементьев Ю. П., Политика Франции в Камбодже и Лаосе 1852—1907, М., 1960.
4. Журавлева Л. Н., Партизанская война бирманского народа против английского закабаления 1885—1896, Саратов, 1967.
5. Козлова М. Г., Английское завоевание Бирмы, М., 1972.
6. Нарочницкий А. Л., Колониальная политика капиталистических держав на Дальнем Востоке (1860—1895), М., 1956.
7. «Политика капиталистических держав и национально-освободительное движение в Юго-Восточной Азии (1871—1917). Документы и материалы», ч. II, М., 1967.
8. Ребрикова Н. В., Очерки новой истории Таиланда, М., 1966.

8а. «Сборник договоров и дипломатических документов по делам Дальнего Востока 1895—1905 гг.», СПб., 1906.

9. Холл Д. Дж., История Юго-Восточной Азии, М., 1958.
10. Центральный государственный военно-исторический архив.
11. Bernard J. T. O., The Frontier of Burma,— «Journal of the Central Asian Society», vol. XVII, april 1930.

12. Clech G., Le Siam et ses relations avec la France, Paris, 1947.
13. Colquhoun A. R., Across Chryse, Being a Narrative of a Journey of Exploration through the South China Border Lands from Canton to Mandalay, vol. I—II, London, 1883.
14. Colquhoun A. R., Amongst the Shans, London, 1883.
15. Crothwaite Ch., The Pacification of Burma, London, 1912.
16. Lehault P., (Frédéric Haas), La France et l'Angleterre en Asie, Paris, 1892.
17. Maung Maung, Burma in the Family of Nations, Amsterdam, 1956.
18. Mitton G. E., (Lady Scott), Scott of the Shan Hills, London, 1912.
19. Norman H., The Peoples and Politics of the Far East, New York, 1895.
20. Parker E. H., Burma with Special Reference to its Relations with China, Rangoon, 1898.
21. Parker E. H., Burma's Supposed tribute to China, 1898.
22. Sao Saimon Mangrai, The Shan States and the British Annexation, Ithaca, 1965.
23. Scott J. G., Hardiman J. P., Gazetteer of Upper Burma and the Shan States, pt I, vol. I, Rangoon, 1900.
24. Shakespear L. W., History of Upper Assam, Upper Burmah and North-Eastern Frontier, London, 1887.
25. Smyth H. M., Five Years in Siam from 1891 to 1896, vol. 1—3, London, 1898.
26. Woodman D., The Making of Burma, London, 1962.
27. Younghusband G. J., Indian Frontier Warfare, London, 1898.

А. Р. Вяткин

Миграции населения и их влияние на социально-экономическое развитие колониальной Бирмы (конец XIX — первая половина XX в.)

Под миграциями населения понимается совокупность переселений, т. е. перемещения людей по территории. Миграции населения привлекают внимание науки по крайней мере по трем причинам: 1) они являются важным следствием социально-экономического развития страны; 2) в свою очередь, могут влиять на темпы и направления этого развития; 3) миграции приводят к серьезнейшим изменениям в социальном положении мигрантов и в социальной структуре среды.

Еще в конце XIX в. В. И. Ленин в своем труде «Развитие капитализма в России» отмечал, что «без создания подвижности населения не может быть и его развития» [1, 246].

В советской демографической литературе пока еще нет монографий, специально посвященных миграциям населения в странах Азии. Лишь в последние годы появилось несколько статей и разделов в сводных работах по этой тематике [2; 3; 5; 6; 9]. Вместе с тем с конца 50-х годов в СССР опубликовано немало книг и статей, анализирующих проблемы внутренних миграций у нас в стране. Некоторые методы исследования, применяемые в этих работах, были использованы автором при изучении миграций населения в Бирме.

Среди трудов зарубежных авторов отсутствуют специальные исследования по миграциям населения в Бирме. Почти единственным подспорьем здесь нам послужили соответствующие разделы из отчетов по переписям. Проблемы миграций в самом общем виде затрагиваются в большинстве работ по социально-экономическому развитию Бирмы во второй половине XIX — первой половине XX в., но их авторы, как правило, оперируют небольшим набором общеизвестных цифр и не затрудняют себя анализом источников [14; 26; 35].

При непосредственном демографическом анализе миграций обычно используются прямые и косвенные данные. К прямым относятся материалы статистики учета прибывших и выбывших в конкретном районе, городе, провинции и т. д. В Бирме, как и в подавляющем большинстве стран Азии и Африки, такого учета не велось. Поэтому пришлось оперировать в основном косвенными данными, а именно: таблицами по национальному составу населения, таблицами учета мест рождений, расчетами изменений абсолютной и относительной численности населения, результатами сравнения темпов роста населения в различные периоды и т. п. Вот почему главным источником для работы были материалы всеобщих переписей населения Бирмы, проводившиеся английской колониальной администрацией в 1891—1931 гг. с интервалом в десять лет.

Полнота и сопоставимость данных демографической статистики зависят в большой мере от методов и качества проведения переписей. Во всеобщих переписях населения колониальной Бирмы применялась четырехстепенная классификация районов (дистриктов). Подавляющее число районов охватывалось так называемой единовременной переписью, когда после определенного комплекса приготовлений производился одновременный и окончательный подсчет и опрос присутствующих (final check). Следовательно, проводился принцип учета наличного населения — система «де-факто» [1]. Эта система, давая моментальный демографический снимок страны, имеет и некоторые недостатки. Пожалуй, самым важным из них является невозможность погасить влияние всех кратковременных поездок жителей по стране (деловых, рели-

---

[1] По международной классификации, которую применяют в первую очередь демографические организации ООН.

гиозных, с целью отдыха и т. п.). Однако, несмотря на свои отрицательные стороны, эта система позволяет получать относительно достоверные данные и для своего времени могла считаться образцом демографической статистики в странах Востока.

Второй, более грубой системой исчисления, принятой в колониальной Бирме, была «неединовременная» перепись, которая применялась в менее развитых районах, где население было реже и его культурный уровень ниже. Отсутствие окончательного подсчета и растянутые сроки переписи были главными отличительными чертами этой системы. Они свидетельствуют о том, что перепись в районах «неединовременных» операций проводилась приблизительно по системе «де-юре». Для того чтобы компенсировать трудности, связанные с отдаленностью этих районов, с наличием редкого и неграмотного населения, «неединовременная» перепись обычно проводилась специально подготовленными чиновниками.

Третьим типом переписных операций была оценка населения. Оценка проводилась следующим образом: подсчитывалось число деревень, затем в нескольких наиболее типичных деревнях подсчитывали количество домов и лиц обоего пола в среднем в доме, фиксировали род занятий, религиозную принадлежность и другие данные обо всех жителях контрольной деревни, т. е. применяли выборочный метод. Уже с конца XIX в. оценивались лишь незначительные территории в отдаленных районах национальных окраин. И наконец, некоторые местности в Бирме вообще никак не обследовались. Это были труднодоступные и крайне редко населенные местности, которые не играли серьезной роли в жизни страны.

На качество материалов переписей влияют также и косвенные факторы. Среди них не последнее значение имеет культурный уровень населения и его отношение к переписи. Все отчеты подчеркивают благожелательное отношение жителей страны к переписным операциям, что, безусловно, способствовало получению более достоверных данных. Не в силах рассчитать столь сложный синтетический показатель, как культурный уровень в целом, мы провели сравнительный анализ одной из его составных частей — грамотности населения различных провинций Индии и некоторых стран Азии в изучаемый период. По грамотности населения Бирма стояла на первом месте в Британской Индии и на одном из первых мест

в Азии. Это обстоятельство, при прочих равных условиях, несомненно, повышало качество переписей. Известную положительную роль в повышении качества материалов бирманских переписей сыграло и то, что уровень расходов на эти мероприятия и средняя численность персонала были наивысшими для Британской Индии.

Следовательно, можно констатировать, что переписи населения колониальной Бирмы дают достаточно надежную демографическую картину и могут быть использованы для изучения миграций и их последствий в стране.

Миграции населения в условиях отдельно взятой страны можно подразделить на два типа: внутренние, когда речь идет о перемещениях жителей страны в ее пределах; внешние, когда рассматриваются перемещения иммигрантов или эмигрантов данной страны. В статье наибольшее внимание уделено анализу внутренних миграций, поскольку вопросы внешних миграций в Бирме уже затрагивались в ряде работ английских и индийских авторов [17; 30; 31].

Внутренние миграции. Характеризуя миграции населения, следует строго различать миграции как процесс и территориальное перераспределение населения как результат этого процесса [10, 116]. Сведения о результатах миграции населения, т. е. о территориальном его распределении на какой-то определенный момент, мы получаем из тех материалов переписей, которые называются «таблицы мест рождений» (Birth-Place Tables). Эти таблицы дают название как района, в котором родился каждый переписанный человек, так и района, где он был переписан. Точные же данные о миграциях как процессе можно получить только при помощи текущей статистики. Поскольку таковая отсутствует, нам пришлось использовать для этой цели те же «таблицы мест рождений». Возможности использования этих таблиц ограниченны, так как отсутствуют данные о длительности проживания переселенца на новом месте. Кроме того, невозможно учесть по ним промежуточные этапы миграции. Но, несмотря на недостатки, таблицы мест рождений дают возможность определить основные тенденции в развитии важнейших величин, характеризующих миграции [2].

[2] В этом нас убеждает еще и тот факт, что результаты анализа по мигрантам-женщинам схожи (в плане общих тенденций) с результатами анализа по мигрантам-мужчинам, т. е. искажения, вне-

Рассматривая внутренние миграционные процессы в целом, можно выделить для Бирмы пять основных видов механического движения населения, т. е. миграций:

1) поездка к родным, знакомым и т. п. (не более нескольких дней);

2) временное отсутствие на месте постоянного жительства (деловые поездки, поездки на праздники, пагодные торжества и т. п.);

3) сезонная миграция;

4) отходничество (т. е. отсутствие в течение нескольких лет);

5) передвижение со сменой постоянного места жительства («чистая» миграция).

Первые два вида никогда не фиксировались в переписях. Люди, отсутствовавшие на критический момент переписи по таким причинам, записывались со слов их родных или близких как наличное население. Последние же три вида представляют особый интерес.

Сезонная миграция находилась в прямой зависимости от условий возделывания риса в Нижней Бирме. Первый поток сезонников устремлялся на юг в июне — июле — в сезон высадки рассады. Второй поток приходился на октябрь — февраль, когда идет уборка урожая. Переписи проводились всегда в феврале — марте, когда подавляющее число сезонников уже вернулось домой, однако рассчитать число оставшихся невозможно, так как текущая статистика игнорировала эти вопросы. Итак, можно с большой долей вероятности считать влияние сезонной миграции бирманцев на данные таблиц мест рождений незначительным.

Четвертый вид миграций отражал передвижение тех людей, которые уезжали из различных районов (преимущественно Верхней Бирмы) на заработки и не возвращались домой в течение нескольких лет, хотя и поддерживали связь с родными местами. Это были, как правило, молодые мужчины и юноши, нанимавшиеся на работу чаще всего в индивидуальном порядке [3].

Пятый вид — миграция в самом общепринятом смысле, т. е. передвижение со сменой постоянного места про-

---

сенные наличием сезонников (почти исключительно мужчин), незначительны.

[3] Это отличало бирманских сельскохозяйственных рабочих от индийских сезонников, которые работали чаще всего артелью (gang maistry), состоявшей обычно из 10—20 человек [22, 169].

живания. Составляя значительнейшую часть всех передвижений населения в стране, этот вид миграций в известной мере связан с предыдущим, так как отходники, купив или получив бесплатно участок земли, нередко оставались в Нижней Бирме навсегда.

Попытаемся теперь количественно определить ту роль, которую сыграли внутренние миграции с точки зрения развития производительных сил страны. Миграции населения характеризуются рядом взаимосвязанных показателей, среди которых ведущее значение имеют показатели миграционной подвижности и миграционного сальдо[4]. Мы можем, к сожалению, определить лишь тенденции в развитии этих величин.

Для каждой переписи были составлены по две базовые разработки: одна общая, а другая с учетом полового признака мигрантов. В этих разработках содержались исходные данные по числу прибывших и выбывших (как в абсолютных числах, так и в процентах к числу коренных жителей на момент переписи) и миграционное сальдо для каждого района.

Содержание таких разработок в связи с характером исходных данных получилось сложным и противоречивым. С одной стороны, графы прибывших — выбывших, которые должны были бы характеризовать миграцию как процесс, показывают нам результат перемещения населения, поскольку фиксация производилась без учета времени проживания переписываемого лица в данном районе. Вместе с тем эти графы все же отражают и процесс, так как можно сравнивать материалы различных переписей, учитывая два дополнительных обстоятельства: если человек переезжал в детстве, то вскоре забывал (иногда сознательно) о месте своего рождения и называл себя старожилом; если человек переезжал в 20—30-летнем возрасте, то относительно высокая смертность не давала обычно иммигранту возможности быть переписанным более чем в двух переписях. Вот почему мы можем получить представление о динамике процесса миграций при сопоставлении указанных граф из таблиц за 1891—1931 гг.

Последняя графа каждой базовой разработки пока-

[4] Миграционная подвижность какой-либо территориальной единицы показывает число прибывших и выбывших. Миграционное сальдо характеризует баланс данной территориальной единицы в ее обмене населением с другими единицами.

зывает миграционное сальдо по отдельным районам. С учетом характера исходных данных эта графа дает окончательный баланс, итог перераспределения населения за обозримый предшествующий промежуток времени.

Таблица 1

Среднерайонная миграционная подвижность* населения Бирмы**

Год	тыс. человек	в % к среднему числу коренных жителей
1891	19,2***	10,5****
1901	22,9	10,2
1911	20,5	7,8
1921	20,9	7,2
1931	19,6	6,0

Таблица 2

Среднерайонное миграционное сальдо* населения Бирмы**

Год	тыс. человек	в % к среднему числу коренных жителей
1892	20,9***	11,9****
1901	23,9	10,7
1911	19,3	7,3
1921	16,7	5,8
1931	14,1	4,3

* Здесь и далее эти понятия используются с учетом сделанных в работе оговорок.

** Расчет произведен автором по материалам переписей [21; 23; 24; 25].

*** Поскольку данные по национальным штатам за 1891 г. недостоверны, показатель относится лишь к собственно бирманским районам.

**** Относительный показатель миграционной подвижности и миграционного сальдо в 1891 г. не просто завышен (поскольку не учтены национальные штаты), но и искажает динамический ряд. Видимо, в действительности миграционная подвижность и сальдо в 1891 г. были ниже, чем в 1901 г., не только абсолютно, но и относительно, так как именно в национальных штатах подвижность населения была минимальная.

Из таблицы 1 видно, что на протяжении 50—60 лет в Бирме сохраняется довольно высокая миграционная подвижность населения[5]. При этом, достигнув максимума к 1901 г., она затем снижалась вплоть до 30-х годов XX в. Особенно резко эта тенденция проступает в ряду относительных величин: даже там, где наблюдался абсолютный рост числа мигрантов, их удельный вес продолжал снижаться.

Обратившись к таблицам средних по половому признаку[6], мы обнаружим, что изменения миграционной подвижности как у мужчин, так и у женщин носят одинаковый характер. Однако темпы были различны. Миграционная подвижность мужчин, уже находясь на высоком уровне в 1891 г., к 1901 г. выросла незначительно, а к 1911 г. резко упала и продолжала уменьшаться вплоть до 1931 г., невзирая на абсолютный рост числа мигрантов в 1911—1921 гг. Тот же показатель у женщин — невысокий в 1891 г.— к 1901 г. вырос несколько более, чем у мужчин, а к 1911 г. упал в меньшей степени[7]. В последующие годы динамика этой величины у женщин повторяла в смягченном виде ту же тенденцию, которая проявилась у мужчин.

Изменения, происшедшие с величиной среднерайонного миграционного сальдо (табл. 2), носят тот же характер, что и динамика предыдущего показателя, но общая тенденция выражена еще более четко и в абсолютных и в относительных числах. Это определяется статистической закономерностью, связывающей оба показателя (миграционной подвижности и сальдо) в условиях уменьшения интенсивности миграций в стране. Смысл этой закономерности в том, что усиление равномерности в миграционных потоках, т. е. исчезновение каких-либо

---

[5] Нам не удалось обнаружить исследований, по которым можно было бы сравнить положение в Бирме с другими странами в изучаемый период. Но небезынтересно отметить, что уже в 50—60-е годы XX в.—период огромного роста транспортных связей всех видов и резко возросшей подвижности населения — самым мобильным континентом в «третьем мире» являлась Латинская Америка, где мигранты составляли в среднем 25% числа коренных жителей [7, 46].

[6] Здесь они не приведены из-за недостатка места.

[7] Это связано в первую очередь с различным характером миграций мужчин и женщин. Чем более традиционными становятся направления миграций, тем выше среди мигрантов доля женщин, тем меньше разрыв во времени между переездом на новое место жительства главы семьи и остальных ее членов.

центров сильного притяжения или отталкивания населения, ведет к быстрому уменьшению показателей миграционного сальдо, в то время как показатели среднерайонной миграционной подвижности могут оставаться на прежнем уровне или сокращаться медленнее. В конкретных условиях Бирмы это было связано с быстрым сокращением миграций в районы дельты Иравади, которые давали обычно самые большие цифры по балансу прибывших — выбывших.

Характер изменений среднерайонного миграционного сальдо по половому признаку аналогичен характеру изменений показателя миграционной подвижности, поэтому мы не будем останавливаться на этом вопросе.

К интересным выводам приводит попытка сгруппировать районы Бирмы по величине миграционной подвижности и сальдо. Для группировки были взяты простейшие критерии — среднерайонная миграционная подвижность и среднерайонное миграционное сальдо, которые сравнивались с соответствующими показателями по конкретному району. Для каждого года переписи были отобраны районы, в которых показатели миграции превосходили средние либо со знаком плюс, либо со знаком минус. В результате этой работы были получены 34 таблицы, из которых 19 относятся к собственно Бирме и охватывают результаты пяти переписей 1891—1931 гг., а другие 15 таблиц — ко всей территории страны, охватывая результаты переписей 1901—1931 гг.[8]. После группировки была вычерчена карта-схема районов (для каждого года переписи), отображающая географическое распределение регионов притяжения и отталкивания населения. На материале этих пяти карт хорошо видно, что на протяжении 50—60 лет в Бирме существовало два главных региона притока населения и один регион оттока. Регионом оттока являлись земли Верхней Бирмы — старинный центр земледелия и бирманской государственности. Из регионов притока населения один занимал дельту Иравади и прилегающие территории (районы быстрого развития рисосеяния), а другой — небольшую по площади территорию на северо-востоке страны (район рудников).

При проведении группировки обнаружилось, что число

[8] Таблицы мест рождений, относящиеся к национальным штатам, в переписи 1891 г. очень ненадежны.

районов с высокой миграционной подвижностью гораздо больше, чем с высоким миграционным сальдо. Это показывает, что в целом ряде районов (числом от 12 до 15) была большая текучесть населения. Среди причин этой текучести несомненно были и такие факторы, как общая неравномерность развития, и истощение природных богатств, и непривычные климатические условия.

После проведения всех этих расчетов и группировки можно констатировать, что во второй половине XIX в.— первой трети XX в. происходил значительный перелив населения из одной устойчивой совокупности районов Бирмы в другую, столь же устойчивую.

Та роль, которую сыграли миграции в развитии производительных сил страны, становится особенно отчетливой на примере районов, имевших значительное положительное сальдо в обмене населением с другими территориями. Среди таких районов подавляющую часть — и абсолютно, и относительно — составляли районы Нижней Бирмы. В среднем на каждый район Нижней Бирмы, входивший в группу такого типа, приходилось следующее число мигрантов: в 1891 г.— 71 560 (30,1% числа коренных жителей), в 1901 г.— 93 540 (26,8%), в 1911 г.— 84 190 (20,3%), в 1921 г.— 56 750 (20,8%), в 1931 г.— 59 490 (11,5%).

Значимость описанных внутренних миграций еще более очевидна при сравнении со вторым по мощности миграционным потоком в Нижней Бирме — индийской иммиграцией. В таблице 3 сопоставляются численность индийского населения (следовательно, сюда вошли и дети иммигрантов, родившиеся в Бирме[9]) и численность бирманского пришлого населения в шести районах Нижней Бирмы на протяжении 1891—1931 гг., по данным переписей.

Таблица 3 достаточно убедительно показывает, насколько велика была роль бирманских крестьян и сельскохозяйственных рабочих (которые и составляли бóльшую часть иммигрантов) в освоении природных богатств

---

[9] Этот источник роста населения был незначительным из-за крайне тяжелых бытовых условий, в которых находились индийские иммигранты (а следовательно, и огромной детской смертности). Еще более важной причиной была диспропорциональность половой структуры индийской общины в Бирме. Например, даже в 1931 г., в зрелый период индийской иммиграции, мужчин-иммигрантов было 633 740, а женщин лишь 142 220 (81,3 и 18,3% соответственно) [25].

Таблица 3

Динамика роста индийской и собственно бирманской иммиграции в Нижнюю Бирму*

Год	Число индийцев в шести районах Нижней Бирмы**	% к коренному населению	Число иммигрантов из других районов Бирмы	% к коренному населению	Численность коренного населения	Темпы роста коренного населения за 10 лет, %
1891	41 800	2,9	429 340	30,1	1 425 350	...
1901	101 640	4,8	561 240	26,8	2 093 130	48,8
1911	159 220	6,4	505 140	20,3	2 493 120	19,1
1921	189 000	6,9	340 470	12,5	2 737 860	13,8
1931	279 000	8,7	356 930	11,1	3 207 240	17,1

* Расчеты произведены автором по материалам переписей [21; 23; 24; 25].
** Хантавади, Таравади, Пегу, Хензада, Таунгу, Тонгва.

дельты Иравади и прилегающих к ней областей[10]. Численность индийцев и их доля в населении постепенно росли вплоть до 30-х годов, но период интенсивного освоения новых земельных площадей завершился уже к 20-м годам, и, следовательно, его тяготы легли на плечи преимущественно бирманского крестьянства. Отметить это важно еще и потому, что некоторые английские и индийские исследователи превозносили значение индийской иммиграции, оставляя в тени то обстоятельство, что она играла явно второстепенную роль при освоении целинных земель Нижней Бирмы [13; 30; 31].

Рассмотрим теперь некоторые причины внутренних миграционных процессов и их социально-экономические последствия. Прежде всего остановимся на характеристике физико-географических условий и экономического потенциала территорий, притягивавших мигрантов. Самый большой регион вселения, расположенный в Нижней Бирме, представлял собой покрытую джунглями, местами заболоченную равнину. Тропический муссонный климат, разветвленная речная сеть и естественное плодородие почв позволяли выращивать самые требовательные

[10] Индийские иммигранты редко оседали на земле в качестве земледельцев. Они обычно кочевали по районам дельты, выполняя сезонную работу, а затем возвращались на родину. Оставаясь же в стране на несколько лет или навсегда, индийцы концентрировались в основном в городах [22, 70—73].

культуры. Второй регион, расположенный на северо-востоке страны, охватывал территорию рудников и копей по добыче полиметаллических руд, драгоценных и полудрагоценных камней и других полезных ископаемых. Гористый рельеф, очень сильная залесенность и умеренный климат сдерживали здесь развитие сельского хозяйства.

Так обстояло дело с природными факторами. Но главным стимулом миграции населения послужили факторы социально-экономические. Продовольственный баланс соседней Индии в неурожайные годы складывался весьма неблагоприятно, и это резко увеличивало спрос на бирманский рис. Многие колонии Великобритании в Восточной и Юго-Восточной Азии не могли полностью обеспечить себя продовольствием. И наконец, в 1869 г., с открытием Суэцкого канала, был проложен кратчайший путь в Европу, что значительно расширило там рынок сбыта продуктов сельского хозяйства азиатских колоний. Все эти обстоятельства привели к тому, что с середины XIX в. английская администрация стала активно поощрять колонизацию новых земель в Бирме и развитие там рисосеяния. Эта политика проводилась в жизнь путем раздачи земель бесплатно или за незначительную плату, с помощью налоговых льгот и поощрения ввоза рабочей силы из Индии. И все же серьезные плоды эти меры дали только после резкого расширения бирманского рынка сбыта, когда спрос на рис стал увеличиваться особенно быстро. Достаточно сказать, что вывоз риса и других сельскохозяйственных культур вырос в денежном выражении за последнюю треть XIX в. в 7 раз [29, 551].

В северо-восточном регионе притока населения действовал свой комплекс социально-экономических факторов, тесно связанный с положением на мировом рынке полиметаллов и драгоценных камней.

Развитие товарно-денежных отношений в Бирме толкало крестьянство и нарождающуюся буржуазию к использованию создавшейся конъюнктуры. Это и обусловило в конечном счете передвижение значительных групп населения в необжитые районы.

Каковы же были последствия этого процесса? Прежде всего надо отметить, что мигранты превратили миллионы акров болот, джунглей и мангровых зарослей в рисовые поля. Конечно, в этом приняли участие не

только бирманцы. Велик вклад в освоение целины индийских сельскохозяйственных рабочих, значительную роль сыграла финансовая деятельность индийских и европейских фирм и банков. Но главная заслуга принадлежала здесь, бесспорно, бирманским крестьянам и батракам.

В результате быстрого роста посевных площадей под рисом резко увеличилось его производство, позволив поднять экспорт риса из Бирмы с 74 тыс. *т* в 1846 г. до 3500 тыс. *т* к середине 20-х годов нашего века, т. е. за 70—80 лет более чем в 47 раз [33, цит. по: 28, 248; 18, цит. по: 29, 46].

Однако в плане хозяйственного развития дело было не только в количественном росте сельскохозяйственного производства, но и в том, какое огромное влияние оказали товарные рисосеющие хозяйства на экономические отношения в стране. Они увеличили сферу распространения мелкотоварного и капиталистического уклада в Бирме, стимулировали развитие экономических связей между городом и деревней, способствовали развитию промышленности.

В сфере социальных отношений внутренние миграции населения сыграли также весьма серьезную, хотя и противоречивую роль. На протяжении столетий Бирма не испытывала земельного голода. Абсолютное аграрное перенаселение отсутствует в стране и сейчас, однако уже во второй половине XIX в. можно было констатировать увеличивающееся относительное перенаселение в большинстве районов Верхней Бирмы. Поэтому исход значительного числа крестьян (прежде всего безземельных и малоземельных) и батраков из Верхней Бирмы, во-первых, облегчал там решение земельной проблемы, а во-вторых, создавал предпосылки для развития капиталистического предпринимательства в сельском хозяйстве Нижней Бирмы.

Определение социальных последствий миграций и колонизации новых земель крайне осложнено неоднозначностью многих явлений в условиях конкретной действительности Бирмы тех лет. Некоторые капиталистические по форме явления оказывались по сути своей псевдокапиталистическими. Так, узкоспециализированное товарное хозяйство крестьянина в Нижней Бирме, работавшее фактически на мировой рынок, нередко оставалось крайне отсталым, полуфеодальным. Такое положение можно объяснить, в частности, тем, что между

крестьянином и потребителем существовало множество звеньев в виде перекупщиков-оптовиков, которые оставляли непосредственному производителю столь малую долю прибыли, что ее иногда едва хватало на простое воспроизводство. Неблагоприятным был для мелких производителей и финансовый климат. Специфика возделывания риса требует от земледельца два раза в год крупных наличных средств, и единственный выход из положения — обращение к ростовщику. Однако условия ростовщического кредита были настолько тяжелыми, что далеко не всем и не всегда удавалось расплатиться с кредитором полностью. Поскольку ростовщики давали ссуды чаще всего под залог земли, то в случае сильного неурожая крестьянин терял право собственности на землю и превращался в арендатора. И все же благодаря наличию большого фонда целинных земель процесс обезземеления свободного крестьянства протекал медленно, в частности в немалой зависимости от конъюнктуры мировых цен на рис. Лишь катастрофическое падение цен на рис и рисопродукты в результате мирового экономического кризиса 1929—1933 гг. привело к резкому ускорению этого процесса и переходу земель в руки ростовщиков и помещиков.

Насколько освоение целинных земель замедлило рост обезземеливания и классового расслоения бирманского крестьянства, косвенно указывают данные табл. 4. Из таблицы видно, что лишь к 20-м годам нашего века темпы роста плотности населения догоняют темпы роста обрабатываемых площадей. Принимая во внимание, что в изучаемый период в колониальной Бирме господствовало мелкое и среднее землевладение, а общая плотность населения была очень низка, быстрый рост обрабатываемых земельных площадей свидетельствует, что классовая дифференциация в деревне Нижней Бирмы по крайней мере до 30-х годов шла медленными темпами.

Для бирманского города описанные выше миграционные процессы оказались в целом неблагоприятным явлением. Обычно капиталистическая промышленность концентрируется прежде всего в городах, черпая на первоначальном этапе необходимую ей рабочую силу в виде разорившегося крестьянства в деревне и обнищавших ремесленников в городе. Однако в Бирме специфичность развития капитализма в промышленности была во многом связана с особенностями бирманского ремесла.

Таблица 4

Темпы роста плотности населения и обрабатываемых площадей в Нижней Бирме*

Год	Плотность населения на кв. милю	Прирост плотности населения за 10 лет, %	Площадь обрабатываемых земель, тыс. акров	Прирост обрабатываемых земель, за 10 лет, %
1872	31,0	...	2085	...
1881	42,8	38,1	3345	60,4
1891	53,0	23,8	4868	45,5
1901	72,5	36,8	7166	47,2
1911	83,0	14,5	8557	19,4
1921	92,0	10,8	9443	10,4

* [21; 23; 24; 25; 28, 244].

В стране не существовало обычая обязательного наследования профессии отца и каждый человек мог сам выбрать себе занятие[11]. Поэтому, когда бирманское ремесло начало медленно сдавать позиции под ударами фабрично-заводской промышленности Англии, значительная часть ремесленников оставила свои мастерские. Однако труд на промышленных предприятиях не считался почетным среди бирманцев, и большинство бывших ремесленников уходило на целинные земли Нижней Бирмы, чтобы заниматься земледелием. Вместе с тем сельские жители — обычно главный источник пополнения населения городов — не видели в тот период серьезных причин для переезда в город. Вот почему в конце XIX — начале XX в. в Бирме наблюдалось относительное сокращение населения в городах. Так, с 1891 по 1911 г. доля населения городов с числом жителей более 2 тыс. уменьшилась с 12,4 до 9,3% населения страны. Даже в 14 самых крупных городах Бирмы (население каждого из них в 1931 г. превышало 20 тыс.) в 1891—1911 гг. число жителей относительно сократилось.

Прямых данных о социальном составе мигрантов у нас нет, однако можно предположить, что основную

[11] Склонность бирманцев к частой смене занятий неоднократно отмечалась различными авторами. Характеризуя эту черту национального характера, комиссар переписи 1891 г. Х. Илз (H. Eales) писал: «Бирманец как работник не склонен к занятию каким-либо одним ремеслом; многие бирманцы умудряются поработать во всех сферах занятости» [19, цит. по: 20, 135].

массу выбывших из городов составляли разоренные или обедневшие ремесленники, мелкие торговцы, люмпен-пролетарии [12]. Следовательно, миграции уменьшали ресурсы рабочей силы в городах, что, в свою очередь, тормозило там развитие промышленности. Проблема нехватки рабочей силы в промышленности колониальной Бирмы решалась при помощи организованного ввоза и стихийной иммиграции в страну индийских рабочих, которые вплоть до второй мировой войны составляли основную массу пролетариата Бирмы.

Хотя бы вкратце интересно рассмотреть последствия миграций населения в северо-восточные районы. Эти миграции сыграли в истории страны гораздо меньшую роль. Назначение таких миграций было весьма утилитарным — обеспечить рабочей силой горнодобывающую промышленность. Можно отметить две характерные черты процесса: во-первых, большинство приезжавших на рудники рабочих были отходниками или сезонниками; во-вторых, среди горнозаводских рабочих бирманцы составляли менее половины, а под землей работали в основном индийцы, китайцы и представители национальных меньшинств Бирмы [17, 65]. Эти обстоятельства снижали социальную значимость процесса, но его экономическая роль остается бесспорной: только благодаря миграциям населения в эти необжитые места горнозаводская промышленность Бирмы смогла достичь высоких показателей по добыче полезных ископаемых [14, 115—131].

Подводя итог анализу внутренних миграций, можно сказать, что они ускорили социально-экономическое развитие Бирмы в конце XIX — первой половине XX в. Интенсивность внутренних миграций, достигнув максимума в начале века, стала быстро снижаться к 30-м годам. Это явление отразило процесс стабилизации в территориальном распределении населения колониальной Бирмы.

В 40-е годы сильнейшее влияние на характер внутренних миграций оказала вторая мировая война. Однако статистический учет в первой половине 40-х годов отсутствовал и судить о конкретных направлениях внутренних миграционных потоков в последние годы колониального правления трудно.

[12] Чиновничество, представители различных слоев буржуазии, интеллигенция, получив во владение землю, чаще всего продолжали жить в городах, сдавая свои земельные участки в аренду [28, 54].

В период независимого развития (после 1948 г.) два фактора определяли основные направления внутренних миграций: гражданская война и урбанизация. Оба фактора способствовали притоку населения из деревни в город. Как далеко зашел этот процесс в настоящее время, сможет показать лишь всеобщая перепись и организация в стране надежного учета механического движения населения.

Внешние миграции. Анализируя внешние миграции, здесь следует говорить лишь об иммиграции населения тех или иных стран в Бирму, а также о сопутствующем этому процессу явлении реэмиграции [13], поскольку коренное население страны за рубеж почти не выезжало. Наиболее важно разобрать три значительнейших потока иммигрантов в Бирму: из Индии, Китая и Европы.

Наиболее серьезное влияние оказала на Бирму иммиграция населения из Индии. Появление первых индийцев в Бирме прослеживается уже на рубеже нашей эры, но сколько-нибудь серьезное влияние они начали оказывать с XIX в., когда в страну стало проникать множество ростовщиков-четтьяров и торговцев. И все же лишь с ввозом в Бирму индийцев для работы в сельском хозяйстве и промышленности влияние индийской иммиграции стало значительным.

Начиная с 30-х годов XIX в. организованный вывоз населения из Индии превратился в важнейший источник получения дешевой рабочей силы для большинства трудонедостаточных колоний Британской империи. Условия найма, транспортировки и распределения индийской рабочей силы за рубежом постоянно менялись. На смену одним формам приходили другие, как правило, менее тяжелые. Вместе с тем различные формы иногда сосуществовали в одних и тех же странах.

Ввоз индийской рабочей силы в Бирму начался в крупных масштабах во второй половине XIX в. Советский исследователь С. С. Шнайдер указывает, что в 1874 г. в Нижнюю Бирму были доставлены первые 7 тыс. иммигрантов-бенгальцев [12, 127]. В то же время английский ученый Б. Р. Пирн в своей работе «Индийцы в Бирме» писал следующее: «Серьезная иммиграция

---

13 Отлив иностранной рабочей силы из страны иммиграции, т. е. отъезд иммигрантов из страны иммиграции, называется реэмиграцией [11, 32].

в Бирму началась после 1852 г., когда дельта Иравади была захвачена Ост-Индской компанией» [31, 3—4]. Сходного мнения придерживался и Дж. С. Фернивол, который утверждал, что первая партия индийцев для работы в Бирме была доставлена уже в 1838 г., а в 1852 г. в одном только городе Моулмейне индийских иммигрантов проживало около 25 тыс. [28, 44, 60].

Однако вне зависимости от решения вопроса о дате ввоза первых рабочих из Индии в Бирму по материалам переписей можно установить, что только в последней трети прошлого века поток индийцев в страну стал действительно мощным.

Организовывались миграции за счет самих законтрактованных рабочих, а также на средства крупных английских, индийских и бирманских землевладельцев Нижней Бирмы при активной поддержке и финансовой помощи колониальных властей, заинтересованных в производстве дешевого риса. Большие правительственные субсидии, например, были выданы Азиатской и Британо-Индийской пароходным компаниям, занимавшимся перевозкой индийских иммигрантов. В 1876 г. правительством колониальной Индии был принят специальный Рабочий закон, в соответствии с которым учреждалось особое агентство по вербовке в различных провинциях Индии рабочей силы для трудонедостаточных территорий Британской империи и других государств. В Бирме к началу XX в. кабальная контрактовая система, функционировавшая на основе закона 1876 г., была постепенно заменена системой майстри (разновидность системы кангани). В результате принятых мер удалось обеспечить постоянный приток индийских рабочих в Бирму, прекратившийся только с началом второй мировой войны (см. табл. 5). Вплоть до второй половины 30-х годов сальдо миграции в обмене населением с Индией было для Бирмы положительным и колебалось в среднем от 10 до 50 тыс. человек в год. В результате перепись 1931 г. отметила наличие в стране уже 1017 тыс. индийцев, что составило 6,9% всего населения. При этом в ряде районов Нижней Бирмы их доля была гораздо выше, достигая 8—10% в сельской местности и 20—50% в городах.

Перед второй мировой войной из-за угрозы японского вторжения Бирму покинуло 400 тыс. индийцев. После войны бо́льшая часть из них вернулась обратно, но вскоре начался процесс оттока индийцев из страны, который

резко усилился в годы независимого развития (особенно после 1964 г.).

Таблица 5

Динамика численности трех иммигрантских общин в Бирме*, тыс. человек

Община	1872 г.	1881 г.	1891 г.	1901 г.	1911 г.	1921 г.	1931 г.	1953 г.
Индийская	136,5	243,1	420,8	568,3	743,3	887,1	1017,8	286,9**
Китайская	...	...	41,8	64,4	122,8	149,1	193,6	175,0**
Европейская***	...	...	12,5	9,9	13,4	8,7	11,6	2,7

* [21; 23; 24; 25; 27].
** Занижено, так как перепись была неполной.
*** Включая американцев, австралийцев и армян.

Время появления первых китайцев в Бирме теряется в глубине веков. Однако значительных размеров численность китайского населения достигла только во второй половине XIX в. Материалы переписей показывают быстрый рост числа китайцев в стране с конца XIX в. (см. табл. 5). Лишь отчасти это можно объяснить расширением переписных операций в 1891—1901 гг. Если судить по материалам неполной переписи 1953—1954 гг., численность населения китайской общины увеличивалась и в послевоенный период.

Первые европейцы появились в Бирме в XV в. До XIX в. их в стране насчитывались единицы. По мере покорения и закабаления Бирмы Англией в XIX в. постепенно росло и число европейцев — чиновников, военных, представителей английского капитала. Формально наибольшее число европейцев в Бирме было зафиксировано переписями 1891 и 1911 гг. Но приведенные данные сомнительны, поскольку в число европейцев ошибочно было включено много англо-индийцев. Поэтому есть основания считать, что максимальное число европейцев проживало в Бирме в первой половине 30-х годов. Из табл. 5 видно также, что такая величина, как численность европейцев в Бирме, до 30-х годов колебалась весьма незначительно. Причины, обусловившие эти колебания, вполне могли носить конъюнктурный характер. Так, число европейцев в стране в 1921 г. снизилось в свя-

зи с их отъездом из Бирмы из-за первой мировой войны. После 1945 г. обозначилась совершенно четкая тенденция к быстрому сокращению числа европейцев в Бирме, и к концу 60-х годов их в стране насчитывалось всего несколько десятков.

Что же касается оценки роли иммиграции в социально-экономической сфере, то в колониальной Бирме XIX—XX вв. значение иммиграции было исключительно велико. При этом каждый национальный поток иммигрантов играл особую роль в экономической жизни страны.

Весьма велик был вклад индийцев в освоение Нижней Бирмы. Несколько сот тысяч индийских сельскохозяйственных рабочих ежегодно трудились на полях и рисорушках, сотни миллионов рупий индийских капиталов были вложены в развитие этого региона в виде кратко- и долгосрочного кредита. Немалую роль сыграли индийцы в развитии промышленности Бирмы. Индийские рабочие образовали костяк пролетариата Бирмы. Вплоть до второй мировой войны рабочих-индийцев в цензовой промышленности было больше, чем бирманцев. Данные переписи 1931 г. свидетельствуют также, что в Бирме на 1 тыс. полуквалифицированных и неквалифицированных рабочих приходилось 450 индийцев и лишь 380 бирманцев. Обследование промышленных предприятий в 1940 г. показало, что положение в этой области вплоть до 1939 г. не изменилось [16, 30, цит. по: 34, 29]. Индийская буржуазия в колониальный период занимала в промышленности страны второе место после английской как по вложенному капиталу, так и по числу рабочих, занятых на ее предприятиях. При этом объем капиталовложений индийских предпринимателей, число их предприятий и рабочих на них постоянно возрастали вплоть до начала второй мировой войны [8, 69—98].

В послевоенный период экономический вес и значение индийцев в хозяйстве Бирмы стали резко сокращаться. С достижением независимости в 1948 г. этот процесс усилился.

В колониальной Бирме на протяжении десятилетий формы проникновения и функции китайских иммигрантов почти не претерпевали изменений. Незначительный слой средней и крупной буржуазии в китайской общине наряду с буржуазией бирманской являлся слабым конкурентом для европейских и индийских предпринима-

телей. С конца XIX в. происходил медленный, но неуклонный рост влияния китайской иммиграции на хозяйственную жизнь страны, шло развитие китайского капитала вширь. Немалое значение для интенсификации этого процесса имела способность китайцев к ассимиляции в тех пределах, которые обеспечивали сохранение дружественных отношений с коренным населением. Экономические функции, выполнявшиеся китайским населением в Бирме колониального периода, мало менялись по своему характеру. Торговля (особенно мелкая), небольшие предприятия в пищевой промышленности, сеть ресторанов и харчевен, мелкий кредит, капиталовложения и наемный труд на транспорте и в горнодобывающей промышленности — вот что составляло основные сферы приложения труда и предпринимательских интересов китайцев в стране.

Роль европейцев в экономической жизни Бирмы в колониальный период была поистине всеобъемлющей. В промышленности господство европейских фирм было полным — все крупные и крупнейшие предприятия во всех отраслях принадлежали европейской, в основном английской, буржуазии. В сельском хозяйстве европейцы, т. е. также в первую голову англичане, косвенным путем с помощью налоговых рычагов и гибкой политики цен воздействовали на структуру посевных площадей и товарность хозяйств, втягивали Бирму в систему мирового сельскохозяйственного рынка. Финансовая, техническая и управленческая деятельность европейских фирм и колониальной администрации оказывали противоречивое влияние на экономическую жизнь страны. Вывоз колониальных прибылей безусловно тормозил экономическое развитие. В то же время нельзя не отметить рост экономического потенциала Бирмы в те годы, проявившийся не только в увеличении числа заводов, фабрик, рудников и общем значительном росте производства, но и в постепенном возрастании числа квалифицированных рабочих и управленческих кадров из коренных национальностей Бирмы.

В результате второй мировой войны собственность европейцев понесла невосполнимый урон. Все крупные промышленные предприятия были разрушены, средства транспорта почти полностью выведены из строя. Неустойчивая политическая обстановка действовала на руководителей европейских фирм настораживающе, они

не спешили вкладывать большие средства в восстановление разрушенного хозяйства. В условиях быстрого роста национально-освободительного движения влияние европейцев в области экономики сильно сократилось.

Роль иммиграции в сфере социальных отношений определялась в первую очередь ее экономическим и правовым положением, ее размерами. Поэтому каждый из трех выделенных миграционных потоков, отличаясь друг от друга по этим главным характеристикам, занимал особое положение в стране.

Среди индийцев, проживавших или временно работавших в сельских районах Бирмы, преобладали сельскохозяйственные рабочие и представители различных слоев сельской буржуазии, причем в деятельности последних сочетались как капиталистические, так и докапиталистические методы эксплуатации. Индийские сельскохозяйственные рабочие по своему социально-правовому статусу находились еще в худших условиях, чем бирманские. Они не владели ни орудиями труда, ни землей и, как правило, в соответствии с системой найма не имели права бросить работу на своего нанимателя до истечения срока контракта. Прослойка индийской сельской буржуазии играла в бирманской деревне особую роль. В сферу ее действия входили ростовщические операции (преимущественно кабальные формы кредита), покупка земли и сдача ее в аренду, оптовая и розничная торговля. В целом деятельность индийской буржуазии сказалась пагубно на сельской экономике. Это можно объяснить, в частности, тем, что крупные средства, ввезенные в Бирму, использовались чаще всего для ростовщических операций и спекуляции землей. Но мало того, что значительная часть средств была использована непроизводительно, — сравнительно быстро вывоз капитала из Бирмы индийской сельской буржуазией превысил его ввоз.

Из-за военных действий на территории Бирмы в 1942—1945 гг. и нестабильной политической обстановки после войны земельная собственность значительной части индийской сельской буржуазии была экспроприирована, а свои долги индийским ростовщикам бирманское крестьянство в большинстве случаев явочным порядком аннулировало. Создавшееся положение заставило большую часть представителей этого слоя индийской иммиграции к концу 40-х годов покинуть пределы страны.

Процесс бирманизации всех сфер деятельности, особенно резко усилившийся после достижения независимости, был также важной причиной постепенного выезда подавляющего числа индийских иммигрантов из бирманской деревни.

В городе индийская иммиграция была представлена пролетариатом, немногочисленной прослойкой крупной и средней буржуазии, а также огромным разнообразием промежуточных слоев. Индийская буржуазия была в Бирме в колониальный период ближайшим помощником английских монополий и проводником их влияния. Уступая им ведущие позиции, индийские предприниматели действовали как непосредственный и сильнейший конкурент зарождавшейся бирманской буржуазии. Это особенно обостряло противоречия между индийским и бирманским капиталом. Роль индийцев-рабочих в истории развития промышленного пролетариата Бирмы оказалась весьма своеобразной. С одной стороны, они самым своим существованием мешали зарождению и количественному росту собственно бирманского пролетариата. Неблагоприятным явлением была высокая текучесть в рядах индийских рабочих, отношение их к Бирме как к месту временного пребывания. Отрицательные последствия имели и неоднократные межнациональные столкновения между индийскими и бирманскими рабочими, инспирировавшиеся как предпринимателями, так и шовинистическими элементами обеих национальностей [подробнее см. 4]. С другой стороны, индийский пролетариат, более зрелый и опытный, нес передовые идеи в массы бирманских рабочих, способствовал осознанию бирманским пролетариатом себя как класса. После достижения независимости в связи с сокращением числа индийцев в городах их роль и функции как части рабочего класса Бирмы стали постепенно утрачивать свое значение.

С точки зрения классового анализа китайская иммиграция представляла собой сочетание многочисленных прослоек буржуазии (от средней до мельчайшей) и пролетариата, представленного в основном рабочими рудников и транспорта. Слабость китайского капитала объективно снижала остроту противоречий между китайскими и местными предпринимателями. Трудящиеся слои китайской иммиграции занимали в колониальной Бирме столь же угнетенное положение, что и трудящиеся дру-

гих национальностей. Ввиду малочисленности и узкой сферы приложения труда китайский пролетариат редко конкурировал с бирманским.

Индийская и китайская иммигрантские общины обладали определенными национальными внеклассовыми чертами, причем одни из них эти общины объединяли, а другие свидетельствовали о серьезных различиях. Если бо́льшая часть индийцев считали Бирму местом временного пребывания ради заработка, то иммигранты из Китая, за исключением сезонников на рудниках, прибывали в страну навсегда и рассматривали ее как вторую родину. Китайская община постоянно заботилась о воспитании подрастающего в эмиграции поколения в традициях китайской культуры. В Бирме издавались газеты, журналы и книги на китайском языке, за счет добровольных пожертвований содержались школы для детей китайцев, где преподавание велось по програме, принятой в Китае [32, 72]. Китайцы в большинстве своем владели свободно бирманским языком, тогда как среди индийцев им овладевали лишь немногие.

Если в оценках индийцев как иммигрантской общины расхождений среди различных исследователей немного, то с китайцами в Бирме дело обстоит сложнее. Одни ученые подчеркивают резкую специфичность китайцев как этнической, культурной и даже социально-политической группы, упоминая о том чувстве превосходства, которое всегда проявляли китайцы при соприкосновении с народами-соседями. Другие, напротив, указывают на способность китайцев приспосабливаться к самым различным условиям и быстро усваивать культуру других народов [14]. Наличие столь различных толкований, несомненно, объясняется сложностью той роли, которую играли и продолжают играть китайцы во всех странах Юго-Восточной Азии, и в частности в Бирме.

Роль европейцев в социальной области обусловливалась их огромным влиянием в административно-правовой и экономической сферах. Почти все важнейшие посты во всех отраслях промышленности и сельского

---

[14] В. Перселл цитирует в своей работе фразу из письма Б. Уорд-Перкинза (англичанина, служившего в Бирме в 1906—1923 гг., а затем не раз посещавшего страну), в котором последний пишет: «В Бирме нет ничего похожего на то положение, которое я наблюдал в Сиаме, где имеется второе и даже третье поколение неассимилированных китайцев» [32, 78].

хозяйства, в аппарате исполнительной власти и в законодательных органах колониальной Бирмы занимали европейцы и англо-индийцы. Поздние сроки закабаления Бирмы английской короной привели к тому, что страна не подверглась тому дикому и безудержному ограблению, которое пережили многие страны Азии и Африки. Бирма стала колонией в эпоху вывоза капитала, и это принесло ей относительные преимущества. Вместе с тем европейская община в стране объективно являлась проводником интересов английского и международного монополистического капитала. Специфичность европейцев как социальной группы определялась также тем, что между ними и всеми остальными членами бирманского общества всегда стоял непреодолимый мировоззренческий и культурный барьер. Наличие такого барьера и главным образом непримиримые противоречия интересов бирманской и английской буржуазии привели к полному крушению позиций европейцев после организационного оформления бирманцев как независимой нации. Три года послевоенной национально-освободительной борьбы принесли победу блоку буржуазно-демократических элементов, и его представители за годы независимого развития вытеснили европейцев и англоиндийцев почти со всех позиций.

* * *

Подводя краткий итог, можно сказать, что миграции населения сыграли большую роль в социально-экономическом развитии колониальной Бирмы. Их влияние распространялось непосредственно и на производительные силы (рынок рабочей силы и капиталов), и на социальную структуру страны. Очень многие явления социально-экономического характера нашли свое отражение в тех или иных миграционных процессах. Так, усиленное экономическое развитие Нижней Бирмы вызвало приток туда иммигрантов из Верхней Бирмы и из различных провинций Индии. Ускорение темпов развития рисоводства и резкое сокращение ремесленного производства привели к усилению оттока людей из городов. Даже такой чисто политический акт, как превращение Рангуна в столицу всей Бирмы, сразу нашел свое отражение в сокращении числа жителей г. Мандалая, бывшей столицы королевства. Однако зависимость такого рода явля-

лась лишь одной стороной медали, поскольку развитие миграционных процессов и явлений социально-экономического характера было взаимообусловленным. Такое взаимовлияние на различных этапах исторического развития, в каждой конкретной ситуации находило свое выражение как в крупномасштабных явлениях (например, специфике формирования пролетариата Бирмы под влиянием иммиграции рабочих из-за рубежа), так и в относительно менее важных событиях, имевших местное значение (например, быстрая нормализация возрастно-половой структуры населения г. Рангуна благодаря отъезду из страны бóльшей части индийцев и англичан).

В целом же в период колониальной зависимости как внутренние, так и международные миграции способствовали усилению в Бирме внешних влияний.

Источники и литература

1. Ленин В. И., Развитие капитализма в России,— т. 3.
2. Александров Ю. Г., Переселенческий вопрос в Индонезии,— «Актуальные проблемы экономики стран Азии», М., 1965.
3. Бонифатьева Л. И., Миграции населения из деревни в город,— «Страны и народы Востока», вып. III, М., 1964.
4. Васильев В. Ф., Очерки истории Бирмы (1885—1947), М., 1962.
5. Гузеватый Я. Н., Проблемы народонаселения стран Азии, Африки и Латинской Америки, М., 1970.
6. Гузеватый Я. Н., О демографических факторах внутренней миграции в развивающихся странах,— «Проблемы миграции населения и трудовых ресурсов», М., 1970.
7. Зиновьева Р. А., Миграция рабочей силы в Латинской Америке,— «Проблемы народонаселения и социально-экономического развития стран Латинской Америки», М., 1971.
8. Макарова С. М., Бирма: развитие капитализма в промышленности, М., 1968.
9. Марианьский А., Современные миграции населения, М., 1969.
10. Переведенцев В. И., Миграции населения и трудовые проблемы Сибири, Новосибирск, 1966.
11. Плетнев Э. П., Международная миграция рабочей силы в капиталистической системе мирового хозяйства, М., 1962.
12. Шнайдер С. С., Бирма. Экономико-географический очерк, М., 1951.
13. Andrew E. J. L., Indian Labour in Rangoon, Oxford, 1933.
14. Andrus R. J., Burmese Economic Life, Stanford — London, 1947.

15. «Annual Report on Public Instruction in Burma», Rangoon, 1935/36.
16. «Annual Report on the Working of Factories Act in Burma, Rangoon, 1940.
17. Baxter J., Report on Indian Immigration, Rangoon, 1941.
18. «British Burma Gazetteer», vol. 1—2, Rangoon, 1879—1880.
19. «Census of India, 1891, Burma, Report», Rangoon, 1892.
20. «Census of India, 1901. Burma, Report», Rangoon, 1903.
21. «Census of India, 1901, Burma, Tables», Rangoon, 1903.
22. «Census of India, 1911. Burma, Report», Rangoon, 1913.
23. «Census of India, 1911. Burma, Tables», Rangoon, 1913.
24. «Census of India, 1921. Burma, Tables», Rangoon, 1923.
25. «Census of India, 1931. Burma, Tables», Rangoon, 1933.
26. Christian J., Modern Burma, Berkeley, 1942.
27. «First Stage Census», Rangoon, 1953/54.
28. Furnivall J. S., The Political Economy of Burma, Rangoon, 1931.
29. Furnivall J. S., Colonial Policy and Practice, Cambridge, 1948.
30. Mahajani U., The Role of Indian Minorities in Burma and Malaya, New York, 1957.
31. Pearn B. R., The Indians in Burma, Ledbury (Herefordshire). 1946.
32. Purcell V., The Chinese in South-East Asia, London, 1965.
33. «Statistical Bulletin № 2, The Rice Forcast (Government Press)», Rangoon, 1923.
34. Thompson V., The Labor Problems in South-East Asia, New York, 1947.
35. Tinker H., The Union of Burma, London, 1961.

М. А. Чешков

Местная верхушка колониального Вьетнама

Включение «традиционных» (докапиталистических) обществ в мировую капиталистическую систему существенно изменило характер процессов классообразования в этих обществах. С одной стороны, здесь быстрее складывались верхушечные, «зрелые» группы буржуа и земельных собственников, чем основная масса этих классов. С другой стороны, слои, связанные с колониальным государством (чиновничество, интеллигенция), росли быстрее, нежели шел процесс становления основных классовых общностей.

В силу этих особенностей изучение верхушечных групп колониального общества имеет особое теоретическое значение, а к тому же без их анализа невозможно понять ни характер власти после достижения независимости, ни последующие процессы социальной дифференциации.

Здесь мы попытаемся рассмотреть местные высшие группировки колониального Вьетнама накануне революции 1945 г. Обозначим их условно как элиту, т. е. совокупность лиц, занимающих наивысшее социально-экономическое и политическое положение и обладающих наивысшим образованием. Материалом для анализа такой элиты служит типичный колониальный биографический сборник[1]. Ввиду рекламно-политического характе-

---

[1] «Souverains et notabilités de l'Indochine», Hanoï, 1943.

ра этого издания в него было включено максимальное число лиц [2], и поэтому мы можем рассматривать эту эмпирически данную элиту в ее наиболее широких границах.

Сведения, приводимые источником, представляют своего рода стандартные анкетные справки, включающие такие рубрики, как имя и фамилия, год и место рождения, происхождение, образование, карьера, участие в организациях, семейные и деловые связи, награды. К сожалению, однотипность часто нарушается и еще чаще даются неполные сведения по указанным пунктам [3].

Эти недостатки снижают ценность материала как источника для анализа вьетнамской колониальной элиты. Однако и на этом материале можно попытаться выработать в основных чертах методику анализа верхушечных социальных групп на базе биографических справочников. В этом и заключается основная цель работы. Кроме того, ставится задача выявить реальный облик элиты, т. е. определить круг лиц, обладающих наибольшим влиянием, весом в элите, данной источником.

Здесь не ставится вопрос об определении социально-экономической сущности элиты, поскольку это предполагает анализ отношений такой общности с другими, более широкими социально-экономическими общностями.

Методика

Чтобы исследовать элиту, надо рассмотреть данный круг лиц последовательно, на нескольких уровнях анализа. Отсюда важнейшей задачей становится предварительное установление последовательности этих уровней исследования.

На первом уровне элита изучается под углом ее дифференциации на основные социально-экономические ти-

---

[2] Исключение — политические деятели прояпонского направления — не меняет сильно картину, так как политиков как особой группировки в колониальном Вьетнаме фактически не было.

[3] Характер сведений, их полнота и т. д. будут оговариваться по ходу работы.

пы, которые соответствуют классовым и производным от них общностям.

На втором уровне элита рассматривается под углом ее институционализации [4].

На третьем уровне элита характеризуется в процессе интеграции [5] различных групп.

На каждом из этих уровней (вертикальных) элита выступает по-разному. На первом она мыслится как сумма основных социально-экономических типов, на втором — как сумма институционализированных общностей, на третьем — как взаимодействие интегрируемых общностей. Чтобы сохранить непрерывность исследования, поднимаясь по его ступеням, необходимо, чтобы сохранялась связь между общностями, специфическими для данного уровня и предшествующими, особенно типовыми [6].

Сочетание вертикального и горизонтального направлений должно впоследствии помочь уяснить связь элиты и классов, поскольку социально-экономические типы выступают как связующее звено между ними.

Итак, в конце первой части исследования мы сможем получить ответ на вопросы о реальном облике элиты (т. е. ее границах в сопоставлении с эмпирически данной).

На каждом из уровней специфические общности и их взаимоотношения должны быть выражены в определенных количественных показателях, система которых дает представление об элите как целом [7].

На первом уровне (дифференциации) основная задача заключается в том, чтобы выразить количественно соотношение основных типов (бюрократия, интеллиген-

---

[4] Под институционализацией имеется в виду участие тех или иных групп в организациях и учреждениях.

[5] В данном случае под термином «интеграция» имеется в виду взаимодействие различных групп.

[6] Это означает, что общности 2-го уровня являются одновременно и общностями 1-го и 3-го уровней, а общности 3-го — общностями 1-го и 2-го уровней.

[7] Подчеркиваем, что все показатели построены, исходя только из численности членов элиты. Но, во-первых, их число относительно невелико (около 300 человек), что ставит проблему значимости полученных количественных характеристик. А во-вторых, нужно доказать, что индивидуум и есть член элиты, т. е. элемент целого, прежде чем исходить из индивидуального состава элиты. Но доказать целостность элиты можно только теоретически.

ция, экономические подгруппы)[8] и подтипов (высшая бюрократия, среднее чиновничество, интеллигенция — светская, военная, духовная, земельные собственники, буржуа). Их соотношение выражается через коэффициент средней типовой напряженности.

Например, если соотношение типов по их численности составит 1 : 2 : 3, то этот коэффициент равен 2. Представим, что в другой элите соотношение типов 1 : 3 : 5, и коэффициент тогда равен 3. Во второй элите разрыв в численности типов больше, и можно предполагать, что здесь будут сильнее противоречия и напряженность в отношениях между типами, образующими элиту.

В зависимости от характера деятельности индивидуум относится к определенному типу и подтипу[9]. Если индивидуум укладывается целиком в рамки одного типа, то он рассматривается как «чистый тип», а если он может быть отнесен и к другому типу, то как «смешанный» тип.

Следовательно, основными показателями для 1-го уровня должны быть: «чистота» (процент «чистых» членов к общей численности типа и подтипа) и «смешение» типов. Первый выражает степень дифференцированности данной общности, второй — степень ее смешения. Сравнение величин обоих показателей указывает на соотношение двух данных признаков, а их «баланс» показывает преобладающую в данной общности тенденцию.

Соотношение процессов дифференциации и смещения рассматривается по таким основным направлениям, как взаимосвязь между «экономическими» и «неэкономическими» типами, а также внутри их.

На уровне 2-м (институционализации) важно определить, насколько организационно оформились здесь типы и подтипы 1-го уровня, и далее — охарактеризовать вновь возникшие институционализированные общности. Первое достигается путем введения показателя масштаба институционализации (процент лиц, участвующих в организации к общей численности типа) и среднего уров-

---

[8] Неразвитость буржуазии позволяет рассматривать ее в рамках одного типа с земельными собственниками. Ниже эти типы будут классифицироваться условно как неэкономические (1-й и 2-й тип) и экономические группы (3-й тип).

[9] Здесь приходится полагаться на источник, где, как правило, лишь вкратце указывается эта принадлежность. Точнее было бы квалифицировать их по длительности карьеры. Но сравнение результатов такой классификации на другом материале с данной источником не показывает большого расхождения (около 10 %).

ня институционализации (среднее количество участий [10], приходящихся на одного члена типовой общности). Эти показатели, примененные в горизонтальном плане, т. е. к основным типам, позволят выяснить только возможности институционализации этих общностей первого уровня. Реализация же этих возможностей зависит от их взаимоотношений с группами концентрации участий (ГКУ), куда включаются все лица, входящие в различные организации (не менее чем в две).

Показатель удельного веса различных ГКУ в общей сумме участий, располагаемых элитой, вскрывает, насколько эти новые общности, взятые пока отдельно от старых, определяют облик элиты на уровне институционализации. Средняя концентрация участий на одного члена ГКУ покажет уже *реальную* институционализацию элиты.

Зная средний и реальный уровень институционализации по отдельным типам и подтипам, устанавливаем разрыв между этими показателями, что позволяет определить относительную реальность того или иного основного типа как институционного целого (по сравнению с другими типами) [11].

Чем выше будет разрыв между реальной и средней институционализацией, например у бюрократии, тем менее она — по сравнению с другими типами — обладает возможностью институироваться как тип и тем более она институируется как узкая группа участий.

Установив реальность институционализации социально-экономической общности, мы получим возможность установить специфическое для данного уровня взаимодействие этих старых типовых и новых (ГКУ) общностей. Видимо, она реализуется через вхождение членов типовых общностей в ГКУ. Но это еще не вскрывает специфики связи, поскольку, войдя в ГКУ, эти члены могут или стать ее простыми элементами, или же, будучи таковыми, могут сохранять качества *представителей* (индивидуальных или групповых) по отношению к старым своим общностям. Иначе говоря, на этом уровне мы

---

[10] Имеется в виду число участий, а не постов. Если, например, индивидуум 3 раза занимает один пост, то это фиксируется как 3 участия. Для данного источника это различие не столько существенно, поскольку здесь зафиксированы только наиболее важные посты.

[11] Тем самым можно выяснить, насколько данная общность, организуясь, отрывается от своей социальной базы, выделить соотношение социально-экономического и организационного аспектов данной общности.

впервые в анализе сталкиваемся с проблемой представительства, далеко не решаемой с позиций «отражения» (интересов). Представляется такая дилемма относительно роли членов типовых общностей в ГКУ: или это элементы ГКУ или же (одновременно) «представители» типовых общностей внутри ГКУ. Степень представительности можно определить исходя из того, какова доля этих лиц в типовой общности и в ГКУ, и главное — зная реальность институционализации данной типовой общности.

Чем меньше реальность «представительной» роли элементов типовой общности в ГКУ, тем меньше влияние этой общности на ГКУ, следовательно, чем более самостоятельна ГКУ, тем более она отрывается от своей социальной опоры.

На 3-м уровне (интеграции) главное назначение показателей заключается в том, чтобы определить степень взаимодействия ГКУ и микрогруппировок (МГ) как интеграционных общностей, т. е. выяснить, насколько активно участвуют члены данной группы во всех других группах этого уровня.

Это достигается через такие показатели (аналогичные предшествующим, на уровне институционализации), как *масштаб интеграции* (процент членов данной общности, входящих в другие интегрирующие общности), а также — коэффициент *средней интеграции* (число участий на 1 члена) и коэффициент *реальной интеграции* (число участий на 1 человека, являющегося членом более 2-х организаций). Совокупность этих показателей, особенно 2-го и 3-го, позволяет выявить общности, наиболее активно взаимодействующие и, следовательно, определяющие облик элиты на этом уровне, а также выявить особенности групп, оставшихся вне ее, «выпавших» из элиты.

Применение показателей средней и реальной интеграции в плане горизонтальных (т. е. на данном уровне) общностей характеризует возможность этих общностей выступать как интеграционная общность, а разрыв между этими показателями — реализацию (относительную) данной способности. Как и при анализе институционном, на основе величины разрыва указанных показателей появляется возможность определить взаимосвязь типовых и новых общностей, оценив степень представительности типовых элементов, вошедших в эти новые общности.

Например, процент буржуа, вошедших в новые общности, еще не дает возможности оценивать последние как «буржуазные» или

«небуржуазные». Лишь установив (сравнительно) реальность представительства этими элементами своего подтипа, можно делать заключение о характере новой общности.

Только сочетание всех трех ступеней исследования может дать изображение элиты как целого (хотя и не дает, конечно, ответа на вопрос о природе этой целостности). В табл. 1 дана шкала основных показателей элиты по этим уровням.

Таблица 1

Основные показатели анализа общности элиты

Уровень анализа	Облик элиты	Основные показатели	№№	Что выражает показатель
1. Дифференциация	сумма дифференцированных типов	чистота типов, %	1	дифференцированность типов
		смешение типов %	2	смешение типов
II. Институционализация	сумма ГКУ	коэффициент средней институционализации	3	степень средней институционализации основных типов и подтипов
		коэффициент реальной институционализации	4	степень контроля ГКУ над участиями
III. Интеграция	сумма ГКУ и МГ	коэффициент средней интеграции	5	степень средней интеграции ГКУ и МГ
		коэффициент реальной интеграции	6	степень реальной интеграции ГКУ и МГ

Эти основные показатели могут быть применены, видимо, при анализе любой элиты, поскольку данная шкала характеризует элиту как целостность.

Затем можно перейти к описанию ее взаимодействия с различными группировками (наиболее влиятельными), выделенными уже

на основании конкретного исследования не элиты, а данного общества. Взаимодействие элиты с ними дает картину реального положения ее в обществе, но это изображение будет результатом предшествующего теоретического анализа.

Описательные характеристики. Анализ элиты как целостности создает основу для применения к ней и описательных характеристик (но не наоборот). Последние включают определение ее в первую очередь на основе соотношения численности типовых и подтиповых общностей, а также данных о социальном происхождении, образовании, возрасте, региональном происхождении и месте рождения (город — деревня). Вторая группа показателей в применении к типовым общностям даст возможность определить их как силы общенациональные или региональные, их способность к модернизации, склонность к традиционализму и т. д. Эти характеристики, широко используемые при анализе элит, должны соответственно меняться по намеченным трем уровням теоретического анализа [12].

Во второй части работы анализируется связь элиты с колониальной системой, устанавливается степень обособленности элиты от данной системы и преобладающий тип ориентации, свойственной элите, исходя из ее участия в организациях. Основные типы могут быть определены как проколониальный и национальный. Выяснив тип ориентации, можно будет глубже понять элиту как целостность, поскольку только в отношении ее с колониальной системой будет ясно, насколько самостоятельна и реальна эта общность.

Как описательные характеристики, так и различные аспекты отношений элиты с колониальной системой требуют своего выражения в определенных количественных показателях.

В описательных характеристиках в качестве таковых могут быть взяты показатели соотношения (численности) уроженцев города и деревни, различных регионов, а также по различным периодам рождения. Выраженные в абсолютных цифрах, эти соотношения демонстрируют степень напряженности — региональной и возрастной. В применении к различным общностям данные коэффи-

---

[12] Благодаря такой подвижности можно будет показать, насколько ограничены бывают определения элиты, когда они не увязываются с определенным уровнем целостного теоретического анализа.

циенты напряженности характеризуют их способность (потенциальную) выступать в качестве национальной или региональной силы, городской или сельской, современной или традиционной (возрастная напряженность).

Например, если в «бюрократии» соотношение выходцев из Центра, Севера и Юга соответственно равняется, предположим, 1 : 3 : 6, то коэффициент средней региональной напряженности будет равняться 3,3, а основная напряженность — между Центром и Югом выражается цифрой 6. У «интеллигенции» коэффициент составляет, предположим, 4, а основная напряженность будет равна 7. Значит, можно заключить, что в бюрократии региональные различия слабее и у нее больше возможности сравнительно с интеллигенцией выступить как сила общенационального масштаба.

Более сложны количественные показатели для второй части анализа. Правда, относительно просто определить тип преобладающей ориентации элиты, характеризуемый через соотношение числа участий, приходящихся на колониальные и национальные учреждения. Но здесь мы имеем дело с элитой только в том ее виде, в каком она выступила в конечном пункте анализа ее общности. Принцип же целостности анализа предполагает выявление связи общностей типовых (первого уровня) с колониальной системой. Поскольку типы уже рассматривались на уровне институционализации, то остается только повторить тот же анализ (второго уровня) в применении к двум видам организации — колониальным и национальным [13]. По величине разрывов показателей институционализации типовой общности в связи с указанными организациями можно выявить основную ориентацию данного типа по отношению к колониальной системе.

Например, у данного типа разрыв между коэффициентами реальной и средней институционализации по участию в колониальных организациях равен, предположим, 2, а по национальным — 3. Следовательно, данный тип выступает как институционализированное целое более в связи с проколониальной ориентацией, чем национальной. У другого типа эти же разрывы, предположим, 2 и 4. Значит, 2-й тип менее «национален», поскольку соотношение разрывов в пользу колониальной ориентации у первого типа — 1,5, а у второго — 2.

---

[13] Их разделение условно, поскольку все организации, упоминаемые источником, имеют колониальный характер, более или менее ярко выраженный, что определяется особенностями французского колониализма, препятствовавшего формированию обособленных национальных легальных организаций.

Конкретный анализ

Эмпирически данная элита (конгломерат лиц). В качестве исходного пункта исследования берется элита в таком виде, в каком она «дана» источником. Ее численность составляет немногим более 300 человек, что равнялось около 3—6% так называемого богатого местного класса (9 тыс. человек к 1937 г.). Характеристики ее состава даны в табл. 2.

Таблица 2

Состав элиты, %

Основные группы	% к общей численности (приблизительно 1,0)
Уроженцы Юга	45
» Севера	35
» Центра	20
Родившиеся в 60—90-х годах XIX в.	80
Происхождение «снизу»*	65
Уроженцы основных городов**	20
Имеющие современное образование***	70
Имеющие ученые звания	12

* Судя по «умолчанию» источника, ибо обычно происхождение «сверху» указывается.

** Ханой, Сайгон, Тьолон; с учетом Хюе—около 25%.

*** Главным образом среднее; почти полностью (около 95%)—светское.

Итак, элита выглядит как малочисленная — даже в рамках «богатого местного класса» — группа, состоящая преимущественно из южан, вышедшая в значительной степени из низов (!) доколониального общества, в основном из сельских районов, обладающая средним светским образованием, в расцвете физических сил (средний возраст 54—55 лет).

Конечно, это — характеристика (описательная, первая), весьма отличающаяся по отдельным типам и подтипам, не говоря об облике населения страны в целом.

Как сумма основных типов и подтипов элита выглядит южной по происхождению благодаря преимущест-

венно южному происхождению бюрократии (40%); как вышедшая «снизу» — за счет среднего чиновничества (70%), но генетически связанная с традиционными господствующими слоями (преимущественно с профессиональным чиновничеством через высшую бюрократию и культурно-исторически — через интеллигенцию [14]); как обладающая современным образованием — за счет интеллигенции и буржуа; как молодая по возрасту — за счет интеллигенции и буржуа, и как зрелая по возрасту — за счет духовенства, высшей бюрократии и земельных собственников [15].

Региональные и возрастные показатели в применении их к отдельным типам и подтипам показывают возможность этих общностей выступить как единая национальная (или региональная) и даже как определенная социальная сила.

Бюрократия (в целом), имеющая наиболее уравновешенный Региональный состав, соответственно обладает большей способностью выступить как сила общенациональная, чем экономические подгруппы, имеющие высокий коэффициент Региональной напряженности. Среди подтипов в качестве силы общенациональной скорее выступают высшее чиновничество и духовенство и в наименьшей степени — среднее чиновничество и земельные собственники.

Коэффициент возрастной напряженности особенно велик у высшей бюрократии и духовенства и значительно меньше — у интеллигенции и буржуа.

Эти описательные характеристики могут быть использованы на основе показателей соотношения основных типов и подтипов [16] для определения характера элиты («традиционная» — «современная»), взятой как совокупность этих типов.

• *Дифференциация элиты.* Традиционный характер элиты может быть выражен через соотношение численности высшей бюрократии, с одной стороны, и, с другой — интеллигенции и экономических подгрупп; или же как соотношение высшей бюрократии и этих двух типов, взятых совместно со средним чиновничеством; или, наконец, как соотношение вместе взятых высшей бюро-

---

[14] Около 40% интеллигентов родилось в районе Ханоя — основного исторического центра страны.

[15] Это описательная характеристика № 2 — ср. № 1.

[16] Точнее, основываясь на последних.

кратии и земельных собственников, с одной стороны, и интеллигенции, буржуа и среднего чиновничества — с другой [17]. Во всех этих трех комбинациях, смысл которых заключается в том, чтобы точнее и по-разному выразить характер элиты, численное соотношение «традиционных» и «современных» подтипов оказывается примерно одинаковым. Следовательно, элита Вьетнама по типовому составу выглядит как «переходная» [18].

Развертывая далее это определение характера, можно указать на сравнительно незначительную роль в элите экономических групп (около 20%) и средний удельный вес интеллигенции (около 30%). Это может привести к характеристике элиты в целом как *слабо экономической, средне интеллектуальной* или *высоко бюрократической*. Однако резкость этих выводов и вытекающее из них заключение о традиционном характере элиты в целом смягчаются тем, что внутри экономического типа соотношение земельных собственников и буржуа примерно одинаковое. К тому же, надо прибавить данные о широком распространении в элите современного (хотя и среднего в основном) образования и преимущественно светский (75% состава) характер интеллигенции. Это несколько меняет общую картину уравновешенности современных и традиционных качеств элиты [19], намечая внутри нее — пока только на уровне типов — контуры противоречий, заложенных в широком развитии образования без соответствующего удельного веса экономических подгрупп, в резко выраженном локальном характере земельных собственников и высшей бюрократии, в преклонном возрасте последней и ее прочных традиционно-генетических связях [20] и т. д.

Полученное выше определение элиты (№ 3), хотя

[17] Малочисленные (по источнику) прослойки интеллигенции (военная, религиозная) здесь опущены, что не меняет особо соотношения сил, ибо военные могут быть отнесены к современной, а духовенство — к традиционной элите.

[18] Это будет уже описательная характеристика № 3.

[19] В сравнении с элитами Кхмера и Лаоса (по тому же источнику) она выглядит настолько современной, что кажется возможным их типологическое отличие. В составе вьетнамской элиты доля экономических подгрупп выше примерно в 5 раз, а доля интеллигенции только кажется более низкой (в 1,3—1,4 раза) за счет полного преобладания в элитах Кхмера и Лаоса духовенства.

[20] Примерно половина высших бюрократов (чье происхождение известно) вышла из среды доколониального чиновничества и около 20% — из «ученых-чиновников».

и более полно, чем предыдущие (№ 1 и 2), но в общем также содержит не более чем описательные характеристики. Хотя здесь элита рассматривается как конгломерат не личностей, а основных типов, но сами типы взяты изолированно друг от друга. Переход к рассмотрению элиты под углом взаимосвязи типов потребует иной характеристики[21] вместо ее «описательного портрета».

По уровню обособления основных типов элита выглядит как высоко дифференцированная, поскольку около 60% ее членов могут быть отнесены к «чистому» типу. Наивысший уровень был достигнут в первую очередь у экономических подгрупп (более 90%), интеллигенции (около 80%)[22]. По подтипам дифференциация наиболее развита у буржуа (80% против 60% у земельных собственников) и в несколько меньшей степени у интеллигенции (78% — у гражданской и 84% — у военной). И — что было незаметно при типовом показателе — она весьма значительна у среднего чиновничества (около 70%).

Когда подчеркивается относительно высокий уровень дифференциации буржуазии и интеллигенции, то имеется в виду их социально-профессиональная (функциональная) обособленность от традиционных классов и слоев. Генетическую же обособленность и соответственно степень воспроизводства этих двух подтипов на своей собственной основе установить не удается ввиду неполноты данных о происхождении. Если принять, как это сделано вначале, отсутствие сведений в источнике за показатель происхождения «снизу», то окажется, что наиболее тесные генетические связи с высшими традиционными слоями (более 60%) сохраняли земельные собственники (из числа лиц, происхождение которых известно). Эти связи были немного слабее у буржуа (около 56%) и еще слабее — у интеллигенции (не более 40%). Данные цифры в сочетании с показателями социально-профессиональной дифференциации могут быть все же свидетельством если не абсолютно развитого собственного воспроизводства этих двух подтипов (буржуа, интеллигенты), то по крайне мере сравнительной слабости их гене-

---

[21] Для этого необходимо рассматривать типы как общности, возникающие в процессе социально-экономической дифференциации в русле капиталистического развития.

[22] Ее типовой показатель был несколько выше за счет совершенно обособленного духовенства, что не может быть связано с данным процессом дифференциации.

тических связей с доколониальными господствующими слоями.

Итак, в плане дифференциации (показатель чистоты типов) элита выглядит как образование, в котором наибольшей обособленности достигли буржуа, интеллигенты и среднее чиновничество — примерно все в равной степени — при сравнительно низком уровне дифференциации высшей бюрократии и крупных земельных собственников.

Сопоставим доли чистых и смешанных типов по основным общностям как показатель соотношения процессов дифференциации и смешения в рамках этих общностей. Оказывается, что по всем трем направлениям экономические группы и неэкономические, внутри экономических и неэкономических групп — чистые типы резко преобладают над смешанными, что может быть понято как преобладание дифференциации над смешением. Нужно подчеркнуть, что разрыв этих процессов особенно значителен, когда они рассматриваются в рамках неэкономических групп (7, 4), далее — внутри экономических (6,0) и слабее всего — между экономическими и неэкономическими группами (3,8).

Если везде дифференциация идет активнее смешения, то элита как комбинация типов выглядит вполне современной (тем более, что далеко не всякое смешение можно рассматривать как процесс, противоположный модернизации[23]). Для уяснения характера элиты важно подчеркнуть, что дифференциация резко преобладает внутри неэкономических групп, что характеризует обособление интеллигенции от бюрократии, и далее — буржуа от земельного собственника при сравнительно слабой дифференциации интеллигенции и бюрократии (вместе взятых) от земельного собственника и предпринимателя (тоже взятых вместе). Итак, ведущую роль в дифференциации играет отделение интеллигента от чиновника.

Соответственно современный (или переходный) характер элиты выглядит не как ее обуржуазивание, но как интеллектуализация. Хотя интеллигенты в целом функционально дифференцированы примерно в такой же

---

[23] Например, смешение буржуа с земельными собственниками или бюрократом можно понять не только как показатель «еще неразвитости» буржуа, но и как особую форму его становления.

степени, как и буржуа, но генетическая обособленность первых от традиционных слоев несколько выше, чем у вторых.

Отсюда возникает «отрыв» не только интеллигента и буржуа, с одной стороны, от бюрократа и земельного собственника — с другой, но и самого интеллигента и от бюрократа и от буржуа.

Итак, при всей изменчивости облика элиты в связи с процессами дифференциации оказалось возможным свести ее к взаимосвязи [24] двух наиболее дифференцированных элементов — *интеллигентов и буржуа.* Противоречивость и возможную конфликтность внутри элиты на данном уровне можно выразить также через соотношение наиболее и наименее дифференцированных групп, т. е. интеллигентов — буржуа и бюрократов — земельных собственников.

Если выделенные здесь основные типы являются «представителями» классов на уровне элиты, то изменилась, видимо, ее взаимосвязь с классовыми общностями. Характерно, что наиболее развитыми сейчас выглядят такие общности, как интеллигенция, не имеющая непосредственно классового характера, так и буржуа, т. е. общности с наименее развитой классовой сущностью. На данном уровне анализа из этого только можно заключить, что *связь элиты с классовыми общностями,* предположительно находящимися (с позиций классового анализа) вне ее, явно ослабла, поскольку место общностей, наиболее близких к классам [25], заняли общности, наиболее далекие от них.

Когда элита получила свое выражение через сопоставление буржуазии и интеллигенции, то изменилась и ее описательная характеристика. Теряет смысл и ее определение как «южной» по происхождению, так как на обе эти подгруппы приходится не многим более 20% всех южан. Еще меньшее значение имеет показатель среднего возраста, ибо это самые молодые подгруппы (и по возрасту и по доле родившихся в XX в.).

Генетически элита выглядит еще более обособленной (при сохранении культурно-исторических, а не со-

---

[24] Характер этой взаимосвязи здесь не вскрывается, но определяются лишь ее участники, что уже немаловажно.

[25] В условиях колониального Вьетнама это земельные собственники и связанная с ними высшая бюрократия.

циально-генетических связей), и, конечно, она приобретает уже четко выраженный «современный», хотя и глубоко противоречивый, характер именно в этой своей «интеллигентской» сущности.

В целом новая (№ 4) описательная характеристика с поправками на выдвижение двух (или одного) наиболее дифференцированных подтипов дает новый облик элиты как общности «современного» социального склада, молодой по возрасту, генетически сильно обособившейся от традиционных слоев и по происхождению в равной мере связанной с основными регионами.

Итак, в результате анализа элиты под углом дифференциации ее на основные социально-экономические типы оказалось возможным свести ее к совокупности двух наиболее развитых подтипов или даже к одному, самому развитому.

Что представляет эта совокупность? Является ли она особой общностью — сейчас сказать невозможно, поскольку это лишь совокупность социально-экономических групп, т. е. потенциальная общность, которая не просто должна быть реализована в надстроечных учреждениях, но которая без реализации в этой неэкономической сфере еще не есть общность.

Здесь наступает критический пункт анализа, в котором обычно пути исследования расходятся, хотя вовсе и не так резко, как это кажется по их оценкам. Одно направление (в западной социологии) ограничивается анализом в составе элиты индивидуумов различных социально-экономических типов, выводя из него заключение о характере элиты. Другое (в наших исследованиях) связывает этот же тип с существующими вне элиты классами и строит на этой связи свое определение элиты. При всем различии выводов (1 — элита «интеллигентская», 2 — элита «буржуазная») у обоих направлений, как нам представляется, есть общая логическая ошибка: она заключается в том, что, оставаясь только на данном (1-м) уровне, невозможно еще вскрыть сущность элиты, ибо здесь она в лучшем случае потенциальна. В силу этого, ограничиваясь соотношением типов, нельзя еще определить и характера элиты [26]. Конечно,

---

[26] Не говоря уже о том, что в первом направлении проблема классовой «представительности» типов вообще снимается, а во второй она заранее предполагается решенной. Так что, даже оставаясь на этих позициях, прежде чем давать определение сущности элиты, нужно решить проблему ее «представительства».

и на этом уровне можно было бы анализировать взаимосвязь интеллигенции и буржуазии и других подтипов, но полученные выводы касались бы только взаимоотношений социально-экономических (типовых) групп в элите и их нельзя было бы переносить на элиту вообще.

Институционализация элиты. На этом уровне анализа источник дает менее однотипный и менее полный материал.

На первых порах анализа предположим, что переход от элиты дифференцированной к элите институционализированной не привел к появлению новых общностей, отличных от выделенных ранее типов и подтипов. Предполагаем, что эти общности непосредственно сами и институционализируются.

Ориентировочные подсчеты [27] показывают, что около половины членов элиты втянуты в те или иные институты [28]. Этот общий уровень институционализации (масштаб институционализации) сохраняется примерно неизменным у бюрократии (40%), у интеллигенции он значительно ниже (30%), а у экономических подгрупп резко повышается (около 60%).

По средней институционализации (показатель № 3, табл. 1) экономические подгруппы также стоят впереди всех (0,6), обогнав бюрократию (0,4) и особенно — интеллигенцию (0,3).

Из этих данных видно, что экономические подгруппы по масштабу и интенсивности более институционализированы, чем неэкономические; что интеллигенция как особый подтип слабее остальных втянута в процесс институционализации. Видимо, высокая степень дифференциации вовсе не обязательно влечет за собой и высокую степень институционализации (по крайней мере при анализе типов можно сделать такой вывод).

Однако анализ институционализации подтипов [29] не подтверждает этого вывода. Оказывается, что интеллигенция (светская) обладает довольно высоким уровнем

---

[27] Источник не всегда содержит сведения о принадлежности членов элиты к той или иной организации.

[28] Характер организаций рассматривается при взаимодействии элиты и колониальной системы.

[29] Военная интеллигенция, обладающая средним уровнем институционализации, самостоятельной роли здесь не играет, потому что занимаемые ею должности были ничтожными (низший офицерский и особенно унтерофицерский состав).

средней институционализации (0,47), превышающим, хотя и незначительно, показатели земельных собственников (0,43) и высшей бюрократии (0,41). Впереди всех (как можно было ожидать по данным о дифференциации) оказались буржуа (1,13), наименее организованно среднее чиновничество (0,13) и абсолютно вне организаций оказалось духовенство.

Итак, если бы подтипы выступали как институционализированные общности, то картина элиты на этом уровне определилась бы взаимодействием буржуа (наиболее активно и широко организованных), с одной стороны, и среднего чиновничества — с другой, при промежуточном положении светской интеллигенции, земельных собственников и высшей бюрократии и при фактическом выпадении из элиты духовенства.

Таким образом, если в дифференцированной элите доминировали интеллигенты и буржуа, то при институционализации этой элиты в ней господствуют только буржуа. Однако последнее заключение преждевременно, хотя бы по той причине, что полученные характеристики типов и подтипов как институционализированных общностей построены на среднем показателе.

Поэтому прежде надо выяснить, каково *реальное* распределение участий в организациях и как это реальное распределение проявляется по типам и подтипам. Реальный характер распределения участий в организациях определяется путем выделения групп концентраций участий (ГКУ), состоящих из лиц, которые входят одновременно более чем в две национальные (ГКНУ) и колониальные (ГККУ) организации или состоят одновременно более чем в трех организациях обоих видов (ГКСУ, где СУ — смешанные участия).

Общая численность всех ГКУ колебалась от 60 до 70 человек, составляя около четверти членов элиты. На их долю приходилось около 360—390 участий, т. е. более 80% всей суммы участий элиты (около 450 зафиксированных источником). Из ГКУ можно выделить еще группировку, члены которой участвовали одновременно в ГКУ всех трех видов. Она (ГСУ) [30] составляла около 9% численности этих групп, контролировала около трети участий, принадлежавших ГКУ, а по средней институционализации превосходила ГКУ почти в 5 раз.

[30] Группа сверхконцентрированных участий.

Очевидно, что при такой роли ГКУ элита уже не может рассматриваться как организованная совокупность равномерно (средне) институционализированных типов и подтипов. В новом качестве она уже выступает как совокупность трех ГКУ, контролируемых к тому же еще группировкой ГСУ.

Появление этих новых общностей, реально контролирующих систему институтов [31], показывает, что институционализированная элита качественно и структурно отличается от элиты, дифференцированной на основные социально-экономические типы. Следовательно, предположение о том, что основные типы и подтипы выступают непосредственно как институционализированные общности, не подтверждается данными о реальном распределении участий.

Это предположение оказалось неверным, но не в абсолютном смысле, ибо существует возможность и для дифференцированных (типовых) общностей выступить в новом качестве. С учетом этой возможности и необходимо выяснить взаимосвязь между новыми общностями (ГКУ) и старыми (типы и подтипы).

Эта взаимосвязь прослеживается в различных направлениях между типами и ГКУ. Ведь ГКУ состоят из людей, являющихся членами дифференцированных общностей. С этой точки зрения ГКУ можно характеризовать как бюрократические (около 40% членов ГКУ и около 50% всех контролируемых ими участий) и экономические (около трети членов ГКУ и около 40% участий). Удельный вес и сумма участий у выходцев из интеллигенции в ГКУ оказываются сравнительно незначительными [32].

Предположим, что выходцы из дифференцированных общностей, входя в состав ГКУ, являются представителями «своих» общностей. Их выступление в этом качестве зависит не от того, какова их доля в самом ГКУ, но от того, насколько велика доля этих элементов в «своих» типовых общностях.

Оказывается, что опора ГКУ (процент их членов к

[31] Не говоря о числе участий, члены этих групп, как правило, занимали руководящие посты, особенно в национальных учреждениях.

[32] Примерно такое же соотношение типовых элементов имеется и в ГСУ, только при еще большей доле бюрократических элементов (около двух третей членов).

членам данного подтипа) наиболее значительна среди буржуазии (резко впереди) и у военных (оба подтипа сильно опередили остальных); далее приблизительно на одинаковом уровне располагаются показатели опоры ГКУ в среде земельных собственников, высшей бюрократии и интеллигенции (светской); резко сужена опора ГКУ в среднем чиновничестве.

Значит, буржуазные и «земельные» элементы внутри ГКУ располагают наиболее широкой опорой в «своих» общностях, и поэтому они более «представительны», чем бюрократия и интеллигенция, входящие в ГКУ.

Очевидно, что вывод о «бюрократическом» характере ГКУ, основанный на данных об их составе, не подтверждается. С большим основанием их можно считать буржуазными или буржуазно-земельно-бюрократическими. В свою очередь, и облик элиты как институционной общности уже не выглядит чисто «буржуазным», каким он рисовался на базе средней институционализации.

Внутри ГКУ, а значит, в институционной элите в целом, средняя бюрократия и интеллигенция, оказавшиеся наименее склонными к «представительству» своих типов, выглядят как составные элементы ГКУ и как «производные», зависимые от элементов «представительных» (буржуазно-земельных).

Оценивая так структуру ГКУ, мы исходим фактически только из показателя широты опоры составляющих их элементов в соответствующих типовых общностях. Но этот показатель характеризует только потенции к «представительству», которые имеются у данных элементов. Превращение же этих потенций в реальность зависит от того, насколько реальны возможности институционализации самих типов. Чем более тип в целом способен выступить непосредственно в форме института, тем больше его отдельные элементы в ГКУ «представляют» этот тип.

Превращение этих потенций в реальность выражается в соотношении между коэффициентами (табл. 1) средней (показатель № 3) и реальной (показатель № 4) институционализации. Чем больше разрыв между ними, тем менее данная общность выступает как институционализированное целое и тем больше она в этом облике заменяется соответствующими ей элементами в ГКУ, тем бóльшую самостоятельность приобретают эти элементы и самое ГКУ. Или, короче, чем больше этот разрыв, тем

слабее «представительная» функция элементов типовых общностей, входящих в ГКУ; чем меньше разрыв, тем сильнее их «представительность».

Из сравнения величин разрывов выясняется, что *наибольшими* шансами выступить как институционное целое обладали земельные собственники (около 1), *наименьшими* — среднее чиновничество (около 11); средними — светская интеллигенция (около 5), высшая бюрократия (около 5,7) и буржуа (более 7).

Значит, наиболее сильным «представительным» характером отличались земельные собственники. Интеллигенты, бюрократы и буржуа, входившие в состав ГКУ, обладали сравнительно с ними меньшей «представительностью» и, следовательно, были более склонны, отрываясь от своих подтипов, выступить в качестве элементов новой общности (ГКУ). Причем буржуа отрывались от своего подтипа еще в большей степени, чем интеллигенты и бюрократы.

Общий облик элиты с учетом реальности институционализации типовых и подтиповых общностей выглядит как противопоставление земельных собственников буржуа и особенно среднему чиновничеству.

Это противопоставление наиболее полно отражает взаимосвязи элиты данного уровня с основными типовыми (дифференцированными) общностями. Элита как институционное целое уже не могла реализоваться прямо через эти старые общности, она выступала в виде совокупности ГКУ, но связь ее со старыми общностями не исчезла.

Здесь тоже один из критических пунктов исследования: или можно отрицать всякую связь ГКУ и типов, или же, признавая таковую, искать ее новые формы, не исчерпывающиеся только «отражением» интересов.

Наиболее устойчивым и наиболее влиятельным на уровне институтов оказался подтип земельных собственников. Вот почему институционную элиту, выступающую в качественно новом облике ГКУ, можно одновременно характеризовать — по ее «представительной» функции — как преимущественно земельную.

Интеграция элиты. Здесь элита рассматривается в таком виде, в каком она сложилась на предыдущем уровне. Это означает, что элита реализуется в первую очередь через взаимодействие трех ГКУ[33]. С учетом

---

[33] Оставляя в стороне отношения ГКУ и ГСУ.

социальной реальности колониального Вьетнама можно предполагать, что во взаимодействии участвуют не только институционные группы, но и отдельные социальные прослойки. Таковые выделяются по материалу источника на базе признаков, которые можно считать существенными в этом обществе. К их числу (микрогруппировки) могут быть отнесены обладатели французского гражданства; лица, окончившие более двух учебных заведений (включая и высшие, а также средние типа лицея); федеральные советники[34]; члены ХКЧТД[35]; награжденные более двух раз высшими французскими и местными орденами; лица, выполнявшие особо важные миссии.

С учетом этих микрогруппировок процесс интеграции выглядит уже как взаимодействие или взаимное участие (членов) трех ГКУ и привилегированных группировок, выступающих уже в качестве новых интеграционных общностей.

Они охватывают основную часть членов элиты (около 80%) и контролируют подавляющую массу ее участий. Следовательно, с учетом новых группировок взаимодействие выглядит достаточно широким процессом, а сама элита — взаимосвязанным целым.

Судя по показателю масштаба интеграции, наиболее широко взаимодействовали с другими группами такие, как ГКСУ (84% членов ее участвовали одновременно в 8 других группах), далее — ХКЧТД и ГККУ (по 70%), ГКНУ (60%). Замыкает список наиболее широко интегрированных общностей группировка федеральных советников (50%). Наименее интегрированы микрогруппировки лиц, выполнявших особые миссии (26—27%), награжденных (28%) и дипломантов современных учебных заведений (30%). Средне интегрированной была группировка лиц с французским гражданством (37—38%).

Введение других показателей интеграции[36] — коэффициентов средней и реальной интеграции — показывает примерно ту же закономерность: чем шире масштаб взаимодействия данной группы с другой, тем выше сте-

---

[34] Назначаемые генерал-губернатором члены высших индокитайских учреждений, созданных в 1941—1943 гг. вместо ранее избиравшихся органов.

[35] «Хой Кхай Чи Тиен Дык» — Общество интеллектуального и морального развития (франц.— АФИМА).

[36] По аналогии со 2-м уровнем анализа.

пень интенсивности (средней и реальной) ее интегрированности. Эта зависимость прямая, хотя и не всегда (в двух случаях из 9) [37] пропорциональная.

Если считать (как и на других уровнях), что облик элиты и здесь определяют группы, наиболее активно участвующие в основном процессе, то в таком случае интегрированная элита выступает как результат взаимодействия трех ГКУ (особенно ГКСУ) и одной микрогруппировки — ХКЧТД. Следовательно, институционализированные общности являются наиболее интегрированными [38].

В то же время микрогруппировки, состоящие из лиц, выполнявших особые миссии, имевших награды и — что особенно интересно — современное образование, не определяют облик элиты как интегрированного целого, поскольку они весьма слабо взаимодействуют с другими общностями и склонны к изоляции.

Эти выводы сделаны пока с учетом лишь интеграционных возможностей всех этих групп. Реальность же взаимодействия отражена в соотношении (разрыв) показателей средней и реальной (концентрация взаимных участий) интеграции. Интересно одновременно сопоставить показатели масштаба интегрированности группы и величину данного разрыва. Предполагается, что чем меньше этот разрыв — тем более цельна данная группа в процессе интеграции. Оказывается, что чем шире (а также чем интенсивнее) группировка взаимодействует с другими, тем меньше разрыв в ее коэффициентах интеграции и тем более она выступает как цельная общность, взаимодействуя с другими. Наиболее цельные здесь—ГКСУ (разрыв около 1·2), ХКЧТД (1·4) и ГККУ (1·5). Целостность ниже у ГКНУ и федеральных советников (около 2·0) и еще ниже у лиц с французским подданством (2·6). Наименьшую целостность в процессе интеграции проявляет группа лиц с современным образованием (около 4·7).

Совокупность трех наиболее активно взаимодействующих группировок и образует ядро элиты.

На уровне интеграции элита, следовательно, выступая как ядро, выглядит качественно новой общностью.

---

[37] Речь идет о микрогруппировках «награжденных» и ГКНУ.

[38] Что естественно, поскольку взаимодействие рассматривается только как участие в организациях.

Однако она сохраняет связь и с общностями институционными (ГКУ). Так же как и на предыдущем (2-м) уровне анализа, необходимо установить связь новых (интеграционных) и типовых общностей (1-й уровень).

Анализ состава ядра по принадлежности его членов к типовым общностям показывает примерно одинаковый удельный вес бюрократии и экономических подгрупп (по 34—36%) и более низкую долю интеллигенции (20%). Значит, по типовой принадлежности его членов ядро может быть определено преимущественно как бюрократическое и экономическое.

Если же взять другой, более важный показатель — процент лиц, вошедших в ядро, к численности «их» типов, то окажется, что наиболее широко в ядро были вовлечены представители тех же — экономических — подгрупп (42%), за ними шли выходцы из интеллигенции (27—28%), и наиболее слабо были представлены выходцы из бюрократии (12—13%). Следовательно, не только по индивидуальному происхождению, но и по широте своей типовой опоры члены экономических подгрупп кажутся в ядре наиболее «представительными»[39]. За ними идут интеллигенты, чей удельный вес в ядре хотя был меньше, чем у бюрократов, но последние меньше «представляли» свою типовую общность, чем первые.

Однако влияние того или иного типа в ядре может быть выяснено, когда будет установлено, как сохраняются типовые общности на уровне ядра. Сделать это прямо, минуя институционные общности, невозможно, поскольку два из них являются одновременно и интеграционными общностями[40].

Следовательно, задача сводится к тому, чтобы определить, в каких типах ГКСУ и ГККУ имеют наибольшую опору, и выяснить способность этих типов выступить как институционные и интеграционные общности[41].

Обе группы концентрации имеют наиболее широкую опору в среде буржуа, причем ГККУ — одновременно и в среде земельных собственников, которые весьма близки к буржуа по этому показателю (как и в ГКСУ). Следовательно, можно сказать, что по их типовой опоре обе

---

[39] Что подтверждается оценкой соответствующих подтипов как наиболее организованных.

[40] ХКЧТД здесь опущена ввиду ее малочисленности.

[41] Эти данные выяснялись выше, но и тогда брались в ГКУ в целом.

институционные общности являются буржуазно-земельными или земельно-буржуазными. В обоих случаях высшая бюрократия и интеллигенция (светская) по масштабу вовлечения их членов в данные ГКУ идут после двух вышеуказанных подтипов.

Сопоставляя разрыв коэффициентов институционализации различных типов и подтипов раздельно по участиям в смешанных и колониальных учреждениях, можно выяснить реальные, а не средние шансы данных типов выступать в качестве особой институционной, а через нее — и интеграционной общности. Выясняется, что в обоих видах участий шансы явно выше у земельных собственников, средние — у интеллигенции и бюрократии, ничтожные — у среднего чиновничества. Только у буржуа показатели по двум видам участий не совпадают: в группе концентрации смешанных участий предприниматели выступают как общность в меньшей степени, чем в системе концентрации колониальных участий, где они проявляют себя как общность в такой же примерно степени, как и земельные собственники.

Следовательно, подтип земельных собственников на уровне интеграции, так же как и на уровне институционализации [42], проявил себя как обладающий наибольшей сравнительно с другими подтипами способностью выступить в качестве общности, а поэтому и как наиболее влиятельная составная часть ядра элиты.

Элементы земельных собственников, которые вошли в состав ядра, оказываются в сравнении с элементами иных типовых происхождений не только наиболее «представительными» по отношению к своему подтипу, но и наиболее влиятельными в ядре в силу большей устойчивости своей типовой общности.

Буржуа как целое конкурировали по «влиятельности» с земельными собственниками только в колониальных организациях, уступая им по влиятельности в смешанных участиях и в «представительности» по отношению к «своему» подтипу.

Высшая бюрократия и интеллигенция (светская) как особые подтипы уступают земельным собственникам и буржуа как по «представительности», так и по влиянию.

Сравнивая эти оценки с оценками «представитель-

---

[42] Напомним, что ГККУ и ГКСУ фактически есть общности и 2-го и 3-го уровней анализа.

ных» возможностей различных элементов на уровне институционализации, видим, что они одинаковы у земельных собственников. Однако изменились «представительные» возможности других элементов. У интеллигентов и бюрократов они стали меньшими, чем на уровне институционализации, т. е. их отрыв от общностей увеличился [43]. У буржуа способность к «представительству» сравнительно с ними возросла, но особенно в связи с участием в колониальных, а не смешанных учреждениях. Значит, усиление «представительного» характера буржуа на уровне интеграции было достигнуто за счет его усилившегося вовлечения в колониальные учреждения. С учетом различия в «представительности» ядро элиты состоит из элементов-представителей (земельных собственников и отчасти буржуа) и элементов-непредставителей (интеллигенты, бюрократы).

Выделение элементов-«представителей» позволяет избежать распространенной оценки ядра (и, следовательно, элиты) исходя из типовой принадлежности элементов, его составляющих. Эта оценка кажется обоснованной при сопоставлении ядра и элиты как суммы типов. В ядре выше доля экономических подгрупп, особенно буржуа; ниже доля интеллигенции, но значительно выше процент лиц с современным образованием (три четверти их вошло в ядро!). На этом основании можно было бы заключить, что ядро, а следовательно, реальная элита в отличие от данной источником является экономически более развитой, более «буржуазной», более образованной. Но дело в том, что элементы и буржуа, и особенно современной интеллигенции, вошедшие в ядро, оторвались от своих общностей в сравнении с земельными собственниками. Видимо, в ядре они должны «работать» на земельных собственников, поэтому и здесь элита выглядит скорее как «земельная», чем «буржуазная», и тем более — «интеллигентская» или «бюрократическая». Получается, что земельные собственники действуют в ядре в значительной степени через инородные (55% состава) элементы (бюрократы, интеллигенты). Но и самая устойчивая социально-экономическая общность (земельные собственники) не получает в ядре адекватного выраже-

---

[43] Этот вывод подтверждается и тем, что интеллигенты и бюрократы составляли подавляющую часть членов наименее интегрированных группировок.

ния[44], а инородные элементы ядра не могут реализоваться как «представители» своих общностей. В результате парализуется действие ядра в целом, инородные элементы в критические ситуации «выпадают» из него, а в ядре элиты преобладают центробежные тенденции.

Позиции же членов элиты, или условно элитарной личности, независимо от ее типовой принадлежности, следовательно, определяются тем, что, выступая в нескольких ролях (земельный собственник, буржуа, интеллигент и бюрократ), эта условная личность лишь в одной из этих ролей «представляет» устойчивую общность. В других ролях возможность отклонения от этой общности и противоречия с ней увеличиваются, и поведение элитарной личности, выступающей в них, уже определяется более конкретными обстоятельствами, чем ее «представительностью», и еще менее — ее собственной типовой принадлежностью[45].

Облик ядра (т. е. элиты на уровне интеграции) выражается и в новой (№ 5) описательной характеристике.

В сопоставлении с элитой как суммой типов ядро выступает как еще более узкая общность (0,7% численности «богатого класса»), регионально уравновешенная (северо-южная) по происхождению и очень слабо связанная с Центром (выходцы из Чунг-ки составляют здесь 11% против 20% в элите в целом), более городская (28% против 20%), примерно такая же по возрастному составу, но при несколько большей доле уроженцев 80—90-х годов и даже несколько более старая по среднему возрасту (57 лет против 54—55).

Итак, реальная элита, выступающая как ядро, очевидно, отличается от элиты эмпирически данной (источниковой). В итоге анализа элита выступает как взаимодействие трех институционализированных и интегрированных групп, образовавших ее ядро. Элита как общность основана на довольно высокой степени дифференциации, но реализуется как взаимодействие не «равноправных» элементов, а как взаимодействие высоко

[44] Напомним, что земельные собственники имели очень высокий коэффициент средней региональной напряженности, т. е. обладали ярко выраженной локальностью.

[45] Исходя из этой оценки можно определить, какой политический деятель (Буй-куан-Тьеу, Фам Куинь, Нгуен-ван-Винь и т. д.) наиболее близок к типу элитарной личности в плане и политическом и социально-психологическом.

развитого ядра со слабо интегрированными группами. В плане социально-экономическом (типовом) она наиболее склонна к «выражению интересов» земельных собственников, но из-за локальности этого подтипа[46] и состава ядра элита не может быть адекватным представителем земельных собственников.

Элита и колониальная система. Поскольку связь элиты и колониальной системы требует особого анализа, то здесь придется ограничиться лишь основными замечаниями. Оказалось — и это логично, — что ядро более широко и интенсивно втянуто в колониальные, чем в национальные, учреждения. Причем в первые — по линии административно-политических, а во вторые — по линии социальных организаций.

Обе ее ориентации (проколониальная и национальная) фактически опирались, если исходить из средних показателей, на одни и те же типовые общности. Сопоставление обеих ориентаций[47] по каждой из них показывает, что проколониальная ориентация наиболее свойственна буржуа и интеллигентам (в равной степени), национальная преобладает у земельных собственников, в то время как у бюрократии и среднего чиновничества они сравнительно уравновешенны.

Получилось, что буржуа и интеллигенты, войдя в ядро (элиту), сильнее ассимилировались, чем другие группы, и, следовательно, были менее склонны (в рамках ядра) к оппозиции колониальному режиму, чем земельные собственники и высшая бюрократия.

Основные выводы. Изображение элиты как целостности можно представить не только в виде ядра, но и — последовательно по уровням анализа (1, 2) — через взаимодействие основных общностей. Элита в связи с деятельностью *наиболее активных* типовых общностей[48] выглядит как взаимодействие дифференцированной интеллигенции (или буржуа)[49] с институционализированными земельными собственниками; элита в связи с деятельностью *наименее активных* типовых общностей вы-

---

[46] А также (что здесь не видно) его глубокой культурной ассимиляции с колониальными институтами.

[47] Исходя из величины разрыва показателей участий в колониальных и национальных учреждениях

[48] Т. е. обладающих наивысшими показателями на 1-м и 2-м уровне.

[49] Ввиду близости их показателей обе группы взаимозаменяемы.

ступает как взаимодействие дифференцированных экономических групп и среднего чиновничества; наконец, элита на базе деятельности *средне активных* общностей является совокупностью дифференцированных буржуа (или земельных собственников) и институционализированной интеллигенции (или буржуа, или высшей бюрократии).

Эти три развернутых изображения целостной элиты могут быть использованы в порядке сопоставлений элиты различного облика. Однако они, как и суммарная характеристика (ядро), дают представление лишь о статичном состоянии элиты. Чтобы изобразить ее динамичный аспект, можно ввести характеристику способности элиты к развитию (СЭР). Предположим, что такая способность прямо пропорциональна степени дифференциации и институционализации элиты и обратно пропорциональна степени ее проколониальной ориентации. СЭР можно выразить также в трех отмеченных выше вариантах, добавив еще вариант, отражающий конфликтную структуру СЭР. Тогда СЭР на базе действия:

$$\text{наиболее активных типовых общностей} = \frac{7{,}4 \times 1{,}0}{1{,}0} = 7{,}4;$$

$$\text{наименее} \quad » \quad » \quad » = \frac{3{,}8 \times 11{,}0}{8{,}0} = 5{,}2$$

$$\text{среднее} \quad » \quad » \quad » = \frac{6{,}0 \times 5{,}9}{7{,}0} = 5{,}0$$ [50]

Конфликтность СЭР проявляется через сопоставление 1-го и 3-го изображения и выражается абсолютно 1,5. Смысл этих абсолютных показателей в том, что они дают возможность сопоставить шансы СЭР в связи с различными типовыми общностями. Оказалось, что наибольшей способностью к развитию элита обладает на базе наиболее активных типовых общностей и меньшей способностью — в связи с деятельностью средне активных общностей! Кроме того, абсолютные показатели СЭР могут быть использованы и для сравнений по странам.

---

[50] Знаменатель в дробях — показатели проколониальной ориентации (реальной) в первом случае для наиболее активной группы — земельных собственников на уровне ядра, во втором случае — для буржуа и интеллигентов (в среднем), в третьем случае — для бюрократии (высшей).

* * *

Конечно, сопоставления элит по странам могут быть эффективными лишь тогда, когда уже исследованы в достаточной степени национальные элиты. Для того чтобы получить наиболее полные национальные изображения этих групп, необходимо использовать, естественно, не один (как сделано здесь), а несколько источников, в первую очередь основных — биографических словарей. Например, необходимо брать материалы как общенационального, так и локальных справочников, охватывающих как элиту в целом, так и отдельные профессии. Желательно получить изображение национальной элиты на базе не только национального справочника, но и регионального и международного. Взятое в этих трех срезах (национальный, региональный и мировой) изображение элиты страны будет наиболее подходящим и для сравнений по разным странам.

Однако даже анализ одного источника, взятого здесь, оказывается плодотворным для характеристики некоторых особенностей господствующего класса Вьетнама накануне революции 1945 г. Совершенно ясна незначительная роль в элите групп военных и (что особо важно) духовенства. Последнее объясняется отчасти тем, что это колониальное издание старалось, видимо, не включать прояпонски настроенных деятелей буддизма. Но это является косвенным свидетельством того, что духовенство не было включено в систему отношений внутри элиты. И, таким образом, элита, как видно из источника, оказалась лишенной не только средства насилия (армия, полиция), но и средств духовного воздействия (религия).

Анализ взаимодействия в рамках организации показал, что основные участия в институтах сконцентрированы в руках очень узкой группы лиц. Таким образом, здесь отмечается крайне высокая степень концентрации власти (той, конечно, которую эта элита имела). Эта крайняя пирамидальность элиты, несомненно, препятствовала широкому политическому маневрированию, придавая ее власти характер чисто личных отношений между несколькими лицами. Вместе с тем из системы взаимосвязей в ядре выпадали, в частности, и такие группы, как лица с высшим образованием. Соответственно уменьшались возможности элиты использовать эту группу для

формирования своих идей в плане современном, так же как изоляция от духовенства препятствовала обращению элиты к традиционным ценностям.

Если заключение о роли офицерства и духовенства в общем подтверждает то, что может быть известно и без такого анализа [51], то вывод о роли лиц с высшим образованием несколько дополняет известную картину. К числу подобных же выводов можно отнести соображения о характере социальной мобильности внутри элиты. Хотя сведения источника в этом отношении далеко неосновательны, но они позволяют предположить, что французский колониализм резко ускорил вертикальную мобильность, что проявилось, в частности, при формировании среднего чиновничества, да и бюрократии в целом. Возможно, что факт этой резкой (на протяжении 40 лет) мобильности и обусловил, что среднее чиновничество, поднявшись «снизу», оторвалось от старых классов и в то же время легко ассимилировалось, а поэтому и не стало значительной самостоятельной силой национального движения. Напротив, у интеллигенции наблюдается значительное сохранение связей с традиционным культурным центром страны (Ханой). Ее контакт с французской политикой в сфере образования предполагал или полную ассимиляцию, или отказ от вхождения в колониальную систему, что порождало из-за негибкости последней крайнюю форму оппозиции. Соответственно крайняя оппозиция на уровне интеллигенции сохраняла возможность обращения к национальным традициям, а само радикальное движение не порывало с прошлым.

Наконец, анализ ядра показал, что элита «представляет» более всего земельных собственников, а не буржуа и интеллигентов. Эта группа отличалась резко выраженным локальным характером (Юг), полным включением в колониальную систему как экономически (зависимость земельной собственности от французских банков), так и культурно (ассимиляция). В силу этих причин, а также слабого развития в доколониальный период крупной земельной собственности во Вьетнаме эта группа оказалась в изоляции от своих наиболее широких слоев — традиционно настроенных деревенских эксплуататорских верхов. Таким образом, элита, связанная с этими земель-

---

[51] Но совпадение полученных выводов и уже известных характеристик подтверждает правильность используемой здесь методики.

ными собственниками, не могла быть представителем класса помещиков в общенациональном масштабе.

Важно отметить и то, что земельные собственники и бюрократы были слабее втянуты в колониальные институты, чем буржуа и интеллигенты, входившие в состав ядра. Соответственно, первые обладали бо́льшими возможностями политического маневрирования, чем вторые. Видимо, поэтому содержанием всех перегруппировок в правящем лагере и в 1949 г., и в 1954 г. оставалась платформа бюрократически-помещичья.

Как видно, эти заключения позволяют во многом осветить проблему «кризиса верхов» накануне августа 1945 г. Более того, эта методика кажется более подходящей для анализа микрогруппировок, чем заключения об их поведении, сделанные на уровне анализа широких социальных общностей. Пример положения земельных собственников и буржуа в колониальных институтах показывает, насколько неверно прямое перенесение закономерностей поведения широких общностей (классов) на характеристику их членов на уровне малых групп.

Полученные выводы заставляют предположить, что у изучаемой группы, которая вначале лишь условно считалась общностью, действительно существуют какие-то значительные общие свойства, позволяющие ее считать чем-то бо́льшим, чем группой взаимосвязанных индивидуумов. Возможно, что такую общность (этакратическую)[52] надо рассматривать как определенную разновидность господствующего класса, основанную на соединении в едином механизме власти и собственности (в отличие от «классической» буржуазии, где власть и собственность разделены). Тогда данный материал представляет эту общность как возникающую в недрах колониализма и оформляющуюся уже после независимости.

Как нам представляется, сам характер этой общности, как сочетающей власть и собственность, и определяет необходимость комплексного анализа, восходящего по последовательно соподчиненным уровням, когда изображение каждого уровня проверяется на следующем. Конечно, число этих уровней может быть различно, в частности, необходимо включить в их шкалу помимо социально-экономического и организационного уровней еще и уровень идеологии.

---

[52] От état — государство.

Э. О. Берзин

Сиам и западные державы в первой половине XIX в.

Время с 1688 по 1851 г. в исторической науке принято считать периодом самоизоляции Сиама от Европы. В принципе в таком определении много верного. После тяжелой борьбы XVII в. последовательно с Испанией, Португалией, Голландией, Англией и Францией Сиам, изгнав к 1688 г. со своей территории английские и французские войска, отстоял свою независимость. Но в то же время он был вынужден отказаться от активной торговой роли посредника между странами Дальнего Востока, Юго-Восточной Азии и Индии, а между тем именно это привлекало к нему в XVII в. внимание европейских купцов и завоевателей.

Официального запрета европейцам посещать Сиам никогда не издавалось. На протяжении всех полутора веков «закрытого периода» в Сиаме продолжала действовать католическая «Французская иностранная миссия». Сиамские власти не трогали ее, так как влияние ее на местное буддийское население было практически ничтожным. В то же время обширные кварталы сиамской столицы, заселенные в XVII в. европейскими и мусульманскими (индийскими и арабскими) купцами, приходили в запустение. Голландцев из Сиама никто не изгонял. Они сами закрыли свою факторию в Сиаме в начале XVIII в. как нерентабельную. Центр международной торговли переместился в Индонезию, где гос-

подствовал голландский торговый капитал, со второй половины XVIII в. туда начали проникать и английские купцы или их индийские торговые агенты, плававшие под британским флагом. Сиам, казалось бы, вновь превратился в страну с преобладающим натуральным хозяйством и застойным феодальным укладом, и только в середине XIX в. после решительных действий короля-реформатора Рамы IV Монгкута (1851—1868), подписавшего в 1855 г. первый неравноправный договор с Англией и открывшего, так сказать, «окно в Европу», в стране произошел резкий подъем товарности хозяйства. Теперь Сиам, хотя и за высокую цену, начал приобщаться к мировому рынку и «благам» мировой цивилизации.

Традиционное противопоставление политики четвертого короля из династии Чакри первым трем, в особенности его непосредственному предшественнику Раме III (1824—1851) как ультраконсерватору и ненавистнику всего европейского,— довольно прочно установилось в западной исторической литературе.

Между тем историческая действительность была гораздо сложнее. Династия Чакри в лице короля Рамы I (1782—1811) пришла к власти после тяжелейших социальных потрясений в стране, в известной мере перекликавшихся с одновременным им крестьянским восстанием тэйшонов во Вьетнаме. Старая феодальная знать была почти полностью истреблена в предыдущие десятилетия, тяжелый урон был нанесен и верхушке буддийского духовенства. Новая власть чувствовала себя еще весьма неуверенно и не была в состоянии сразу восстановить абсолютную деспотию сиамских королей XVII—XVIII вв. Ей пришлось прибегнуть к демагогическому заигрыванию с народом, выдвинув лозунг возврата к временам патриархального, «истинно буддийского» правления древних королей. В то же время она вынуждена была пойти на реальные уступки народным массам. Характерно, что еще в 20-х годах XIX в. прямые налоги не превышали, а иногда даже были ниже налогов, установленных в 80-х годах XVII в. Учитывая, что стоимость денег за это время упала, сохранение такой фиксированной государственной ренты позволяло накоплять известные излишки в хозяйствах крестьян, что повлекло за собой, с одной стороны, рост народонаселения (население Сиама в первой четверти XIX в. составляло около 5 млн. против примерно 2 млн. в конце XVII в.; территория

государства за это время также расширилась не менее чем вдвое, главным образом за счет слабонаселенных районов). С другой стороны, это повлияло на расширение внутренней торговли. «От одного конца страны до другого все в движении, по каналам и рекам спешат бесчисленные барки, чтобы доставить товары в лавки и склады столицы»,— писал живший в Сиаме во второй четверти XIX в. епископ Паллегуа [11, т. I, 324].

Желая укрепить свою социальную базу, первые Чакри начали широко привлекать в страну китайских иммигрантов-ремесленников, купцов и земледельцев — возделывателей интенсивных культур. Иммигрантам предоставлялись самые широкие льготы. В то время как коренные сиамцы были обязаны нести ежегодно трехмесячную государственную барщину (с денежным эквивалентом 18 бат), китайцы платили лишь подушный налог 1,5 бата в год. Чуждые местному населению, они, по крайней мере на первых порах, должны были поневоле сохранять лояльность правительству и часто занимали низшие административные должности, а иногда и довольно высокие.

Сиамские короли создали также условия для притока китайского купеческого капитала. Как указывает Кроуферд, в 1822 г. строительство джонки водоизмещением в 1500 пикулей (90 *т*) в Фуцзяни стоило 3 тыс. исп. долл., а в Бангкоке — 1350. Таким образом, стоимость одной тонны водоизмещения в Фуцзяни равнялась 30,58 исп. долл., а в Бангкоке — 15 долл. [8, т. I, 76]. Наконец, китайскими иммигрантами были опытные моряки сиамского флота. Общая картина станет яснее, если мы скажем, что в первом же дошедшем до нас упоминании о численности населения Бангкока говорится, что половину его составляют китайцы [8, т. II, 221].

Таким образом, внутренние условия для широкого развития внешней торговли при первых Чакри в Сиаме существовали. К этому следует прибавить благоприятный для Сиама ход международных событий в первые десятилетия правления этой династии. Четвертая англо-голландская война (1780—1784) закончилась сокрушительным разгромом голландского флота. Голландия потеряла свое более чем вековое фактически монопольное господство в международной торговле Южных морей. Но Англия не успела воспользоваться своей победой. Начавшаяся вскоре в Европе война с революционной, а за-

тем наполеоновской Францией более чем на два десятилетия сковала английские силы на Западе. Правда, в ходе этих войн Англия сумела оккупировать голландские владения в Юго-Восточной Азии (Малакку — в 1795 г., Яву — в 1811 г.), но развернуть международную торговлю в объеме, сколько-нибудь сопоставимом с голландским, она не могла. И после войны, вплоть до 1824 г., Англия и Голландия продолжали еще делить и вновь переделять колонии и сферы влияния в Южных морях. Это давало шанс странам региона, в первую очередь Сиаму, развернуть собственную внешнюю торговлю, тем более что, в отличие от большинства европейских и некоторых азиатских феодалов, сиамские феодалы никогда не гнушались торговлей и всегда готовы были принять в ней участие.

Наиболее крупную по объему торговлю Сиам вел с Китаем. Причем наряду с товарами, которые экспортировались в эту страну еще в XVII в., в сиамском экспорте появляются и занимают первое место два новых товара — рис и сахар. Эпизодический экспорт риса в Китай происходил еще в первой половине XVIII в.: в 1722 г., узнав, что рис в Сиаме крайне дешев, китайский император приказал привезти из этой страны 300 тыс. пикулей (18 тыс. *т*) риса [5, т. I, 77]. Но систематический вывоз риса в Китай (так же как и в другие страны) начался только в конце XVIII в. По мнению Кроуферда, в начале 20-х годов XIX в. Сиам по вывозу риса стоял на втором месте в Азии после Бенгалии.

В 1821 г. общий объем торговли Китая с Сиамом (только на сиамских судах) составлял 24 562 *т*, а вместе с тоннажем китайских судов — 35 093 *т*. Всего в торговле с Китаем было занято около 140 крупных джонок [8, т. II, 158—159]. Средняя прибыль от торговли с Китаем составляла 300% [6, т. II, ч. I, 80]. Даже при гибели каждого второго корабля (а потери были явно меньше) владельцы (сам сиамский король, принцы, крупные чиновники, китайские купцы) не оставались в накладе. Помимо риса и сахара, составлявших основную массу товаров, в Китай вывозились также товары, находившиеся в монопольном владении государства (олово, слоновая кость, кардамон, сапановое дерево, орлиное, или алойное, дерево, камедь и ласточкины гнезда) [8, т. II, 111], а также другие товары, которые, подобно рису и сахару, свободно обращались на рынке: черный перец, хлопок,

кожи и шкуры быков, буйволов, оленей и леопардов, панцири черепахи, перья пеликанов, павлинов и других птиц, красное и розовое дерево для мебели, кору лакового дерева, арековые орехи и прочие товары [8, т. II, 156].

Для облегчения торговли с Китаем сиамское правительство в первой четверти XIX в. каждые три года посылало посольство с дарами китайскому императору и ежегодно — к его наместнику в Гуанчжоу. Посольство сопровождали два торговых корабля водоизмещением 900—1000 *т* каждый, грузы которых, согласно обычаю, продавались беспошлинно [8, т. II, 156—157].

На втором месте по значению для Сиама стояла торговля с княжествами Малаккского полуострова и островами Индонезийского архипелага. Сиамские суда регулярно посещали порты Келантана, Тренгану, Паханга, Риау, Малакку, Пинанг, Батавию (Джакарту), Семаранг, Черибон, Палембанг, Понтианак. В 1825 г. малайские порты посетило от 30 до 40 джонок, порты Явы и Борнео — 6 сиамских джонок. Кроме того, в этом году 26 сиамских кораблей посетило недавно основанную (в 1819 г.) английскую колонию — порт Сингапур [6, т. II, ч. I, 80]. Основными предметами вывоза в эти районы были очищенный рис, падди, растительное масло, сахар, соль, железо и железные изделия, лаковые и керамические изделия, бензоин.

Обратными рейсами из Малайи вывозили золотой песок, малайские текстильные изделия, а также ряд товаров, шедших на реэкспорт в Китай,— олово, птичьи гнезда, акульи плавники, некоторые сорта орлиного дерева, перец, ротанг. Из Сингапура и с о-ва Пинанг вывозились различные британские и индийские мануфактурные изделия, а также опиум.

Следующее место по значимости занимала торговля с Камбоджей. Сиамские купцы ввозили в эту страну китайские, европейские и индийские ткани, железо, а вывозили (главным образом для реэкспорта) камедь, кардамон, слоновую кость, кожи, рога, сушеное оленье мясо, соленую рыбу [8, т. II, 164].

В Лаос ввозили соль, соленую рыбу, китайскую посуду и стеклянные бусы, индийские и европейские ткани. Из Лаоса везли золотой песок, лак, камедь, бензоин, кардамон, слоновую кость, рога, шкуры тигров, воск, кожи, меха, хлопок, шелк-сырец, тик, медь, свинец [8, т. II, 153].

Между Бангкоком и вьетнамскими портами — Сайгоном, Файфо и Хюэ крейсировало 40—50 небольших сиамских судов. Они ввозили во Вьетнам необработанное железо, железные сковороды, табак, опиум, европейские и китайские товары, а вывозили оттуда мешковину и парусину, обработанный и необработанный шелк и некоторые другие товары.

По интенсивности международная торговля Сиама в первой четверти XIX в., видимо, не уступала торговле XVI—XVII вв., хотя и была меньшей по масштабам.

Как отмечали наблюдатели в 20-х годах XIX в., некогда очень крупная непосредственная торговля Сиама с Японией полностью прекратилась. Незначительный обмен товарами проходил через посредников на китайском рынке. Торговая линия Юго-Восточная Азия — Средний Восток тоже была потеряна для Сиама после завоевания Индии англичанами. В Персию сиамские суда больше не ходили, в Индию ходил единственный сиамский корабль европейского типа. Но и он не мог конкурировать с британским торговым флотом. Один из его очередных рейсов в Калькутту в 1821—1822 гг. окончился с убытком в 24 тыс. бат [8, т. II, 215].

Общая годовая стоимость экспорта Сиама в первой половине XIX в. в отдельные годы достигала 5,5 млн. бат, а импорта — 4,3 млн. [9, 22]. Разница между экспортом и импортом представляла собой драгоценные металлы (золото и серебро), которые шли главным образом на украшение дворцов и храмов.

В импорте Сиама на первом месте по важности стояли так называемые «стратегические товары» — пушки, ружья, порох, штыки, свинец в зернах, сталь в брусках, листья меди (для обшивки кораблей), жесть, гвозди, паруса, цинк. Сиамское правительство придавало особое значение ввозу именно этих товаров и обеспечивало налоговые льготы купцам, которые их ввозили [11, т. I, 328—329].

На втором месте стоял импорт тканей — сукно (в основном зеленой и красной расцветки), кашемир, хлопчатобумажная ткань (в основном красная), хлопчатобумажная пряжа, бархат, золотые и серебряные нити и мишура. Как видно из приведенного списка, ткани частично ввозились в виде полуфабрикатов и поступали в мастерские сиамских ткачей. Основным потребителем этих тканей была столичная знать. Однако часть хлоп-

чатобумажных тканей поступала и в провинции (главным образом центрального района). Их доставляли туда мелкие торговцы-китайцы на лодках по разветвленной системе рек и каналов [11, т. I, 329].

В сравнительно небольших количествах, но в большем ассортименте ввозились европейские и китайские товары: фарфор, фаянс, оконное стекло, черепица (китайская), кафель (китайский), скобяные товары, ножи, замки, мыло, бумага, чернила, очки, часы, зонты, зеркала, золотые, серебряные и медные вазы (китайские), китайские статуэтки, резные сундуки (китайские), курительные палочки, цветная бумага, бумажный трут, различные китайские и европейские орудия труда [11, т. I, 328]. Ввозились также краски, благовония и парфюмерные изделия (эссенция сандала, ладан, корица, гвоздика, камфара, камфарное масло, европейские духи и одеколон).

Для потребления знати ввозились такие продовольственные товары, как пшеничная мука, чай, пиво, вино, коньяк, ром, джин, китайский табак, маринованный чеснок, апельсины и другие субтропические фрукты [11, т. I, 329].

Такова была в общем ситуация к весне 1822 г., когда в устье Менама бросил якорь британский военный корабль, на борту которого был Джон Кроуферд, посланец генерал-губернатора Индии Хейстингса, первый английский посол в Сиаме после XVII в.

Интересы Англии должны были первыми столкнуться с интересами Сиама в этот период. После основания в 1819 г. Сингапура Англия всерьез начала закрепляться на Малаккском полуострове. Сиам же, окрепший за последнюю четверть века, выбрал как раз это время для развертывания своей экспансии в Северной Малайе, на которую он имел исторические притязания с XIII—XIV вв. В 1818 г. Рама II приказал своему вассалу султану Кедаха напасть на соседнее княжество Перак и принудить его правителя послать в Бангкок «бунгамас» — золотые и серебряные цветы, знак вассальной зависимости. Султан Кедаха не выполнил этого приказа. В порядке репрессии на его территорию в 1821 г. вторглось сиамское войско. Армия султана была разгромлена, сам он бежал на английскую территорию (некогда уступленный Кедахом Англии о-в Пинанг) [3, 90]. В результате создалась реальная угроза независимости располо-

женных южнее княжеств Перака и Селангора, истощавших свои силы во взаимной вражде. Таким образом, для вмешательства Англии почва была подготовлена.

Но и для сиамского правительства визит Кроуферда не был неожиданностью. Как пишет Кроуферд, хотя он был послом не королевы Виктории, а лишь губернатора Хейстингса (различие, имевшее очень большое значение для восточных дворов), он смог приступить к выполнению своей миссии без всяких проволочек. На следующий день после своего прибытия (29 марта 1822 г.) Кроуферд был принят праклангом (министром иностранных дел и внешней торговли) Суривонг Коса, вопросы которого, как отмечает Кроуферд, были деловые и разумные. 3 апреля он был принят старшим сыном короля принцем Кром Чат (будущий король Рама III), который контролировал ведомство праклaнга. Кром Чат проявил недюжинное знание европейской политики,— он как бы невзначай поинтересовался, какие именно войны ведет в настоящее время Англия в Европе. Во время следующей аудиенции Кром Чат явно не без намека попросил достать ему литературу о войнах Наполеона, которым он, по его словам, восхищался [1].

7 апреля 1822 г. у Кроуферда состоялось новое совещание с пракланrом, на котором от общих вопросов стороны перешли к конкретным предложениям. Кроуферд желал получить полную свободу торговли для английских купцов. Прaкланг потребовал в обмен на это свободную продажу сиамскому правительству огнестрельного оружия. Но Кроуферд не был готов принять это предложение. Он двусмысленно ответил, что поставки оружия возможны только таким странам, которые не воюют с друзьями и соседями Англии (в данном случае с Бирмой). В этом ответе был элемент шантажа: Кроуферд как бы намекал на возможный союз Англии с традиционно враждебной Сиаму Бирмой. На самом же деле подготовка к первой англо-бирманской войне уже шла полным ходом.

Этот дипломатический ход должен был замаскировать нежелание усилить военные позиции Сиама в Малайе. В то же время у Кроуферда, совмещавшего функ-

---

[1] Не следует забывать, что только что умерший Наполеон, о смерти которого в Сиаме вряд ли знали, даже на о-ве Св. Елены оставался предметом серьезного беспокойства для англичан.

ции посла и разведчика, были и другие, еще более серьезные причины не давать сиамцам современного оружия. Ознакомившись с укреплениями, защищавшими в то время вход в Менам, он подчеркивал легкость захвата Бангкока в результате внезапного нападения с моря [8, т. I, 283]. Тайный смысл отказа Кроуферда, впрочем, быстро был разгадан сиамцами. Как только два года спустя разразилась первая англо-бирманская война, они энергично начали строить по всему побережью укрепления европейского типа. Впрочем, и в самый момент переговоров Кроуферда определенные круги открыто говорили об угрозе английской агрессии против Сиама. «Интриганы-китайцы,— с обидой писал он в своем отчете,— уверяют, что англичане пришли сюда со сладкими речами, притворяясь, что они хотят только торговать, а немного погодя они попросят разрешения построить факторию, затем стену вокруг нее, потом поставят на эту стену пушки. И, наконец, захватят страну, как уже было много раз. Они прибавляют, что, хотя англичане не ведут сейчас войны в Индии, они держат там под ружьем большую армию, которую нужно как-то использовать» [8, т. I, 139].

На девятый день прибытия в Бангкок Кроуферд был принят Рамой II (хотя по своему статусу не мог этого требовать). Такая оперативность и вдобавок нарушение дипломатического этикета показывают, насколько серьезно сиамцы относились к невысказанным целям английского посольства. Один из первых вопросов Рамы II был: с ведома ли короля Англии предпринято это посольство или это частная инициатива Хейстингса? В заключение аудиенции Рама II подчеркнул, что Сиам сейчас более всего нуждается в огнестрельном оружии [8, т. I, 147]. За этим последовали новые переговоры с праклангом и принцем Кром Чатом. В промежутках послу показывали достопримечательности столицы, в том числе — как бы между прочим — большой пороховой завод.

В своих беседах с Кроуфердом пракланг и Кром Чат старались как можно больше выяснить дальнейшие колонизаторские планы Англии. На аудиенции 18 апреля Кром Чат спросил английского посла, какой доход приносит Цейлон. Кроуферд стал уверять, что Англия терпит там одни убытки, а в своем дневнике вынужден был признать, что «сиамцы были прекрасно осведомлены о положении в Индии» [8, т. I, 192]. Чтобы замять нелов-

кость, один из членов посольства завел речь о том, что Англия сейчас в мире со всеми народами. «Зачем же вы содержите такой большой военный флот?» — немедленно спросил его пракланг. Англичане уклонились от ответа.

Дальнейший ход переговоров показал, что в сиамском правительстве боролись две тенденции политики по отношению к англичанам, возможно, что за ними стояли различные группировки. Сам Кроуферд в дневнике отмечает, что во дворце борются за власть «две партии» — одна во главе с принцем Кром Чат и праклангом, другая во главе с юным принцем Чао Фа (будущий Рама IV Монгкут) и его друзьями [8, т. I, 162]. Но более вероятно, что внешняя политика этих двух групп в 1822 г. еще не имела больших различий.

Колебания в переговорах, возможно, шли от старого короля Рамы II. Единственный вопрос, в котором англичанам сразу и твердо было сказано «нет», — это требование экстерриториальности. Остальные предложения Кроуферда дали пищу длительной дискуссии. Так, на его просьбу снизить импортную пошлину с 8 до 6% пракланг ответил, что португальцы в 1818 г. уже получили такую льготу, но никакой торговли все равно не ведут [8, т. I, 187]. Позднее он согласился на такое снижение пошлины. Но в беседе 25 мая внес в этот пункт условие, что в Бангкок ежегодно должно приходить не менее пяти английских торговых кораблей [8, т. I, 251].

В следующем проекте торгового соглашения, представленном праклангом 6 июня, о снижении пошлин не было сказано ни слова, зато гарантировалась «свободная и неограниченная торговля», которой все время добивался Кроуферд. Именно наличие государственной торговой монополии на ряд важных товаров и право первой покупки предметов импорта, традиционно принадлежавшее королю, по мнению Кроуферда, препятствовали европейской торговле в Сиаме. Что же касается размеров пошлин на товары или тоннаж, они, на его взгляд, были невелики. Но всего четыре дня спустя эта важнейшая уступка была взята назад при помощи небольшой «редакционной» поправки: после слов «свободная торговля» было добавлено «с комендантом порта» [8, т. I, 264] (т. е. с государством).

Создается впечатление, что вся эта сложная дипломатическая игра имела целью прощупывание подлинных намерений англичан, выяснение, как далеко они пойдут

в своих уступках и насколько они опасны в данный момент. Поэтому Кроуферда то соблазняли договорными льготами и выгодными торговыми сделками (например, поставкой в Бенгалию 24 тыс. *т* соли за один год), то пугали американской конкуренцией. На одну из бесед с английским послом пракланг пригласил капитана стоявшего в это время в Бангкоке американского судна. «Эти люди привозят нам то, что нам больше всего нужно,— огнестрельное оружие,— заявил пракланг,— и забирают у нас большие партии сахара и другие продукты страны» [8, т. I, 243]. И он добавил, что в текущем году ждет прибытия еще 8—10 американских кораблей, а это было явным преувеличением. В другой раз пракланг обратил внимание Кроуферда на широкое распространение в Сиаме посадок кофе, созданных с целью экспорта в Америку.

В целом, как правильно отмечает Н. В. Ребрикова, главным был вопрос об оружии [2, 129]. Как только стало ясно, что оружие предоставлено не будет, в правительстве возобладало мнение не идти ни на какие уступки, несмотря на опасения возможной угрозы в будущем.

Договор, подписанный 10 июня 1822 г., принял характер вежливой констатации уже существующих фактов. Англичане обязались не препятствовать осмотру своих судов и выгружать на сушу пушки и оружие перед входом в Менам. Сиамцы давали обязательства не повышать в дальнейшем существующие пошлины, а начальник таможни должен был оказывать англичанам всяческую поддержку в торговле с сиамскими купцами [8, т. I, 267].

Но не прошло и двух лет, как вопрос об упорядочении англо-сиамских отношений снова стал на повестку дня. В марте 1824 г. после долгих переговоров был подписан англо-голландский договор о размежевании сфер влияния в Юго-Восточной Азии, по которому Малайя отходила к Англии. Теперь у Англии остался только один серьезный соперник на Малаккском полуострове — Сиам. В том же месяце началась первая англо-бирманская война, ставшая важным фактором в определении дальнейшей политики сиамского правительства.

Отношения Сиама с Бирмой во второй половине XVIII — начале XIX в. были, как правило, враждебными. Еще в 1823 г. бирманский король Баджидо обратился к вьетнамскому императору Минь Мангу с предло-

жением заключить военный союз против Сиама. Минь Манг, однако, счел более целесообразным переслать это письмо королю Раме II [12, 109]. В то же время Англия, верная своей традиции воевать преимущественно чужими руками, была не прочь втянуть Сиам в военный конфликт с Бирмой.

Сиамскому правительству необходимо было быстро принимать правильные решения в сложившейся международной обстановке. Между тем в самом Сиаме летом того же года едва не разразился серьезный политический кризис. 21 июля 1824 г. умер Рама II. Согласно закону о престолонаследии, изданному еще в XIV в. (хотя на практике часто нарушавшемуся), наследовать ему должен был старший сын королевы — двадцатилетний юноша Чао Фа Монгкут. Но значительная часть реальной власти в государстве еще при жизни Рамы II сосредоточилась в руках 37-летнего принца Чесда (Кром Чат), сына Рамы II от младшей жены. Как уже говорилось выше, за каждым из претендентов на трон стояла определенная группа феодалов, связанных личными и родственными отношениями. Но до открытого столкновения между ними не дошло. Учитывая международную обстановку, большинство знати пришло к решению, что во главе государства должен стоять опытный, энергичный, искушенный в политике человек. 1 августа 1824 г. состоялась коронация принца Чесда, вошедшего в историю под именем Рамы III. Он был первым в своей династии и одним из немногих королей Сиама, который взошел на трон без кровопролития.

С легкой руки некоторых западных историков к Раме III прочно приросла кличка ультраконсерватора и ярого противника всего европейского, стремившегося задержать развитие Сиама на уровне XV в. и едва не погубившего независимость страны своим упорным противостоянием Западу.

На самом деле это был очень гибкий и проницательный политик [2], и за четверть века его правления в истории Сиама произошло столько серьезнейших экономических и политических изменений, что оно по насыщенности событиями и переменами, пожалуй, ничем не усту-

---

[2] Достаточно сказать, что с 1826 по 1839 г. Рама III шесть раз принимал западных послов, больше, чем любой другой азиатский монарх того времени.

пает правлению его наследника «короля-реформатора» Рамы IV Монгкута. Рама III был для своего времени прекрасно образованным человеком, хорошо понимавшим положительные стороны европейской цивилизации. Еще в бытность принцем он выяснил у Кроуферда возможности доставки в Сиам противооспенной вакцины, а став королем, использовал христианских миссионеров-врачей для обучения таиландских медиков приемам противооспенной прививки. Вакцину для этой цели он выписал из британских владений в Индии.

Чувствуя, однако, что в данной ситуации Сиаму важнее всего выдержать торговую конкуренцию с европейскими купцами и охранять свою независимость от покушений европейских держав, он больше всего внимания уделял европейскому кораблестроению и военному делу. К началу его правления у Сиама был только один, видимо приобретенный за границей, корабль европейского типа. Но еще будучи принцем и главой внешнеторгового ведомства, он начал строительство новых кораблей [12, 4]. К 1847 г. под сиамским флагом плавало не менее 20 крупных торговых кораблей, построенных в Бангкоке, из них 13 принадлежало королю. И не только плавали, а и успешно конкурировали с англичанами. Так, в 1838 г. из 9 судов европейского типа, ходивших с грузами в Бангкок, 6 принадлежало англичанам, а 3 — сиамцам, в 1846 г. из 13 судов 9 были английскими и 4 сиамскими, а в 1849 г. на 5 английских судов приходилось 14 сиамских [12, 128].

Около 1830 г. Рама III пригласил на сиамскую службу европейских военных инструкторов. К концу своего правления он располагал 10-тысячным корпусом пехоты и артиллеристов, обученных по европейскому образцу. Все уязвимые места сиамского побережья, в особенности устье Менама, при Раме III были защищены мощными укреплениями новейшего западного типа [11, т. I, 313, 321].

Наконец, Рама III уделял большое внимание строительству сиамского военного флота. Помимо 500 усовершенствованных двухрядных военных галер он построил 4 фрегата и 16 корветов по европейским образцам [11, т. I, 322].

Все это торговое и оборонное строительство повысило экономическое и военное могущество Сиама, но в то же время потребовало огромной мобилизации сил и средств.

Если государственный доход в конце правления Рамы II равнялся 5169 тыс. бат [8, т. II, 122], то в конце правления Рамы III он превысил 14 млн. бат (около 8,5 млн. долл. по курсу того времени) [12, 20]. Между прочим, после смерти Рамы III в казне оказалось всего около 300 тыс. бат. Такой колоссальный рост государственных доходов стал возможен отчасти благодаря прибылям от внешней торговли, отчасти благодаря возросшему притоку китайских эмигрантов (как правило, это были работоспособные мужчины без семей). За время правления Рамы III в Сиам прибыло 250 тыс. китайцев [12, 27], которые приносили большой доход казне своим трудом.

Но прежде всего государственный бюджет вырос за счет резкого усиления эксплуатации местного крестьянства и ремесленников. Особенно во второй половине правления Рамы III это породило недовольство в стране и вынуждало его проявлять большую гибкость и во внутренней политике. От суровых указов против «разбойников» и их укрывателей до широкой социально-религиозной демагогии [3]— таков был диапазон его средств. Он построил ряд зданий специально для раздачи милостыни нищим (стало быть, их развелось очень много). Повысив множество налогов, он демонстративно отменил налоги на рыбные ловушки и сбор яиц морских черепах, так как это, дескать, доходы от убийства, запрещенного буддизмом [12, 35]. Он иногда даже прощал недоимки «особенно бедным» крестьянам. Одним словом, он делал все, чтобы завоевать популярность и сплотить народ вокруг себя под знаменем ортодоксального буддизма и патриархального патриотизма. Его задача была нелегкой, но в целом он довольно успешно справлялся с ней четверть века.

Столь же деятелен и изобретателен был он и в области внешней политики. Вскоре после вступления на трон он отправил к бирманской границе три корпуса, которые заняли там выжидательную позицию. В то же время он начал формировать четвертый корпус в Лигоре, на севере Малаккского полуострова, чтобы иметь возможность расширить свои позиции в Малайе, если англичане надолго увязнут в Бирме.

---

[3] Именно Рама III возобновил патриархальные традиции раннесредневековых королей, выставив перед своим дворцом барабан, чтобы каждый обиженный мог обратиться с жалобой к королю [12, 16].

Англичане, первоначально заинтересованные в военной помощи сиамцев, по мере затягивания войны стали опасаться за свои малайские интересы. Вызывало опасения у них и то, что Сиам может воспользоваться случаем, чтобы оккупировать некогда принадлежавшую ему Тенассеримскую провинцию и соседние земли на восточном берегу Бенгальского залива с монским населением, традиционно дружественным Сиаму.

С целью предотвратить эти события в сентябре 1825 г. англичане направили в Сиам посольство во главе с капитаном Генри Берни. Перед ним были поставлены три основные задачи: принудить сиамцев выступить против Бирмы не на юге, а на севере, из района, недоступного англичанам, в тыл бирманской армии; заставить Сиам отказаться от своих притязаний в Малайе; добиться от сиамского правительства максимальных льгот для британской торговли.

К тому времени, когда Берни добрался до Бангкока (декабрь 1825 г.), исход первой англо-бирманской войны был уже ясен для всех. Действительно, два месяца спустя, в феврале 1826 г., был подписан мирный договор в Яндабо, по которому Бирма уступала Англии свои приморские провинции — Аракан и Тенассерим, а также другие земли и выплачивала огромную контрибуцию [4, 409; 1, 26].

Поэтому Берни явился в Бангкок как высокомерный победитель. Ему предшествовал слух, возможно распущенный агентами англичан, что он везет с собой суровый ультиматум и что вторжение Англии в Сиам может произойти со дня на день. Берни демонстративно отказался в устье реки сдать на берег пушки военного корабля, на котором он прибыл, и английский фрегат поднялся к Бангкоку в полном вооружении. Началась изнурительная война нервов. Рама III и его правительство сумели затянуть ее на семь месяцев. И в конечном счете добились своего. Англичане подписали крайне редкий в их колониальной истории договор, в котором каждый пункт был построен на принципе взаимности [6, т. I, ч. II, 250—255].

Англия признавала в договоре суверенитет Сиама над Кедахом. Сиам в ответ на это признал английскими владениями о-в Пинанг и провинцию Уэллесли. Договор разграничил сферы влияния обоих государств в Малайе. Перак и Селангор были отнесены к сфере влияния

Англии, Келантан и Тренгану — к сфере влияния Сиама[4].

В договоре объявлялось о вечном мире и дружбе, ненарушении границ обеих держав. Отрицалось право экстерриториальности за подданными обеих стран. Запрещалась аренда земли или открытие факторий без разрешения правительства соответствующей страны; обеим странам предоставлялось право наиболее благоприятствуемой нации; наконец, разрешалась свободная торговля между подданными обеих стран «согласно местным обычаям».

В торговых правилах, приложенных к договору, различные виды пошлин с британских судов заменялись единым налогом в 1500 бат с каждой сажени (2 *м*) ширины судна. Таким образом, английское судно водоизмещением в 500—600 *т* должно было уплатить таможенный сбор в 9 тыс. бат [2, 133].

Главным для англичан в договоре был неявный (поскольку исходили только из принципа взаимности) отказ Сиама от государственной торговой монополии. Это могло бы нанести серьезный финансовый ущерб стране, если бы дипломаты и юристы Рамы III не позаботились об обтекаемости формулировок договора [4, 359]. Взамен упраздненной государственной монополии вскоре был создан ряд внутренних налогов на товары, идущие на экспорт. Эти налоги сдавались на откуп китайским купцам, за спиной которых часто стояли сиамские вельможи. Откупщики-монополисты не дали англичанам сбить цены на сиамском рынке, и сиамская казна также не осталась в убытке.

Когда в 1833 г. в Сиам прибыло первое американское посольство во главе с Эдмундом Робертсом, ему был оказан самый радушный прием (уже тогда были заложены основы сиамской традиционной политики XIX — начала XX в.: использовать одну западную державу против другой). Но несмотря на все усилия американского посла добиться новых льгот, с ним был подписан точно такой же договор, как с англичанами [5, т. II, 205]. В 1840 г. сиамцы обратились к французскому консулу в Сингапуре с предложением подписать сходный договор, но Франция тогда не проявила заинтересованности.

[4] Такая уступка «азиатским варварам» вызвала взрыв бешенства в английских колониальных кругах Пинанга и Сингапура, требовавших аннексировать всю Малайю [3, 93—94].

Переломный момент в отношениях правительства Рамы III с Западом наступил в годы первой опиумной войны против Китая (1839—1842). Как и в 1825 г., стали распространяться слухи о готовящемся нападении на Сиам. Сиамское правительство начало строить новые оборонительные сооружения. Устье Менама было заграждено цепями и вбитыми в дно бревнами [2; 136]. В то же время развитие собственного флота позволило сиамцам меньше зависеть от европейских скупщиков. Был возобновлен контроль над торговлей сахаром, а в 1842 г. цена сиамского сахара была поднята на 40% [12, 127].

Английские и американские купцы, которых это ударило по карману, попробовали организовать против Сиама нечто вроде торговой блокады. Их корабли почти перестали заходить в Бангкок. Общий экспорт Сиама упал, но сиамцы не капитулировали. Безрезультатной оказалась и политика провокаций, которую повел постоянный торговый представитель Англии в Бангкоке Хантер. Его попытки организовать инциденты, чтобы создать повод к войне, были пресечены высылкой из страны в декабре 1844 г. [2, 136; 12, 129].

Видя, что сиамцев нельзя взять измором, Англия и США решили снова прибегнуть к традиционной политике канонерок. 24 марта 1850 г. в Сиам на военном корабле прибыл американский посол Джозеф Баллестье с требованием решительного пересмотра договора. Преднамеренно или по невежеству он начал переговоры в крайне грубом тоне, осыпая сиамцев угрозами. Это не смутило сиамских дипломатов. После трех недель безуспешных переговоров они объявили его, говоря современным языком, персоной «нон грата» и потребовали от американского правительства прислать нового посла [5, т. II, 210; 12, 133].

Вскоре после Баллестье (10 августа 1850 г.) в Бангкок на двух пароходах с огромной пышной свитой и письмом лично от королевы Виктории прибыл английский посол — знаменитый авантюрист «белый раджа Саравак» Джеймс Брук. Это был дипломат куда более высокого полета, чем Баллестье. Он безукоризненно владел всеми тонкостями восточного этикета. Но суть его требований сводилась к тому же, что и у Баллестье: резкое снижение или отмена большинства пошлин; право экстерриториальности для англичан; право скупки земли; разреше-

ние импорта опиума, категорически запрещенного договором 1826 г.

Сиамские министры ответили ему пышным посланием, восхваляющим его дипломатические качества, но, по существу, отказались удовлетворить хотя бы одно требование. Джеймс Брук также в безукоризненно вежливом тоне упомянул о печальной судьбе Китая, который не смог договориться с Англией по торговым вопросам и, сделав этот многозначительный намек, отбыл вместе со всей свитой.

Ситуация стала предельно ясной. Тяжелобольной Рама III не участвовал в этих переговорах, но какое-то кардинальное решение надо было принимать срочно.

3 апреля 1851 г. Рама III умер. На следующий день вышел из монастыря и был провозглашен королем Рама IV Монгкут, решительный сторонник уступок Западу. Незначительные в политическом отношении сыновья Рамы III были отстранены от трона, как в свое время был отстранен сам Монгкут. Но это не было государственным переворотом. Монгкута возвел на трон тот же самый праклang Дит Буннак, который в свое время сделал королем Раму III.

За 27 лет правления Рамы III Сиам значительно окреп в экономическом и военном отношении, и теперь преемник этого короля мог с гораздо большей уверенностью и достаточно авторитетно вести переговоры с западными державами, зная, что они дважды подумают, прежде чем пойдут здесь на военную авантюру. Это и было одной из причин, по которым Сиам оказался единственной страной Юго-Восточной Азии, сохранившей свою независимость в колониальный период.

Источники и литература

1. Козлова М. Г., Бирма накануне английского завоевания, М., 1962.
2. Ребрикова Н. В., Очерки новой истории Таиланда, М., 1966.
3. Тюрин В. А., Завоевание Малайи Англией, М., 1962.
4. Холл Д. Дж. Э., История Юго-Восточной Азии, М., 1958.
5. Bowring J., The Kingdom and People of Siam, vol. I—II, London, 1857.
6. «The Burney Papers», vol. I—IV, Bangkok, 1910.

7. Chakrabongse Chula, prince, Lords of Life. A History of the Kings of Thailand, London, 1967.
8. Crawfurd J., Journal of an Embassy from the Governor General of India to the Courts of Siam and Cochinchina; Exhibiting a View of the Actual State of Those Kingdoms, vol. I—II, London, 1830.
9. Ingram J., Economic Change in Thailand since 1850, Stanford, 1955.
10. Nivat Dhani, The Reconstruction of Rama I,— «Journal of the Siam Society», Bangkok, 1955, vol. 43, pt 1.
11. Pallegoix M., Description du royaume Thai ou Siam, t. I—II, Paris, 1854.
12. Vella W. F., Siam under Rama III (1824—1851), New York, 1957.
13. Wenk K., The Restoration of Thailand under Rama I (1782—1809), Tucson (Arizona), 1968.

Е. И. Гневушева

Первый русский обзор европейской колониальной политики и его автор

В 1804 г. в Курске, в типографии Приказа общественного призрения, была напечатана книга, ныне несправедливо забытая. По обыкновению XVIII в. название книги почти полностью отражает ее содержание: «Краткое историческое обозрение открытия островов португальцами, испанцами, англичанами, голландцами и французами, лежащих в пространнейшем океане, сопредельном Азии и Америке, составляющих пятую часть земного шара, которая от новейших географов называется Полинисиею, Австралией и Южной Индией, собранное титулярным советником Семеном Зубковым».

Автор объясняет, почему он занялся этой темой: «По особливой склонности моей к землеописанию, в течение немалого времени остающегося от должности, собрав верное, краткое историческое обозрение Полинисии, решился не оставить оное в неизвестности». Автор пишет, какого читателя имеет в виду: «российское юношество». Именно поэтому книга его невелика по объему — всего 140 страниц: ведь молодым людям «пространные сочинения весьма бывают скучны и почти бесполезны».

Знакомство с книгой убеждает, что автор ее, живя в эпоху расцвета крепостного права, высказывал передовые для своего времени мысли. Он с негодованием отзывается о колониальной политике европейских держав — политике грабежа и насилия, преклоняется перед наукой и строит гуманные планы новых взаимоотноше-

ний между цивилизованными нациями и отсталыми народами мира; образец таких взаимоотношений должны дать его соотечественники.

Естественно, возникает интерес к автору. Русскому биографическому словарю Семен Зубков известен как «писатель и переводчик конца XVIII и начала XIX века». Словарь сообщает, что перу Семена Зубкова принадлежит помимо «Краткого исторического обозрения островов» перевод с немецкого книги А. Коафенгофера, изданный в Курске же, в 1793 г. Приходится с благодарностью помянуть традицию XVIII в., согласно которой на титульном листе не только с обстоятельностью излагалось содержание книги, но и сообщались сведения об авторе, переводчике и издателе. Мы узнаем, что «Подробное изъяснение о колесах и водяных мельницах и о внутреннем строении пильных мельниц» сочинено Андреем Коафенгофером и переведено «с немецкого на российский Семеном Зубковым, Курского главного народного училища математических наук и физики учителем». Дальнейшие поиски в архивах Москвы и Ленинграда позволили уточнить биографию автора этой во многом примечательной книги.

Семен Зубков родился в 1766 г. в Курске, где отец его, Иосиф Зубков, был священником. Имя «Иосиф» в XVIII, да и в XIX в. писалось и произносилось «Осип». Семен Зубков всегда подписывался в официальных бумагах «сын Осипов». О том, что священник Зубков понимал пользу образования, говорит тот факт, что дочь свою он определил в народное училище Курска, и она была одной из немногих девочек, учившихся в школе. Иосиф Зубков постарался сыну своему, Семену, дать хорошее образование, направив его в Харьковский коллегиум. Это учебное заведение возникло во времена Петра I и по его распоряжению[1]. Воспитанники колле-

---

[1] Оно было всесословным и имело большие источники дохода — вотчины, земельные угодья, дома. Многие монастыри и церкви отчисляли в пользу коллегиума значительную часть своих доходов. Коллегиум быстро вырос в крупное и авторитетное учебное заведение. По словам его исследователя, в 30-е годы XVIII в. «коллегиум как учебное заведение стоял уже высоко и составлял гордость не только края, но и всей России» [5, 9]. Особенностью, выделявшей Харьковский коллегиум из числа других учебных заведений страны, было преподавание практических знаний и хорошее обучение иностранным языкам. На эту особенность обращает внимание советский исследователь М. М. Штранге: «В нем (Харьковском кол-

гиума затем заполняли канцелярии и ведомства государственного аппарата управления.

Как только была задумана реформа в области просвещения — организация всесословных народных училищ,— комиссия по их организации в 1783 г. обратилась к руководству Харьковского коллегиума с просьбой выслать в Санкт-Петербург лучших учеников для обучения в недавно образованном в столице Главном народном училище (впоследствии оно называлось Учительской семинарией): надо было спешно готовить кадры для новых школ. В числе лучших студентов, направленных из Харькова в Петербург, был и Семен Зубков. Он оказался в первом наборе студентов петербургского Главного народного училища, когда внимание к новому учебному заведению было велико. К преподаванию были привлечены профессора и адъюнкты Российской Академии наук. Из Австрии был приглашен известный педагог Ф. И. Янкович де Мириево, разделявший взгляды на процесс обучения Яна Амоса Коменского.

Студенты были вольны избрать точные науки или гуманитарные — такое разделение было введено в Учительской семинарии. Семен Зубков изучал математику, физику и архитектуру, изучал серьезно: в период обучения в Петербурге он перевел с немецкого языка учебник физики, за что и получил награду — сто рублей [2, д. 5, л. 30 об.].

Почему С. О. Зубков, имея вполне определившиеся склонности к точным наукам, в будущем учитель математики и физики, серьезно заинтересовался историей колониальной политики европейских держав? Выяснить это до некоторой степени помогает журнал, издававшийся училищем.

Журнал назывался «Растущий виноград»; создан он был по инициативе Ф. И. Янковича. Развивать творческие способности студентов, снабжать их сведениями, полезными в их будущей деятельности,— таковы были цели «Растущего винограда». В нем было много поэтических произведений — од, воспевавших просвещение, меценатов наук и искусств, элегий и песен. Но было и очень много статей, оригинальных и переводных, в которых обращает на себя внимание общая направленность

легиуме.— *Е. Г.*) уделялось особое внимание общеобразовательным предметам и изучению живых европейских языков» [10, 19].

в духе гуманизма, в духе просветительных идей XVIII в. Журналом руководили О. П. Козодавлев и В. Ф. Зуев[2]. Это были образованнейшие и во многом передовые люди своего времени. Взгляды О. П. Козодавлева были четко изложены в статье «Рассуждение о народном просвещении в Европе». Автор связывал подъем просвещения с новым рубежом в истории человечества — великими географическими открытиями, которые повлекли за собой новые изобретения и новые знания. Очень тонко подмечен конец изолированного существования народов: «Все стремились к взаимному просвещению» [12, 1785 г., кн. IV, 95]. Это наблюдение еще не имеет научного обоснования. Для этого нужен был гений Маркса и Энгельса, чтобы через пятьдесят с лишним лет определить законы развития капиталистического общества, в том числе создание мирового рынка и неизбежность всесторонних связей и всесторонней зависимости наций друг от друга.

Рабского преклонения перед Западом у Козодавлева нет. Он призывал заимствовать все хорошее, что было в передовых странах, но уважал русскую культуру, восхищался русским языком. Преклонялся он перед наукой во всех ее проявлениях.

В полном соответствии со взглядами Козодавлева в журнале был помещен ряд статей, прославлявших науки.

В журнале помещались и произведения, отражавшие действительность,— случаи и происшествия, о которых толковал «весь Петербург». Но многообразное содержание журнала не закрывало одной, удивительной для нас черты: «Растущий виноград» был насыщен восточной тематикой. Это могли быть «Различные записки, касающиеся до турок», статья «О достоинстве великого визиря у турок», перевод с французского статьи «О первобытном правлении Персидского государства, о причинах, способствовавших наиболее к порабощению оного и

---

[2] О. П. Козодавлев был членом комиссии по учреждению народных училищ и помощником директора Главного народного училища в Петербурге, впоследствии — член Академии наук; под его руководством издавалось полное собрание сочинений М. В. Ломоносова.

В. Ф. Зуев — выдающийся русский ученый, естествоиспытатель и путешественник; происходил из социальных низов — «солдатский сын». Профессор естественной истории в Главном народном училище Петербурга и с 1785 г.— редактор «Растущего винограда».

о торговых его предметах». Действие различных назидательных произведений — притч — происходит в восточных странах, в той же Турции: «Поруганный дервиш или турецкий монах»; в притче «Завистливый» рассказывается о благочестивом пустыннике в Анатолии — в ней в полном соответствии с направлением журнала отмечалось: «Не столько благочестие к богу, сколько любовь к человечеству учинила его славным во всей Анатолии» [12, 1786 г., кн. V]. Персия и Турция — соседние государства, с которыми Российская империя имела отнюдь не дружественные отношения. Интерес к ним понятен и оправдан. Но мы в журнале встречаем и произведения о более далеких странах Востока, как, например, статью о ядовитом дереве, растущем на Яве. В заметке «Раджпуты» объяснялось значение распространенного в Индии обычая самосожжения вдов.

Помимо этих статей, содержавших сведения о странах Востока, достоверные и фантастические, «Растущий виноград» помещал на своих страницах материалы, которые давали и общую оценку культуры стран Востока, и определяли исторически сложившиеся взаимоотношения восточной и западной цивилизаций, причем эта оценка исходила от самых выдающихся умов Европы. Так, журнал опубликовал переписку Вольтера и Байи. Она была помещена под названием: «Письма о начале наук и народов азийских»... Вольтер подписывал письма: «Le vieux malade Voltaire», что на русский язык XVIII в. переводилось «старый и хворый Вольтер». Жизненный путь великого француза подходил к концу, но он попрежнему обнаруживал нетерпимость к исторической несправедливости, к поступкам низким, к пренебрежению культурой, пусть даже чужой и во многом непонятной европейцу; по-прежнему он облекал свои мысли в острую, подчас едко-насмешливую форму. Вольтер с уважением относился к цивилизации Востока; достижения науки в Индии были, по его мнению, основой и европейской науки. О взаимоотношениях между Европой и Азией у Вольтера сложилось четкое представление: европейцы в странах Востока вели себя как варвары, истребляя культуру, науки, да и население открываемых ими земель. «Наши европейские татары,— писал Вольтер,— т. е. португальцы, испанцы, голландцы, да и сами французы, пришедшие туда на разорение берегов малабарских и коромандельских, может быть истребили

науки в сих землях так же, как турки в Греции» [12, 1785 г., кн. VI, 44]. То, что было начато первооткрывателями-европейцами — солдатами и авантюристами, — довершили торговые компании. «Торговые наши общества не были академии. Легко поверить, что тамошние наши солдаты и приказчики, кои еще лютее и хищнее солдат, привели несколько в беспорядок те училища, в коих некогда поучались Зороастр и Пифагор». Но не все еще потеряно и для Индии, и для всего просвещенного человечества: «Мы не сожгли еще Бенареса,— с издевкой радовался „старый и хворый“ Вольтер, — испанцы не завели там инквизиции, как в Гоа, и меня уверяют, что в Бенаресе, городе, может быть древнейшем во всем свете, есть еще и поныне прямо ученые люди» [12, 1785 г., кн. VI, 45].

В. Ф. Зуев был типичным разночинным интеллигентом XVIII в. Ему пришлось претерпеть много лишений, невзгод, много унижений от высокомерных вельмож и спесивых чиновников от науки. Бесспорно, его мысли и раздумья о существовавших порядках в России, о возможности их изменения нашли выражение в переводе им глав книги Рейналя [7]. Зуев разделял воззрения, а зачастую и заблуждения европейских просветителей на политический строй и государственные учреждения стран Востока, в частности Китая. Для читателя же были ясны взгляды Зуева на идеальный государственный строй: в нем отсутствуют крепостное право и сословные привилегии, как и привилегии, основанные на богатстве.

Взгляды столь авторитетных лиц, какими в глазах студентов, бесспорно, были Козодавлев и Зуев, излагавшиеся ими не только в письменной форме, но и, надо полагать, в более доходчивой устной, не могли не оказывать огромного влияния на молодые умы.

Время обучения С. Зубкова в Петербургской учительской семинарии было чрезвычайно благоприятно для формирования его мировоззрения и интересов. Прошел только год, как был воздвигнут памятник Петру I. Его идея — неудержимое движение вперед, несущее гибель невежеству,— была поддержана Екатериной II: на пьедестале рядом с именем Петра стояло ее имя. Успехи России со времен Петра, недавние победы русского оружия, несомненно, вселяли в сердца молодежи, прибывшей в столицу для обучения, чувство национальной гордости. В переполненном театре шла новая пьеса — «Не-

доросль» Фонвизина. Специальным указом Сенату в январе 1783 г. было разрешено «во всех городах Российской империи заводить типографии и печатать книги на русском и иностранном языках». И в Харьковском коллегиуме не возбранялось читать Вольтера, чтобы учащиеся почувствовали блестящий стиль французского языка (на содержание обращать внимание не рекомендовалось!), но здесь, в Петербурге, в библиотеке Учительской семинарии и в книжных лавках можно было достать множество книг иностранных и русских авторов, печатавшихся уже в русских типографиях.

По окончании Петербургской учительской семинарии Зубков был в 1786 г. направлен в Курск, по всей вероятности, это было его желанием. В недавно образованном Главном народном училище Зубков стал ведущим учителем. В ежегодных «Ведомостях о состоянии школ в губернии», которые директор посылал в комиссию об учреждении училищ в Петербург, имя Зубкова стояло первым, характеристика его как педагога (он преподавал математику и физику) была превосходна. Досуг свой он использовал так, чтобы принести пользу землякам: перевел с немецкого книгу об усовершенствованной лесопилке. Когда стараниями курского губернатора А. А. Беклешова в городе была открыта типография, то для работы в ней корректором был привлечен учитель математики.

Интерес Зубкова к колониальной политике европейских держав не только не ослабевал, но ширился и получил даже практическую направленность.

Курск в XVIII в. был одним из крупных торговых городов империи. Экономист XVIII в. М. Д. Чулков в своем многотомном труде «Историческое описание российской коммерции при всех портах и границах от древних времен до ныне настоящего...» неоднократно упоминает Курск, что уже говорит о торговом значении города и о торговой активности курян. Санкт-Петербург, Москва, Херсон, Таганрог, Калуга и Тула были теми городами Российской империи, с которыми Курск имел наибольшую связь. Из 73 почтовых станций России в одном Курске их было 6. Эта цифра говорит об интенсивных связях курского купечества со многими городами страны. Более того, куряне вели постоянную торговлю с Лейпцигом, Данцигом, Веной. Наслышанное о выгодных промыслах и прибыльной торговле в далеких краях,

купечество Курской губернии отважно проникало в Сибирь, Китай, на Дальний Восток и далее — на острова Тихого океана, к американским берегам. Русскими торговыми людьми, людьми наживы и отваги, были открыты Курильские, Командорские и Алеутские острова, находящиеся в непосредственной близости от Америки. Планомерный характер продвижения русских в глубь Северной Америки, освоение Аляски, основание постоянных русских колоний на американской земле связано с деятельностью торговых компаний, активным деятелем которых был Григорий Иванович Шелихов, родом из города Рыльска Курской губернии.

Самая предприимчивая часть курского купечества была связана с компаниями, организованными Шелиховым [3], с поездками на острова Тихого океана и на побережье Северной Америки. Они привозили оттуда не только рассказы. Однажды в Курск в 1787 г. лихой купец привез двух индейцев с Алеутских островов. В перечне наглядных пособий Главного народного училища Курска имелись «американских пород дощечки», числом 13, два кокосовых ореха, «один в скорлупе, а другого ядро голое» [11].

Курские купцы заботились о нуждах школы и были основными дарителями и денег и предметов: два глобуса, гордость училища, были подарены Иваном Илларионовичем Голиковым, известным курским купцом, который в 1788 г. был награжден Екатериной II золотой медалью и шпагой «за открытие у берегов Северной Америки новых земель и народов». Нет сомнений в том, что многие диковинные предметы кабинета естественной

---

[3] Основанная в 1781 г. Г. И. Шелиховым и курскими купцами братьями Голиковыми Северовосточная компания для пушного промысла на Алеутских островах и у берегов Америки в 1794 г. была признана правительством единственной представительницей интересов России в Тихом океане. Для освоения тихоокеанского побережья Америки Шелихов незадолго до своей смерти основал в 1794 г. Североамериканскую компанию, действовавшую как отделение основной Северовосточной компании. Указ правительства, объявивший о принятии покровительства над компанией, последовал в 1799 г., тогда же ей были даны привилегии сроком на 20 лет. С этого времени она стала именоваться Российско-американской компанией. Все это время изучался опыт организации торговых компаний европейских держав. В преамбуле акта, учреждавшего Российско-американскую компанию, указывалось, что она создавалась «по достойному подражанию порядку иностранных европейских компаний» [8, Прил., стр. 2].

истории курского училища не могли быть приобретены ни за какие деньги. Это все были дары местных патриотов, радеющих о процветании своего края, но патриотов — бывалых людей, знающих цену вещам и товарам, понимающих пользу и необходимость образования.

Список книг библиотеки училища, составленной, надо сказать, довольно бессистемно, содержит и такие книги: «Всеобщую историю» Боссюэта, «Введение в историю знатнейших европейских государств» С. Пуфендорфа, «Описание Японии» (автор не указан), «Краткую всеобщую историю» И. Фрейера, «Азию и Аравию» А. Ф. Бюшинга, «Историю о покорении Мексики», «Краткую универсальную историю» Весьера де Лакроза, «Описание земель Северной Америки», «Всемирный путешествователь» (или Прево де'Экзим, «Всеобщее повествование о путешествиях») [3]. В архивном деле есть перечень книг, приобретенных в 1791 г. по списку, составленному С. О. Зубковым. В нем 21 название, главным образом по естественной истории, химии, минералогии, ботанике, но были приобретены также «История об английской торговле», четыре экземпляра «Истории российской» Татищева и только что вышедшее в Петербурге «Странствование» Шелихова, знаменитого земляка курян. Конечно, составитель списка должен был иметь в виду нужды училища, но этот список отражает интересы и самого Зубкова, старавшегося изучить и понять тягу европейцев в далекие края.

Когда в Курске Зубков писал свою книгу, суда под командованием И. Ф. Крузенштерна и Ю. Ф. Лисянского отправились в первое русское кругосветное путешествие. Экспедиция была снаряжена частично на средства Российско-американской компании, частично на средства правительства. Россия вступала на путь открытия новых земель.

«Краткое историческое обозрение» С. О. Зубкова, этот первый обзор колониальной политики европейских держав, вышедший из-под пера русского автора, отвечало назревшим потребностям государства. Книга вышла в тот момент, когда Россия готовилась стать соседкой Англии и Голландии по их заморским владениям в «Полинисии».

Под «Полинисией» Зубков вовсе не понимает «Полинезию» в нашем смысле. Он перечисляет острова: Борнео, Суматра, Ява, Целебес, Менадо (часть Целебеса,

которую он ошибочно считает отдельным островом), Банка, Сумбава, Флорес, Тимор, Серам, Новая Гвинея. Сюда же он причисляет и Австралию, Новую Зеландию, Новую Британию, Новую Каледонию. Но весь его обзор касается главным образом того района, который ныне называется Индонезией. Вот как определяет его значение автор «Обозрения»: «Острова, лежащие в пространнейшем всех на земном шаре океане, имели в давно прошедшее время, теперь имеют и впредь иметь будут стремительное влияние на все европейские государства, следовательно, и на наше любезное отечество Россию». Тому причиной — природные богатства островов, об этом автор пишет с большой определенностью: «Вывозимые из них товары, о коих я упомяну кратко, суть корица, гвоздика, камфара, перец, сахар, драгоценные камни, жемчуг, тысячи припасов, в лакомства и в лекарство употребляемых, сделались для европейцев необходимы в пище, в лекарствах, в одеянии, в изделиях».

Зубков неоднократно подчеркивает, что все, что относится к этим островам, очень важно для человечества. Лишь после таких предварительных замечаний, которые должны внушить читателю уважение к сюжету книги, автор переходит к историческому обзору открытия этих островов, начиная его с глубочайшей древности, от времени финикийцев и египтян. Автор утверждает, что европейцы об этих отдаленных островах и странах до XV в. «никакого сведения не имели, а заключали о положении сих островов и стран единственно по догадкам и вымыслам». Кое-что они все-таки знали. Удивительно, что Зубков ни словом не обмолвился о Марко Поло. Рассказы венецианского купца, побывавшего в XIII в. во многих странах Востока и собравшего сведения о местах, где ему побывать не удалось, были в то время очень популярны. Истина в них была переплетена с вымыслом, впрочем, одной правде тогда тоже не поверили бы.

Зубков славит португальцев: «Казалось, одним португальцам присвоится честь первых открытий на земле и на море, в строении кораблей, в мореплавании, в победах и сокровищах отдаленных земель, в славе блистательных геройских подвигов, в торжестве по неизвестным морям от единого края земли и переплывать до другого; и таковым образом как бы новое небо и новую землю видеть».

Португальцы и испанцы искали новых путей на Во-

сток, так как хотели проникнуть в места, богатые золотом и пряностями — товаром, который был тогда равным по цене золоту. Возникали новые, капиталистические отношения, росли города, торговля ширилась и властно требовала все большего количества золота. Энгельс писал: «До какой степени в конце XV века деньги уже подточили и разъели изнутри феодальную систему, ясно видно по той жажде золота, которая в эту эпоху овладела Западной Европой. *Золото* искали португальцы на африканском берегу, в Индии, на всем Дальнем Востоке; *золото* было тем магическим словом, которое гнало испанцев через Атлантический океан в Америку; *золото* — вот чего первым делом требовал белый, как только он ступал на вновь открытый берег» [1, 408]. Не вдаваясь глубоко в причины, побудившие португальцев к поискам морского пути в Индию вокруг Африки, Зубков склонен видеть в принце Генрихе Мореплавателе того, кто «первые средства, первые побудительные причины к открытию нового морского пути в Ост-Индийские страны со стороны Южной Африки изобрел, оные охранял и умножал». Мы должны внести поправку в эту характеристику, которую дает русский автор начала XIX в. признанному герою великих географических открытий.

Родной брат португальского короля принц Генрих был действительно энергичный ученый, львиную долю своего времени отдававший географии и астрономии. Но знал он толк и в торговле. Крупный организатор, чуждый национальных и религиозных предрассудков, — что, конечно, удивительно для XV в.! — Генрих Мореплаватель поставил на научную основу создание морских экспедиций. Но он же организовал и ряд торговых компаний, продававших в Европе африканские товары, в том числе и рабов. Позорная страница торговли в Европе африканцами была открыта, таким образом, благодаря принцу Генриху, который имел от нее непосредственную и большую выгоду.

Зубков четко излагает историю великого открытия португальцами морского пути в Индию, сообщая интересные подробности, касающиеся проникновения португальцев на Малайский архипелаг. Но он оставляет без ответа ряд вопросов, которые немедленно возникают: почему португальцы не смогли удержаться в Индиях? Почему вдруг усилились голландцы, и как они лишили португальцев их монополии на торговлю с островами

пряностей? Все понятно специалисту — начитанному, сведущему человеку, но не «любознательному юноше», для которого предназначена эта книга.

К рискованным путешествиям испанцев побудила зависть,— таково мнение Зубкова. Открытия португальцев, их успехи, ценные товары, которые тяжело нагруженные суда доставляли в Лиссабон,— все это заставляло испанского короля поощрять далекие морские экспедиции. Наш автор сдержанно относится к отважным мореплавателям-испанцам. Правда, Магеллана он называет «великим мореходцем», но не произносит похвального слова испанцам, совершившим первое кругосветное путешествие, а все потому, что испанцами двигало не благородное стремление открыть новое и не наука, не во имя научного познания они рисковали жизнью и часто расставались с ней. «Не распространение сведений в землеописании,— читаем мы в „Обозрении“,— но жадность к обладанию многими землями, корыстолюбие и властолюбие понудили Карла V, короля испанского, каким-нибудь способом ослабить выгоды богатой португальской торговли на островах Молуккских». Подводя итог экспедиции Магеллана, Зубков не преминул отметить, что испанцы «заключили торговый договор с тидорским королем, получили превеликое множество богатейших товаров, состоящих из пряных кореньев, мускатного цвету и орехов за самую пренизкую цену». Вот эта «пренизкая цена» и определяла грабеж испанцами населения островов и вызывала отвращение у русского автора.

У испанских конкистадоров был могучий помощник, обладавший к тому же огромной инициативой. Автор подчеркивает участие церкви в покорении испанцами (да, впрочем, и португальцами) новых земель. В составе экспедиции Магеллана находились иезуиты, они были оставлены на Минданао для обращения жителей в христианство. Зубков рассказывает о некоторых фактах участия католической церкви в колониальных экспедициях. Так, в 1542 г. испанцы отправили экспедицию для новых завоеваний: на 6 кораблей погрузили 350 солдат и четырех монахов. Экспедиция была неудачна, четыре корабля утонуло во время бури, на оставшихся судах много людей погибло от болезней. На 22 года приостановились экспедиции в сторону Филиппинских островов, они возобновились, как пишет автор, по настоянию «уединения ищущих монахов и попов». Филипп II, «которого

сердце не чувствовало, что есть человечество и вера», в 1565 г., однако, с миссионерской целью отправил пять кораблей и один фрегат, на которых находилось 400 солдат и «множество властолюбивых монахов».

Очень хороши эти строки. Просвещенный курянин понимает, что миссионерство прикрывало на самом деле весьма неблаговидные цели, в частности захватническую политику испанского короля, которому были чужды высокие моральные принципы. Эту экспедицию 1565 г. возглавил Мигель де Легаспи. По-настоящему испанцы обосновались на Филиппинах именно с этого времени. Они основали город Манилу, отбились от португальцев, организовали управление, стали вести торговлю. Вот как об этом пишет Зубков: «Высажено войско на остров, которое взяло город Цебу штурмом, принудило жителей дань заплатить и ничего больше доброго не сделано, кроме того, что основан по испанскому обряду августинский монастырь. Потом сказанный адмирал основал здесь испанское поселение с установлением обращать жителей в христианство». Когда автор пишет, что «ничего доброго не сделано», то он в этом утверждении исходит из интересов местного населения. Ведь для себя испанцы сделали как раз очень много: и штурмом взяли город, и силой оружия навязали дань. Основание монастыря и последующая цель — миссионерство в связи с высказываниями автора на предшествующей странице о «властолюбивых монахах» и о миссионерстве, в котором было столько же лицемерия, сколько и материальной заинтересованности,— отнюдь не воспринимаются как благо для населения островов.

Успехи португальцев и испанцев, по мнению автора «Обозрения», побудили и другие народы вступить на путь далеких странствий и открытий. «Оставляли свое отечество, шли с охотою искать новых земель света, новых миров». Прежде всего это были англичане, которые до тех пор «в торговле и промыслах весьма маловажны и ограничены были». Многому научили англичан голландцы, которые во время революции и войны с Испанией бежали в Англию. Именно они «научили кораблестроению британцев, покупавших тогда корабли в Гамбурге и Любеке». И вот английская экспедиция под руководством Джона Кэббота отправилась на северо-запад искать новый путь в Ост-Индию. В 1551 г. в Англии учреждается Общество открытия неизвестных земель. По

словам Зубкова, англичане оказались «способны к великим предприятиям и подвигам». Излагая морские экспедиции англичан очень точно, без пропусков и ошибок, автор сопровождает свое изложение колоритными объяснениями, сообщает интересные детали. Новостью в основательной подготовке англичан к проникновению в далекие страны была хорошо организованная разведка: «Они послали многих шпионов на португальских кораблях, также и сухим путем в Ост-Индию точно изведать образ торговли, места складки товаров, пристани, крепости и силы португальцев». Первые английские экспедиции не столько делали открытия, сколько грабили португальские суда.

Со времени морского путешествия Джона Дэвиса в 1600 г. англичане получили «обстоятельные известия о торговле в королевстве Аттине (Аче.— *Е. Г.*) на острове Суматре», и в этом году в Лондоне была основана Ост-Индская компания из 216 человек с первоначальным капиталом 369 891 ф. ст. Компания получила монополию на торговлю со странами Востока и другие привилегии на 15 лет. На английских судах — товары и солдаты, но миссионеров что-то не видно. Английские купцы практичны: где можно — грабят, где нельзя — торгуют и вечно воюют с португальцами и испанцами. Вначале, пишет Зубков, английская Ост-Индская компания не собиралась делать никаких завоеваний, но вскоре англичане пришли к убеждению, что нет другого способа, кроме войны, чтобы потеснить португальцев и голландцев. Со времени своего основания английская Ост-Индская компания посылает корабли на Восток, к берегам Азии. К 1619 г. англичане уже добились значительных успехов: они «исследовали все юго-восточные азийские берега и острова даже до Японии и завоевали на лучших из оных свои поселения, построили крепости, учредили различные места для складки товаров и конторы на островах Суматре, Яве, Макассаре, Банде, Амбоине и Пулероне. Здесь английские купцы пребогатейшую и пространную производили торговлю».

Опасения новых конфликтов с Испанией, а быть может даже и возобновления войны (с Испанией в 1609 г. было заключено только перемирие, а не мир), заставляло Нидерланды искать себе союзника. Но за помощь, даже проблематичную, надо было платить. И договор, заключенный Голландией с Англией в 1619 г., содержит

ряд серьезных уступок в Ост-Индии соперникам — английским купцам. Зубков излагает точно права англичан по этому договору, но ни слова не говорит о причинах, принесших такую удачу англичанам. Вообще, событиям международной жизни, как и событиям внутри европейских стран, которые много объясняют в колониальной политике держав, автор «Обозрения» не уделял должного внимания. Нельзя сказать, что он не понимал этой связи. Иногда он о ней говорит, но, с нашей точки зрения, недостаточно развернуто и глубоко. Так, он указывает, что «беспокойства и смятения» в Англии (так он называл революцию 1648 г.) на долгое время отвлекли английских предприимчивых купцов и мореплавателей от островов, лежащих под экватором. Только в 1690 г. они снова утверждаются на Суматре. Но за это время на архипелаге необычайно усилились голландцы.

Зубков видит только одну причину, побудившую голландцев к самостоятельным плаваниям на Восток,— препятствия, чинимые испанским правительством голландской торговле после отделения Нидерландов от Испании. Избегая новых конфликтов с испанцами в восточных морях, голландцы стремятся проникнуть на Восток вдоль северных берегов Европы и Азии. Зубков тщательно описывает эти попытки, особое внимание уделяя организации первого самостоятельного плавания голландцев к берегам Явы. При этом он сообщает ряд подробностей, забытых или опущенных последующими историками. Он рисует совершенно точную картину удач голландских купцов, которые стали вести «весьма прибыточную торговлю, основывали конторы и проникли даже до Молуккских островов».

Несогласованные действия торговых компаний, их беспорядочные плавания закончились вмешательством правительства Нидерландов: в 1602 г. была организована Ост-Индская компания голландских купцов. Обычно этим и ограничивали историки вмешательство голландского правительства в дела Ост-Индской компании. Но Зубков усмотрел более прочные связи частной торговой компании с правительством. И это делает честь его проницательности. Он пишет, что высшие должностные лица компании присягали Генеральным штатам в рассуждении оборонительных действий, а компании — в рассуждении торговых дел. Автор не упускает из виду, что заинтересованность правительства делами Ост-Индской

компании имела материальную основу. Именно правительство, выдавая хартию компании, получало большую и постоянную выгоду: сразу же оно взыскало с компании 2 тыс. гульденов, а затем оставляло за собой право взимать 3% пошлины от стоимости ввозимых в страну товаров. Так, «голландцы... начали на пространных и богатейших морях страшную и важную роль играть распространением своей торговли».

Столь же удивительную проницательность обнаруживает наш курянин и тогда, когда он пишет о взаимоотношениях голландских купцов и местных правителей. «Многие индийские владельцы, угнетенные игом португальцев, думали в голландцах найти себе защитников, заключили с ними договоры». Заметим, что просвещенные начала, которые двигали португальцев на великие открытия, в изложении автора обернулись «игом» для индонезийцев. В начале XVII в. португальцы, по мнению Зубкова, уже были лишены «духа геройства и отважности... Сребролюбие, корыстолюбие и тиранство заступили в них место прежних геройских чувствований».

Голландцы в описании Зубкова в период борьбы с португальцами проявляли благоразумие, ласково обходились с местным населением. Но это был только маневр. «Усилясь, голландцы переменили свое поведение и вместо того, что предполагали единственно дружелюбно производить торговлю, покорив различных владельцев Ост-индийских островов, утвердили там свое владычество и на развалинах города Якатры (Джакарты.— *Е. Г.*) в 1620 г. построили новый город под именем Батавии». Голландцы оказались не лучше своих предшественников: «Они такие же оказали бесчеловечия и варварства против слабых островитян, каковыми история неумолкно порицает испанцев и португальцев, и непозволенными средствами положили основание и обширнейшей своей и богатейшей торговле Ост-индийскими произведениями».

Рисуя картину проникновения европейских держав в страны Востока, Зубков не оставляет в стороне и попыток французского купечества. Французскому абсолютизму были чужды интересы буржуазии, оно не поддерживало стремлений представителей своего третьего сословия к отважным плаваниям на Восток, к соревнованию с английскими и голландскими купцами. Автор «Обозрения» пишет, что французы долго оставались

в стороне от колониальной торговли, что «французское правительство на выгоды Ост-индийской торговли никакого внимания не обращало». Он сообщает несколько фактов, подтверждающих это: лишь в 1535 г. французские купцы впервые снарядили экспедицию в Ост-Индию, но она не послужила началом последующих успехов. Только в 1616 г. несколько французских кораблей из Нормандии достигли Явы, основали здесь поселение, «и в первый раз непосредственно отсюда товары доставлялись во Францию». Но, не имея правительственной поддержки, эта инициатива нормандского купечества увяла. Во времена Кольбера, в 1665 г., была основана французская Ост-Индская компания, и тогда только французские купцы появляются в Азии, главным образом на берегах Индии.

Зубков не вникает в причины конечной неудачи французов в Индии, он склонен объяснить их полной неспособностью руководителей колониальной политики Франции на Востоке. Но скрытые причины, которые заставляли правительства европейских стран поддерживать великие географические открытия, автор видит прекрасно. Вот что он пишет: «Все сии европейские народы поощряемы были не тем намерением, чтоб обогатить познаниями Землеописание, не тем, которым руководствует дух просвещения и благородного любопытства, не тем, чтоб познать достоверно всю поверхность земного шара. Сия великая цель не касалась их сердцам. Искали они с неутомимой жадностью одних прибытков при открытии многих земель и островов, намерение их простиралось владычествовать оными».

И раньше в словах, вскользь брошенных Зубковым, чувствовалось его осуждение колониальной политики европейских держав: отношение португальцев к индонезийцам он характеризует как «иго»; он писал о том, что голландцы «непозволенными средствами» положили основание своей торговле на островах архипелага, и о том, что их торговля для населения островов играла «страшную роль». Но в только что приведенной большой цитате осуждение Зубковым ранней колониальной политики европейских государств обнаруживается с предельной ясностью. В то же время эти взгляды автора характеризуют его как просветителя.

Итак, в Юго-Восточной Азии европейские державы сделались соседями. Дух зависти и соперничества проч-

но воцарился между ними. Дальнейшие исследования и открытия в XVII в., предпринятые, конечно, с целью овладения новыми сокровищами, убедили европейцев, что нигде на островах Великого Океана нет ожидаемых драгоценностей,— и все реже и реже совершались путешествия с целью открытий.

Лишь со второй половины XVIII в. возобновились морские экспедиции, инициаторами которых стали англичане. По убеждению Зубкова, цель таких экспедиций была чисто научная. Естественно, он с большой теплотой отзывается о них. Перечисляя все морские путешествия второй половины XVIII в., автор «Обозрения» особо выделяет Джемса Кука, называет его «славным во всем свете», а его путешествия «неоцененными» (т. е. бесценными). Самыми новейшими временами для Зубкова являются 80-е годы XVIII в. Он с особой тщательностью перечисляет все путешествия, все открытия, сделанные в эти годы. Это были открытия островов Океании. Путешествие Томаса Фореста в 1774—1776 гг. по Малайскому архипелагу («около островов Молуккских, Новой Гвинеи, островов Магинданайских и Салугских») Зубков считает весьма полезным «для удовлетворения любопытства Землеописанием занимающихся».

Описанию вновь открытых европейцами территорий Зубков уделяет примерно треть своей книги. Как уже упоминалось, под «Полинисией» Зубков понимает острова, лежащие между Америкой и восточными берегами Африки. Но сообщенные им данные о площади островов, таких, как Ява, Борнео, Суматра, Целебес, Новая Гвинея, Новая Зеландия, не соответствуют истине.

Зубков не очень подробно описывает «Полинисию», но все же несколько слов он посвящает «нежнейшему климату островов», жителям которых «снег, град, иней вовсе неизвестны... Они их никогда не видали». Почва на островах имеет «превосходные качества». Всюду растут кокосовые и саговые пальмы, перец, «сарацинское пшено» (рис.— *Е. Г.*), сахарный тростник. Дальше идет перечисление растений с драгоценными свойствами для пищи, для приготовления красок и лекарств. Касаясь богатства недр, на первое место автор «Обозрения», конечно, ставит золото, которого добывается «великое множество», чего на самом деле не было. Любопытно, что, перечисляя богатства минерального царства, Зубков помещает каменный уголь впереди серебра.

Можно усомниться, что на Яве и Борнео обитали жаворонки или перепелки, или что местное население употребляло пчелиный воск как сало, но это, пожалуй, единственные ошибки в целом, весьма точном описании. Перечисляя диких животных, Зубков, естественно, уделяет больше внимания их особенностям: это — обезьяны, «из них отменнее прочих долгорукие оранг-утанги или сатиры, весьма похожие на человека», «род ласточек, вьющих особого рода гнезда», райские птицы, местными жителями «весьма уважаемые», «разные белые и черные муравьи в таком множестве, что можно их назвать мучителями островитян».

Описывая коренное население этих далеких от России островов, Зубков немногословен. Цель его труда была иная: дать описание проникновения европейцев в «Полинисию». Впрочем, он признается, что и сведений обо всем остальном у него мало. Но то, что он знал, убеждало его в необыкновенном этнографическом многообразии и в пестроте общественного строя. Он даже не попытался систематизировать имеющиеся сведения. «О образе правления, обычаях, одеянии, пищи, искусствах, рукоделиях по причине их многоразличности здесь не упоминается». Впрочем, автор «Обозрения» обещает читателю, что как только у него появится больше сведений, он издаст «подробное описание Полинисии».

Единственно, он попытался как-то классифицировать население «Полинисии». По его мнению, все острова Великого и Индийского океанов были заселены из Азии. Он различает «три породы» людей: первую — темно-желтого цвета, вторую — черную, низкого роста, похожих на негров, и третью — светло-желтую, наиболее распространенную.

Зубков неоднократно подчеркивает разнообразие во всем у народностей «Полинисии». Их языки различны. И только для западной «Полинисии», т. е. Малайского архипелага, Зубков называет малайский язык «языком всеобщего употребления». Разнообразны и религиозные верования: одни исповедуют ислам, другие верят в добрых и злых духов, но «есть острова, где ни малейших следов никакой веры не находится».

Вопросу проникновения европейцев на Восток посвящена большая литература. Начало ей положили рассказы первых мореплавателей. Очень скоро появились работы европейских исследователей, которые пытались уяс-

нить причины превращения крупных государств Азии в колонии европейских держав и зависимые государства. Автор «Обозрения», несомненно, был знаком с теми трудами, которые содержали описания первых путешествий европейцев на Восток, открытий новых земель, начала колониальной политики европейских держав.

Что читал и что мог читать автор «Обозрения» по интересующему его вопросу? Прежде всего, приходит мысль о Рейнале. Многотомный труд Г. Т. Ф. Рейналя «Философическая и политическая история о заведениях и коммерции европейцев в Обеих Индиях» был издан в Париже в 1750 г., на русский язык переведен в 1805 г. Но невозможно представить себе русского интеллигента конца XVIII — начала XIX в., который не знал бы французского языка. Прямой зависимости у Зубкова от Рейналя нет. Прежде всего, Рейналь не употребляет слова «Полинезия». Наблюдаются совпадения у обоих авторов в оценке отдельных исторических событий, но часты и расхождения. Взгляды Зубкова и Рейналя в оценке португальцев не совпадают. Рейналь ни в коей мере не склонен возвеличивать португальцев, он не замечает у них благородного рвения к научным открытиям. Рейналь ни слова не говорит о выгоде, которую государство Нидерланды имело от частной Ост-Индской компании, о чем Зубков как раз пишет очень подробно. Уже отмечалась проницательность нашего соотечественника, которую он проявил, описывая взаимоотношения голландских купцов и индонезийских правителей, чего совершенно лишен Рейналь. У Рейналя мы можем прочитать о том, что голландцы, «будучи не столь жестоки, как выгнанные ими завоеватели, оставили индийцам свободу управлять самим себя и не принуждали их переменять ни своих законов, ни обычаев, ни религии» [7, т. 2, 200]. Более того, размышления Рейналя могут привести его и к такому выводу: «Голландцы, кажется, появились в Индии более для того, чтоб отомстить тамошних жителей от притеснения, а не покорить их» [там же]. Подобные заключения Рейналя в какой-то мере могли способствовать оправданию колонизаторов.

Конечно, Зубков вовсе не обязан был в точности следовать за авторами прочитанных им книг. И то, что у него складывалось свое мнение об исторических деятелях и исторических событиях, только делает ему честь.

Безусловно, он читал не одного Рейналя. Нам

известны книги, которые Зубков выписывал в библиотеку курского училища. В «Краткой всеобщей истории» И. Фрейера только упоминалось об открытии Америки. С. Пуфендорф более подробен. Правда, и у него мы не находим сколько-нибудь полного описания колониальной политики европейских держав, но в целом Пуфендорф порицает колонизаторов: португальцы, по его мнению, творили «многие беззакония», «испанцы бесчеловечно поступали с бедными жителями»; сомневался он и в успехе миссионерства. «Обозрение» Зубкова не является простым изложением прочитанных книг, пересказом чужих мыслей. Сообщая факты, не знакомые до него русскому читателю, Зубков их комментирует, объясняет, оценивает, а это уже позволяет нам судить о самостоятельных воззрениях самого автора.

Конечно, С. О. Зубков принадлежал к редким, действительно просвещенным людям своего времени. Он преклоняется перед наукой, и, как мы могли убедиться, его восхищают только научные цели экспедиций. Колониальная политика европейских держав в XVII и XVIII вв. его отталкивает и возмущает, хотя он и признает неизбежность всепроникающих торговых связей. Его «Обозрение» преследовало практическую цель — вооружить знаниями о тех странах, о тех далеких землях, куда надлежит проникнуть и русским людям. В самом деле, рассуждает курский учитель, Курильские острова (а ими уже владела Россия) отстоят на 28° от Малайского архипелага; русские поселения уже были на островах Кадьяк и Афогнак близ Америки; уже отплыли русские корабли в первое кругосветное плавание. Перед взором далекого от «Полинисии» курянина открывалась картина ширящихся торговых связей России и островов Океании.

У российского юношества, для которого написано «Обозрение», автор хотел вызвать презрение к алчности, жестокости и всем порокам, свойственным эпохе географических открытий и первоначального накопления. Он никогда не называет коренное население «Полинисии» дикарями, более того, острова, близкие к Азии (очевидно, Яву и Суматру) он считает «богатейшими» и «просвещеннейшими». Жители далеких от Европы островов создали свой государственный строй («свое правление», как пишет Зубков), свою культуру. Общение остальных народов с народами просвещенными должно поднимать

их на высшую ступень — хозяйственную и культурную. Эта мысль Семена Осиповича Зубкова отчетливо звучит в заключительных словах его примечательной книги: «Все умножающиеся отношения просвещения и промышленности одного народа к другому полезно выгодам и нравственности всех народов земного шара вообще».

На формирование мировоззрения С. О. Зубкова в значительной, определяющей степени оказали влияние идеи великих просветителей эпохи. Идеология и судьба разночинной интеллигенции XVIII в. выяснена советским историком М. М. Штранге [10]. С. О. Зубков и по своему происхождению, и по своим взглядам принадлежал к этому общественному слою. Но мысли идеалиста XVIII в. (а таким был С. О. Зубков), будучи человечными и разумными, не могли быть осуществлены. Для этого недостаточно распространения образованности и ведения хозяйства посредством совершенных машин.

Свое намерение «подробно описать Полинисию» Семен Осипович Зубков не выполнил. Он умер в 1806 г., сорока лет от роду.

Источники и литература

1. Энгельс Ф., О разложении феодализма и возникновении национальных государств,— К. Маркс и Ф. Энгельс, Сочинения, изд. 2, т. 21.
2. ЦГИАЛ, ф. 730, оп. 2, д. 515. Комиссия об учреждении народных училищ.
3. ЦГИАЛ, ф. 730, оп. 2, д. 516. Комиссия об учреждении народных училищ.
4. Зубков С., Краткое историческое обозрение открытия островов португальцами, испанцами, англичанами, голландцами и французами, лежащих в пространнейшем океане, сопредельном Азии и Америке, составляющих пятую часть земного шара, которая от новейших географов называется Полинисиею, Австралией и Южной Индией, собранное титулярным советником Семеном Зубковым, Курск, 1804.
5. Лебедев А. С., Харьковский коллегиум как просветительный центр Слободской Украины до учреждения в Харькове университета, М., 1886.
6. Пуфендорф С., Введение в историю знатнейших европейских государств с примечаниями и политическими рассуждениями, СПб., 1777.
7. Рейналь Г. Т. Ф., Философическая и политическая история

о заведениях и коммерции европейцев в Обеих Индиях, т. 1—6, СПб., 1805—1811.
8. Тихменев П., Историческое обозрение образования Российско-американской компании и действий ее до настоящего времени, СПб., 1861.
9. Фрейер И., Краткая всеобщая история с продолжением оной до самых нынешних времен и присовокуплением к ней российской истории для употребления учащегося юношества, М., 1769.
10. Штранге М. М., Демократическая интеллигенция России в XVIII веке, М., 1965.
11. «Курские губернские ведомости», 1895, № 183.
12. Журн. «Растущий виноград», СПб.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Библиография основных трудов акад. А. А. Губера[1]

1925

Перевод: Брэфтон Г. М., Положение рабочих в индийской промышленности, пер. с англ., Л., 176 с.— Совместно с А. Штуссером.

1926

Рец.: «The directory of the trade unions, All India Trade union congress office», s. l., 1925,— «Новый Восток», М., № 13—14, с. 392.

Рец.: «Statement exhibiting the moral and material progress and condition of India», Calcutta, 1925,— «Новый Восток», М., № 13—14, с. 391—392.

---

[1] Как видно из заглавия, библиография включает основные труды А. А. Губера, опубликованные в СССР и за рубежом. В ней не отражены, в частности, некоторые небольшие по размеру статьи в БСЭ и МСЭ, а также участие А. А. Губера в составлении справочников, изданных Институтом Советской Энциклопедии: «Соединенные Штаты Америки», «Страны Тихого океана» и «Британская империя».

В библиографии отражено редактирование ряда монографий; в то же время А. А. Губер являлся редактором многих статей по истории Индонезии, Филиппин и латиноамериканских стран в БСЭ, МСЭ, Советской военной энциклопедии, Энциклопедическом словаре Гранат. Кроме того, А. А. Губер входил в редколлегию таких изданий, как «Всемирная история» в 10 томах (1955—1965), «Советская историческая энциклопедия», т. 1—12 (1961—1969)

1927

Хозяйственные циклы важнейших стран,— «Статистическое обозрение», М., № 2, с. 111—112.

Рец.: «Agricultural statistics of India», 1922—1923, vol. 1—2, s. l., 1925,— «Новый Восток», М., № 19, с. 232.

Рец.: Mayhew A., The education of India, London, 1926,— «Новый Восток», М., № 19, с. 231—232.

1928

Положение рабочего класса в Индонезии,— «Революционный Восток», М., № 4—5, с. 127—145.

Сельское хозяйство Индонезии,— «Мировое хозяйство и мировая политика», М., № 10, с. 68—77.

1929

Индия и Афганистан по справочникам и ежегодникам,— «Революционный Восток», М., № 7, с. 341—347.

Иностранный капитал в Индонезии,— «Мировое хозяйство и мировая политика», М., № 3, с. 76—84.

Об аграрных отношениях в Афганистане,— «На аграрном фронте», М., № 4, с. 140—148.— Совместно с М. Марковым.

1930

Инвестирование капиталов в Индокитае,— «Революционный Восток», М., № 8, с. 259—266.

Классовое расслоение крестьянства в Индонезии,— «Революционный Восток», М., № 9—10, с. 109—129.

О пограничных племенах Кушкинского района,— «Революционный Восток», М., № 8, с. 267—281.

Рец.: «Страны Востока. Экономический справочник», М., 1929. [Раздел] Афганистан,— «Революционный Восток», М., № 8, с. 325—327.

Рец.: Blumberger J. Th. P., De communistische beweging in Nederlandsch India, Haarlem, 1928,— «Революционный Восток», М., № 9—10, с. 344—346.

1932

Индонезия. Социально-экономические очерки, М.— Л., Соцэкгиз, 380 с. («Труды Научно-исследовательской ассоциации по изучению национальных и колониальных проблем», вып. 9).— Библиогр.: с. 376—379.

Индонезия, М., «Молодая Гвардия», 48 с. (Классы, партии и союзы молодежи мира).

Индонезия,— «Материалы по национально-колониальным проблемам», М., № 1, с. 76—84.

Кризис и национально-освободительное движение в Индоне-

зии,— «Материалы по национально-колониальным проблемам», М., № 4—5, с. 103—135.

Национально-освободительное движение в Индонезии,— «Революционный Восток», М., № 3—4, с. 251—270.

Отражение японской интервенции в Китае, на Филиппинах и в Индонезии,— «Материалы по национально-колониальным проблемам», М., № 3, с. 130—144.— Без подписи

1933

Аграрный вопрос в Индонезии,— «Аграрный вопрос на Востоке», М., с. 143—170.

Аграрный кризис в Индонезии,— «Материалы по национально-колониальным проблемам», М., № 1, с. 150—159.

Восстание в индонезийском колониальном флоте и революционное движение в Индонезии,— «Материалы по национально-колониальным проблемам», М., № 3, с. 30—57.

Наступление голландского империализма,— «Материалы по национально-колониальным проблемам», М., № 7, с. 116—132.

Национально-освободительное движение в Индонезии,— «Революционный Восток», М., № 1, с. 190—200 (Статья вторая).

Революционное движение в Индонезии на современном этапе,— «Революционный Восток», М., № 5, с. 32—46.

Углубление экономического кризиса в Индонезии и националистические организации,— «Материалы по национально-колониальным проблемам», М., № 6, с. 89—101.

Экономическое положение Индонезии в 1932/33 г.,— «Конъюнктура мирового хозяйства», М., № 4, с. 31—34.

Рец.: Loohuis J. G., De verhouding tusschen den tropischen landbouwgordel en de industrie centra der gematigde zone in hare beteekenis voor het huidig aspect van het koloniale vraagstuk in Zuid-Oost Azie, Hilversum, 1931, 420 blz.,—«Революционный Восток», М., № 2, с. 220—222.— Подпись: А. Г-р.

1934

Закабаление крестьянства в странах бассейна Южно-Китайского моря,— «Материалы по национально-колониальным проблемам», М., № 8, с. 128--162.

Мировой экономический кризис и некоторые результаты его в Индонезии,— «Революционный Восток», М., № 3, с. 86—99; № 4, с. 64—82.

Страны бассейна Южно-Китайского моря в освещении МСЭ,— «Революционный Восток», М., № 1, с. 201—203.

Рец.: De Kat Angelino, P., Batikrapport, Deel 1—3, Batavia, 1930—1931; Deel 1. West-Java, 1930; Deel 2. Midden-Java, 1931; Deel 3. Oost-Java, 1931.— «Иностранная книга», М., № 1, с. 237—239.— Подпись: Г-р А.

Рец.: De Kat Angelino P., Colonial policy, vol. 1—2, The Hague, s. a., vol. 1. General principles, vol. 2. The Dutch East Indies,— «Революционный Восток», М., № 5, с. 237—239.

Рец.: Scheltema A. M. P. A., Deelbouw in Nederlandsch — Indie. Department van landbouw, nijverheid en handel. Mededeeling

van de afdeeling landbouw, № 18, Haague, 1931,— «Революционный Восток», М., № 2, с. 175—178.

Рец.: Vlieland C. A., British Malaya. A report on the 1931 census and certain problems of vital statistics, s. l., 1931,— «Революционный Восток», М., № 3, с. 249—252.

1935

О двух путях развития капитализма в Индонезии,— «Колониальные проблемы», Сборник 3—4, М., с. 140—145.

Положение законтрактованных рабочих в Малайе и внешних владениях Индонезии,— «Революционный Восток», М., № 5, с. 154—157.— Подпись: Р-г. А.

Рец.: 1) Grist D. H., Nationality of ownership and nature of constitution of rubber estates in Malaya, Kuala — Lumpur, 1932; 2) «Malayan agricultural statistics, 1931», Kuala, Lumpur, 1932; 1932, Kuala, Lumpur, 1933; 3) «The Malayan agricultural journal», 1933, № 1—12; 1934, № 1—12.— «Революционный Восток», М., № 1, с. 213—216.

Рец.: Hilario Camino Moncado, America, the Philippines and the Orient, New York [1935],— «Революционный Восток», М., № 5, с. 152—154.

1936

Американский империализм и новая конституция «автономных» Филиппин (История борьбы за независимость),— «Материалы по национально-колониальным проблемам», М., № 36, с. 17—33.

Введение [к тексту конституции Филиппин],— «Конституции буржуазных стран», т. 4. «Британская империя, доминионы, Индия, Филиппины», М.— Л., с. 331—343.

Индонезия,— Малая Советская Энциклопедия, изд. 2, т. 3, стлб. 733—740.

К вопросу об истории филиппинской революции 1896—1898 гг.,— «Революционный Восток», М., № 5—6, с. 178—198.

Основные источники официальной информации по Филиппинам, Индонезии и Малайе,— «Революционный Восток», М., № 4, с. 126—130.

Филиппины. III. Исторический очерк. V. Профсоюзное движение,— Большая Советская Энциклопедия, М., т. 57, стлб. 368—375, 376—378.

1937

Индия, Нидерландская. Исторический очерк,— Большая Советская Энциклопедия, т. 28, М., стлб. 364—377.

К вопросу об истории филиппинской революции 1896—1898 гг.,— «Революционный Восток», М., № 1, с. 94—116. [Статья вторая].

Филиппины, М., Соцэкгиз, 148 с. (Капиталист. мир в очерках).

Хосе Рисаль, М., Журн.-газ. объединение, 227 с. (Жизнь замечательных людей).— Совместно с О. К. Рыковской.

Indonesie, Deel I, Amsterdam, «Pegasus», 166 blz.— Совместно с С. Рутгерсом. Перед заглавием: S. J. Rutgers en A. A. Huber.

1940

Индонезия, Индо-Китай, Филиппины,— «Новая история колониальных и зависимых стран», т. I, М., ч. 1, с. 61—67; ч. 2, с. 298—308; ч. 3, с. 678—695, с. 696—715, с. 716—730.

1941

К истории голландского проникновения в Индонезию (начало XVII в.),— «Ученые записки Моск. гор. пед. ин-та», т. III, Кафедры ист. фак-та, вып. 1, с. 200—226.

Индонезия, Индо-Китай, Филиппины,— «Нова історія колоніальних і залежних країн», т. I, Київ, ч. 1, с. 55—61; ч. 2, с. 272—280; ч. 3, с. 612—627, 628—645, 646—658.

1942

Германский империализм на Дальнем Востоке, [М.], Госполитиздат, 20 с.

Германский империализм на Дальнем Востоке,— «Исторический журнал», М., № 7, с. 63—74.

25 лет изучения истории стран Востока в СССР,— «Исторический журнал», М., № 10, с. 91—97.— Библиогр.: с. 97.

Изучение истории стран Востока в СССР за 25 лет,— «Двадцать пять лет исторической науки в СССР», М.— Л., с. 272—284 (АН СССР, Ин-т истории).

Индонезия и Индокитай, М., Госполитиздат, 80 с.

Рец.: Sykes P., A history of Afghanistan, vol. I—II, London, 1940,— «Исторический журнал», М., № 9, с. 80—82.

1945

Филиппины и война на Тихом океане. Стеногр. публ. лекции, М., 28 с. (Лекц. бюро при Ком-те по делам высш. школы при СНК СССР).

Что происходит в Индонезии и Индокитае? (Рост национально-освободительного движения),— «Новое время», М., № 11, с. 10—14.

1946

Индонезия (Голландская Индия). [Справка],— «Спутник агитатора», М., № 4, с. 45—47.

Национально-освободительное движение в Индонезии. Стеногр. публ. лекции, М., «Правда», 20 с. (Всесоюз. лекц. бюро при Ком-те по делам высшей школы при Совете Министров СССР).

Положение в Индонезии,— «Новое время», М., № 4, с. 6—10.

Филиппинская республика 1898 г. и ее борьба за международное признание,— «Вопросы истории», М., № 5—6, с. 46—61.

Французский Индокитай (Географические заметки),— «Новое время», М., № 14, с. 20—26.

Рец.: Мирошевский В. Освободительное движение в американских колониях Испании от их завоевания до войны за незави-

симость (1492—1820), М.— Л., 1946, 153 с.,— «Вопросы истории», М., № 8—9, с. 130—132.

Ред.: Дьяков А. М., Индия, М., Воениздат, 40 с. (АН СССР. Тихоокеанский ин-т. Полит. карта мира).

Ред.: Забозлаева О. И., Индокитай, Британская Малайя, Таи (Сиам), Французский Индокитай, Бирма, М., Воениздат, 48 с. (АН СССР, Тихоокеанский ин-т. В помощь преподавателю дивиз. школы парт. актива. Полит. карта мира).

1947

Война в Индонезии. Стеногр. публ. лекции, М., «Правда», 32 с. (Всесоюз. общ-во по распространению полит. и науч. знаний).

Империалисты — душители свободы и независимости народов (К событиям в Индонезии),— «Большевик», М., № 19, с. 50—61.

Кризис колониальной системы после второй мировой войны. Стеногр. публ. лекции, М., 23 с. (Всесоюз. лекц. бюро при Мин-ве высшего образования СССР).

Международные отношения на Дальнем Востоке (1894—1904),— «Ученые записки Тихоокеанского ин-та АН СССР», М., т. 1, с. 3—50.

Ред.: Александров Б. А., Океания, М., Воениздат, 35 с. (АН СССР. Тихоокеанский ин-т).

Ред.: Волков А., Страны Центральной Америки и Вестиндии, М., Воениздат, 47 с. (АН СССР. Тихоокеанский ин-т. Полит. география).

1948

Агинальдо, Эмилио,— «Дипломатический словарь», т. I, М., стлб. 19—20.

Адранский епископ,— «Дипломатический словарь», т. I, М., стлб. 25—26.

Англо-голландские соглашения об Индонезии,— «Дипломатический словарь», т. I, М., стлб. 87—91.

Англо-сиамские договоры,— «Дипломатический словарь», т. I, М., стлб. 120—122.

Аннамо-французские договоры,— «Дипломатический словарь», т. I, М., стлб. 163—164.

Биакнабатский договор,— «Дипломатический словарь», т. I, М., стлб. 243—244.

Кезон, Мануэль,— «Дипломатический словарь», т. I, М., стлб. 769—770.

Малайя (Географические заметки),— «Новое время», М., № 50, с. 19—25.

Филиппинская республика 1898 г. и американский империализм, [М.], Госполитиздат, 508 с. (АН СССР. Тихоокеанский ин-т).— Библиогр.: с. 492—499.

Рец.: Миллер А. Ф., Мустафа паша Байрактар. Оттоманская империя в начале XIX в., М.— Л., 1947,— «Известия АН СССР. Серия истории и философии», т. V, № 1, с. 123—124.

Ред.: Волков А. В., Латинская Америка, М., Воениздат, 144 с.

Ред.: Энциклопедический словарь Гранат, изд. 7, т. 54, М., «Красный пролетарий», 838 стлб.— Совместно с А. Г. Школьник.

1949

Вьетнамский народ в борьбе за свою независимость и демократию,— «Вопросы истории», М., № 10, с. 37—60.

Индонезийский народ в борьбе за независимость,— «Кризис колониальной системы», М.— Л., с. 137—178.

1950

Вьетнам во время и после второй мировой войны. Стеногр. лекции, М., 38 с. (Высш. парт. школа при ЦК ВКП(б). Курс всеобщей истории. Новейшая история).

О национально-освободительном движении колониальных и зависимых стран, Баку, 24 с. (В помощь лектору).— На азерб. яз.

Осменья, Серхио,— «Дипломатический словарь», т. II, М., стлб. 290—291.

Франко-вьетнамские соглашения 1946 года,— «Дипломатический словарь», т. II, М., стлб. 867—869.

Ред.: Волков А. В., Уругвай, М., Географгиз, 48 с.

Ред.: Волков А. В., Чили, М., Географгиз, 48 с.

Ред.: Подкопаев И. Я., Вьетнам, М., Географгиз, 48 с.

1951

Вьетнам. Исторический очерк,— Большая Советская Энциклопедия, изд. 2, т. 9, М., с. 550—556.

Международные отношения на Дальнем Востоке (1870—1904). Под общ. ред. Е. М. Жукова, М., Госполитиздат, 790 с. (АН СССР. Ин-т востоковедения).— Совместно с др.

Ред.: Александров Б. А., Океания, М., Географгиз, 47 с. (У карты мира).

Ред.: Еловацкий И. П., Малайя, М., Географгиз, 47 с. (У карты мира).

Ред.: Эренбург Г. Б., Очерки национально-освободительной борьбы китайского народа в новейшее время, М., Учпедгиз, 240 с.

1952

Индонезия, Филиппины, Вьетнам,— «Новая история стран зарубежного Востока», М., т. I. Индонезия, с. 181—201; с. 456—472; т. II, Филиппины, с. 173—197; Вьетнам, с. 198—219; Индонезия, с. 220—246.

1953

Индонезия. Исторический очерк,— Большая Советская Энциклопедия, изд. 2, т. 18, М., с. 116—122.— Совместно с И. Л. Халютой.

Распад колониальной системы империализма, Ташкент, 24 с. (Об-во по распространению полит. и науч. знаний).— На узбек. яз.

Ред.: Левинсон Г. И., Филиппины, М., Географгиз, 64 с. (У карты мира).

1954

Аграрные преобразования во Вьетнаме. Реферат доклада,— «Вестник АН СССР», М., № 3, с. 71—72.

Братская дружба народов Китая и СССР,— «Вестник АН СССР», М., № 11, с. 27—34.

В народной Албании,— «Наука и жизнь», М., № 5, с. 43—45.

Изучение Индии в Советском Союзе, М., Изд-во АН СССР, 30 с.— Текст на рус. и англ. яз.

Индонезия, Филиппины, Вьетнам,— «Нова історія країн зарубежного Сходу», Київ, т. I, Индонезия, с. 161—179; с. 409—423; т. II, Филиппины, с. 146—167; Вьетнам, с. 168—187; Индонезия, с. 188—210.

Кризис колониальной системы империализма и национально-освободительная борьба на современном этапе. Материал к лекции, М., 22 с. (Об-во по распространению полит. и науч. знаний).— То же, Кишинев, 26 с. (Об-во по распространению полит. и науч. знаний Молдавской ССР).

Предисловие к ст.: Свет Я. М., По следам малайских мореходов,— «Знание — сила», М., № 7, с. 11.

Предисловие: Труонг Шин, Августовская революция во Вьетнаме. Пер. с вьетнам., М., с. 3—16.

Филиппинская республика 1898 года,— «Доклады советской делегации на XXIII Международном конгрессе востоковедов. Секция Дальнего Востока», М., с. 5—37.— Текст на рус. и англ. яз.

Ред.: «Индия и Бирма. Очерки истории и экономики», М., Изд-во АН СССР, 272 с. («Ученые записки Ин-та востоковедения АН СССР», т. X.)·

Ред.: «История Монгольской Народной Республики», М., Изд-во АН СССР, 423 с.

Ред.: Труонг Шин, Августовская революция во Вьетнаме. Пер. с вьетнам., М., Изд-во иностр. лит-ры, 106 с.

1955

Вступительная статья,— «Современная Индонезия». Пер. с англ., М., с. 3—13.

Вступительное и заключительное слово [на научной сессии, посвященной 100-летию со дня смерти бурятского ученого-востоковеда Доржи Банзарова, 7 марта 1955 г.],— «К столетию со дня смерти Доржи Банзарова. Материалы научной сессии», Улан-Удэ, с. 7—8; 62.

Изучение Индии в Советском Союзе,— «Вестник АН СССР», М., № 7, с. 53—59.

At the 23 International congress of orientalists,— «VOKS», Moscow, № 2(31), p. 62—64.

The common road of peace,— «News», Moscow, № 12, p. 11—12.

Friends and foes of peaceful co-existence,— «News», Moscow, № 3, p. 13—14.

Ред.: «Краткие сообщения Института востоковедения», XIV, М., 96 с.

Ред.: «Современная Индонезия». Пер. с англ. М., Изд-во иностр. лит-ры, 159 с.

1956

Аграрные преобразования в Демократической Республике Вьетнам,— «Советское востоковедение», М., № 6, с. 29—41.— Совместно с А. Г. Мазаевым.

Глубоко и всесторонне изучать кризис и распад колониальной системы империализма,— «Советское востоковедение», М., № 3, с. 3—14.

Международные отношения на Дальнем Востоке (1840—1949), изд. 2, испр. и доп. Под общ. ред. Е. М. Жукова, М., Госполитиздат, 784 с. (АН СССР, Ин-т востоковедения).— Совместно с др.

Письмо в редакцию [о неправильном освещении истории индийского национально-освободительного движения и роли Ганди авторами «Новейшей истории стран зарубежного Востока»],— «Международная жизнь», М., № 3, с. 61—63.

Письмо в редакцию [о необходимости издания биографических словарей и справочников по международным, экономическим и политическим вопросам],— «Международная жизнь», М., № 12, с. 99—100.— Совместно с др.

Русская революция 1905—1907 годов и пробуждение Азии,— «Большевики во главе первой русской революции», М., с. 525—545.

Русская революция 1905—1907 годов и пробуждение Азии,— «Первая русская революция 1905—1907 гг. и международное революционное движение», ч. 2, М., с. 261—279.

India — a great power,— «News», Moscow, № 3, p. 5—6.

Ред.: Нарочницкий А. А., Колониальная политика капиталистических держав на Дальнем Востоке. 1860—1895, М., Изд-во АН СССР, 899 с.

1957

Аграрные преобразования в Демократической Республике Вьетнам,— «Аграрные преобразования в народно-демократических странах Азии», М., с. 107—141.— Совместно с А. Г. Мазаевым.

Введение,— «Великий Октябрь и народы Востока», М., с. 5—9.

Заметки о встречах с японскими историками и востоковедами,— «Советское востоковедение», М., № 6, с. 189—197.

Обострение кризиса колониальной системы,— «Международная жизнь», М., № 12, с. 23—31.

Послесловие от редакции [к ст. Минь Чань «Октябрьская революция и национально-освободительная борьба народов Индокитая»]. — «Великий Октябрь и народы Востока», М., с. 153—158.

Предисловие,— Шено Ж., Очерк истории вьетнамского народа. Пер. с франц., М., с. 5—12.

Разработка исторических проблем в Алигархском университете,— «Новая и новейшая история», М., № 1, с. 181—182.

Zur Frage der Besonderheiten bei der Formierung von Klassen im kolonialen Indonesien. Vortrag auf dem XXIV Internationalen Orientalistenkongress, Moskau, 10 S. (Akad. der Wissenschaften der U.d.S.S.R.).

Ред.: «Бирманский Союз. Сборник статей», М., Изд-во вост. лит-ры, 292 с.

Ред.: «Великий Октябрь и народы Востока. Сборник», М., Изд-во вост. лит-ры, 420 с.

Ред.: «История и экономика Индии», М., Изд-во АН СССР, 130 с. («Краткие сообщения Ин-та востоковедения АН СССР», вып. XXIII).

Ред.: «История и экономика Индии. Очерки истории и экономики», М., Изд-во АН СССР, 271 с. («Ученые записки Ин-та востоковедения АН СССР», т. X).

Ред.: Мхитарян С. А., Борьба вьетнамского народа за национальную независимость, демократию и мир (1945—1955 гг.), М., Изд-во АН СССР, 196 с.

1958

Вступительная статья,— Чан Зан Тиен, Рассказы о жизни и деятельности президента Хо Ши Мина. Пер. с вьетнам., М., с. 5—12.

К вопросу об особенностях формирования классов и партий в колониальной Индонезии,— «Вопросы новой и новейшей истории», М., с. 312—333 («Ученые записки кафедры новой истории Акад. обществ. наук при ЦК КПСС», вып. 33).

На совещании специалистов в области социальных наук в Калькутте,— «Информационный бюллетень ЮНЕСКО», Париж, № 19, с. 4—5.— Текст на рус., англ., франц., испан. яз.

Народы Индонезии,— «Всемирная история», т. IV, М., с. 650—658.

Предисловие,— Д. Дж. Е. Холл, История Юго-Восточной Азии. Пер. с англ., М., с. 5—13.

Рец.: Аварин В. Я., Распад колониальной системы, М., 1957,— «Мировая экономика и международные отношения», М., № 6, с. 134—136.

Рец.: Майский И. М., Испания, 1808—1917. Исторический очерк, М., 1957,— «Вопросы истории», М., № 7, с. 167—170.

Ред.: «Бирманский Союз. Сборник статей», М., Изд-во вост. лит-ры, 292 с.— Совместно с В. Я. Васильевой и А. Н. Узяновым.

Ред.: Левинсон Г. И., Филиппины между первой и второй мировыми войнами, М., Изд-во вост. лит-ры, 288 с.

Ред.: Чан Зан Тиен, Рассказы о жизни и деятельности президента Хо Ши Мина. Пер. с вьетнам., М., Изд-во иностр. лит-ры, 118 с.

1959

Основа индустриализации — использование внутренних ресурсов,— «Современный Восток», М., № 4, с. 25—26. [Отклики на статью П. Ч. Махаланобиса].

Особенности национально-освободительного движения в колониальных и зависимых странах,— «Международная жизнь», М., № 3, с. 93—99.

Поездка в США на заседание бюро Международного комитета историков,— «Новая и новейшая история», М., № 1, с. 212—214.

Ред.: Луцкая Н. С., Республика Риф, М., Изд-во вост. лит-ры, 210 с. (АН СССР, Ин-т востоковедения).

Ред.: Мазаев А. Г., Аграрная реформа в Демократической Республике Вьетнам, М., Изд-во вост. лит-ры, 146 с.

Ред.: Руднев В. С., Очерки новейшей истории Малайи. 1918—1957, М., Изд-во вост. лит-ры, 118 с.

Ред.: «Страны Юго-Восточной Азии. История и экономика». М., Изд-во вост. лит-ры, 167 с.

Ред.: Хейфец А. Н., Великий Октябрь и угнетенные народы Востока, М., Изд-во вост. лит-ры, 195 с.

1960

Адранский епископ,— «Дипломатический словарь», [изд. 2], т. I, М., с. 22—23.

Англо-голландские соглашения об Индонезии,— «Дипломатический словарь», [изд. 2]. т. I, М., т. 79—81.

Англо-сиамские (таиландские) договоры,— «Дипломатический словарь», [изд. 2], т. I, М., с. 99—100.

Биакнабатский договор,— «Дипломатический словарь», [изд. 2], т. I, М., с. 186.

Вьетнамо-французские соглашения 1946 года,— «Дипломатический словарь». [изд. 2], т. I, М., с. 330—331.

Значение борьбы стран Азии и Африки за свою экономическую независимость в свете идей ленинизма,— «Великое торжество идей ленинизма», М., с. 455—469.

К 150-летию войны за независимость Латинской Америки,— «Новая и новейшая история», М., № 4, с. 11—18.— Совместно с Н. М. Лавровым.

Колониальная политика западных держав в Юго-Восточной Азии в свете архивных источников (60-е годы XVIII в.— 60-е годы XIX в.), М., Изд-во вост. лит-ры, 15 с. (XXV Международный конгресс востоковедов. Доклады делегации СССР).— Совместно с др. (То же в кн.: «Труды Двадцать пятого Международного конгресса востоковедов, Москва, 9—16 авг. 1960 г.», т. 4, М., 1963, с. 301—311.— Текст на рус. и англ. яз.).

В. И. Ленин и некоторые вопросы исторического развития Индонезии.— «Ленин и Восток», М., с. 284—305.

На конгрессе историков в Стокгольме,— «Вестник АН СССР», М., № 11, с. 101—104.

Предисловие к гл. XX. Пробуждение Азии и раздел 5— гл. XX «Зарождение национально-освободительного движения в Индонезии»,— «Всемирная история», т. VII, М., с. 346—347; 374—380.

Рец.: «Новейшая история Индии», М., 1959,— «Вопросы истории», М., № 10, с. 123—129.

Ред.: «Всемирная история», т. VII, М., Соцэкгиз, 846 с. (АН СССР, Ин-т истории, Ин-т народов Азии, Ин-т Африки, Ин-т славяноведения).

Ред.: «Ленин и Восток. Сборник статей», М., Изд-во вост. лит-ры, 305 с.— Совместно с др.

Ред.: «Демократическая Республика Вьетнам. 1945—1960», М., Изд-во вост. лит-ры, 248 с.— Совместно с Нгуен-Кхань-Тоан.

Ред.: Хейфец А. Н., Ленин — великий друг народов Востока, М., Изд-во вост. лит-ры, 248 с.

1961

Агрессия США на Кубе (1898—1912). [Публикация документов],— «Исторический архив», М., № 3, с. 33—36.

Введение,— «Республика Индонезия. 1945—1960», М., с. 9—25.

Великий гуманист (К столетию со дня рождения Рабиндраната Тагора),— «Вестник АН СССР», М., № 6, с. 67—71.

Некоторые проблемы новой и новейшей истории на XI Международном конгрессе историков в Стокгольме,— «Новая и новейшая история», М., № 1, с. 15—24.

Новая история стран зарубежного Востока. Учебник для пед. ин-тов, М., Учпедгиз, 440 с.— Совместно с А. Н. Хейфецем.

Подъем национально-освободительного движения в Индонезии,— «Всемирная история», т. VIII, М., с. 444—448.

По поводу письма г-на Мишеля,— «Новая и новейшая история», М., № 4, с. 197.

Предисловие,— Хосе Рисаль, Избранное, Пер. с испан., тагальского и англ., М., с. 5—32. (АН СССР. Ин-т народов Азии).

Сэр Чарлз Уэбстер. [Памяти английского историка],— «Новая и новейшая история», М., № 6, с. 170.

Филиппинская республика 1898 года и американский империализм, изд. 2, испр. и доп., М., Изд-во вост. лит-ры, 380 с.—Библиогр.: с. 372—376.

Рец.: «Очерки новой и новейшей истории Мексики, 1810—1945», М., 1960,— «Новая и новейшая история», М., № 1, с. 143—145.— Совместно с В. Н. Кутейщиковой.

Ред.: Демин Л. М., Южнее экватора. Заметки о современной культуре островов Ява и Бали, М., Изд-во вост. лит-ры, 250 с (АН СССР. Путешествия по странам Востока).

Ред.: «Республика Индонезия. 1945—1960», М., Изд-во вост. лит-ры, 382 с. (АН СССР. Ин-т народов Азии).— Совместно с др.

1962

Важные решения Бюро и Ассамблеи Международного комитета исторических наук,— «Новая и новейшая история», М., № 4, с. 196.

На конгрессе в Гонолулу,— «Вестник АН СССР», М., № 3, с. 69—74.

Несколько слов о друге. [О голландском историке С. Рутгерсе],— «Исторический архив», М., № 1, с. 224—225.

Предисловие,— «Политика европейских держав в Юго-Восточной Азии (60-е годы XVIII—60-е годы XIX в.). Документы и материалы», М., с. 5—18.

Ред.: Гневушева Е. И., В стране трех тысяч островов (Русские ученые в Индонезии), М., Изд-во вост. лит-ры, 224 с.

Ред.: «Политика европейских держав в Юго-Восточной Азии (60-е годы XVIII—60-е годы XIX в.). Документы и материалы», М., Изд-во вост. лит-ры, 654 с. (АН СССР. Ин-т народов Азии; Глав. архив. управление при Совете Министров СССР).

Ред.: «Труды Двадцать пятого Международного конгресса востоковедов, Москва, 9—16 августа 1960 г.», т. I. Общая часть. Заседания секций 1—5, М., Изд-во вост. лит-ры, 566 с.— Совместно с др.

1963

Возрастающие возможности успешной борьбы освободившихся стран за развитие национальной экономики,— «Новые явления в экономике современного империализма», М., с. 76—89.

Предисловие,— «Борьба за единый рабочий и антиимпериалистический фронт в странах Латинской Америки», М., с. 3—15.

Тенденции развития национально-освободительной борьбы в Юго-Восточной Азии, М., Изд-во вост. лит-ры, 9 с. (XXVI Международный конгресс востоковедов. Доклады делегации СССР).— Текст на рус. и англ. яз.

Хосе Рисаль и его роман «Не прикасайся ко мне». [Вступительная статья],— Хосе Рисаль, Не прикасайся ко мне. Пер. с испан., М., с. 5—18.

Ред.: «Борьба за единый рабочий и антиимпериалистический фронт в странах Латинской Америки (Сборник статей)», М., Изд-во ВПШ и АОН, 308 с. (Акад. обществ. наук при ЦК КПСС. Кафедра истории междунар. коммунистич. и рабочего движения).

Ред.: «Вопросы международного рабочего и национально-освободительного движения на современном этапе. Сборник статей», М., Изд-во ВПШ и АОН, 292 с. (Акад. обществ. наук при ЦК КПСС. Кафедра истории междунар. коммунистич. и рабочего движения).— Совместно с В. В. Лезиным.

Ред.: «Хрестоматия по новой истории», т. I. 1640—1815, М., Соцэкгиз, 767 с.— Совместно с А. В. Ефимовым.

1964

Внешняя политика Индонезии и антиколониальное движение,— «Международные отношения. Политика. Дипломатия. XVI—XX вв. Сборник статей к 80-летию акад. И. М. Майского», М., с. 50—61.

Индонезия. Исторический очерк. Хронология,— «Советская историческая энциклопедия», т. V, М., стлб. 918—947, 949—955.— Совместно с др.

К предстоящему XII Международному конгрессу исторических наук,— «Вопросы истории», М., № 5, с. 173—174.

Конгресс востоковедов в Дели,— «Вестник АН СССР», М., № 5, с. 116—121.

Привет тебе, Индонезия! (К 19-й годовщине независимости Республики Индонезии),— «Новое время», М., № 34, с. 10—11.

Ред.: «Международные отношения. Политика. Дипломатия. XVI—XX вв. Сборник статей к 80-летию акад. И. М. Майского», М., «Наука», 560 с.— Совместно с др.

Ред.: Слезкин Л. Ю., Россия и война за независимость в Испанской Америке, М., «Наука», 383 с.

1965

Политические и экономические изменения в странах Азии и Африки в XX в. [Доклад, представленный XII Международному

конгрессу историков в Вене (август — сентябрь 1965 г.)],— «Народы Азии и Африки», М., № 6, с. 3—27.— Совместно с А. Ф. Миллером. (То же на франц. яз. в кн.: «Congrès International des sciences historiques. XII. Rapports», Wien, p. 133—161.)

Предисловие,— «Борьба народов против колониализма», М., с. 3—15.

Предисловие,— «Политика капиталистических держав и национально-освободительное движение в Юго-Восточной Азии (1871—1917). Документы и материалы», ч. I, М., с. 5—15.

Ред.: Левтонова Ю. О., Очерки новой истории Филиппин (60-е годы XVIII — 60-е годы XIX в.), М., «Наука», 224 с.

Ред.: «Политика капиталистических держав и национально-освободительное движение в Юго-Восточной Азии (1871—1917). Документы и материалы», ч. I. (Индонезия, Малайя, Филиппины). М., «Наука», 610 с. (АН СССР, Ин-т народов Азии, Глав. архивное Управл. при Совете Министров СССР).

Ред.: «Хрестоматия по новой истории», т. II. 1815—1870. М., Соцэкгиз, 783 с.— Совместно с А. В. Ефимовым.

1966

Встреча историков СССР и Франции, — «Вестник АН СССР», М., № 11, с. 68—69.

XII Международный конгресс исторических наук (Вена, 29 августа — 5 сентября 1965 г.),— «Вопросы истории», М., № 3, с. 3—14.

Возникновение и развитие феодальных отношений в странах Восточной, Юго-Восточной и Южной Азии,— «Краткая всемирная история», кн. 1, ч. 2, М., с. 150—165.— Совместно с Д. В. Деопиком.

Переход к феодализму в странах Передней и Средней Азии,— «Краткая всемирная история», кн. 1, ч. 2, М., с. 180—191.— Совместно с Д. В. Деопиком.

Государства Южной и Восточной Азии в XVI—XVII вв.,— «Краткая всемирная история», кн. 1, ч. 2, М., с. 264—276.— Совместно с Д. В. Деопиком.

Народы Азии в XVII—XVIII вв.,— «Краткая всемирная история», кн. 1, ч. 3, М., с. 320—343.— Совместно с Д. В. Деопиком.

Народные революционные движения в странах Азии,— «Краткая всемирная история», кн. 1, ч. 3, М., с. 428—457.— Совместно с Л. Н. Кутаковым.

Перемещение центра мирового революционного движения в Россию и пробуждение Азии,— «Краткая всемирная история», кн. 1, ч. 3, М., с. 526—554.— Совместно с А. Н. Кутаковым, Н. М. Лавровым, А. М. Фадеевым.

Национально-освободительное движение народов Азии, Африки и Латинской Америки в период между двумя мировыми войнами,— «Краткая всемирная история», кн. 2, М., с. 153—241.— Совместно с др.

Подъем антиимпериалистической борьбы в Азии, Африке и Латинской Америке. Распад колониальной системы империализма,— «Краткая всемирная история», кн. 2, М., с. 394—458.— Совместно с др.

Подъем национально-освободительного движения в колониальных и зависимых странах,— «История Второго Интернационала», т. 2, М., с. 179—197.

Предисловие,— «Национально-освободительная борьба народов на современном этапе», М., с. 3—14.

Семен Маркович Диманштейн. [Советский востоковед. К 80-летию со дня рождения],— «Народы Азии и Африки», М., № 1, с. 261—262.— Совместно с А. А. Бутковой и А. М. Дьяковым.

Ред.: «Национально-освободительная борьба народов на современном этапе», М., «Мысль», 432 с. (Акад. обществ. наук при ЦК КПСС. Кафедра истории междунар. коммунистич. и рабочего движения).— Совместно с Ю. Н. Чубаровым.

Ред.: «Народы Юго-Восточной Азии», М., «Наука», 762 с. (АН СССР, Ин-т этнографии им. Н. Н. Миклухо-Маклая).— Совместно с др.

1967

Предисловие,— «Политика капиталистических держав и национально-освободительное движение в Юго-Восточной Азии (1871—1917). Документы и материалы», ч. II, М., с. 5—15.

Ред.: «История Монгольской Народной Республики», изд. 2, перераб. и доп., М., «Наука», 537 с.— Совместно с др.

Ред.: «Политика капиталистических держав и национально-освободительное движение в Юго-Восточной Азии (1871—1917). Документы и материалы», ч. II, М., «Наука», 791 с.

Ред.: Попова Е. И., Политика США на Дальнем Востоке (1918—1922), М., «Наука», 340 с.

1968

Ред.: «VII Международный конгресс антропологических и этнографических наук, Москва, 3—10 августа 1964 г.», т. 3, М., «Наука», 622 с.— Совместно с др.

Ред.: Чешков М. А., Особенности формирования вьетнамской буржуазии, М., «Наука», 184 с.

1969

[Выступление по докладу Б. Ф. Поршнева, «Мыслима ли история одной страны?»],— «Историческая наука и некоторые проблемы современности», М., с. 320—322.

Советско-венгерская комиссия историков,— «Вестник АН СССР», М., № 5, с. 101—103.

[I saluti e conclusione] — «Atti del III Convegno degli storici italiani e sovietici, Mosca, apr. 1968», Roma, p. 3—4, 6, 285—286.

Рец.: Бондаревский Г. Л., Английская политика и международные отношения в бассейне Персидского залива (Конец XIX — начало XX в.), М., 1968,— «Народы Азии и Африки», М., № 1, с. 197—200.— Совместно с Н. С. Луцкой.

Ред.: Зубок Л. И., Экспансионистская политика США в начале XX века, М., «Наука», 467 с.

Ред.: «Историография стран Востока. Проблемы социально-экономической истории феодализма в странах Востока (Историографические очерки)», М., Изд-во Моск. ун-та, 376 с.— Совместно с др.

Ред.: Руднев В. С., Малайзия. Политическое развитие (1963—1968), М., «Наука», 228 с.

Ред.: «VII Международный конгресс антропологических и этнографических наук, Москва, 3—10 августа 1964 г.», т. 6, М., «Наука», 472 с.— Совместно с др.

1970

Вступительное и заключительное слово,— «Документы советско-итальянской конференции историков. 8—10 апреля 1968 г.», М., с. 155—156; 364—366.

История подтверждает (Рассказ о книге «Ленин и национально-освободительное движение в странах Востока», М., «Наука», 503 с.),— «Книжное обозрение», М., № 31, с. 3.

Московский конгресс историков (Москва, 16—23 августа 1970 г.),— «Вопросы истории», М., № 3, с. 3—11.

О XIII Международном конгрессе историков (Москва, 16—23 августа 1970 г.),— «Новое время», М., № 35, с. 15.

Основные особенности национально-освободительного движения в Индонезии до второй мировой войны (вместо введения),— «Национально-освободительное движение в Индонезии (1942—1965)», М., с. 5—34.

Предисловие,— «Австралия и Океания (История и современность)», М., с. 3—6.

Проблемы национально-освободительной борьбы в Латинской Америке (1810—1826 гг.) в трудах советских историков,— «Новая и новейшая история», М., № 1, с. 32—38.

Проблемы новой и новейшей истории в программе XIII Международного конгресса исторических наук,— «Новая и новейшая история». М., № 3, с. 3—7.

Ред.: «Австралия и Океания (История и современность)», М., «Наука», 280 с. (АН СССР. Ин-т востоковедения, Ин-т этнографии им. Н. Н. Миклухо-Маклая. Сов. нац. ком. Тихоокеанской науч. ассоц.).— Совместно с К. В. Малаховским.

Ред.: «Век просвещения», Москва — Париж, «Наука», 332 с.— Совместно с др.— Текст на рус. и франц. яз.

Ред.: «История Вьетнама в новейшее время (1917—1965)», М., «Наука», 475 с. (АН СССР. Ин-т востоковедения).— Совместно с др.

Ред.: «Национально-освободительное движение в Индонезии (1942—1965)», М., «Наука», 296 с.

Ред.: «Работы советских историков за 1965—1969 гг.», М., «Наука», 272 с. («XIII Международный конгресс исторических наук, г. Москва, 1970 г.»).

Ред.: «VII Международный конгресс антропологических и этнографических наук (Москва, 3—10 августа 1964 г.)», т. 5, М., «Наука». 830 с.— Совместно с др.

Ред.: «VII Международный конгресс антропологических и этнографических наук (Москва, 3—10 августа 1964 г.)», т. 10, М., «Наука», 564 с.— Совместно с др.

Ред.: «Франко-русские экономические связи», Москва — Париж, «Наука», 434 с. (АН СССР. Ин-т всеобщей истории, Высш. школа науч. исследований, Сорбонна, VI секция).— Совместно с др.— Текст на рус. и франц. яз.

1971

Адранский епископ,— «Дипломатический словарь», [изд. 3], т. I, М., с. 25.

Англо-голландские соглашения об Индонезии,— «Дипломатический словарь», [изд. 3], т. I, М., с. 97—99.

Англо-сиамские (таиландские) договоры,— «Дипломатический словарь», [изд. 3], т. I, М., с. 117—119.

Биакнабатский договор,— «Дипломатический словарь», [изд. 3], т. I, М., с. 207—208.

Вьетнам в конце XIX — начале XX в., — «История стран Азии и Африки в новое время», М., с. 413—423.

Вьетнамо-французские соглашения 1846 года,— «Дипломатический словарь», [изд. 3], т. I, М., с. 355—357.

Индонезия в борьбе против иностранных захватчиков, — «История стран Азии и Африки в новое время», М., с. 129—145.

Индонезия под властью голландских колонизаторов, — «История стран Азии и Африки в новое время», М., с. 424—437.

XIII Международный конгресс исторических наук в Москве. (Некоторые итоги и перспективы),— «Вопросы истории», М., № 6, с. 3—16.

Филиппины в XIX — начале XX в., — «История стран Азии и Африки в новое время», М., с. 438—451.

Ред.: «История стран Азии и Африки в новое время». [Учебник], М., Изд-во Моск. гос. ун-та, 1971, 621 с. — Совместно с Ф. М. Ацамба и Л. В. Симоновской.

Ред.: «Новые тенденции в развитии Австралии и Океании»,— М., «Наука», 182 с.— Совместно с К. В. Малаховским.

СОДЕРЖАНИЕ

КОЛОНИАЛИЗМ И НАЦИОНАЛЬНО-ОСВОБОДИТЕЛЬНОЕ ДВИЖЕНИЕ В СТРАНАХ ЮГО-ВОСТОЧНОЙ АЗИИ

Сборник статей памяти акад. А. А. Губера

Утверждено к печати
Институтом востоковедения
Академии наук СССР

*

Редактор О. М. Гармсен

Младший редактор И. В. Бушуева

Художник А. Г. Кобрин

Художественный редактор И. Р. Бескин

Технический редактор М. М. Фридкина

Корректоры К. Н. Драгунова
и Р. Ш. Чемерис

*

Сдано в набор 27/XII 1971 г.
Подписано к печати 10/III 1972 г.
А-05605. Формат 84 × 108[1]/32. Бумага № 2
Печ. л. 9,75 + 0,06 п. л. вкл.
Усл. печ. л. 16,48. Уч.-изд. л. 17,56
Тираж 2200 экз. Изд. № 2931
Зак. № 1336. Цена 1 р. 80 к.

*

Главная редакция восточной литературы
издательства «Наука»
Москва, Центр, Армянский пер., 2

3-я типография издательства «Наука»
Москва К-45, Б. Кисельный пер., 4

ОПЕЧАТКИ

Стр.	Строка	Напечатано	Следует читать
138	9 сн.	Кассана	Кассини
151	21 св.	Так Тун	Тан Тун
166	12 сн.	Аграрные проблемы независимой Бирмы	Аграрные отношения в современной Бирме
308	4 св.	№ 1	№ 4

Зак. 448

1 р. 80 к.

КОЛОНИАЛИЗМ И ОСВОБОДИТЕЛЬНОЕ ДВИЖЕНИЕ В СТРАНАХ ЮГО-ВОСТОЧНОЙ АЗИИ